

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВГОРОДА И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И НАУЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

XX

Великий Новгород
2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»
ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ»
НОВГОРОДСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АРХИВНЫЙ КОМИТЕТ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВГОРОДА И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И НАУЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

*Материалы Двадцатой научной конференции
историков-архивистов
24 декабря 2020 г.*

Великий Новгород
2024

УДК 930.2(470.24)
ББК 63.211(2Рос-4Нов)
Д63

Печатается по решению
РИС НовГУ

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Д. Б. Терешкина**
(Новгородский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Великий Новгород)

кандидат исторических наук, доцент **К. В. Жуков**
(Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород)

Редакционная коллегия:

Е. В. Торопова, О. В. Матвеев, М. Н. Пантелейчук, С. Н. Ильина,
Н. С. Федорук, О. В. Снытко, Э. А. Кукштель, Я. А. Васильев,
Н. В. Салоников, В. В. Рукавичникова, С. А. Коварская

Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли.
Д63 Проблемы сохранения и научного использования: материалы
XX ежегодной научной конференции. Великий Новгород, 24 декабря
2020 г. / отв. ред. Я. А. Васильев; НовГУ им. Ярослава Мудрого;
Новгородское региональное отделение Общероссийской
общественной организации «Российское общество историков-
архивистов». – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого,
2024. – 282 с., ил.

В сборник включены материалы XX научной конференции историков-
архивистов, посвященные проблемам изучения и использования
документального наследия Великого Новгорода и Новгородской земли, а
так же список публикаций в сборниках конференций за 2010–2020 гг.

Для историков, архивистов, краеведов, библиотекарей,
преподавателей, аспирантов, студентов и всех, интересующихся историей
Великого Новгорода и Новгородской земли.

ББК 63.211(2Рос-4Нов)

© Новгородский государственный
университет им. Ярослава
Мудрого, 2024

© Новгородское региональное
отделение Общероссийской
общественной организации
«Российское общество
историков-архивистов», 2024

© Авторы статей, 2024

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В декабре 2020 г. на базе Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого состоялась XX ежегодная научная конференция историков-архивистов «Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования». Организаторами конференции являлись: кафедра истории России и археологии Гуманитарного института НовГУ, Новгородское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов», Государственный архив Новгородской области. Прошедшие 20 лет и 20 проведенных конференций позволяют подвести некоторые итоги.

Впервые данная конференция историков-архивистов под названием «Вопросы истории Новгородчины XIX–XX вв.» была проведена в мае 2001 г. на базе исторического факультета НовГУ. Инициаторами организации конференции являлись заведующий кафедрой архивоведения НовГУ, д. и. н., профессор М. М. Шумилов и преподаватели кафедры. Идея проведения научной конференции была поддержана Архивным управлением Новгородской области и Новгородским региональным отделением Общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов». Начиная со второй конференции, проведенной в мае 2002 г., она становится ежегодной и получает свое постоянное название «Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования».

В течение 20 лет организаторы конференции успешно реализовывали её основные задачи: объединение усилий исследователей для изучения многогранной истории и всех видов документального наследия Новгорода и Новгородской земли; введение в научный оборот и популяризация комплексов архивных документов по истории Новгородчины из фондов региональных и федеральных архивов; определение, обсуждение, анализ актуальных проблем, стоящих перед современными архивами и архивной отраслью.

Ежегодно на конференции выступали с научными докладами от 30 до 50 участников. Среди них – историки-исследователи, сотрудники академических учреждений, преподаватели вузов, сотрудники государственных, муниципальных, ведомственных архивов Новгородской области, архивисты из других регионов страны, сотрудники музеев, библиотек, учителя, краеведы, аспиранты, студенты, школьники из Великого Новгорода, Новгородской

области, Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Ярославля и других городов и регионов России. Разумеется, уровень исследовательских навыков и умений у участников конференции не был одинаков, однако всех их объединяло уважение к историческому факту, стремление к объективному, основанному на документальных источниках, исследованию страниц прошлого – от истории отдельной церкви, деревни или колхоза до истории масштабных исторических событий и процессов, затронувших Новгородскую землю. Некоторые из участников первых конференций, бывшие тогда студентами или аспирантами, продолжают участвовать в конференциях и в настоящее время уже как состоявшиеся профессионалы, историки, архивисты, исследователи, кандидаты и доктора наук. С трудом можно очертить обширный круг научных вопросов и практических проблем, поднимавшихся в докладах участников конференции за 20 лет: история реформ и государственных учреждений; история событий и человеческие судьбы; аспекты политической, военной, экономической, социальной истории Новгородской земли; история культуры, образования, духовности; история повседневности; проблемы архивоведения, источниковедения, историографии, археографии; вопросы обеспечения сохранности архивных документов и организации их использования, комплектования архивов, совершенствования научно-справочного аппарата к документам; изучение состава и содержания архивных фондов и пр.

Важно и то, что, начиная с первой конференции, было принято решение о ежегодной подготовке и публикации сборника статей и материалов. Реализация этого решения не всегда давалась легко. Но, благодаря поддержке органов управления архивным делом Новгородской области, Государственного архива новейшей истории Новгородской области и Государственного архива Новгородской области, Новгородского государственного университета, членов НРО ООО РОИА нам удавалось издавать тираж такого сборника по итогам каждой из проведенных конференций. В сборниках публиковались исследовательские статьи, материалы о практическом опыте работы архивов, тематические и фондовые обзоры, тематические подборки архивных документов, письма, воспоминания. Оглядываясь назад, понимаешь, какая объемная работа была проделана редколлегией сборника. С первого по девятнадцатый выпуск (2001–2020 годы издания) в сборниках было опубликовано 538 статей и материалов, общий объем публикаций составил 3464 страницы. По сути, изданные сборники материалов конференции в совокупности сегодня можно рассматривать как своеобразную энциклопедию, предоставляющую пользователям информацию о разноплановых событиях,

явлениях и процессах из истории Новгорода и Новгородской земли от Средних веков до начала XXI века, а также об источниках этих исторических сведений. Данные сборники в настоящее время доступны для всех интересующихся новгородской историей в фондах основных библиотек Великого Новгорода и Новгородской области, сборники материалов III–XIX конференций представлены в фондах Государственной публичной исторической библиотеки России, отдельные выпуски сборников хранятся в Российской государственной библиотеке и Российской национальной библиотеке. На сайте Научной электронной библиотеки eLibrary.ru доступны в электронной форме статьи из сборников материалов IV, V, VI, X, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX конференций. Сейчас ведется подготовка к изданию сборников по итогам работы XXI – XXII конференций.

В рамках каждой конференции проводились презентации опубликованных научных монографий по истории Новгорода и Новгородской земли, работ новгородских краеведов, сборников архивных документов, очередных выпусков Новгородского архивного вестника. Конференции неоднократно сопровождались выставками специальной литературы из фондов Научной библиотеки НовГУ.

В сборнике материалов X конференции (Великий Новгород, 2011) опубликован перечень статей и публикаций, изданных по результатам работы I–IX конференций. Перечень статей и материалов по результатам работы X–XX конференций публикуется в данном сборнике.

Оргкомитет ежегодной научной конференции историков-архивистов «Документальное наследие Новгорода и новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования» и редколлегия сборников материалов конференции выражают глубокую благодарность тем, кто принимал участие в подготовке и проведении данных конференций, издании сборников, оказывал поддержку и помощь в этом нужном и востребованном деле. Приглашаем к дальнейшему сотрудничеству и участию в конференции всех изучающих историю Новгорода и Новгородской земли, историю их многовекового документального наследия.

Н. С. Федорук

УДК 94(470+571)

Д. М. Ивлёв

МАТВЕЙ И ВАСИЛИЙ ГАГАРИНЫ, АДРИАН ГАУТЕР И ИХ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ВЫШНЕВОЛОЦКОЙ СИСТЕМЫ СУДОХОДСТВА В 1702–1708 гг.

В современной исторической литературе распространено мнение о том, что руководить группой мастеров, отправленных на Вышний Волочёк, должен был плотник Адриан Диркс Гаутер. Он подчинялся непосредственно стольникам князьям Василию и Матвею Гагариным, которым Пётр поручил общий надзор за работами и на Вышнем Волочке и на Ивановском канале, куда отправили других пять голландских мастеров.

В «Судоходном дорожнике» есть такие строки: «Главный надзор за устройством канала поручен Стольникам братьям князьям Василию и Матвею Гагариным; а для технического руководства при работах присланы были десять шлюзных мастеров, нарочно выписанных для этого из Голландии» (*Судоходный дорожник*, 1855. С. 26). Составители официального журнала министерства путей сообщения совершенно точно указывают и руководителей и исполнителей работ, но не называют того, кто проектировал.

Работы по исследованию местности и проектировке новой «перекопи» в Вышнем Волочке прошли с участием пяти голландских специалистов в конце 1702 г. Тогда же общий надзор за работами уже осуществлял князь Матвей Петрович Гагарин, но быть в двух местах одновременно с расстоянием 560 вёрст Гагарин физически не мог. Поэтому работы он поделил на два этапа. Первым этапом были начаты работы на Ивановском канале, вторым этапом должны быть организованы работы в Вышнем Волочке.

Практически все современные источники, со ссылкой на дореволюционные издания, такие как «Судоходный дорожник», указывают отправной точкой в истории Вышневолоцкой водной системы 1703 г. и некий указ «о начале перекопных работ». Содержание указа обычно не раскрывается, а пишется следующее: «в 1703 году Генваря 12 дня Пётр Великий повелел строить в Вышнем Волочке канала, ныне известный под именем Тверецкого» (*Судоходный дорожник...* С. 26). Не подвергает это сомнению известный исследователь истории Вышневолоцкой водной системы М. Я. Либерман:

«Формально указ о начале перекопной работы у Вышнего Волочка Пётр подписал 12 января 1703 года» (*Виргинский, Либерман, 1979. С. 15*). Нет сомнений и у Л. С. Быкова: «В октябре 1702 года русские войска овладели шведской крепостью Нотебург. Эта победа вселила ещё большую уверенность в Петра и 12 января 1703 г. он издал Указ «о перекопной работе» в Вышнем Волочке» (*Быков, 1994. С. 29*). Не подвергают эту дату сомнению и современные исследователи (*Широкова, 2011. С. 58*).

На основании рассмотренных выше документов 1702 г. можно утверждать, что всё же фактическое начало работам на Вышнем Волочке было положено Петром на год раньше. Об этом свидетельствует и факт назначения князя М. П. Гагарина «крепко смотреть» за постройкой и Вышневолоцкого и Ивановского каналов, а также августовские указы Петра «из города Архангельского» о проезде голландских мастеров в Вышний Волочёк и об исследовании ими местности и создании «чертежа».

Одним из немногих исследователей, раскрывающих содержание царского указа 1703 г., является М. А. Миловидов. Он пишет о Гагарине: «Главным директором работ был поставлен московский генерал-губернатор, известный своим миллионным состоянием и печальной судьбой, князь Матвей Петрович Гагарин. Он же заведовал и перекопными работами на Вышнем Волочке. Так как последний отстоял от Иван-озера в 560 верст, то для удобства надзора за работами в 1703 г. Гагарину дан был в помощники его брат князь Василий, заведывавший преимущественно работами вышневолоцкими» (*Миловидов, 1891. С. 11*).

Сам Указ Петра Великого 12 января 1703 г. обнаружить в архивах не удалось. Но его содержание практически полностью переписывает в одной из своих «отписок» в посольский приказ сам князь Матвей Петрович Гагарин.

«Да в прошлом 1703 году генваря в 12 день по его великого государя Указу у того ж новозачатого в Новгородском уезде на Вышнем Волочке дела с ним князь Матвеем Гагариным велено быть сроднику ево столнику ж князь Василью Гагарину, а строить то слюзное дело иноземцом слюзным мастером Адриану дирх Гаутеру с товарищи десяти человеком, которые присланы к Москве по призыву околничего Андрея Артемоновича Матвеева из Галанской земли в прошлом 1702 году, и над ними в том слюзном деле смотреть и во всем ведать и управлять ими то дело в совершенстве им князь Матвею, и князь Василью, как о том ево великого государя указ повелевати им будет, и быть при тех иноземцах у того слюзного дела для толмачества другому толмачу иноземцу Михайлу Руистину впредь до указа его великого государя, жалованья

дано тем иноземцом слюзным мастеровым десяти человеком, по учиненному с ними договорному амстердамскому писму» (1704 генваря..., 1704. Л. 1–1об.), – таково содержание Указа Петра Великого от 12 января 1703 г.

«Слюзное дело» при Новгородской дороге значится уже новозачатым и продолжить его делать надобно «десяти человекам» голландцам во главе с Адрианом Гоутером. В отличие от распространенного мнения, что работы производил Адриан Гоутер Диркс с пятью мастерами, здесь значатся все десять мастеров. Кроме того голландские мастера должны заниматься «перекопной работой», а не руководить ею. Руководство сосредотачивалось в руках князя Матвея Гагарина и его брата Василия Гагарина, которые или оба сразу или по отдельности, должны находиться при Вышнем Волочке.

12 января 1703 г. вместе с именованным Указом Матвей и Василий Гагарины получили 1000 рублей денег на расходы по организации работ, содержание пеших и конных работников и плотников (1704 генваря.... Л. 4). В начале 1703 г. Матвей Гагарин приехал в Вышний Волочёк от Ивановских работ. Кроме надзора за работами в Вышнем Волочке, Гагарин занимался «отправкой хлеба на устье Волхова на плортах и стругах» из Новгорода (Корсакова, 1914. С. 76). В описи 1719 г., составленной при передаче в содержание вышневолоцких каналов и шлюзов М. И. Сердюкову, указывались «хоромы князя Гагарина» – «ниже того моста поперег во Цну в обрубке, где бывает ход судом через Вышней Волочек против прежде бывших князя Гагарина хором, где ныне стоит кабак» (О содержании новгородцу.... Л. 50). Место хором князя Гагарина можно определить на бывшей Затверецкой площади, где позднее в XIX столетии стояла церковь Живоначальной Троицы, а ныне стоит стеклянный павильон ТРЦ «Шоколад».

На противоположном берегу «да при Вышнем Волочке при устье канала на Цну реку обретается» двор «построенной прежняго слюзного и каналного дела нарядчика Копылова, которой был при князе Матфее Гагарине» (О содержании новгородцу.... Л. 56). Так мы находим имя непосредственного приказчика вышневолоцких работ, трудившегося под началом князя Гагарина. Стоит вспомнить «отписку» Гагарина о приезде на Епифанские шлюзы пятёрки голландских мастеров в конце 1702 г. В ней Гагарин особо указывает, что работы у него выполняются «русскими людьми», а голландцам «никакова дела не имеетца». Очевидно, что руководить и на Вышнем Волочке голландским мастерам Гагарин не позволил, а поставил «нарядчика Копылова» заниматься руководством работами.

Из последующих документов будет видно, что связь в столице осуществлял Василий Гагарин, а вот на Копылова выпало быть при «шлюзных работах» и всем распорядиться. В документах, связанных с последующими работами на Мстинских порогах итальянца Антонио Вестри, снова упоминается Ефим Копылов: «а у того шлюзного дела по отбытию моему оставлено под присмотром по велению ево князь Матвея Петровича у нарядчика Ефима Копылова, которой у той работы был» (*О чистке...* Л. 64). Из этого следует, что Копылов пробыл в Вышнем Волочке при работах фактически весь срок их исполнения.

Жилище Копылова описывалось так: «а на том дворе старого строения стоящая на улицу лицом горница на подклете с чуланом, в ней печь кирпичная, на двор к реке в горнице по два окошка, в чулане два окошка волоковых, при той горнице сени, чулан, нужник, чердак с наистопокою, крыльцо на улицу, ворота. У ворот две избы старые, одна с чуланом и со шкапами. Между теми избами сени, в них два чулана и нужник. При тех избах крыльцо покрывистое, два анбара, да стойло. У тех хором и у анбаров и у стойла двери на крепках и на петлях, скобы и запоры железные, в стойлах ларь да шкаф с петли железные» (*О содержании....* Л. 56). Там же при дворе Копылова описана и баня: «Баня, при ней сени. У бани и у сеней крюки и петли и скобы и запоры железные» (*О содержании новгородцу....* Л. 56 об.).

Стоит указать, что эта часть Вышнего Волочка, на стрелке Тверецкого канала и реки Цны, где сейчас расположена «старая баня», очевидно, использовалась и для проживания Адриана Гоутера Диркса с десятью мастерами. Учитывая, что мастера приехали «з женами и с детьми и с людьми», то фактически на этом месте вырос целый голландский городок. Позднее в этой части будет стоять «новое строение, которое построено при бытности эверстного мастера Крестьяна Грота». В подтверждение этому можно привести и свидетельство М. И. Сердюкова, который показал в одном из своих допросов: «При устье Тверского канала двор со всяким строением, в котором при строении прежняго канала и шлюз мастеровыя люди жили по указу из Сената со описью и роспискою отдан ему Сердюкову» (*О содержании новгородцу....* Л. 277). Также Сердюков указывал, что часть этой территории самовольно застроили вышневолоцкие ямщики.

11 февраля от Петра следует указ «об изготовлении для этих работ на Тульском оружейном заводе всех инструментов» (*Судходный дорожник....* С. 25). Заниматься делом изготовления инструментов поручили Василию Гагарину: «февраля в 11 прошлого 1703 года по его ж великого государя указу велено к шлюзному делу, что на Вышнем Волочку против образцов, каковы

подаст в оружейной палате столник князь Василей Гагарин сделать на бахатном дворе железных припасов: 200 багров, 200 кругов, 200 лопатов кривых, 100 креков острых, 200 пятерных, и о том ис посолского приказа в оружейную палату память послана» (1704 генваря... Л. 2–2 об.).

В начале 1703 г. князь Гагарин приехал к новому строительству, где самолично распоряжался организацией работ. Тем более что в это время в Вышний Волочёк стали прибывать «работные люди» из соседних губерний. Пётр не терпел промедления, а посему желал, чтобы и «перекопная работа» и «шлезные дела» сделаны были «в скорости». Так, Гагарин пишет Петру: «в нынешнем 1703 году по твоему великого государя имянному указу велено на Вышнем Волочке сделать перекопное дело тако ж и шлейзные дела в скорости к тому, к тому твоему великого государя указу работным людям наряжено шесть тысяч человек» (*Дело о присылке кузнецов...*, 1703. Л. 1 об.).

Из шести тысяч к Вышнему Волочку должно было явиться пять тысяч пеших работников и тысяча человек конных. «По его де великого государя имянному указу, – писал 18 марта 1703 года Матвей Гагарин, – велено быть у перекопной работы 5000 человеком пешим, да 1000 человеком коннице, да 400 человека плотников, а велено их высылать на указные сроки апреля 1 числа, а если кто не явитца по наряду... велено нанимать хотя высокою ценою, а чтоб от того не было остановки в деле...» (1704 генваря. Л. 3).

19 марта князю Василию Гагарину «к тому слюзному делу, что на Вышнем Волочку на наем плотников и работников и конных и пеших людей и на иные к тому делу нужные потребности, в чем бы остановки не было, покамест к тому делу высланы будут из городов по наряду иные плотники и работники» выдано было 1000 рублей из денег Новгородского приказа (1704 генваря. Л. 3 об.). Расходовать деньги велено «с великим бережением», а «что у них тех денег издержано будет и на какие расходы так же и прежние деньги 1000 рублев... влено писать к великому государю к Москве в посольский приказ» (1704 генваря. Л. 4). Кроме «работных людей» и плотников требовались и мастеравые иных специальностей. «И к тому великий государь делу для починки всяких инструментов, – писал Гагарин, – и для всяких дел надобно десять человек кузнецов в скорости с добрыми кузнечными снастями». Таких кузнецов «в Твери, в Клину ж и в Торшку» было «немалое число». Поэтому Гагарин просил послать указ «к воеводам и бурмистрам» чтобы таких людей отправили на Вышний Волочёк (*Дело о присылке кузнецов...* Л. 1 об.).

24 марта Матвей Гагарин в своей челобитной на имя Петра Великого указывал, что ему велено быть и у работ в Епифанском уезде и в Вышнем Волочке, «а розстояние де от Вышняго Волочку до Ивановского озера с

540 верст и для переезду ево и посланных от него от Ивановского озера на Вышней Волочёк с Коломны и Каширы тако ж и на Москве с ямского двора к Новгородской дороге и с Клину и изо Твери и с Торшку и с Вышняго Волочку надобно ямские подводы». А посему просил Матвей Гагарин государя повелеть, чтобы ему лично «для скорости» эти подводы «давали без подорожных из ямского приказа, тако ж и посланным ево, по подорожным, которые будут за ево рукою давали б без замедления ж» (1704 генваря. Л. 4 об.).

В той же челобитной Гагарин просит, чтобы Пётр послал «в города в Ярославль, в Ростов, в Переславль, в Клин, в Тверь, в Торжок, в Ржову, в Старицу, в Кашин, в Можаяск указы» (1704 генваря. Л. 5), чтобы бурмистры и воеводы дали работных людей к деланию Елифанских шлюзов и на Вышний Волочёк. Кроме того, Гагарин указывал, что «да к тем же слюзным дела надобно белого камени и железа, и извести, и иных припасов, и подьячих из городов к тому смотреть над работными людьми, и посацких людей к тому быть у припасов всяких, тако ж и ведомцов из городов в которых местех мочно сыскать белова камени и извести» (1704 генваря. Л. 4 об.–5).

До 1 августа 1703 г. Матвей и Василий Гагарины получили в посольском приказе «деньги 2000 рублей, а также месячные и кормовые 1636 рублей 80 алтын», которые должны были выплатить «слюзным мастерам» (1704 генваря. Л. 6). Как поясняет Лаврентий Протопопов, составивший сводную ведомость на полученные деньги, «тем слюзным мастерам 10 человеком и толмачом 2 человеком великого государя жалования, месечных и кормовых денег августа с 1 числа 1703 году апреля по 1 число 1704 году по договорному письму дать против прошлого году сполна, девяти человеком по 20 рублей, по 31-му алтыну по 2 человеку, товарищу их одному человеку по 6 рублей, по 2 алтын по 2 день, толмачом двум человеком по 5 рублей на месяц».

«Работные люди» в Вышний Волочёк продолжали прибывать и осенью. Так, «Высылная книга» из Переяславля Залесского «работных людям» датирована 5 сентября 1703 г. (1703 сент. 5)

20 января 1704 г. Матвей Гагарин отчитался о взятых в посольском Приказе в 1703 г. 3636 рублях 8 алтынах «из расходных книг». Согласно записям Гагарина «из вышеписанных денег у перекопной работы на покупку ушатов, вёдер и шаек, и насосов, и рогож, и за починку инструментов железных и на наем кузнецов и на прогоны» ушло 62 рубля. «На каменные заводы» за белый камень послано 100 рублёв (1704 генваря. Л. 7).

Большую часть прибывших в Вышний Волочёк работников пришлось отправить «к городовому делу в Санкт-Петербург». Из 6400 человек на

строительство нового города в устье Невы ушло 5280 человек! На них издержано 1105 рублей 30 алтын. 567 человек, которым были отпущены в Великий Новгород съестные припасы, припасы не получили «и питатца им было нечим». На их прокорм издержано 56 рублей 23 алтына (1704 генваря. Л. 7–7 об.). Десяти иностранным мастерам, «которые на Вышнем Волочку кормовых декабря с 1 числа 1702 года августа по 1 число 1703 году» издержано 1636 рублей 8 алтын (1704 генваря. Л. 7 об.). Всего потрачено 2960 рублей 20 алтын, а на остатке на руках у князя Гагарина 675 рублей 20 алтын. Судходный дорожник также приводит следующие цифры из этой ведомости 1704 г.: из полученных 5636 руб. 24 коп издержано было 2960 руб. 85 коп. Эти деньги потрачены на инструменты: лопаты, топоры, лейки, насосы и прочее, а также за наём кузницы уплачено 62 р. За изготовление кирпича 100 руб. Остальные деньги ушли на оплату рабочим. «Рабочему народу в числе 5280 человек за каждые 8 дней по 5 копеек – 1405 руб. 91 коп; рабочим 567 человекам, которым провиант был наперед отпущен каждому по 10 копеек – 56 руб. 70 коп; десяти шлюзным мастерам с 1 декабря 1702 года по 1-е августа 1703 г. за 8 месяцев 1 636 рублей 24 коп.» (Судходный дорожник. С. 27–28).

11 марта 1704 г. Пётр Великий указал послу в Нидерландах Андрею Артемоновичу Матвееву дополнительно нанять «в его великого государя службу шлюзных мастеров» и перевести на это дело 5882 ефимки (О переводе денег... Л. 1). Этот документ свидетельствует о том, что Пётр продолжает не только следить за строительством уже начатых водных систем, но и расширяет сеть водных путей. А. И. Миловидов показывает, что «проектированы были ещё соединения: 1) из Цны в Савеллу, Елону и Медведицу, 2) из Вороны в Ракову, впадающую с Проней в Оку и другие» (Миловидов. Л. 8). Это активное участие царя в проектировке и строительстве водных сообщений свидетельствует о горячем желании Петра покрыть всю территорию европейской части России судходными транспортными путями, которые обеспечивали бы быстрое и бесперебойное сообщение между разными концами русского государства.

В документах посольского приказа сохранилась и ещё одна ведомость 1704 г., позволяющая проследить ход работ в Вышнем Волочке. 25 июля 1704 г. стольники Матвей и Василий Гагарины «били челом» Петру Великому, что «тем иноземцом дано великого государя жалованья ис посольского приказу по февраль нынешняго 1704 году, а с февраля 1 числа июня по 1 ж число им не надо, а кроме жалованья питатца нечим» (О переводе денег... Л. 3).

Повторилась история 1702 г., когда Матвей Гагарин выслал в Москву с Епифанских шлюзов ненужных ему голландских мастеров. Так же и в 1704 г.,

указывая причиной, что голландским мастерам «питатца нечим», Матвей и Василий Гагарины просили, чтобы этих мастеров «для пропитания отпустить к Москве». Но при этом делали оговорку, что «их де от дела отпустить немочно», следовательно, надо выдать мастерам дополнительные деньги, ведь согласно договору «они приговорены быть в службе его царского величества 6 лет» (*О переводе денег... Л. 3–3 об.*).

Если государь решит оставить голландских мастеров в Вышнем Волочке, считали Матвей и Василий Гагарины, то пусть укажет «тем иноземцом свое великого государя жалованье и кормовые деньги на нынешней 1704 год дать по договорному письму февраля 1-го генваря по 1 число 1705 году, а месячные деньги против того ж договорного письма дать августа 1 числа генваря по 1 число 1705 году» (*О переводе денег... Л. 4*). То есть всего предполагалось дать кормовых и месячных денег 5175 рублей 19 алтын (*О переводе денег... Л. 4 об.*). «Отписка» князей Матвея и Василия Гагариных указывает на то, что в 1704 г. присутствие голландских мастеров в Вышнем Волочке было необходимым и работы планировалось проводить вплоть до 1705 г.

Некоторые авторы датируют 1704 г. появление в Вышнем Волочке «новгородского купецкого человека» Михаила Ивановича Сердюкова. Так, М. Я. Либерман пишет: «В 1703 г. началось, как мы помним, сооружение Тверецкого канала в Вышнем Волочке... Сердюков стал главным подрядчиком на этом строительстве» (*Виргинский, Либерман. С. 30*). Основной современный биограф М. И. Сердюкова Е. И. Ступкин тоже указывает, что «строительство вышневолоцкого канала, первого судоходного канала в России, начиналось на глазах у М. И. Сердюкова – он с 1704 г. поставлял «провиант» для стройки. Долгие 15 лет Сердюков не только наблюдает за ходом строительства, но и, как оказалось, анализирует, делает выводы, строит планы» (*Ступкин, 2018. С. 62*).

Сам Сердюков об этом времени в своих «допросах» указывает следующее: «В том же 1700 г. записался он в Нове Городе в купечество и торговал помянутого Евреинова товарами по 704 г., а с того года получал от него свободу и начал торговать собой и своим домом же и онаго купечества, и тот дом имеет он в Нове Городе каменнаго строения и доньне, а другой дом имеет он в Новгородском уезде в Вышневолоцком яму, да у него при том Вышневолоцком яму заводы винные, солодовные, мелничные, пилные и хлебные, и пенковые, и кабацкие откупы, и таможенные и канцелярские сборы» (*Дело о взятии новгородца... Л. 19 об.*).

При этом в другом допросе на вопрос, «в котором году Тверецкой и во Цне реке каналы строить зачаты и окончаны?», – Сердюков ответил: «Тверецкой канал, в котором году зачат строить и окончан и колико земли

вынято, про то я не известен» (*О содержнии новгородцу...* Л. 226 об.). На основании этих строк можно судить, что в момент постройки Тверецкого канала в 1702–1706 гг. и в бытность в Вышнем Волочке голландских мастеров Сердюков в Вышнем Волочке отсутствовал. Документов, подтверждающих, что он был «главным подрядчиком» на работах в Вышнем Волочке обнаружить не удалось.

Тем временем работы по устройству канала и шлюзов на Вышнем Волочке фактически продлились два года с 1703 по 1705 гг. Основной объём работ, который выполнили голландские «шлюзные мастера» и русские «работные люди», позволил в 1706 г. открыть навигацию через Вышний Волочёк. Первая русская газета «Ведомости» от 30 октября 1706 г. на своих страницах сообщала: «Прошедшаго 1704 году по указу Царскаго величества, в Новгородском уезде, начато шлейзное дело, и ведено из реки Волги в реку Тверь, и перекопано в реку Цну, а из них чрез озера в Варяжское море. И ныне оное начатое дело Божиею помощию в совершенство приведено, и каменные шлейзы с великою крепостию построены, хотя не без великаго царския казны иждивения, однако ж в доброю надеждою будущаго прибытка» (*Ведомости*).

Далее Ведомости указывали сам факт начала судоходства: «Понеже и нынешняго лета чрез сию перекопъ вышепомянутыми реками проведено шестьсот семдесят два судна, нагруженных тягостию от семи ласт и до тридцати дву ласт галанских (голландский ласт – 1956 кг – *Д. И.*), так же бревен многие тысячи, и несколько дубовых досок на карабелное строение».

Как известно, Ведомости редактировал сам Пётр Великий. Известно также, что он уделял особенное внимание гидротехническим работам в Вышнем Волочке. А поэтому не исключено, что завершение статьи было написано Петром или по его решению на основании донесений, пришедших с Вышнего Волочка: «А в будущий год, уповаем, что будут проходить суды болше нынешних великостю и тягостию, понеже река Тверь от реки Цны водою умножатся непрестанно».

В Европе о постройке Вышневолоцкого канала тут же стало известно. На французской карте 1706 г. канал между Цной и Тверцой уже значится (*Карта Московии*).

«Смотря на Россию, как на посредницу в торговом отношении между Европою и Азиєю, Пётр уже давно задумал соединить Каспийское море с Балтийским, Астрахань – с своим парадизом, – писал историк С. М. Соловьёв. – В 1706 году под надзором князя Матвея Гагарина соединена была река Цна каналом с Тверцою» (*Соловьёв, 2001. С. 99*).

Таким образом, цель строительства «Вышневолоцкой перекопи» на первых порах была достигнута. Царю важно было, чтобы Вышневолоцкий водораздел мог пропустить с Волги, а в особенности с Воронежа суда «больше нынешних великостью и тягостью». Ведь водная коммуникация имела целью, в первую очередь, решить военную стратегическую задачу – провести через реки средней полосы России боевые корабли. Но пока велось строительство Вышневолоцкой водной «перекопи» события театра военных действий позволили создать не только Олонецкую верфь, но и укрепиться на берегах Балтики и основать крепость, а затем город Санкт-Петербург со своей Адмиралтейской верфью. Поэтому постепенно Вышневолоцкий водный путь от задач военно-стратегических перейдет к решению торгово-экономических задач.

Литература и источники

1703 сент. 5 – 1703 сент. 5. Высылная книга из Переславля Залесского работных людей в Вышний Волочек // РГАДА. Ф. 210. Оп. 7 а. Д. 61.

1704 января – 1704 января докладная выписка о выдаче жалованья слюзным мастерам находящимся в Елифанском уезде и на Вышнем Волочку // РГАДА. Ф. 158, 1704 год. Д. 47. Л. 1–1 об., 2–2 об., 3–3 об., 4–4 об., 5, 6, 7–7 об.

Быков – Быков Л. С. По Петровскому указу – канал на древнем волоке. Москва: Транспорт, 1994. 219 с., [4] л. ил.

Ведомости – Ведомости, 30 октября 1706 г. [Электронный ресурс] // Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden». – Режим доступа: <https://imwerden.de> (дата обращения 10.07.2023).

Виргинский, Либерман – Виргинский В. С., Либерман М. Я. Михаил Иванович Сердюков (1677–1754). Москва: Наука, 1979. 130 с.

Дело о взятии новгородца... – Дело о взятии новгородца М. И. Сердюкова в Синод // РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 449. Л. 19 об.

Дело о присылке кузнецов... – Дело о присылке кузнецов на Вышний Волочек // РГАДА. Ф. 158. 1703 год. Д. 121, Л. 1 об.

Карта Московии... – Карта Московии 1706 г. [Электронный ресурс] // Французские карты. – Режим доступа: http://retromap.ru/141706_57.296854,36.161499 (дата обращения 10.07.2023).

Корсакова – Корсакова В. Князь М. П. Гагарин // Русский биографический словарь. Москва, 1914. С. 75–82. С. 76.

Миловидов – Миловидов А. И. Ивановский канал, начатый Петром Великим для соединения Волги с Доном: Ист.-геогр. очерк // Чтения в Имп. О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. 1891. С. 1–30.

О переводе денег... – О переводе денег в голландскую землю // РГАДА. Ф. 158, 1704 год. Д. 62. Л. 1, 3–3 об., 4–4 об.

О содержании новгородцу... – О содержании новгородцу Сердюкову для свободного судов ходу при Вышнем Волочке в канале и реках Цне и Тверце слюзов // РГАДА. Ф. 248. Книга 810. Л. 50, 56–56 об., 226 об., 277.

О чистке... – О чистке Боровицких порогов // РГАДА. Ф. 248. Кн. 596. Л. 64.

Соловьёв – Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Москва, 2001. Т. XVI. С. 99. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://avidreaders.ru/read-book/istoriya-rossii-s-drevneyshih-vremen-tom6.html> (дата обращения 10.07.2023).

Ступкин – Ступкин Е. Михаил Сердюков – первый российский гидротехник. Вышний Волочёк, 2018. 80 с.

Судоходный дорожник – Судоходный дорожник Европейской России, издаваемый Главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Часть II. Отдел 1. Санкт-Петербург, 1855. VII, DXXVIII, 207, 204, [4] с.

Широкова – Широкова В. А. Вышневолоцкая водная система: ретроспектива и современность. Гидролого-экологическая обстановка и ландшафтные изменения в районе водного пути. Экспедиционное исследование: состояние, итоги, перспективы. Москва: ООО «ИПП «КУНА», 2011. 246 с., [32] л. ил., карты, цв. ил.: ил., карты, табл.

ПРИСЯГА СЛУЖИТЕЛЕЙ НОВГОРОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА В 1730–1731 гг.

С начала XVIII в. все подданные российского императора должны были присягать на верность государю. Для Петра I и его преемников присяга являлась важнейшим критерием благонадежности подданных верховной власти.

Заметим, что присяга в рассматриваемый нами исторический период – это разновидность клятвы, тесно связанная с именем Бога. Именно Бог призывается в свидетели того, что присягающий на верность императору не изменит своему государю и Отечеству.

Однако следует признать, что в исторической науке тема присяги императорам XVIII в. плохо изучена, а вопрос, касающийся присяги императорам в Новгородской губернии, никогда не освещался в научной литературе. Для нас, как исследователя присяги на Новгородской земле в XVIII столетии, представляется крайне важным осветить вопрос присяги среди служителей архиерейского дома в Новгороде.

Мы считаем уместным отметить, что присяга новому императору, а в данном случае императрице Анне Иоанновне, была обязательной публичной церемонией для всех подданных, в том числе и церковнослужителей, которая проходила в православном храме. «К присяге на верность подданству приводились все мужчины, достигшие 12-ти летнего возраста, всякого чина и звания» (*Бондурич, 2008*). Неявка на церемонию приведения к присяге в XVIII в. приравнивалась к заговору против монарха, а это, в свою очередь, считалось государственной изменой, которая каралась смертной казнью.

Интересно будет отметить, что Анне Иоанновне русские подданные присягали дважды. В первый раз они присягали ей, как государыне, ограниченной в правах Кондициями, а во второй – «всепресветлейшей державнейшей великой государыне Анне Иоанновне императрице и самодержице Всероссийской» (*Клятвенное обещание. Л. 1*).

Надо сказать, что по приказу Анны Иоанновны, текст первой присяги и присяжные листы были уничтожены. Так что в статье мы будем рассматривать присяжные листы «Самодержице Всероссийской Анне Иоанновне». В тексте Клятвенного обещания новой императрице читаем: «Я уже всепресветлейшей державнейшей великой государыне Анне Иоанновне императрице и

самодержице Всероссийской, яко моей истинной и самодержавной государыне в верном подданстве присягу чинил» (*Клятвенное обещание*. Л. 1).

Итак, рассмотрим «Ведомость архиерейского дома и их детей, бывших и не бывших на присяге в 1730 и в 1731 гг.» подробнее. Данный документ расположен в 1 описи фонда Новгородской консистории ГАНО под порядковым номером 372. Подлинник этого архивного дела мы просмотрели и считаем, что оно находится в удовлетворительном состоянии. Документ сильно поврежден, многие фрагменты текста выцвели. Несмотря на это, текст прочитать можно. Однако в нашем исследовании мы будем использовать текст, опубликованный в сборнике архивных документов «Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века», который был издан департаментом культуры и туризма Новгородской области совместно с ГАНО в Великом Новгороде в 2016 г.

Составители сборника Н. В. Салоников и О. В. Снытко провели большую работу по классификации и расшифровке архивных дел. Как отмечают авторы-составители «настоящий сборник представляет собой первую публикацию большого комплекса документов по <...> истории» Новгородского архиерейского дома (*Новгородский архиерейский дом*. С. 4).

Интересующий нас документ расположен в 1-м разделе архивного сборника «Штаты архиерейского дома» с 44 по 57 страницы. Документ начинается с небольшого вступления, где указана причина, по которой была составлена данная ведомость. «Ведомость от Новгородскаго архиерейскаго дому, учиненная по силе присланных Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския из Святейшаго правительствующаго Синода в Новгородские архиерейские консисторское собрание, розряд и казенной приказ указов, сколько ныне при том архиерейском доме стряпчих дворян и детей боярских, также домовых же поместных дворян и их детей». Также в ведомости указаны имена служителей «в каком звании и колико лет, и кто из них были и не были у присяг» (*Ведомость дворян*. С. 44).

Далее идет список служителей Дома, а также их детей, бывших и не бывших на церемонии присяги в 1730 и в 1731 гг. Мы подсчитали, что в ведомости зафиксировано 349 имен служителей Архиерейского дома, из которых 113 несовершеннолетних детей. Очевидно, что эти дети не приводились к присяге, т. к. были ещё малы, но за ними было закреплено место будущего служителя Новгородского архиерейского дома, что давало уверенность в завтрашнем дне.

При изучении документа, мы обратили внимание на то, что в 1730 и 1731 гг. к присяге приводились мужчины, достигшие 16-летнего возраста. Данный факт опровергает утверждение С. Г. Бондурина о том, что к присяге на верность подданству приводились все мужчины, достигшие 12-ти летнего возраста.

Теперь рассмотрим служителей, бывших и не бывших на присяге в 1730 и 1731 гг. В начале служителей, которые были на двух присягах, в 1730 и 1731 гг. в одном населенном пункте. Для удобства, все необходимые данные мы поместили в таблицу 1.

Таблица 1. Служители Новгородского архиерейского дома, бывшие на присяге в одном городе

Город приведения к присяге	Количество человек		
	Были на двух присягах	Были на присяге в 1730 г.	Были на присяге в 1731 г.
Москва	2	4	
Новгород	21	9	6
Михайловский Тервинский погост	2		
Спасский Кожелский погост	3		2
Выставка Кусеги	4	4	1
Вымоченский погост	4	2	2
Тервинский погост	10	2	3
Другие населенные пункты	2	5	7

Итак, на обеих присягах по данным таблицы 1, было 48 человек. Из них наибольшее количество людей присягнуло на верность в Тервинском погосте. Однако при повторном изучении Ведомости Новгородского архиерейского дома, мы обнаружили, что в графе «присяги» напротив имени Якова Тимофеева не указано место присяги. В графе просто имеется надпись «был». Мы склонны полагать, что он давал обе присяги в одном населенном пункте.

Также в таблице мы указали общее количество людей, бывших только на одной присяге. Из данных таблицы видно, что больше всего людей давало присягу в Новгороде – 9 человек в 1730-м и 6 человек в 1731 г.

Однако мы заметили, что некоторые служители были на двух присягах, но клятву давали в разных населенных пунктах. В таблице 2 мы указали имена служителей, которые давали присягу подобным образом.

Таблица 2. Служители, бывшие на двух присягах в разных населенных пунктах

Служитель	Населенный пункт приведения к присяге	
	1730 г.	1731 г.
Иван Афанасьев	Новгород	Немчиновская вотчина
Федор Старков, Евтифей Гаврилов и Стефан Никитин	Новгород	Москва
Марк Антонов и Василей Клементиев	Вымоченский погост	Тервинский погост
Петр Михайлов и Федор Гаврилов	Выставка Могохова	Городиский погост
Роман Гаврилов	Введенский монастырь	Сермажская волость

Из данных этой таблицы можно сделать вывод о том, что некоторые служители при Новгородском архиерейском доме пользовались правом присягать на верность императрице по месту пребывания. В Новгородском архиерейском доме таким правом воспользовалось 9 человек.

Таким образом, на двух присягах, в общей сложности, было 58 человек. Из них в одном городе присягало 49 служителей, а в разных – 9. Только на одной присяге было 47 человек. Из них в 1730 г. присягало 26 служителей, а в 1731 г. – 21.

В процессе исследования мы заметили, что о присяге 96 служителей в Ведомости ничего не написано. Напротив имен в графе «присяги» нет никаких записей. Для большего удобства, мы разделили этих людей на 5 групп, а полученные данные внесли в таблицу 3.

Таблица 3. Служители Архиерейского дома, не имеющие никаких записей в графе «присяги»

Пометка в последней графе	Количество человек
стар	3
отпущен с паспортом	13
взят в солдаты	18
мал	1
без пометки	61

Следует отметить, что практически все люди, помещенные в последней строке нашей таблицы, по возрасту не подлежали присяге, однако, этот факт не был по каким-то причинам отражен в Ведомости.

Следует признать, что мы не можем сказать определенно по поводу 34 человек; были они на присяге или нет, т.к. о них нет никаких сведений в графе «присяги». Мы можем предположить, что трое пожилых людей из первой строки таблицы не были на присяге по причине преклонного возраста, но документ об этом умалчивает.

Очень интересная ситуация складывается с людьми, которые были отпущены с паспортом. Мы выяснили, что из 13 человек, отпущенных с паспортом, 7 оказались несовершеннолетними и, соответственно, они не были на присяге.

По поводу 18 человек, взятых на военную службу солдатами, то мы не можем ничего сказать, т.к. это не входит в рамки нашего исследования.

Далее рассмотрим служителей, не бывших на присягах. Данную информацию мы поместили в таблицу 4.

Таблица 4. Число служителей Архиерейского дома, не бывших на присягах

Причина неявки на присягу	Количество человек		
	Не были на двух присягах	Не были в 1730 г.	Не были в 1731 г.
Не явились / не были без причины	31	7	10
Взяты в солдаты	10	3	2
Отпущены с паспортом	2	1	3
Малолетние	46		
Другие причины	2	4	4

Отметим, что из 31 служителя Архиерейского дома, не явившегося без уважительной причины на присягу, мы выявили 6 несовершеннолетних детей, приписанных к Новгородскому архиерейскому дому. У двух человек не был указан возраст, и поэтому мы не можем сказать должны были они быть на присяге или нет.

Исходя из данных таблицы 4, в 1730 г. на присяге не было, в общей сложности, 14 человек, а в 1731-м – 22. Если сравнивать количество людей, не бывших на двух присягах с людьми, не посетившими церемонию один раз, то получится, что общее число людей, не бывших на обеих присягах, составляет 45 человек, а не бывших на одной – 36.

Также данные таблицы 4 демонстрируют нам, что количество людей, не бывших на двух присягах без причины, почти в два раза больше, чем служителей, не бывших на одной присяге без веской причины.

Данное сравнение весьма показательно. Общие статистические данные, полученные из таблицы, дают нам представление о настроениях людей в отношении верховной власти в стране. Многие люди, пользуясь политической нестабильностью в стране, не желали присягать императрице Анне Иоанновне и не приезжали на церемонию приведения к присяге новой императрице и ее наследникам.

Вывод: присяга в XVIII в. русским императорам была обязательной публичной церемонией для всех мужчин, включая служителей Церкви. Неявка на присягу в XVIII в. приравнивалась к государственной измене, которая каралась смертной казнью.

Проведя комплексное исследование присяжных листов служителей Новгородского архиерейского дома, бывших и не бывших на присяге в 1730 и в 1731 гг., мы определили, что большинство людей были законопослушными подданными и были оба раза на присяге, однако, были и те, кто был на присяге только один раз, но их оказалось меньше.

Также мы выявили служителей, которые не были на присяге. Таких оказалось 45 человек, что на 13 человек меньше служителей, бывших на присяге два раза. Основными причинами неявки на присягу стали: отпуск с паспортом и поступление на военную службу в качестве солдата. Однако, напротив большинства имен служителей Архиерейского дома, не бывших на присяге, отсутствует причина неявки на присягу.

В ходе исследования, мы обнаружили несколько особенностей: Во-первых, наличие в Ведомости большого количества детей, которые не присягали императору из-за своего малолетства. Во-вторых, наличие людей, о которых мы не знаем, были ли они на присяге или нет.

Анализ данной ведомости показал, что присяга служителей Новгородского архиерейского дома в 1730 и в 1731 гг. прошла довольно спокойно, часть людей, не бывших на церемонии один или два раза, тем самым, выказали свое отношение к правящему монарху. Очевидно, что эти люди получили заслуженное наказание.

Литература и источники

*Бондури*н – Бондури

н С. Г. Клятва на верность // Военно-исторический журнал. 2008. № 3. 88 с.

Ведомость дворян – Ведомость дворян архиерейского дома и их детей, бывших и не бывших на присяге в 1730 и 1731 гг. // Новгородский архиерейский дом в первой

половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области) / сост. Н. В. Салоников, О. В. Снытко. Великий Новгород, 2016. 539 с.

Клятвенное обещание императрице – Клятвенное обещание императрице Анне Иоанновне и её наследникам, подписанное цесаревнами Екатериной Ивановной и Елизаветой Петровной, принцессой Анной Петровной // РГАДА. Ф. 2. Д. 38. Л. 1.

Новгородский архиерейский дом – Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области) / сост. Н. В. Салоников, О. В. Снытко. Великий Новгород, 2016. 359 с.

НОВГОРОДСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I (1825–1831)

История военных поселений первой половины XIX в. включает в себя несколько этапов, каждый из которых имеет свою специфику. Большинство современных исследователей (К. М. Ячменихин, Т. Н. Кондаурова, Б. Б. Давыдов, А. С. Тургаев) сходятся во мнении, что таких этапов три.

Первый этап: 1810 г. – попытка создания военных поселений в Климовецком уезде Могилёвской губернии.

Второй этап: 1816–1826 гг. – законодательное оформление нового государственного института, становление военно-поселенной системы, складывание административно-хозяйственной структуры, территориальное расширение.

Третий этап: 1826–1831 гг. – дальнейшее развитие военных поселений в новых исторических условиях, связанных с императором Николаем I, отставкой Аракчеева и последующими изменениями статуса различных категорий поселян. Особенности третьего, заключительного периода нам бы хотелось рассмотреть подробнее.

После смерти Александра I новый император провозгласил курс на продолжение развития системы военных поселений. В том, что Николай I будет продолжать дело, начатое старшим братом, никто не сомневался.

Генерал-адъютант барон Дибич рассказывал впоследствии Михайловскому-Данилевскому: «Однажды мы были с ним (Александром I – *О. М.*) в поселениях, и он, обращая речь к великому князю Николаю Павловичу, сказал: «Тебе надобно это будет поддерживать» (*Шильдер*, 1903. С. 144).

Николай I начал с того, что уволил графа Аракчеева от заведования делами Комитета министров и собственного Его императорского величества канцелярией. Снятие Алексея Андреевича с ключевых должностей означало полную потерю влияния. Но это был первый шаг к предстоящему в ближайшем будущем освобождению всей посёлённой системы от тяжёлой опеки «их сурового творца» (выражение Н. К. Шильдера – *О. М.*). Причём увольнение графа император обставил такими знаками внимания, которые не часто встречаются в истории административных перемещений; они делаются понятней, если вспомнить, что речь шла не только о высшем сановнике

империи, но и о друге умершего императора. Николай дал позволение Алексею Андреевичу на отпуск и одновременно пожаловал на дорожные издержки 50 тысяч рублей. Граф деньги себе не взял, а попросил вдовствующую императрицу Марию Федоровну обратить эти деньги в капитал, на проценты с которого можно было воспитывать в императорском военно-сиротском доме 5 девиц ежегодно, сверх штатного числа.

Девицам этим, которые по желанию Аракчеева должны были избираться из тех, чьи отцы служили в военных поселениях Новгородской губернии, или из дочерей дворян названной губернии, подлежало именоваться «пансионерками императора Александра Благословенного» (Томсинов, 2003. С. 376–377).

К этой сумме Алексей Андреевич добавил свои 2500 рублей, «дабы в сем году бедные девицы воспользовались дарованною от Государей Императоров милостию» (Томсинов. С. 376–377). Аракчеев был отпущен лечиться на Карлсбадские (Карловы Вары – *О. М.*) воды. Судьба же военных поселений определилась следующим рескриптом императора Николая I на имя графа Аракчеева от 30 апреля 1826 г., в котором он уведомлял последнего о назначении генерал-майора П. А. Клейнмихеля временно исполняющим обязанности Аракчеева. Однако по возвращении А. А. Аракчеева из-за границы в конце 1826 г. он уже более не приступал к исполнению своих обязанностей.

Следующим указом на имя начальника Главного штаба Его императорского Величества генерал-адъютанта И. И. Дибича от 30 октября 1826 г. начальником военных поселений Новгородской губернии назначался генерал от инфантерии князь Шаховской (*РГВИА*. Л. 330–330 об).

После поездки летом 1826 года в отдельные округа новгородских военных поселений, проведя анализ и сделав соответствующие выводы, Николай I решает повести ряд преобразований. В первую очередь, это коснулось новгородских военных поселений («северных поселений пехоты» – *О. М.*). По-видимому, император понял, что военные поселяне – хозяева пехотных полков не в состоянии одновременно нести военную службу, пусть и в облегчённой форме, и заниматься сельским хозяйством.

Также он учитывал и недостаток пахотных земель в этом регионе. После решения о реорганизации военных поселений пехоты в годовщину смерти Александра I, 19 ноября 1826 г., последовало утверждение «Положения о полном составе поселённого пешего полка и его обязанностях» (*РГВИА*. Л. 330–330 об.).

Эти положения вносили изменения в установившийся порядок вещей и в значительной степени изменяли структуру новгородских военных поселений. По сути, это была своего рода реформа классической «аракчеевской» модели военных поселений.

Положения, отпечатанные в типографии главного штаба военных поселений, состояли из введения и четырёх отделений.

Первое отделение касалось поселённого батальона и включало в себя общие положения: определяло состав, обязанности, оговаривало размеры жалования, порядок обмундирования и вооружения. По положению, поселённый пеший полк в начальный период «его водворения» (так в источнике – *О. М.*) состоял из трёх батальонов, то есть двух действующих и одного поселённого и из одной поселённой фурштадской роты (§ 1 «Положения» – *О. М.*). По истечении срока из числа военных кантонистов (детей военных поселян – *О. М.*) должен был формироваться резервный батальон. Таким образом, поселённый пеший полк должен был иметь в своем составе не три, а четыре батальона и поселённую фурштадскую роту. Действующие батальоны полка по новому положению сохраняли присвоенные им номера: первый и второй, резервный батальон числился третьим, а поселённый – номера не имел (§ 4 Положения).

В функции резервного батальона входило заменять собою поселённый батальон в служебных строевых обязанностях (речь шла о строевой подготовке и участии в строевых смотрах – *О. М.*). Таким образом, по отношению к действующим батальонам в соответствии с новыми правилами вводились большие изменения, которые касались практически всех сторон жизнедеятельности батальона: численного состава, жалования, обмундирования, вооружения, обязанностей, лет службы.

Следует особо отметить, что наиболее важные положения относились к поселённому батальону.

Эти пункты в корне меняли правовой статус поселян, делая их, по существу, особой категорией, занимающейся исключительно хозяйственной деятельностью. Теперь его функции на смотре начальниками ограничивались представлением общего и частного хозяйства, (что являлось главным – *О. М.*), а также «в прохождении полным составом скорым маршем (т. е. шагом – *О. М.*) мимо начальства» (*Положение*, 1826. С. 5).

Причем эти смотры должны были проводиться только в свободное от полевых и хозяйственных работ время. По сути, этими смотрами и ограничивалась строевая служба поселённых батальонов, уже существовавших

до 1826 г. и получивших определенные навыки «к фронту». В тех же батальонах, которые впредь должны были формироваться, не требовалось никакой «фронтальной службы»; «ибо коренные их жители должны были для учения быть отвлекаемы от хозяйственных и полевых работ» (§ 15 Положения – *О. М.*) (*Положение... С. 7*). Это в корне меняет устоявшийся взгляд на функции военных поселенцев батальонов. Поселянину не нужно было больше разрываться между выполнением строевых обязанностей и главной обязанностью – земледелием.

Вышеуказанные нововведения повлияли на изменение численного состава поселенцев – хозяев. Число хозяев в батальонах удвоилось. С этого времени поселенцы – хозяева перестают получать жалование, так как не несут никакой службы, «оставаясь в быту счастливого земледельца, они теперь должны были жить в своих семействах, при своем хозяйстве и имуществе» (*Положение. С. 16*).

В соответствии с положением менялся и внешний облик поселенца. Специальный раздел положения определял, какое обмундирование будут носить поселенцы – хозяева «по высочайше утверждённым образцам». Появилось выражение «новый поселенец». Обмундирование «нового поселенца» состояло из брюк серого сукна, полукафтана, с различием в воротниках по цвету своего полка. При этом не забывалось об основных функциях. Поэтому полукафтаны должны быть просторными, чтобы под них можно было надевать теплую одежду.

Относительно нижних чинов положение гласило, что в составе батальона в соответствии с общими правилами полагался 20-летний срок службы, причём срок этот начинался от поступления в действующую армию (§ 15 Положения – *О. М.*).

Здесь было деление на два периода:

- 1) период службы в действующем батальоне.
- 2) период службы в резервном батальоне. В действующих батальонах полагалось служить 15 лет (§ 100 Положения).

Это существенно меняло правовой статус новгородских военных поселенцев. Территориальные приращения закончились, военные поселения должны были начать решать задачи изначально на них возложенные: численное приращение за счёт военных кантонистов и переход на самокупаемость полка. Следующим шагом Николая I будет переход от военных поселений к округам пахотных солдат в 1831 г., которые по своему положению будут очень близки к удельным крестьянам (*Ячменихин, 1996. С. 6*).

Литература и источники

Положение – Положение о полном составе поселённого пешего полка и его обязанностях. Санкт-Петербург, 1826. 39 [5] с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив // Ф. 405. Оп. 1. Д. 383. Л. 330–330 об.

Томсинов – Томсинов В. А. Аркачев. Москва, 2003. 427 [2] с.

Шильдер – Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствования. Т. 1–2. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1903. Т. 1. [6], 800 с., 39 л. ил.

Т. 2. [4], 820 с., 31 л. ил.

Ячменихин – Ячменихин К. М. Формирование и структура округов пахотных солдат в Новгородской губернии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1996. 230 с.

ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ ИВАНА МОЖАЙСКОГО О НОВГОРОДСКИХ ОБЫВАТЕЛЯХ (ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ)*

Осенью 1879 г. инспектор народных училищ 1-го района Новгородской губернии Иван Павлович Можайский записал краткие биографические сведения о себе в небольшую таблицу (*Директор народных училищ*. Л. 271–272). Анкетированному надлежало ответить на следующие вопросы: «Сколько лет от роду, какого вероисп.<оведания>, где получил воспитание. Какую имеет ученую степень и если занимается литературой, то какие издал сочинения».

Можайский написал: «51 году. Православного <исповедания>, кончивший курс наук в 1-й Петербургской гимназии. Поступил в Императорский С<анкт>П<етер>б<ургский> университет, откуда из 2 курса выбыл по прошению. Издал «Учебный курс географии Новгородской губернии (Родиноведение)» в 1878 году, одобренный Учен.<ым> комит.<етом> М.<инистерства> н.<ародного> п.<росвещения> для библиотек учительских семинарий, 2-классных и 3<-классных>, однокласн.<ых> училищ» (*Учебный курс географии*, 1878).

Запись примечательна по меньшей мере с двух сторон. Во-первых, она уточняет возможный год рождения Можайского. По собственным словам, он родился около 1828 г. (а не около 1830-го: такая дата поставлена в известном справочнике (*Русские писатели*, 1989–2019. С. 117). На 1828 г. указывает и некролог: Можайский скончался в 1893 г. в возрасте 65 лет (*Исторический вестник*, 1893. С. 301). Во-вторых, характеризуя собственное литературное творчество, Можайский почему-то не упомянул, что он – поэт, публикующийся с конца 1850-х гг. в целом ряде столичных изданий под псевдонимами. Дядя Пахом – наиболее известный из них: от его имени в 1885 г. он выпустил единственный сборник своих стихотворений (*Дядя Пахом*, 1885).

Сборник не стал ярким литературным событием последней четверти XIX в. Рецензент столичного «Наблюдателя» писал: «Небольшая книжка эта состоит из трёх отделов: Разные стихотворения, Мотивы из провинциальной жизни, Басни и аллегии. Почти все пьесы встречались в наших так

---

* Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 23-28-01762 «Исследование истории новгородской литературы первой половины XX века по материалам архивов, журналов и газет».

называемых юмористических листках, где юмор весьма низкой пробы прикрывает большую часть если не порнографическое, то эротическое направление. Но автор, пишущий под псевдонимом «Дяди Пахома», менее других собратьев повинен в этом невольном грехе современной беллетристики, принуждённой ограничивать свои поэтические порывы весьма немногочисленными и страшно заезженными темами песнопений. Он касается по временам и серьезных предметов, говорит о «живом мертвецце», грустно качающем головою в то время, когда, разгоняя полки теней, «науки солнце с каждым годом горит ясней. Но вечно юного прогресса внимая шум, в нём видит лишь влиянье беса усопший ум!» Далее рисует «умеренного человека», всю жизнь балансирующего между *так* и *но*. «Скажите вы ему, что вечно у нас идет всё кое-как, и он ответит вам, конечно, потупив брови: это *так!* Но всё ж в сравнении с Востоком шагаем быстро мы вперед!» Увидев утопленника, автор спрашивает себя, следует ли пожалеть о бедняке, или сказать: «лучше тебе в чистой влаге, чем в житейской грязи, утонуть!» Общечеловеческих вопросов автор касается редко. Большею частью восхваляет он бедняков, которые по смерти будут иметь и свои дома, и даже большие кресты: патриотов, напивающихся водкой, трактиры со специфическим запахом, пылких старух, взяточников, ростовщиков, барышень, охотников, клеветников, селадонов, милых дамочек, хлыщей и пр. В «Мотивах провинциальной жизни» – нет ничего, характеризующего какую-либо местность нашего отечества. Всего слабее в сборнике – Басни и аллегии: из десяти только в одной, «Дерево и камень», недурная мысль. Стихом автор владеет хорошо; грамматических промахов мы нашли только два: «ей очарована толпа» (вместо *ею*) и глагол: *хочут*. Встречается также один семистопный стих. Но вообще талантливый автор напрасно поторопился издать сборник своих стихотворений: следовало повременить – и сделать более строгий выбор из более зрелых произведений» (*Наблюдатель*, 1885. С. 57). Резкий тон рецензии обусловлен двадцатилетним промежутком, который разделил написание стихотворений и их публикацию в сборнике. Автор не поторопился с изданием напротив: она была итогом его творческого пути, в 1860–1870-е гг. прочно связанного с популярными сатирическими журналами.

Знакомец Можайского писатель А. В. Круглов подобрал тёплые слова, однако и он утверждал, что весёлые и гладкие, но опоздавшие с выходом стихи могут заинтересовать главным образом ностальгирующих литературных ветеранов: «Небольшая книжка Дяди Пахома – очень прилична на вид и полна интереса. От нее веет 60-ми годами, «Искрой», пошибом её певцов <...> Она

будит в душе старые грёзы, заставляет с грустью вспоминать о невозвратном, минувшем. <...> Я пробежал её с удовольствием. Она освежила меня <...> Таково влияние умного, здорового и честного смеха. Стих Дяди Пахома – легкий, простой. Нельзя сказать, чтобы у Дяди Пахома была всё «материя важная», иногда он и шутит, смеётся без всякой серьезной цели, но это выходит очень игриво...» (Круглов, 2016. С. 53).

Итак, самым ярким (как посчитали читатели) периодом творчества Можайского были 60-е гг. XIX в. В это время он начал сотрудничать с петербургскими «Искрой», «Гудком» (еженедельным приложением к газете «Русский мир», выходящим в 1862–1863 гг.), выступая со стихотворными опытами и карикатурными зарисовками.

* * *

В «Словаре Академии Российской» слово «гласность» толковалось так: «известность, знаемость многими» (Словарь, 1789–1794. С. 72). Ср. у В. И. Даля: «Гласность – известность, общеизвестность чего-то, оглашение, огласка» (Даль, 1956. С. 355). Во второй половине XIX в. (в отличие от конца XVIII-го) «гласность» подразумевала действие – что-то скрытое сделать предметом всеобщего обсуждения. Журнал «Искра» не боялся разоблачений и даже гонялся за тем, чтобы предать огласке неурядиц современной жизни.

Поэт Д. Д. Минаев, наиболее заметный «искровский» поэт, в 1863 г. выпустил сборник ранних опытов. В кратком предисловии он определил направление своего творчества: «Не сознавая себя достаточно сильным для олицетворения совершенного зла в общих художественных формах, автор зато ясно видит нелепости, его окружающие, ясно сознает на самом себе тяготение этого зла и откликается на него протестом. К каждому гнусному и комическому явлению, к каждому возмутительному факту, характеризующему эпоху или время, к которому принадлежит он, автор считал себя вправе отнестись искренно и прямо, вовсе не думая о том, что он задевает этим множество маленьких самолюбий и страстишек, что он дразнит лягушек в болоте» (*Думы и песни*, 1863. С. I–II).

Сборник не удостоился благосклонных отзывов. Творчество «обличительных поэтов» ко времени выхода книги поражало однообразием и «надуманностью» описанных «возмутительных фактов». Об этом в своей пародии писал Н. А. Добролюбов:

Я видел муху в паутине,
Паук несчастную сосал;
И вспомнил я о господине,
Который с бедных взятки брал.
Я видел червя на малине,
Обвил он ягоду кругом;
И вспомнил я о господине,
На взятки выстроившем дом
и т. д.

(*Свисток*, 1981. С. 31)

В 1865 г., отойдя от юношеского увлечения «обличениями», Минаев опубликовал в той же «Искре» анонимный «Альбом светской дамы, составленный из произведений русских художников и поэтов». Там были стихи, метившие в Можайского:

Я не рожден в альбомы дам
Писать в лирическом припадке;
Могу кнутами эпиграмм
Лишь бичевать людей за взятки.
Но если б знал я, что и вы
До лихоимства очень падки,
Тогда б, не слушая молвы,
Вас обличил бы я за взятки.

Дядя Пахом

(*Искра*, 1865. № 5. С. 80)

В 1870 г., включив эпиграмму в сборник «Песни и поэмы», Минаев изменил подпись под эпиграммой, а вместе с тем и адресата – не «Дядя Пахом», а «Один из многих» (*Думы и песни*. С. 238–239), имея в виду не конкретного автора¹, а общую тенденцию описываемого направления русской литературы. Таким образом, стихи Можайского (как они описаны Минаевым) – яркий

---

¹ В словаре И. Ф. Масанова упоминаются несколько авторов, использовавших этот псевдоним, однако только театральный критик и поэт А. Н. Баженов сотрудничал с сатирическим журналом «Развлечение» (*Масанов*, 1957. С. 355). Минаев, также сотрудничавший в «Развлечении», был знаком с ним, однако вряд ли имел в виду его – Баженов скончался в 1867 г., за три года до выхода сборника «Песни и поэмы».

образчик творчества «оглашенных» поэтов (если так возможно выразиться в данном случае).

Рецензент «Наблюдателя» не нашел ничего «новгородского» в сборнике Дяди Пахома. Такой вывод (в целом справедливый по отношению к книге) нуждается в комментариях. В начале 1860-х гг. Можайский опубликовал несколько стихотворений, в которых обсудил злободневные проблемы губернского города (непонятные для читателей 1880-х гг. – поэтому автор, за единственным исключением¹, не включил их в свой итоговый сборник). Героями стихов стали новгородский губернатор Владимир Филиппович («злой старик Филимон», герой стихотворений «Приглашение» и др.), его жена Лариса Дмитриевна («Матрона города» в «Искре гласности»), ректор новгородской семинарии Макарий («гасильник Макар» в «Приглашении»), новгородский уездный врач Григорий Способин («собак покровитель отъявленный» в «Приглашении»), учитель новгородской мужской гимназии Николай Отто («злонамеренный писатель» из «Искры гласности»), Иван Вишневский (провинциальный редактор в одноименном стихотворении), Николай Городчанинов («губернский наш пиит» Чепухин из «Искры гласности») и пр.

Автор не рассматривал эти стихи в качестве единого произведения. Нам же кажется, что есть основания для объединения этих произведений в «цикл стихотворений о новгородских обывателях» на основании их тематической близости, общих героев, а также непродолжительного (трехлетнего) периода написания.

Попытки определить состав новгородского цикла, расположить внутри его отдельные части и пр. станут задачей отдельной работы. В настоящей заметке речь пойдет о частной проблеме, описанной современным литературоведом: «В общем построении цикла (ср. этимологию термина: *kuklos* – круг) чрезвычайно важна переключка первого и последнего стихотворений. Именно их соотнесенность является сигналом исчерпывающей композиции» (Фомичев, 2001. С. 81). Новгородский цикл построен по тому же принципу, если первым в его составе считать стихотворение «Искра гласности» (поэтический дебют Можайского в «Искре» (*Искра*, 1860. № 27), а заключительным – «Город древний, безобразный...» (перепев пушкинского «Города пышного, города бедного...»); (*Искра*, 1860. № 9).

* * *

---

¹ Стихотворение «Волховский хамелеон» (*Искра*, 1862. № 18; *Дядя Пахом*. С. 65–66). Новгородский полицмейстер М. И. Ланге узнал в этом стихотворении себя (*Канцелярия... Л. 252–255 об; Тысячелетие России... С. 414–429*).

В 1858 г. старший учитель Новгородской мужской гимназии Н. К. Отто (подписывавшийся инициалами Н. О.; Н. О-о) стал корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей». Повседневные занятия губернского света он описал в нескольких словах; коснувшись же губительного влияния подобного образа жизни, процитировал М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Если к картам, любимому времяпрепровождению провинциального общества, присоединить мелочность, китайские церемонии, визиты, контрвизиты, сплетни и пустоту этой жизни, то невольно скажешь с автором «Губернских очерков» и вполне поймешь слова его, проникнутые глубоким смыслом: «О, провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самодеятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь всё, даже самую способность желать!» и т. д. Каждое слово острым ножом вонзается в сердце. Сколько молодых людей, умных, добрых, прекрасных, переселяясь в провинцию и вживаясь в её жизнь, становились самыми дюжинными, обыкновенными смертными и под конец ничем не отличались от тех, кого вырастила и вспоила провинция в своих недрах, в кого она влила с молоком матери свои убеждения, от питомцев бурс с черствыми, загрубелыми понятиями» (*Санкт-Петербургские ведомости*, 1858. № 260).

Редкое культурное событие в современном Новгороде приобретает провинциальный колорит: «... в нынешнем году, в половине января, в Новгород приехала труппа актеров, занимавшая новгородскую публику водевилями. Появление таких трупп, случающееся раз в пять-шесть лет, составляет эпоху в жизни здешнего города: радостная весть о таком событии быстро разносится по городу, и театр в первое представление бывает битком набит посетителями. Это факт, доказывающий, что здешние жители не прочь от подобного рода удовольствий. К сожалению, у нас до сих пор не существует ещё постоянного театра, а обыкновенно в случае приезда какой-нибудь труппы ею занимается где-нибудь просторная квартира, в которой на скорую руку и на живую нитку, как говорится, устраивается сцена: выламываются две стены и таким образом очищается место для зрителей; ставится несколько рядов разнокалиберных старых стульев, скамеек, иногда самых затейливых, и за ними пристраивается так называемая галерея для простого народа».

Далее: «Такие театры слывут в провинции под именем *лубочных*: сцена их украшается постоянно 2, 3 декорациями, из которых одна представляет комнату, другая кулиса с намалеванными деревьями употребляется для изображения сельской жизни, происходит ли она в русской деревне и Швейцарии – это совершенно всё равно. Репертуар же странствующей труппы всегда

ограничивается следующими водевилями: «Рецепт для исправления мужей», «Ямщики», «Ворона в павьих перьях», «Неутешная вдова», «Стряпчий под столом», «Сиротка Сусанна», «Папироска», «Довольно», «Кетли, или Возвращение в Швейцарию», «Москаль Чарывник» и т. д. Нельзя сказать, чтобы в числе актеров не было иногда людей с дарованиями; но, к сожалению, они редко бывают подготовлены образованием и обстоятельствами к артистическому поприщу; большая часть из них случайно попадает на этот путь». Н. К. Отто не упомянул даже названия пьесы, сыгранной в описываемый день – она не превзошла представления, изредка происходившие в Новгороде.

Театральной постановке 1858 г. противопоставлены события вековой давности, имевшие бóльшее культурное значение: «... в Новгороде существовали театры в прошлом столетии. Во время приезда императора Петра II чрез Новгород дано было представление; актерами были студенты здешней семинарии. Позже, в царствование императрицы Екатерины II, в городе существовал постоянный театр с большою труппою и оркестром. Это факт, может быть, неизвестный; но в достоверности его трудно усомниться, потому что нам случайно попала в руки книга со следующим заглавием: «Епилог Астрея, представленный на новгородском театре, при конце героическая комедии: «Алберт Первый», декабря 6-го дня, 1776 года». В этой же книге напечатана другая пьеса: «На нашей улице праздник», пословица, представленная на том же театре. Место не позволяет нам здесь войти в подробный разбор обеих пьес, весьма интересных как по содержанию, так и по языку, а главное, вносящих новую страницу в историю Новгорода. Весьма любопытны были бы известия об этом театре; но, к сожалению, об нем не сохранилось в народе никаких преданий и едва ли уцелели ещё какие-нибудь сведения в печати» (*Санкт-Петербургские ведомости*, 1858. № 58). Упоминается книга писателя и драматурга М. И. Веревкина (1732–1795), изданная в Москве в 1777 г.

Одно из писем вызвало скандал, ставший предметом обсуждения в губернской и столичных газетах и пересудов в новгородском свете. Этот же скандал пробудил творческую фантазию Можайского – автора цикла стихотворений о новгородских обывателях.

7 ноября 1838 г. Николай I подписал рескрипт об учреждении Комитета Главного попечительства детских приютов. Двумя годами позднее Комитет выработал «Положение о детских приютах». Новое учреждение, по мысли разработчиков, должно напоминать современные детские сады (при этом актуальным оставалось и утвердившееся значение приютов – домов, в котором

содержались сироты, одинокие старики и пр.): Комитет «вникнул в положение трудолюбивых отцов семейства, которые, выходя из домов на работу от раннего утра до позднего вечера, не знают, кому поручить малолетних детей своих. И таким образом находятся между двух крайностей: или, уходя на работу, оставлять детей своих без призора, или, оставаясь дома, терять честное средство для пропитания...». В приютах содержались дети «обоего пола» в возрасте от 3 до 10 лет; с мая по сентябрь воспитанники находились там с 7 часов утра до 9 часов вечера, в остальные времена года – до 8 часов вечера (*Валдайское казначейство*. Л. 3; 11 об).

Долгая (двадцатилетняя!) «предыстория» новгородского приюта описана Н. К. Отто: «Ощутительный недостаток подобного благотворительного учреждения в Новгороде подал ещё в 1840 году местным жителям основать приют для призрения сирот. В том же году начался денежный сбор в пользу его, и в течение 18 лет, вследствие частных приношений и пожертвования в 1853 году 1500 р. Его Императорским Высочеством Великим Князем Николаем Николаевичем, изъявившим согласие на желание жителей назвать предполагаемый приют в честь Его имени Николаевским, капитал увеличился до 12 000 р. и приобретен был дом для его помещения; если не ошибаюсь, то для этой цели было избрано здание древней Ярославовой башни» (*Санкт-Петербургские ведомости*, 1858. № 99; *Боровичский уездный предводитель*. Л. 6). Приют, рассчитанный на 50 воспитанников (располагавшийся в двухэтажном каменном доме на углу Дмитриевской (в настоящее время – Великой) и Козьмодемьянской улиц (*Материалы*. 1901. С. 66) был торжественно открыт 27 июля 1860 г. (*Канцелярия губернатора*. Л. 435; *Новгородские ведомости*. 1860. № 35).

В Новгороде разыгрывались благотворительные лотереи, устраивались музыкальные концерты и даже театральные постановки. Жена начальника губернии Л. Д. Филиппович, ставшая попечительницей приюта, пыталась добросовестно исполнять возложенные на неё обязанности, а губернская газета приветствовала проявления человеколюбия у представителей высшего общества (*Новгородские ведомости*. 1858. № 14). Заслуги Ларисы Дмитриевны были настолько значительными, что её супруг счел необходимым поблагодарить её в «Новгородских губернских ведомостях» (*Новгородские ведомости*. 1860. № 36. 5 сентября).

Описывая одну из театральных постановок, случившихся в 1858 г., Н. К. Отто допустил три неосторожных фразы: «... здешними дилетантами была сыграна комедия Гоголя «Женитьба», произведение классическое,

проникнутое высоким комизмом. <...> Некоторые роли не были, как следует, выдержаны с начала до конца. Tête à tête между Агафьей Тихоновной и Подколесиным был уже чересчур натянут и пересолен. В свахе Фекле Ивановне много было разбитности и вертлявости, и, вообще говоря, дух, жизнь пьесы остались не поняты играющими» (*Новгородские ведомости*. 1858. № 260). Такого незначительного повода оказалось достаточно, чтобы пресса, власти, местное общество ополчились на автора.

14 декабря 1858 г. В. И. Филиппович обратился к министру просвещения Е. П. Ковалевскому с письмом и просил пресечь «неуместные выходки», а в поступке автора (названного по имени) увидел опасный «дух всеобщего порицания». В этом же донесении начальник губернии раскрыл имя «вертлявой» актрисы-дебютанки – ею была Варвара Петровна Мышецкая, супруга губернского предводителя дворянства (*Канцелярия губернатора*. Д. 1813; *Тысячелетие России*. С. 417–418).

«Автор письма дозволил себе судить без всякого снисхождения, самым резким и беспощадным образом гг. любителей; имел ли он на это право? – задавались вопросом губернские «Ведомости». – По нашему мнению, никакого. Гг. любители, устроив благородные спектакли, имели двоякую цель: содействовать скорейшему открытию в Новгороде детского приюта и внести в общественную жизнь некоторое разнообразие, отсутствие которого было прежде весьма заметно по невыгодному положению нашего губернского города близ столицы. Обе цели имели блистательное последствие. В пользу приюта собрана значительная сумма, а из старожилов редко кто помнит такое веселое время. По всей справедливости, новгородское общество обязано самую искреннюю благодарностью гг. любителям. Если исполнение некоторых ролей не было доведено до совершенства, то все исполнено вполне удовлетворительно. Требовать большего от гг. любителей, ни по воспитанию, ни по своему положению в свете никогда не готовившихся к театральному поприщу, было бы совершенно несообразно и неестественно» (*Новгородские ведомости*. 1859. № 3).

К 1860 г. эта история стала предметом обсуждения столичных журналистов. В «Северной пчеле» обсудили непомерно длительный срок, понадобившийся новгородским чиновникам для воплощения этой идеи правительства: «Детские приюты, открывавшиеся в сороковых годах, были как бы предшествующими явлениями женских училищ и воскресных школ, открываемых ныне повсеместно. <...> Но как бы то ни было, в старейшем русском городе, в Новгороде, в настоящее время учрежден ещё пока детский

приют, о женских же училищах и воскресных школах там ещё и не помышляют». Обсудил корреспондент и статью В. И. Филипповича о своей супруге: «... В Новгороде <...> супруг печатно свидетельствует подруге жизни своей благодарность от лица города за её усердную и полезную деятельность. Таким образом, <...> празднества по случаю открытия приютов способствуют публичному проявлению супружеской любви и преданности».

Досталось и противоположной стороне. Отто был обвинен в отсутствии элементарного такта и интеллигентности: «А когда же в Новгороде явятся женские училища и воскресные школы? Почти повсеместно инициатива первых происходила от городских голов, а инициатива вторых – от учителей гимназий и училищ и от других людей с истинным образованием. Здесь разумею мы истинное образование, развиваемое нашими университетами, а не то «образование», которое приписывают себе острые кружки в провинциях, отчего великое слово *образование* с каждым днём у нас делается более и более пошлым, так что чувствуется уже настоятельная потребность заменить его другим, чтобы не смешивать истинно образованных провинциалов с так называемым «образованным кружком» (*Северная пчела*, 1860. № 199).

«Искра» же высмеяла недалёковидность новгородского губернатора, раскрывшего имена актеров, занятых в «Женитьбе»: «Решительно, нашей гласности везет, решительно, она делает бóльшие и бóльшие успехи! <...> Одна партия рассказывает про разные злоупотребления, обличает так называемые общественные язвы; но при этом по обстоятельствам, от неё не зависящим, не называет никого по именам; и читатели часто узнают только, что *один господин* в *одном городе* сделал такую-то низость (о низости рассказывается подробно). Вот тут-то является на помощь гласности партия *отсталых*; те господа, которых затронули, не поименовав их, начинают кричать: «Это мы! это нас оскорбляют!» Таким образом, гласность получает действительное применение. Итак, мы правы, говоря, что гласности у нас все помогают: прогрессисты выводят наружу, отсталые люди называют имена совершивших действия. Вы, пожалуй, назовете это парадоксом, но обсудите дело хорошенько, и вы согласитесь в справедливости наших слов. <...> г. Н. О. напечатал в «Санкт-Петербургских Ведомостях» письмо о городе Н... По начальной букве этой мы не догадались, что это за город... Мало ли городов начинается на *Н?*.. Вдруг жители его узнают себя в этом описании и поднимают такую тревогу во всеуслышание, что мы узнаем, где происходило всё, описанное г-м Н. О...» (*Искра*, 1859. № 34).

Стихотворение «Искра гласности» опубликовано в июльском номере «Искры» (сразу после открытия Николаевского приюта), когда описанные

выше события последних двух лет были на слуху у читателей. Можайский не преувеличил значительности повода («булавки острой») – возмущение провинциалов приобретает комические черты. При этом автор точен в описании событий, произошедших в Новгороде после публикации статьи Отто:

По совести сказать, я уважаю гласность,
Хотя и ждет меня за это здесь опасность,
Хоть гонит за неё со света Филимон;
Но я люблю её правдиво-резкий тон,
Насмешку колкую и меткую порою,
Булавку острую упорному застою!..
В провинции у нас – мне весело, смешно,
Когда, затронутый не дельным рассуждением
(Его здесь не поймут), а бойким выраженьем,
Каким-нибудь словцом, наш закоснелый люд
Проснется и зовет писателя на суд,
И воеет, и ревет в бессилии забавном,
И жалобы строчит смешные к лицам главным!..

<...>

Озлился, зашумел губернских сплетниц ряд,
И оглушил мужей немолчный их набат.
Устроив митинги, где в роде камертона
Матрона города, супруга Филимона
Они кричат все вдруг, что надо разыскать,
Кто, о провинции осмелившись писать,
Затронул их наряд и дорогой и модный,
И даже осмеял спектакль их «благородный»...

(Искра, 1860. № 27)

«Пушкинское» стихотворение Можайского, написанное в 1862 г. (как раз в этом году в Новгородской губернии сменился начальник), подвело итог новгородскому циклу:

Город древний, безобразный;
Дух сивухи, башни, вал
Цвет небес иссеро-грязный,
Сплетни, карты и скандал.
Все ж на вас гляжу с любовью,

Так как здесь воспеты мной
Филимон с седою бровью
И Макар с своей лозой...

(Искра, 1862. № 9)

Эти строки – перепев пушкинского «петербургского» восьмистишия:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит, –
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

(Пушкин, 1948. С. 124)

Для верной оценки стихотворения Можайского необходимо иметь в виду, что его перепев – третье по счету переложение пушкинских стихов, опубликованное в «Искре» за два с небольшим года. Перепевы, опубликованные в журнале до появления миниатюры Можайского, односложны, ср.:

Город душный, город грязный,
Грустный вид окрестных гор,
Скука жизни пошло-праздной,
Карты, сплетни, бездна ссор.
Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Простучат худые дрожки
С налижавшимся судьей...

(Искра, 1859. № 9)

Добиваясь узнаваемости, автор перепева сохранил ритмику и синтаксис пушкинского стихотворения, почти дословно повторив начальные строки обоих четверостиший. В перепеве не сохранилось пушкинской контрастности эпитетов и частей: вместо «пышного», но «бедного» «душный» и «грязный»

город (не «маленькая ножка» и «локон», а «нализавшийся судья»). Нагнетая отталкивающие черты условного города, автор сузил содержание исходного для него стихотворения.

Н. А. Добролюбов, посвятивший перепевам большую статью, отметил, что они «читаются с удовольствием и означают, что то, на что они намекают, уже не пользуется особенным сочувствием публики <...> видя, как принимается бесчисленное множество пародий, появившихся в последнее время и потешающихся всего более над реликвиями пушкинского периода, мы считаем себя вправе заключить, что время процветания этого рода поэзии уже прошло» (*Добролюбов*. Т. 6. С. 213, 214).

Еще один (столь же «односложный») перепев из «Искры» – анонимное стихотворение «Песня камелии» также можно счесть не более как «насмешкой» над Пушкиным:

Старец пышный, старец дряхлый,
Весь в морщинах, стар и сед,
Цвет лица зелено-чахлый,
На ногах подагры след.
Пусть не мальчик, пусть не франт ты,
Но за то ты сердцу мил,
Что дарил мне бриллианты,
Ассигнации дарил.

(*Искра*, 1860. № 18)

Пародия Можайского кажется нам наиболее удачной и близкой Пушкину. А противоречивое поэтическое восприятие «города древнего» (за которым без труда угадывается Новгород) и его обитателей становится понятным, если учесть ту напряженную атмосферу, которая описана в «Искре гласности», открывающей цикл новгородских стихотворений.

Литература и источники

Боровичский уездный предводитель – Боровичский уездный предводитель дворянства // ГАНО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 67. Л. 6.

Валдайское казначейство – Валдайское уездное казначейство // ГАНО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 11 об.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Москва, 1956. Т. I. 669 с.

- Директор народных училищ* – Директор народных училищ Новгородской губернии // ГАНО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 22. Л. 271–272.
- Добролюбов* – Добролюбов Н. А. Собрание сочинений Т. 1–9. Москва, 1961–1964.
- Думы и песни.* – Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека). Санкт-Петербург, 1863. [4], IV, [4], 308 с.
- Дядя Пахом* – Дядя Пахом <Можайский И. П.>. Собрание стихотворений, прежних и новых. Санкт-Петербург, 1885. 84 с.
- Искра* – Искра. Сатирический журнал с карикатурами. 1859–1873.
- Исторический вестник* – Исторический вестник (журнал). 1880–1917. 1893. Т. LII. 986 с.
- Канцелярия губернатора* – Канцелярия новгородского губернатора // ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2232. Л. 435.
- Круглов* – Круглов А. В. На исторической реке (Путевые негативы). Великий Новгород, 2016. 274 с.
- Масанов* – Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1–4. Москва, 1956–1960. Т. 1. 1956. 442 с.
- Материалы* – Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Т. I. г. Новгород. Новгород, 1901. [2], 36, 16, 239 с.
- Наблюдатель* – Наблюдатель (журнал). 1882–1904. 1885. № 7.
- Новгородские ведомости* – Новгородские губернские ведомости (газета). 1860. № 35.
- Пушкин* – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. I–XVI. Москва–Ленинград, 1937–1948. Т. III. 1948. 634 с.
- Русские писатели* – Русские писатели. 1800–1917. Т. 1–6. Москва, 1989–2019. Т. 4. 717 с.
- Санкт-Петербургские ведомости* – Санкт-Петербургские ведомости (газета). 1858. № 260.
- Свисток* – Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863. Москва, 1981. 592 с.
- Северная пчела* – Северная пчела (газета). 1825–1864.
- Словарь* – Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. Санкт-Петербург, 1789–1794. Ч. II. 746 [1] с.
- Тысячелетие России* – Тысячелетие России в записках, мемуарах, документах. Великий Новгород, 2019. 522 [1] с.
- Учебный курс географии* – Учебный курс географии Новгородской губернии (Родиноведение). Составлен Иваном Можайским, инспектором народных училищ Новгородской губернии, 1 района. Новгород, 1878. [4], 2, 74.
- Фомичев* – Фомичев С. А. Служенье муз. О лирике Пушкина. Санкт-Петербург, 2001. 250 [3] с.

ВИДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ БЕСПРИЗОРНЫХ И БЕЗНАДЗОРНЫХ ДЕТЕЙ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1927 гг.

Начало XX столетия было для нашей страны весьма трагичным: Первая мировая война, Великая российская революция и последующая за ними Гражданская война повлекли за собой резкий упадок промышленности, безработицу, голод, обнищание значительной массы населения, увеличение смертности и т. д. Следствием ухудшения социально-экономического положения стало увеличение числа беспризорных детей.

Прежде чем переходить к видам детских учреждений в Новгородской губернии, стоит обратиться к числу беспризорных детей на её территории. К началу 1919 года точного учёта детского населения по Новгородской губернии не велось. Так, в письме Губисполкома г. Новгорода № 1255 Совету защиты детей при отделе народного образования говорится о том, что губернское статистическое бюро не располагает сведениями о числе детей губернии в возрасте от 5 до 15 лет. Есть сведения об общем количестве беспризорных детей на территории Новгородской губернии за сентябрь 1922 г. – их число составляло 3632. В 1924–1925 гг. приблизительное количество беспризорных по губернии составляло 5000 человек, из них нуждающихся в определении в детские учреждения интернатного типа и безнадзорных, нуждающихся в трудовых и культурно-просветительских учреждениях 3464 человека (*Дубоносова, 2011. С. 194–201*).

Начать обзор деятельности учреждений стоит с приёмника-распределителя (далее приёмник), поскольку он являлся первичным звеном в цепи оказания социальной помощи беспризорным детям. Он представлял собой учреждение временного пребывания. Губернский отдел социального воспитания (Губсоцвос) рассматривал приёмник как распределительный пункт, который был готов каждую минуту принять беспризорного ребёнка, поэтому зачастую, если имелась такая возможность, его старались устроить в самом городе.

Дети поступали из разных учреждений (УНО, ГПУ, Угрозыска, милиции, иногда из детских домов), некоторые в приёмник приходили сами. Перегруженность приёмника была привычным делом, это зачастую приводило к отсутствию одежды и обуви, недостатку питания, что делало невозможным воспитательную и педагогическую работу. Пребывание детей в приёмнике

составляло от 1 до 3-х месяцев, но были и дети, находившиеся там более года. Из всего состава детей, проходящих через приёмник, 60% отправлялись в нормальные детские дома, 20% – в колонии морально-дефективных детей и Дом беспризорного ребёнка, оставшиеся 20% – возвращались родителям или сбегали из приёмника (*Документы о работе*. Д. 224. Л. 1014).

Что касается детского дома, то это наиболее распространённый вид учреждения в системе организации работы с беспризорными детьми. Детские дома, создававшиеся в 1920-е гг., не были однотипными, а ориентировались на разные категории детей: для нормальных детей, для детей, выросших в антисоциальном окружении, для детей физически и умственно дефективных, для слабых и больных детей.

На сентябрь 1920 г. в Новгородском и Боровичском уездах насчитывалось по 9 детских домов в каждом; в Старорусском – 3; в Маловишерском – 4; в Демянском – 2; в Бологовском – 2; в Крестецком – 2 (*Документы о работе*. Д. 184. Л. 84). К 15 декабря 1921 г. в Новгородской губернии насчитывалось 60 детских домов. В Боровичском уезде – 12; в Валдайском, Новгородском и Старорусском уездах по 10 домов в каждом уезде; в Маловишерском – 11; в Демянском – 4; в Крестецком – 3 (*Переписка*. Л. 235).

Уже существующие детские дома обследовала комиссия, состав которой не был постоянным. Туда могли входить и заведующий губпродкомом, и представитель подотдела питания, заведующий подотделом охраны детства, учителя и др. Помимо внешних характеристик учреждения, она также уделяла внимание тому, как организованы учебный и воспитательный процессы, оценивала общее состояние детей, их содержание и взаимоотношения.

Хорошим примером служит обследование детского дома им. А. В. Луначарского в г. Новгороде. Детский дом представлял собой большой двухэтажный деревянный дом. Из 39 комнат и коридоров детьми было занято 4, служащими 3, пустым оставалось 14. Оставшиеся помещения занимали кухня, амбулатория, кладовые. Отапливалось это помещение 22 печками, при этом большинство печей были или же совершенно не пригодны, или требовали срочного ремонта. Отмечается антисанитария, наличие клопов, рваное и грязное постельное бельё у воспитанников. Общий вид помещения был казарменный, грязный и неудобный. Из всего состава служащих одна воспитательница, которая во время обследования была занята, т. к. выполняла ещё функции заведующего хозяйственной частью.

Что касается самих воспитанников, то там их находилось не больше 50. Одежда на детях была грязная и рваная, не у всех детей имелась обувь. Воспитанием детей никто не занимался (*Документы о состоянии*. Л. 28).

Но проблемы в детских домах были связаны не только с хозяйственной частью. В докладе по обследованию детского дома в бывшем монастыре Деревяницы за февраль 1920 г. говорится о жестоком обращении с детьми заведующей детдомом – «Выяснилось, что заведующая вместе с некоторыми работниками наказывает детей, запирает их в холодную комнату на несколько часов и бьёт плёткой» (*Документы о состоянии*. Л. 28).

Иногда детские дома открывались при различных учреждениях. Например, есть акт от 16 мая 1922 г. об обследовании детского дома при больнице. Комиссия по обследованию детских домов указывала на то, что питание крайне неудовлетворительно, грязное помещение, дезинфекция которого не производится. Уборная и кухня находятся в антисанитарном состоянии. Много тараканов и мыла для стирки совершенно не имеется (*Новгородская губерния*, 2013).

На территории Новгородской губернии также был открыт детский дом им. Лассаля, предназначенный для голодающих детей из Поволжья. Располагался он в селе Медведь и функционировал в 1921–1923 гг. Закрыт он был по причине отправки голодающих детей на свою Родину (*Иванов*, 2013).

При необходимости обустроить голодных и безнадзорных детей, колонии начинают открываться, зачастую спонтанно, в различных уездах Новгородской губернии. С целью формирования единой политики при организации и функционировании детских колоний Губернским отделом народного образования 6 июля 1919 г. был организован съезд заведующих колониями губернии, для обсуждения вопросов, касающихся устройства колоний, плана занятий в них и пр. (*Дубоносова*. С. 194–201).

Колонии организовывались в основном либо в черте города, либо за городом. Иногда уездный совет защиты детей не мог приступить к организации колонии из-за недостатка продовольствия или из-за нехватки помещений. В 1919 г. было известно о четырёх колониях, имеющих в пределах Новгородского уезда. Колония «Малые Теробони» на 60 человек, «Хрепле» также на 60 человек, «Трубников Бор» на 240 человек, и колония, не имеющая названия Известны также две колонии в Старорусском уезде – «Тополево» и «Кошелево» и две колонии в Бологовском уезде – Зинкинская и Горская колонии. И по одной колонии в Маловишерском уезде под названием «Малышево» и детская колония «Городок» в Боровичском уезде. В Крестецком уезде колоний на 1919 год не имелось, устроить их тоже не представлялось возможным (*Переписка*. Л. 235).

Организация колоний в бывших имениях, расположенных на территории Новгородской губернии, всегда осложнялась нехваткой инвентаря, постельного

белья, столовых приборов и т. п. Новгородский исполнительный комитет даже обращался в военный комиссариат с просьбой выдать на временное пользование кровати из бывших артиллерийских складов (*Дубоносова*. С. 194–201).

Детей в колонии принимали по тем же причинам, что и в детские дома. Так, например, жительница новгородской губернии В. С. Лотухина подала заявление о приеме её младшего тринадцатилетнего брата в детскую колонию, поскольку она, как единственная кормилица в семье, не может обеспечить нормальное содержание мальчика (*Документы о работе*. Д. 224. Л. 1014).

Состояние колоний было весьма плачевное. В акте об осмотре детского дома в Валдайской Иверской колонии, составленном инструктором губернского продовольственного комитета (губпродком), указывается на плохо отремонтированную кухню, отсутствие оконных стёкол в столовой, и на то, что все помещения колонии требуют ремонта (*Документы...* Л. 66).

Но уже к 1925 г. состояние детских домов и колоний стало улучшаться. В акте за 27 января 1925 г. об обследовании дома Беспризорного ребёнка, находящегося в Новгороде на ул. Московской, отмечается хорошее питание детей, приличное состояние помещений, наличие одежды и обуви у всех воспитанников. Персонал, обслуживающий детские учреждения уже на 90% состоял из людей, имеющих среднее образование, а по стажу на 50% до 5 лет (*Дубоносова*. С. 194–201).

Что касается воспитательной деятельности в детских домах и колониях, то поначалу она либо вообще отсутствовала, либо осуществлялась весьма плохо. Иногда в распоряжении детского дома не было ни подходящих для чтения книг, ни игр. Дети зачастую были предоставлены сами себе. Позже воспитательная деятельность стала постепенно налаживаться. В Боровичской газете «Красная искра» за 1925 г. напечатана статья о колонии в селе Ровное, состояние которой оценивается положительно. Говорится о хорошем подборе воспитательского и педагогического состава, о наличии библиотеки в колонии, которая обслуживает и жителей соседних деревень (*Красная Искра*, 1923).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что учреждения для беспризорных и безнадзорных детей сталкивались с различными проблемами, которые были распространены по всем уездам в губернии: неквалифицированный персонал или вообще его отсутствие, недостаток инвентаря, свободных помещений, продуктов и многое другое. В первые годы существования детских домов прежде всего обращали внимание на то, чтобы обеспечить детей обувью и одеждой, чтобы помещения, в которых им

предстояло жить, были достаточно чистыми и пригодными для проживания, осуществлялся медицинский надзор и пр. После того как удавалось наладить бытовую среду, стали уже заниматься разработкой методик по учебно-воспитательной деятельности. В детских домах организовывалась клубная работа, работа в мастерских, дополнительные занятия, иногда театр. Также с беспризорниками работали пионерские организации. В колониях это дополнялось ещё сельскохозяйственными работами на территории самой колонии. И к 1927 г. уже можно было говорить не только о достаточно разветвлённой сети детских учреждений, но и об улучшении жизни детей, в этих учреждениях.

Литература и источники

Документы – Документы детских домов Бологовского уезда (доклады, акты, списки, переписка) // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 166. Л. 66.

Документы о работе. Д. 184 – Документы о работе детских домов губернии (сведения, анкеты, ведомости, сметы, переписка) // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 184. Л. 84.

Документы о работе. Д. 224. – Документы о работе детских домов губернии (протоколы, отчёты, доклады, акты, сведения, сметы, списки, переписка) // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 224. Л. 1014.

Документы о состоянии – Документы о состоянии столовых, детских домов, школ, садов и госпиталей (акты, сведения, счет) // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 510. Л. 28.

Переписка – Переписка с губернским и уездным Советами защиты детей, колониями и детскими садами о борьбе с детской беспризорностью, об оказании материальной и финансовой помощи детским колониям и приютам // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 195. Л. 235.

Красная искра – Красная искра (газета). 1923. 24 мая. № 22.

Новгородская губерния – Новгородская губерния. Повседневная жизнь. 1918–1927 гг. Сборник документов / отв. ред. Т. М. Воронина. Санкт-Петербург, Нестор-История, 2013. 411 с.

Иванов – Иванов В. Н. Любимое село. Исторические сведения о селе Медведь и его жителях. Великий Новгород: Виконт, 2013. 259 с.

Дубоносова – Дубоносова А. Э. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних в Новгородской губернии (1917–1927 гг.) // Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: Материалы второй Международной научно-практической конференции. 13–14 мая 2011 года. Великий Новгород, 2011. 286 с.

ПЕНСИОННАЯ КАССА СЛУЖАЩИХ БЫВШИХ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 г.

После Октября 1917 г. Советская власть начинает активно распространять свой контроль на все наиболее важные отрасли социально-экономической и хозяйственной жизни, как в центре, так и на местах. Финансово-кредитная сфера считалась наиболее важной, поэтому большевиками были национализированы, прежде всего, крупнейшие государственные кредитные учреждения – Государственный, Дворянский, Крестьянский поземельный и прочие банки. Эта же участь ожидала и акционерные банки, несмотря на то, что в их капиталах значительную часть составляли зарубежные капиталы, прежде всего союзников по Антанте. Национализация и отказ от долгов царского и Временного правительств стали важнейшей частью хозяйственной политики нового Советского правительства, т. к. это в изначальном лишило оппозицию экономической основы для организации сопротивления.

Однако чуть позже были ликвидированы и более мелкие кредитные учреждения – муниципальные городские общественные банки (12.02.1918) и частные общества взаимного кредита (10.10.1918). В целом это укладывалось в политику новой власти, т. к. капиталы, составлявшие основу этих банков и обществ, имели, как правило, происхождение от «бывших», «эксплуататорских» классов населения – прежде всего купцов и дворян (куда наряду с помещиками входили и чиновники, офицерство и проч.) (*Постановление*, 1942. С. 1394–1396; *Циркуляр*, 1942. С. 1021–1022).

С другой стороны, деятельность этих кредитных учреждений носила явный коммерческий характер – содействие торговле, получение личной финансовой выгоды. Следовательно, для новых революционных властей эти кредитные учреждения были не только «осколками старого мира» и капиталистической экономики, но и оплотом финансового закабаления и эксплуатации трудящихся буржуазией, денежным оплотом контрреволюционных сил.

Таким образом, национализация данных кредитных учреждений со стороны большевиков имела не только ярко выраженную классово-революционную направленность на ликвидацию бывших «эксплуататорских» сословий, но и четко указывало на установление полной монополии на

финансово-кредитную сферу государственной и хозяйственной жизни. Советы прекрасно понимали её значение для удержания собственной власти и организации сопротивления контрреволюции.

Впрочем, для предстоящей мировой революции и ожидаемой ликвидации денег, как и других атрибутов старого мира (политика «военного коммунизма») дальнейшая деятельность этих кредитных учреждений на данный момент вообще не имела большого значения и смысла. Скорее, новые власти хотели отсечь возможные силы контрреволюционного сопротивления от финансов. С другой стороны, серьёзный экономический и продовольственный кризис, преследовавший российские власти на протяжении 1916–1917 гг. показал необходимость мобилизации денежных средств для осуществления первых шагов Советской власти и преодоления тяжелейшего положения на местах, в том числе, и в Новгородской губернии (*Новгородская губерния*, 2013. С. 33–34; *Новгородская земля*, 2006).

Таким образом, начало установления полного контроля над финансовой сферой было положено декретом о национализации банков. В подготовительных документах к нему уже оценивалась и возможность аннулирования внешних займов. Однако, при разработке этого декрета, В. И. Ленин пока всячески подчеркивал защиту прав мелких вкладчиков и держателей небольшого количества ценных бумаг (*Декрет*, 1987. С. 109–145).

Однако большевики, следуя логике событий, должны были рано или поздно затронуть сферу и мелкого кредита, прежде всего, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, ломбарды, различные кассы (взаимопомощи, пенсионные, сберегательные и проч.). Учреждения этой сферы получили очень широкое развитие в конце XIX – начале XX в. и особенный импульс – в годы Первой мировой войны как часть кооперативного движения, испытывавшего в годы войны относительный подъём. Собственно, задуманные для противодействия ростовщикам, эти кредитные учреждения давали возможность крестьянам и ремесленникам развивать своё хозяйство, получая кредиты и ссуды на льготных условиях. Более того, они и были основаны в большей части на сбережения своих членов и в меньшей степени на средства благотворителей.

Таким образом, на первый взгляд эти учреждения не должны были попасть под ограничительные санкции новых властей или под национализацию, напротив, исходя из бедственного положения масс, сложившегося в 1917 – начале 1918 г. их необходимо было поддерживать. Кроме того, объединение трудящихся, хотя бы и в рамках кооперации, совсем не противоречило социализму, а значит и революционным лозунгам.

Однако на деле два обстоятельства препятствовали поддержке этих учреждений со стороны большевиков. Во-первых, они считали своей социальной опорой, прежде всего беднейшие слои городского и сельского пролетариата (например, бедняков и батраков), которые, естественно, никакими лишними деньгами не обладали и ни в каких кредитных организациях не участвовали. То есть, на деле это были учреждения для поддержки не самых бедных слоев населения. Во-вторых, количество этих небольших кредитных учреждений составило очень большое число (более 15 тысяч), а сумма аккумулированных в них денег оказалась весьма значительной, и передавать её вне сферы своего влияния большевики не собирались.

Кроме кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, созданных, в целом, для содействия развитию мелких хозяйств, например крестьян или ремесленников, большое развитие получили и учреждения, не имевшие прямого экономического назначения, например ссудо-сберегательные и пенсионные кассы. Распространились они и в среде чиновничества, в том числе, и новгородского. В архивных фондах отложились документы об организации и деятельности подобных касс, как земских служащих Новгородской губернии, так и в учреждениях различных ведомств (*Об утверждении проекта, 1862*).

Какое значение они имели в жизни небогатого провинциального служащего и чиновника охарактеризовал секретарь местного статистического комитета В. А. Подобедов при реорганизации ссудо-сберегательной кассы служащих в правительственных установлениях МВД по Новгородской губернии в 1907 г.: «...учреждаемая касса будет не мертворожденное учреждение, а жизнедеятельное, способное поддержать своих членов в критические минуты жизни, из которых, собственно, соткана вся тяжелая, полная лишений жизнь чиновничества, особенно мелкого, малообеспеченного материально во время службы и совершенно беспомощного с того момента, когда за ним закрываются двери, приютившей его до того канцелярии. Наше ведомство одно из забытых ... Но, как бы ни были тяжелы условия жизни при службе, они делаются безвыходными после службы, вслед за отставкой. Положение уволенного чиновника настолько трагично, что у меня нет умения его обрисовать с достаточной ясностью, никто в жизни так мало не обеспечен возможностью применить свой труд, как чиновник. Ремесленник, приказчики, чернорабочие и прислуга ничего не теряет, расходясь с хозяином, они только меняют лиц, дома, места, но не плату, не условия труда и жизни. Спрос на эти виды труда есть всегда... В профессии же чиновничества, особенно теперь, при

конкуренции женщин, ничего подобного нет, а наоборот, предложений больше, чем требований...» (Васильев, 2013. С. 42–47; Ссудо-сберегательная касса, 1907. Л. 1, 108–109).

Однако не стоит забывать, что значительное число бывших служащих государственных и земских учреждений оказались в прямой оппозиции Советской власти. Прежние губернские и уездные органы управления (в том числе и земские учреждения) подлежали ликвидации, и их дела передавались местным Советам. Естественно, что оппозиционно настроенные служащие зачастую не оказывали содействия новым властям и не торопились поступать к ним на службу. В этом отношении блокирование средств пенсионных и вспомогательных касс могло являться дополнительным средством давления на служащих, лишавшихся своих вложенных в эти кассы средств.

Подтверждением этому служит история с ликвидацией пенсионной кассы служащих в бывших земских учреждениях Новгородской губернии (*Переписка*, 1918. Л. 558–569).

В связи с переходом земств в ведение местного Совета эта пенсионная касса подлежала ликвидации, а её капитал – выдаче служащим. 1 марта 1918 г., касса была закрыта, а 4 июля её бухгалтер Блинов ходатайствовал в Ликвидационную комиссию об обмене ценных бумаг (в которые были вложены средства её членов) на деньги и выдаче процентов по капиталу за второе полугодие 1917 г. и первое полугодие 1918 г.

На 7 июня 1918 г. пенсионной кассе принадлежали следующие ценные бумаги (*Переписка*, 1918. Л. 558–558 об.):

Ценные бумаги в собственности пенсионной кассы

Ценные бумаги	Сумма
4%-ная Государственная рента	5700
4%-ные облигации бывшего Главного общества Российских ж/д 1858 г.	1536
5%-ные облигации внешнего займа 1906 г.	309,38
5%-ные облигации внешнего займа 1915 г. 1 вып.	1250
4%-ные свидетельства Крестьянского поземельного банка	28,50
Итого	8823,88

В связи с тем, что капитал кассы в сумме 1 364 175 руб. (по номинальной стоимости) находился в процентных бумагах стоимостью от 100 до 25 тыс. руб. за один лист, выдача его на руки членам в бумагах представлялась невозможной, так как участников кассы насчитывалось на 1917 г. до 2 тысяч

человек и в среднем сумма составляла около 600 руб. на одного человека. То есть, требовался обмен бумаг на наличные деньги и затем уже выдача бывшим членам кассы.

В связи с этим ликвидационная комиссия обратилась в Народный комиссариат финансов с соответствующей просьбой. Народный банк (преобразованный из бывшего Государственного банка) разрешил местному отделению выдать ликвидационной комиссии под эти бумаги ссуду на общих основаниях в форме специального текущего счёта в размере 50% от номинала бумаг и провести оплату неаннулированных купонов 1917 г. тех же бумаг. Однако Отделом местных учреждений это предложение в Москву отослано не было (*Переписка*, 1918. Л. 560–560 об.)

Ликвидационная комиссия просила Отдел местных учреждений разрешить этот вопрос в срочном порядке, руководствуясь тем, что пенсионный капитал кассы в большинстве сложился из отчислений от жалованья земских служащих («составляет сбережения трудящихся») и составляет незначительные суммы по 500–1000 руб. на каждого за десятки лет службы и в редких случаях достигает 4000–6000 руб. для прослуживших 25–30 лет. Проблема приобрела большую важность, особенно в условиях острой нехватки денежной массы на местах и постоянного роста цен, главным образом, на продукты питания, дрова, медикаменты, обувь и проч. Затягивание решения вопроса о выдаче средств членам касс неминуемо превращало их сбережения в пыль, т.к. дефицит бюджета покрывался только постоянной эмиссией бумажных денежных знаков, что привело к галопирующей инфляции, когда цены даже на самые обиходные товары очень быстро достигли миллионов рублей, пресловутых «лимонов».

Тем не менее, 5 сентября 1918 г. НКВД отказал в удовлетворении этого ходатайства, указав на то, что обмен процентных бумаг на наличность будет, по существу, досрочным выкупом государственных долгосрочных обязательств. Это нарушит план погашения государственных займов, нанесет ущерб Государственному казначейству и вызовет «переполнение и без того наводненного деньгами рынка. Таким образом, замена наличными деньгами аннулируемых процентных бумаг, очевидно, должна повлечь за собой губительные для наших государственных финансов последствия, а потому и ходатайство Новгородского губернского земства о реализации указанных выше процентной бумаг не должно быть удовлетворено» (*Переписка*, 1918. Л. 562).

Зав финансовым отделом губисполкома Ульрих попытался несколько успокоить просителей, отметив, что по сообщению Кредитной канцелярии, последней в настоящее время разработан и внесен уже на рассмотрение Совета

народных комиссаров проект декрета о способах удовлетворения учреждений, несущих ущерб от аннулирования государственных займов.

Однако насколько эти ожидания были реальны, показывает служебная записка, поступившая из Управления делами новгородского Губернского комиссариата продовольствия в Финансовый отдел Новгородского облисполкома 4 ноября 1918 г. (за подписью губкомиссара по продовольствию): «Просим принять меры к тому, чтобы все паевые взносы, внесенные членами кооперативов, обратно не выдавались».

Через два дня, 6 ноября дня 1918 г. Финансовый отдел новгородского губисполкома довел до сведения финансовых кооперативов объявление следующего содержания:

«Согласно уведомления Новгородского Губернского комиссариата продовольствия от 4 ноября за № 8829 Финансовый отдел новгородского губисполкома предлагает всем кооперативам города Новгорода не выдавать обратно паевых взносов, внесённых членами кооперативов. Исполнение сего возлагается на правление кооперативов. За неисполнение настоящего распоряжения виновные будут привлечены к ответственности. (Председатель А. Князев)» (*Переписка*, 1918. Л. 569).

Таким образом, и учреждения мелкого кредита в условиях наступившей политики «военного коммунизма» фактически разделили участь более крупных организаций – банков и Обществ взаимного кредита. Даже те из них, которые не были закрыты, не смогли ни осуществлять свои операции, ни выдать своим членам, хотя бы причитающихся им паев. Впрочем, несостоявшаяся Мировая революция, тяжелейший экономический и политический кризис, в котором оказалась новая власть уже в 1921 г., (показателем которого стал Кронштадский мятеж) заставили В. И. Ленина пересмотреть отношение к основным экономическим вопросам и начать переход к «Новой экономической политике». НЭП предусматривал возвращение к некоторым механизмам рыночного регулирования хозяйственной жизни, в том числе и в финансовой сфере. Так, на короткое время возродились некоторые кредитные кооперативы и Общества взаимного кредита. Однако с введением плановой системы к середине 1930-х гг. они вновь были закрыты.

Литература и источники

Васильев – Васильев Я. А. Ссудо-сберегательная касса служащих МВД Новгородской губернии в начале XX века // Историко-культурный и экономический потенциал России: Наследие и современность: Материалы международной научно-

практической конференции, посвященной 1150-летию славянской письменности 13–14 мая 2013 г. Филиал РГГУ в г. В. Новгород, Великий Новгород, 2013. 180 с.

Декрет – Декрет о национализации банков // Первые декреты Советской власти. Сборник факсимильно воспроизведенных документов. Москва: Книга, 1987. 336 с.

Новгородская губерния – Новгородская губерния. Повседневная жизнь. 1918–1927 гг.: Сборник документов / отв. ред. Т. М. Воронина. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 412 с.

Новгородская земля – Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918–1930 гг. Сборник документов в двух книгах. Кн. 1. / Отв. ред. С. В. Яров. Санкт-Петербург, 2006. 344 с.

Об утверждении проекта – Об утверждении проекта Устава общества взаимного вспомоществования чиновников г. Новгорода (1862 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 8. Д. 1327; там же. Д. 1443. По проекту устава ссудо-сберегательной кассы чиновников Новгородского губернского правления. (1865–1868 гг.); там же. Оп. 9. Д. 443. По уставу ссудо-сберегательной кассы чиновников Новгородского губернского правления и канцелярии губернатора. (1872–1874 гг.); там же. Д. 562. По уставу ссудо-сберегательной кассы служащих в Новгородской губернской земской управе. (1873–1892 гг.); там же. Д. 856. По уставу ссудо-сберегательной кассы служащих в Новгородском окружном суде. (1876–1878 гг.); там же. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 174. Об утверждении устава ссудо-сберегательной кассы служащих в учреждениях ведомства МВД по Новгородской губ. (1907 г.); там же. Д. 201. Об изменении устава ссудо-сберегательной кассы служащих Кирилловской полиции Новгородской губ. (1909 г.); там же. Д. 142. Об изменении устава ссудо-сберегательной кассы служащих Белозерского земства Новгородской губернии (1910 г.).

Переписка – Переписка Президиума Губисполкома с центром, отделами ГИКа, периферией по вопросам реорганизации старых аппаратов Временного Правительства, национализации кредитных учреждений и организаций в новых условиях. 15.01.1918 – 10.12.1918. (дело № 2) По вопросу о выдаче средств из ликвидируемой пенсионной кассы служащих бывших земских учреждений Новгородской губернии // ГАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 107. Л. 558–569.

Постановление – Постановление Народного Комиссариата Финансов. О ликвидации городских общественных банков // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1942. 1483 с.

Ссудо-сберегательная касса – Ссудо-сберегательная касса служащих в правительственных установлениях ведомства МВД по Новгородской губернии (1907 г.) // Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 108–109.

Циркуляр – Циркуляр Народного Комиссариата по Финансовым Делах. О ликвидации обществ взаимного кредита // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР Москва, 1942. 1483 с.

КРУЖКИ РАБОЧИХ И СЕЛЬСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-х ГОДАХ

В 20-х годах XX века в Новгородской губернии получило широкое распространение движение рабочих и сельских корреспондентов. Рабселькоровское движение стало феноменом советской истории – «положение, когда сотни тысяч писали в газеты, не имело аналогов ранее» (Сафонов, 2015. С. 81). Наряду с тиражами количество рабселькоров стало одним из критериев эффективности работы советской прессы 1920-х гг. (Сафонов, 2015. С. 82). Первичной формой организации рабселькоровского движения являлись кружки рабкоров на предприятии и селькоров в волости. В кружок входили все рабкоры данного предприятия или селькоры данного сельского района вне зависимости от того, в какой газете они участвовали. Как правило, кружки группировались при стенных газетах.

Основными направлениями деятельности членов кружка рабочих корреспондентов были: улучшение стенной газеты предприятия, поддержка связи с редакциями печатных газет, изучение газетного дела и журналистики, вовлечение новых рабочих и работниц в рабкоровское движение, поддержка связи через редакцию газеты с общественными и советскими учреждениями (прокуратурой, Рабоче-крестьянской инспекцией, контрольными комиссиями), участие в клубной работе предприятия и укрепление связи с селькорами (шефство рабкоров над селькорами).

В резолюции по докладу о рабселькоровских кружках и стенных газетах II Старорусского уездного совещания редколлегий стенных газет, проходившего 10–11 июня 1926 года, было указано: «Кружок должен помочь рабкору глубже понять окружающую его заводскую деятельность и связывать её с общими задачами всего рабочего класса. Только при таких условиях рабкор станет действительным общественником и сможет делать правильные выводы из окружающей его обстановки» (*Протокол II*. Л. 9). Для этой цели на собраниях кружков разбирались доклады о проведении кампаний советского правительства, о работе предприятий, учреждений, общественных организаций и их структурных подразделений, о политическом и социальном положении в стране и по другим вопросам советско-партийного строительства. Например, на собрания кружка рабкоров при Старорусском лесопильном заводе в июне-

сентябре 1926 года планировалось представить доклады на темы: «Режим экономии и производсовещания на производстве», «Охрана труда на производстве», «Переоборудование производства и его качественных сторон», «Ячейка комсомола на предприятии и её работа», «Газетное дело и происхождение газеты», а также: «Редакция и кружок рабкоров», «Значение стенгазеты и круг её тем», «Роль и значение заметки» (*Протокол II*. Л. 115).

Кружки сельских корреспондентов занимались систематическим освещением в стенных и печатных газетах жизни деревни (работа сельсоветов, кресткомов, кооперации, культработа, землеустройство); работой над улучшением деревенской стенной газеты и повышением её авторитета среди крестьян; осуществлением связи с редакциями печатных газет, а через них – с различными уездными и губернскими советскими учреждениями и общественными организациями; проработкой вопросов различных кампаний для освещения их в газете; вовлечением в работу деревенской стенгазеты крестьян-бедняков и середняков; содействием распространению газет и книг в деревне; вовлечением селькоров в общую сеть школ политпросвещения.

Кружки не могли требовать у корреспондентов для редактирования заметки, предназначенные для печатных газет, если только сам корреспондент не обращался к ним за помощью. Заметки рабселькоров не подлежали просмотру и регистрации в советских, профессиональных, партийных и других органах и учреждениях. Эти организации и учреждения, а также редакции печатных газет, могли, по просьбе кружка, выделять докладчиков по различным вопросам, обсуждаемым на собраниях кружка.

Первые кружки рабочих и сельских корреспондентов в Новгородской губернии начали создаваться в 1923 году. Следует отметить, что, как пишет А. А. Ходяков, на Парахинской писчебумажной фабрике первый кружок появился уже в 1922 году (*Ходяков*, 1988. С. 21). Согласно отчёту Новгородского уездного агитационно-пропагандистского отдела к октябрю 1923 года уже существовали кружки рабкоров в Чудово и Грузино.

Вовлечение в корреспондентскую работу сельских жителей и организация их в кружки селькоров проходили медленнее: «Постепенно втягиваются в работу <...> и «селькоры» или крестьянские корреспонденты, но они ещё недостаточно проявили себя» (*Отчёты <...> укомов*, 1923. Л. 62 об). В губернскую газету «Звезда» от Новгородского уезда за октябрь были направлены 91 заметка от рабкоров и 48 статей селькоров, в декабре: 81 заметка от рабкоров, 56 – от селькоров (*Отчёты <...> укомов*, 1923. Л. 87).

На заседании коллегии агитационно-пропагандистского отдела Новгородского губкома РКП(б) 12 ноября 1924 года была утверждена сеть корреспондентских кружков на ближайшее время, предусматривавшая 3 кружка в Новгороде и по одному – в Чудово, Любани, Грузино, Бронницах, Парахине, Бологом, Медведеве и Кулотино, а также на Боровичском комбинате. Кружки сельских корреспондентов решено было образовывать при волостных избах-читальнях при наличии не менее 5 селькоров в деревне (*Протоколы заседаний комиссии*. Л. 6).

К концу 1924 года в губернии работали 16 кружков рабочих корреспондентов и 12 сельских. В губернские газеты «Звезда» и «Крестьянская Звезда» писали около 400 корреспондентов, в боровичскую уездную газету «Красная Искра» – 250 (*Отчёты <...> губкома*, 1923, 1924. Л. 62 об).

На 1 марта 1925 года в губернии имелось 18 кружков рабкоров, число кружков селькоров осталось прежним. Учитывались только кружки, с которыми имели связь редакции газет. Губернские газеты насчитывали 348 рабкоров и 460 селькоров, «Красная Искра» – 74 рабкора и 156 селькоров. К 1 сентября 1925 года число кружков рабкоров возросло до 20, селькоров до 25 (*Отчёт <...> губкома*, 1924–1925. Л. 7, 12).

В 1926 году, согласно отчёту агитационно-пропагандистского отдела губкома ВКП(б) за октябрь 1925 – май 1926 года, в Новгородской губернии имелось до тысячи корреспондентов печатных газет, из них рабкоров – 300, селькоров – 400. Работало 20 кружков рабкоров и 30 – селькоров. При этом в отчёте было отмечено, что полного учета корреспондентов и кружков по губернии ещё нет (*Отчёт <...> губкома*, 1925–1926. Л. 24).

В начале 1927 года в губернии работало 99 рабкоровских кружков и 33 – селькоровских. За период с 1 января по 1 июля 1927 года распался один кружок рабкоров и возникло 7 новых. Число кружков селькоров увеличилось до 42. В кружках состояло примерно 1100 корреспондентов: около 700 рабочих и 400 сельских (*Статистические отчёты*, 1927. Л. 1).

На занятиях кружков обсуждались статьи из центральных, губернских и местных газет, а также разбирались заметки рабкоров, предназначенные для направления в газеты. Активно начал работу кружок рабкоров на спичечной фабрике имени Ленина, образованный 25 ноября 1924 года и прошедший за первые 5 месяцев 17 занятий. Всего в кружке состояло 30 рабкоров, из них на регулярной основе работали 20 человек. Кроме обсуждения статей, на занятиях кружка давались различные задания рабкорам. Например, сделать краткую выборку из написанных заметок, помещенных на страницах газет, для развития

письменного навыка и правильного изложения материала: «Проходим и практические занятия, на темы: впечатление о постановке живой газеты, воспоминание, как я стал рабкором и т. д. ... Дальше членами кружка была оклеена рабкоровская комната и организован уголок рабкора, каковой всё время пополняется, таким образом, мы наглядно видим и можем проследить свою работу, активность и т. д. ...» (из отчёта о работе кружка рабкоров фабрики имени Ленина) (*Сведения...* Л. 62). За 5 месяцев этим кружком было выпущено 7 стенгазет, в которых помещалось от 20 до 30 заметок в каждой.

Общее руководство работой корреспондентов в Новгородской губернии осуществлялось подотделом печати губкома ВКП(б), в уездах – агитационно-пропагандистскими отделами уездных комитетов партии. Непосредственное руководство работой кружка в большинстве случаев осуществлялось редколлегией стенной газеты, которая избиралась на общем собрании кружка. В Старорусском уезде для руководства работой рабселькоров было создано Бюро, при помощи которого был проведен в 1925 году День печати, но задачу по учету выпускаемых стенгазет в уезде оно не выполнило. На совещании при агитпропотделе Укома РКП(б) по организации рабселькоровского движения 15 октября 1925 года состоялась дискуссия по поводу дальнейшего существования уездного Бюро рабселькоров. В прениях было сказано, что организация работы рабселькоров должна быть проведена через стенгазеты путем создания при них кружков, а Бюро рабселькоров может «подорвать» инициативу в работе корреспондентов: «Двойное руководство со стороны Бюро и газеты помешают рабселькоровскому движению». В итоге было решено создать комиссию печати при агитационно-пропагандистском отделе Старорусского Укома ВКП(б), которой поручить руководство рабселькоровским движением и стенными газетами через партийные ячейки и партийцев – членов редколлегий стенгазет (*Протоколы заседаний <...> пленумов*. Л. 100–101 об).

Созданные в некоторых волостях Бюро селькоров также со временем были ликвидированы, так как показали свою неэффективность в работе по вовлечению крестьянских масс в корреспондентскую работу. В Моисеевской волости Демянского уезда в начале 1926 года вместо Бюро селькоров был организован «кружок друзей газеты», занятия которого планировалось проводить еженедельно (*Протоколы занятий*. Л. 2–3). В письме ответственного секретаря Новгородского губкома ВКП(б) и ответственного редактора «Крестьянской Звезды» о второй годовщине со времени выхода первого номера «Крестьянской Звезды» (5 февраля 1926 года) было отмечено, что «до настоящего времени имеются неправильные формы организации селькоров:

волкорбюро и прочее, территориальное объединение, тогда, как селькоры должны организоваться только вокруг газет (губернских, уездных, стенновок) и руководство селькорами парторганизаций осуществляется через редакции соответствующих газет» (*Переписка*. Д. 3351. Л. 8).

В докладе, представленном на совещании редколлегий стенных газет и рабкоров г. Новгорода 7 апреля 1926 года, было обращено внимание на основные темы заметок рабселькоров: улучшение производительности труда и качества продукции; борьба с растратами в кооперативных учреждениях, а также помощь губернской газете в продвижении и разъяснении основных направлений политики коммунистической партии и советского правительства: «... Рабкором считается тот товарищ, который работает на предприятии и освещает жизнь этого предприятия. Рабкор для социалистического строительства имеет большое значение: он является не журналистом, а общественником...» (*Протоколы совещаний*. Л. 1). В резолюции по докладу были определены задачи редколлегий стенгазет, среди которых были: улучшение технической постановки газет, создание рабкоровских кружков при наличии 10–15 рабкоров на предприятии, освещение работы стенгазет на страницах губернской газеты «Звезда», увеличение выпуска стенгазет в месяц до 3–4 номеров.

Несмотря на то, что объединение рабселькоров при парторганизациях или профсоюзах было не рекомендованным, так как приводило к их отрыву от газет, подобные кружки продолжали существовать в Новгородской губернии и в 1926 году. Основной причиной этого было несвоевременное знакомство местных партийных работников и корреспондентов с директивами ЦК ВКП(б) и всесоюзных совещаний рабочих и сельских корреспондентов. Агитколлегия Бологовского горкома ВКП(б) 8 ноября 1926 года существующий при городской партийной ячейке рабкоровский кружок предложила реорганизовать в единый кружок, объединенный вокруг стенной газеты рабочих и служащих коммунальных предприятий и учреждений г. Бологое: «По реорганизации кружка последнему немедленно приступить к изучению решений 3-го Всесоюзного Совещания Рабселькоров, разбору руководящих статей рабкоровских журналов и т. д. ... Партруководство работой кружка со стороны горячейки ВКП(б) должно проходить через партийцев-рабкоров (в строгом соответствии с циркуляром ЦК ВКП(б) путем заслушивания на агиткомиссии периодических докладов партийцев-рабкоров и дачей практических указаний в дальнейшей работе и т. д. (без малейшего командования, опеки и пр.)» (*Протоколы заседаний агитколлегии*. Л. 51).

К 1927 году на некоторых предприятиях и в волостях работа по организации корреспондентов в кружки ещё не была завершена, не был

налажен регулярный выпуск стенгазет. Например, в докладе о работе агитационно-пропагандистского отдела горкома ВКП(б) за октябрь-декабрь 1926 года, представленном на пленуме Бологовского горкома ВКП(б) 5 января 1927 года, было указано, что «большинство кружков числятся только на бумаге и ведут кое какую работу не регулярно и планоно, а бессистемно, от случая к случаю. Все меры со стороны АПО (агитационно-пропагандистского отдела – А. И.) были приняты для налаживания этой работы и результат достигнут далеко не большой. Ячейки ВКП(б) и их агиткомиссии очень слабо интересуются рабкоровской работой, также как и работой обществ и культкомиссий. Работа стенгазет тоже слаба. Стенновки выпускаются в большинстве своем нерегулярно. С наступлением зимы в работе рабкоров и стенгазет стало заметно некоторое оживлении, но его слишком недостаточно» (*Доклады*, 1926. Л. 53).

На совещании парткоров при агитпропотделе Бологовского горкома ВКП(б) 20 января 1927 года одной из причин плохой работы рабселькоровских кружков было названо нежелание знакомиться с руководящими материалами по корреспондентской работе и незаинтересованность в посещении собраний: «Несмотря на то, что совещания парткоров созывались неоднократно и все же они не достигли должной цели потому что сами парткоры относятся к ним безразлично, а ведь казалось бы, что добросовестный парткор должен интересоваться совещаниями, т. к. может оказать большую пользу в практической работе парткоров. Кроме того, парткоры совершенно не интересуются проработкой вопросов по рабкоровскому движению и не изучают руководящих материалов, а не делать этого, значит отставать от рабкоровской жизни и не вполне соответствовать столь важному и серьезному рабкоровскому делу» (*Протоколы заседаний агитколлекгии*. Л. 87). Совещание постановило закрепить за партийцами руководство рабкоровской работой в порядке партнагрузки, регулярно заслушивая на партийных собраниях и заседаниях агиткомиссий доклады парткоров; установить точный учет проводимой работы и распределить её между членами кружка и редколлекгии (сбор материала в газету, проверка фактов, помещенных в заметках, корректировка заметок); работу кружков и редколлекгий проводить по плану-календарю, вести проверку выполнения заданий.

Отсутствие при редакции газет «Звезда» и «Крестьянская Звезда» рабселькоровского отдела привело к тому, что кружки организовывались стихийно, без руководящего участия редакции. Небольшой штат и затруднительное материальное положение не позволяли редакции

командировать сотрудников на места. В письме ответственного редактора газет «Звезда» и «Крестьянская Звезда», направленном в Новгородский губком ВКП(б) 30 мая 1927 года, было сказано: «...письменное руководство не удовлетворяло рабселькоровские кружки, особенно в первые моменты их существования. Многие из них замирали вскоре после организации, т. к. не могли нащупать, часто исключительно из-за недостатка руководства, почвы для своей работы». Письменное руководство кружками рабселькоров включало в себя периодическое помещение в руководящие статьи рабочего отдела «Звезды» указаний «как и о чём писать». Кроме того, рабкоровским кружкам регулярно посылались письма с указанием тем, на которые необходимо обратить внимание в определенный период времени: «в январе было послано рабкоровским кружкам 13 писем, в феврале – 17, в марте – 28 и в апреле – 23». Помимо недостаточного руководства кружками со стороны редакции губернских газет, в письме были определены и другие проблемы рабселькоровского движения: отсутствие помощи рабселькорам со стороны низовых партийных и профессиональных организаций, плохое ведение учета корреспондентов в кружках, слабое участие в рабселькоровском движении женщин. Особенностью рабселькоровского движения в Новгородской губернии было названо преобладание количества стенгазет над количеством кружков, которое означало, что «во многих местах, где есть рабселькоры, они не организованы, не ведут никакой работы, за исключением выпуска стенгазет» (*Переписка*. Д. 3725. Л. 13–14).

Плохо работал кружок рабкоров на фабрике «Коминтерн». На заседании агитпропкомиссии при ячейке ВКП(б) 23 декабря 1926 года было отмечено, что 4 раза назначалось заседание Бюро рабкоров совместно с редколлегией, но никто, кроме партийного состава, на него не являлся. Комиссия постановила создать временную редколлегию из пяти человек, на организационном заседании которой составить план ближайшей работы. После вербовки рабкоров и налаживания первичной оргработы произвести общее собрание с докладом о работе и выборах. К апрелю 1927 года удалось наладить выпуск стенгазеты, но редколлегия столкнулась с другими проблемами: небольшое количество заметок, несоблюдение анонимности авторов, игнорирование вопросов, поставленных в заметках, ответственными организациями. Было решено организовать партотдел в газете, не ослабляя при этом другие отделы: производственный, комсомольский и бытовой; для привлечения новых рабкоров ставить соответствующие доклады на рабочих конференциях и комсомольских собраниях, проводить конкурсы на лучшего рабкора; для

улучшения художественной стороны газеты привлекать молодых рабочих из живописного цеха (*Протоколы заседаний агитпропкомиссий*. Л. 3, 148–149).

Агитпропкомиссия ячейки ВКП(б) фабрики «Красный фарфорист», констатируя плохую работу кружка рабкоров, на заседании 21 апреля 1927 года ответственному за работу рабкоровского кружка вынесла строгий выговор за неисполнение партийных указаний. Было решено организовать редколлегию, задачами которой были поставлены: проведение кампании Дня печати (подготовка доклада о рабкоровской организации и политике партии в области печати, выпуск специального номера стенгазеты); налаживание регулярного ежемесячного выпуска стенгазеты и привлечение к участию в ней рабочих через «почтовый ящик», индивидуальные вызовы, рекламирование; сохранение в тайне авторов заметок, пишущих под псевдонимом; помещение в ближайших номерах стенгазеты во время отпусков рабочих в отделе «Отпускника» вопросов о политике партии в деревне, сельхозналоге, сельхозкредитовании и др. (*Протоколы заседаний агитпропкомиссий*. Л. 168).

Ухудшилось качество работы кружка рабкоров и на фабрике имени Ленина. Причинами были слабая работа редакции стенгазеты, отсутствие постоянного помещения для проведения собраний, недостаток методической литературы и т. д. С января по май 1927 года было выпущено только 3 номера стенгазеты. В прениях к докладу о работе рабкоровского кружка, представленном на заседании агиткомиссии при ячейке ВКП(б) фабрики имени Ленина 16 мая 1927 года, редакция была обвинена в потере и потому не размещении в стенгазете большого количества заметок, что отталкивало рабочих от участия в корреспондентской работе. Руководитель рабкоровского кружка был снят с должности. Комиссия рекомендовала сделать точный учет количества и состава рабкоров; на занятиях кружка, кроме очередной учебы, ставить доклады о состоянии местных организаций с целью более точного освещения их работы в печати; наладить регулярный выпуск стенгазеты (не реже одного раза в месяц), заранее оповещая рабочих о крайних сроках сдачи материала; подобрать постоянное помещение для занятий кружка (*Протоколы заседаний агитпропкомиссий*. Л. 221).

Отсутствие взаимопонимания между членами редколлегии и безответственное отношение к работе редакторов было причиной плохой работы редколлегии стенгазеты на фабрике «Пролетарий». На фабричном заседании агитпропкомиссии ячейки ВКП(б) 29 июля 1927 года был заслушан отчет партчасти стенгазеты, в котором было указано на плохую организацию работы, халатное отношение секретаря к своим обязанностям, потерявшего все

протоколы заседаний редколлегии секретного характера и оригиналы заметок рабкоров. В прениях к докладу отмечалось, что в редколлегии нет взаимопонимания, товарищеского отношения к женщинам-корреспонденткам: «...в будущем редколлегии нужно указывать работницам, как работать в редколлегии, а не подсмеиваться над ними». Агитпропкомиссия рекомендовала объединить все стенгазеты, выпускаемые на фабрике, в одну общезаводскую, провести собрание рабкоров и разъяснить рабочим сущность газеты, определить примерные темы статей (*Протоколы заседаний агитпропкомиссий*. Л. 302–303).

Таким образом, деятельность кружков рабочих и сельских корреспондентов была тесно связана с изданием стенных газет. Партийное руководство рабселькорами осуществлялось через партийцев – членов редколлегий стенгазет. Несмотря на массовый характер распространения рабселькоровского движения, при организации корреспондентов в кружки возникало множество трудностей, включающих в себя плохую посещаемость собраний и занятий кружков, игнорирование вопросов, поставленных в заметках, административными и хозяйственными организациями, недостаток методической литературы, отсутствии взаимопонимания между членами кружка.

Литература и источники

Доклады – Доклады (отчёты) агитационно-пропагандистских отделов Боровичского, Валдайского, Маловишерского, Новгородского укомов и Новгородского горкома ВКП(б) за 1926 год // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3328. Л. 53.

Отчёт <...> *губкома*, 1924–1925 – Отчёт об агитационно-пропагандистской работе Новгородского губкома РКП(б) за октябрь 1924 – март 1925 года // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2678. Л. 7, 12.

Отчёт <...> *губкома*, 1925–1926 – Отчёт об агитационно-пропагандистской работе Новгородского губкома ВКП(б) за октябрь 1925 года – май 1926 года // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3327. Л. 24.

Отчёты <...> *губкома* – Отчёты агитационно-пропагандистского отдела Новгородского губкома РКП(б) о работе за апрель 1923 – август, ноябрь, декабрь 1924 года // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2181. Л. 62об.

Отчёты <...> *укомов* – Отчёты агитационно-пропагандистских отделов укомов РКП(б) о работе за январь-декабрь 1923 года // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1682. Л. 62об, 87.

Переписка. Д. 3351 – Переписка Новгородского губкома ВКП(б) с редакциями газет «Звезда», «Ленинградская Правда», и «Красная искра» по организационным вопросам // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3351. Л. 8.

Переписка. Д. 3725 – Переписка Новгородского губкома ВКП(б) с редакциями газет «Звезда», «Крестьянская звезда», «Крестьянская газета» и «Красная искра» по организационным вопросам // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3725. Л. 13–14.

Протокол II – Протокол II Старорусского уездного совещания редакционных коллегий стенных газет, резолюции редакций газет «Звезда» и «Крестьянская звезда», проект резолюций по докладу о стенных газетах, резолюция по докладу о рабкоровских кружках и стенных газетах // ГАНИНО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 956. Л. 9.

Протоколы занятий – Протоколы занятий кружка по самообразованию, общего собрания селькоров Моисеевской волости, комиссии по самообразованию, регистрационные списки слушателей политкружка по самообразованию // ГАНИНО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 790. Л. 2–3.

Протоколы заседаний пленумов – Протоколы заседаний расширенных пленумов укома РКП(б), протоколы заседаний бюро Старорусского укома ВКП(б) // ГАНИНО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 774. Л. 100–100об.

Протоколы заседаний агитколлектив – Протоколы заседаний агитколлектива Бологовского горкома ВКП(б), отчёты, доклады, акты, переписка по работе агиткомиссии // ГАНИНО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 467. Л. 51, 87.

Протоколы заседаний агитпропкомиссий – Протоколы заседаний агитпропкомиссий ячеек ВКП(б), планы работ агитпропагандистов в волкомах и ячейках ВКП(б) Новгородского уезда, переписка об организации общества «Смычка» при цементном заводе // ГАНИНО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 948. Л. 3, 148–149.

Протоколы заседаний комиссии – Протоколы заседаний комиссии по празднованию Октябрьских торжеств, общих собраний коммунистов различных ячеек РКП(б), заседаний агитколлектива Демянского укома РКП(б) // ГАНИНО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 639. Л. 6.

Протоколы совещаний – Протоколы совещаний редколлегий и рабочих корреспондентов г. Новгорода и г. Старая Русса // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3356. Л. 1.

Сафонов – Сафонов Д. А. Рабселькоры как явление советской действительности 1920–1930-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 2(14). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2015/articles/Safonov_D2-14.html (дата обращения: 10.12.2020).

Сведения – Сведения, списки и переписка по делам печати Новгородского укома ВКП(б) // ГАНИНО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 600. Л. 62.

Статистические отчёты – Статистические отчёты о количественном и качественном составе кружков рабочих и сельских корреспондентов Новгородской губернии на 1 июля 1927 года // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3584. Л. 1.

Ходяков – Ходяков А. А. Рабселькорское движение в Новгородской губернии (1921–1927 гг.) // Политическая агитация. 1988. Июнь. № 11. С. 21.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛАТЫШСКИХ КОЛОНИЙ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ И НОВГОРОДСКОГО ОКРУГА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920-е гг.

К 1917 г. на территории 5 уездов Новгородской губернии (Новгородского, Крестецкого, Демянского, Боровичского, Валдайского) находилась 71 латышская колония, каждая из которых представляла собой группу хуторов (от 3 до 112). По количеству колоний особенно выделялись Новгородский (34 колонии) и Крестецкий уезды (22 колонии). Другие уезды Новгородской губернии в этом плане значительно уступали (Демянский – 7 латышских колоний, Боровичский и Валдайский – по 4 в каждом) (*Циркуляр*, 1926. Л. 151 об.–152 об.).

После 1917 г. в Новгородской губернии была основана только одна латышская колония – Заболотье (1918 г.), размещавшаяся в Дубровской волости Крестецкого (с 1922 г. – Старорусского) уезда. Таким образом, общее количество латышских колоний в Новгородской губернии к началу 1920-х гг. достигло 72 (*Списки латышских...* Л. 1). По итогам переписи населения 1920 г. в Новгородской губернии было выявлено 8428 человек латышской национальности (0,93% населения губернии) (*Списки латышских и немецких...* Л. 5). Крупнейшей латышской колонией Новгородской губернии в 1920-е гг. являлась Коломовка (Чудовская волость Новгородского уезда) с 780 жителями и 112 хозяйствами (*Списки латышских...* Л. 2).

В Новгородской губернии каждая латышская семья представляла собой отдельное хозяйство. Главой данного хозяйства, как правило, был старший мужчина в семье, в подчинении у которого находились остальные жители двора (хутора), являвшиеся работниками. Без разрешения главы семьи домочадцы не могли никуда отлучиться из хутора (*Заявления*. Л. 26–27).

К 1921 г. в распоряжении латышских колонистов Новгородской губернии (1425 хозяйств) находилось от 25 000 до 30 000 десятин земли, в том числе земля под выгон скота и лес. Таким образом, одно латышское хозяйство в среднем имело от 17,5 до 21 десятины земли (*Положение*. Л. 5).

Имущественное положение населения латышских колоний Новгородской губернии в 1920-е гг. характеризовалось следующим образом:

1) Хозяйства бедняков имели 1–5 десятин земли, 1–2 коровы, 1 лошадь (или без лошади), получали годовой доход не более 100 рублей, были освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога, или платили его в размере не более 10 рублей;

2) Хозяйства середняков имели 5–20 десятин земли, 2–5 коров, 1–2 лошади, получали до 300 рублей годового дохода и платили сельскохозяйственный налог не более 100 рублей;

3) Хозяйства зажиточных колонистов имели 20–70 десятин земли, 5–15 коров, 2–3 лошади, достаточное количество мелкого скота и крупный сельскохозяйственный инвентарь. Они получали годовой доход более 500 рублей и платили 150–200 рублей сельскохозяйственного налога на одно хозяйство (*Отчёты*. Л. 87).

Большинство латышских хозяйств губернии по сравнению с окружающим русским крестьянством имело хороший сельскохозяйственный инвентарь: косилки, жнейки, сеялки, дисковые плуги, бороны, молотилки и т. д. Почти все латышские хозяйства перешли на многополье (до 6–7 полей), хотя «местами это многополье не имеет системы, а ведётся как попало» (*Отчёты*. Л. 88).

Значительное количество латышских хозяйств Новгородской губернии использовало наемную рабочую силу, особенно пастухов. В некоторых латышских колониях таких хозяйств было до 60–70%. Например, во Вторых Нащах на 37 хозяйств приходилось 13 батраков, в Березове на 90 хозяйств – 43 батрака, в Коломовке – 56 батраков на 133 хозяйства. В колонии Дерева летом 25% хуторов нанимало пастухов, а также подённых работников из русских деревень. Кроме того, партийным руководством Новгородской губернии отмечались применяемые в латышских колониях «новые формы скрытой эксплуатации наемного труда». По мнению латсекции при губкоме РКП(б), зажиточные латышские крестьяне принимали детей бедняков, беженцев из голодавших районов, воспитывали их, «называли сынами, дочками и ничего не платили, заставляли их работать сколько есть силы» (*Протоколы*. Д. 609. Л. 131).

По данным на 1925 г. в колонии Вторые Нащи (Троицкая волость Новгородского уезда) латышские хуторяне имели в среднем на одно хозяйство (состоявшее в среднем из 5–6 человек) 23,13 десятин земли (11,79 удобной и 11,34 неудобной), 1–2 лошади, 3 коровы, 4–5 овец, 1–2 свиньи. Хозяйств без лошади во Вторых Нащах было только 2 (5,26%), бескоровных не было (*Годовой отчет*. Л. 22).

В это же время (1925–1926 гг.) в колонии Деревя Маловишерского уезда на одно хозяйство в среднем приходилось 3,13 десятины пашни и 3,67 – сенокосных покосов. В соседней колонии Любень это значение было 2,53 и 2,86 десятины соответственно. Что касается рабочего и рогатого скота, то в колонии Деревя 13 из 94 хозяйств (13,83%) были безлошадными и 4 – бескоровными (4,26%), в Любени – 7 из 43 хозяйств являлись безлошадными (16,28%), бескоровных не было. В среднем хутора обеих колоний имели по 1 лошади и по 2 коровы каждый (*Документы*. Л. 26–26 об.).

Одно хуторское хозяйство латышской колонии Берёзова в среднем имело 4 десятины пашни, 5 десятины покосов, 1 лошадь, 4 коровы. При этом в колонии были безлошадные и бескоровные хозяйства. Такое же имущественное положение было и у крестьян соседней колонии Николаева. Ближе лежащие хутора Ермолинского и Дмитриевского обществ были несколько беднее соседних Берёзовской и Николаевской колоний. Здесь латышские крестьяне в среднем имели только 2 десятины пахотной земли (при наличии безземельных хозяйств), 5 десятины покосов, 1 лошадь, 2–3 коровы (*Протоколы*. Д. 292. Л. 95 об.). Тем не менее в латышской секции при губкоме ВКП(б) указывали на наличие в данном районе у латышских крестьян скрытых объектов обложения, особенно земли от 5 до 15 десятины на хозяйство, что связывали с кражей планов хуторов из уездного земельного отдела (*Протоколы*. Д. 292. Л. 55). Так, в латышских колониях Берёзовского сельсовета и колонии Кречново по данным за 1927/1928 гг. было учтено 422 десятины пашни и 725 десятины покосов, а в 1928/1929 гг. при составлении подворных книг – уже 796 десятины пашни и 1226 десятины покосов (*Объяснительные записки*. Л. 6).

Многие латышские колонии Подберезской волости Новгородского уезда (Теремец-Курляндский, Тигода, Никитино и Вошково) имели выгодное географическое положение: они находились вблизи железнодорожных путей и реки Волхов. Здесь латышские крестьяне в среднем имели 20 десятины пахотной земли, 3–4 коровы, 1–2 лошади. Большинство хуторян данных колоний применяли наемный труд, но при этом и сами работали на своей земле. В латсекции отмечали, что «расслоения здесь вообще трудно заметить» (*Протоколы*. Д. 292. Л. 152–154).

Доля бедняков, середняков и кулаков в населении каждой из латышских колоний Новгородской губернии была различна, что было связано со спецификой местоположения отдельно взятой колонии, историей колонизации (владельцы земли или арендаторы) и прочими факторами. Так, в колонии Коломовка (Новгородский уезд, с 1927 г. Чудовский район) в 1928 г. из 128 хозяйств было учтено 3–4 хозяйства крестьян-бедняков (2,34–3,13%), в

колонии Деревя (Маловишерский уезд и район, с 1928 г. Чудовский район) из 140 хозяйств – 4–5 (2,86 – 3,57%), во Вторых Нащах (Новгородский уезд и район) из 40 хозяйств – 1 (2,5%). Все эти хозяйства были освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога. К маломощным хозяйствам в Коломовке относились 40 из 130 (30,77%), в колонии Деревя – 25 из 140 (17,86%), во Вторых Нащах – 8 из 40 (20%). Что касается хозяйств латышей-средняков, то они составляли большинство, хотя данные хозяйства по уровню своего экономического развития находились выше средняцких хозяйств окружающих русских деревень. Зажиточная часть латышских колонистов Новгородской губернии (сюда входила верхушка средняков) также не была малочисленной, особенно в крупных колониях. Так, в Коломовке к зажиточным относились 25 хозяйств из 130 (19,23%), в колонии Деревя – 15 из 140 (10,71%), во Вторых Нащах – 10 из 40 (25%). Кулацких хозяйств в Коломовке было 15 из 130 (11,54%), в колонии Деревя – 10 из 140 (7,14%), во Вторых Нащах – 6 из 40 (15%) (*Объяснительные записки*. Л. 6).

21 марта 1927 г. на XVIII губернском съезде Советов уполномоченный по делам национальных меньшинств губисполкома Я. П. Кродер в своем докладе подчеркивал, что характер хозяйств латышей создавал ряд особенностей в связи с хуторскими формами землепользования и значительным ростом хозяйственных потребностей по проведению травосеяния и многопольной системой обработки земли. В связи с таким положением, по мнению Я. Кродера, латышские крестьяне стремились к расширению посевной площади и к улучшению своего хозяйства вообще, что «во многих местах создает неправильное отношение к этим крестьянам – их называют поголовно всех кулаками, их ненавидят и таким образом создается национальная вражда» (*Доклад*. Л. 11). Тем не менее, Я. П. Кродер признавал наличие у части латышских хуторян земельных участков сверх нормы, что способствовало враждебным взаимоотношениям. Выходом из данного положения уполномоченный по делам национальных меньшинств видел в проведении землеустройства и отводе хуторянам лесов местного значения.

Латышская секция при губкоме ВКП(б) отмечала, что к 1927 г. темпы интенсификации сельского хозяйства в латышских колониях Новгородской губернии до некоторой степени замедлились. Сами латышские колонисты это объясняли тем, что «у них всё достигнуто: многополье введено, обработка преимущественно машинная...». Кроме того, латышские крестьяне пренебрегали услугами агронома, уверяя, что «они и сами знают как вести своё хозяйство, и агроном им ничем не может помочь» (*Доклад*. Л. 88). Тем не менее, латсекция указывала на слабое проведение работ по мелиорации болот,

болотистых полей и лугов, окружавших латышские колонии. В связи с отсутствием дренажа в ряде колоний были затруднения с использованием крупных сельскохозяйственных машин. Также латышские колонисты мало уделяли внимания садоводству и огородничеству, хотя, по мнению латсекции, район был очень подходящим для сбыта продуктов, а «большее культивирование корнеплодов дало бы возможность лучше поставить и молочное хозяйство, которое (в латышских колониях) имеет преобладание над остальными видами сельского хозяйства» (*Доклад*. Л. 88).

Латышская кооперация на территории Новгородской губернии получила наибольшее развитие в середине – второй половине 1920-х гг. В 1927 г. в губернии насчитывалось 15 латышских кооперативных организаций, из которых 7 были сельскохозяйственными обществами, 3 – бычьими, 2 – кустарными, 2 – потребительскими и 1 – мелиоративным товариществом (*Отчёты*. Л. 94). Все эти кооперативные объединения концентрировались в 11 латышских колониях Новгородского и Маловишерского уездов (Березова, Соколов-Ручей, Кородино-Малиновка, Теремец-Курляндский, Вторые Нащи, Деревя, Николаева, Коломовка, Лесино, Шелково, Тигода) (*Списки латышских и немецких...* Л. 68–68 об.).

Латышские кооперативы состояли в основном из середняков. Бедняков и батраков в них было крайне мало, что было связано с большими для них вступительными взносами и паем (*Отчёты*. Л. 96).

Таким образом, в 1920-е гг. в латышских колониях Новгородской губернии (позднее Новгородского округа) преобладали середняцкие хозяйства, которые по уровню своего экономического развития стояли выше окружающих русских (были более обеспечены сельскохозяйственным инвентарем и рабочим скотом, вели интенсивное хозяйство). Значительная часть латышских середняцких хозяйств использовала наемный труд батраков (как латышей, так и русских). Во многих колониях была велика доля зажиточных хозяйств, в то время как доля бедняцких – невысока. Большого расслоения среди латышских колонистов в 1920-е гг. не отмечалось. Средняки и зажиточные крестьяне состояли членами в своих латышских и соседних русских кооперациях, бедняки не могли себе позволить вступить в них. Мероприятия властей по кооперированию бедняков в латышских колониях не увенчались успехом.

Литература и источники

Годовой отчет – Годовой отчет о работе Второ-Нащинской латышской школы I ступени Троицкой волости. Списки населения латышской колонии Вторые Нащи // ГАНУ. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 406. Л. 22.

Доклад – Доклад на 18 губернском съезде советов 21. III – 1927 г., информационные сводки о культпросвет. работе среди различных национальностей в Новгородской губернии // ГАНО. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.

Документы – Документы о работе латышской колонии (планы, отчеты, доклады, сведения) // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 453. Л. 26–26 об.

Заявления – Заявления и переписка с латышской колонией, итоги работы школы передвижки в латколониях // ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 787. Л. 26–27.

Объяснительные – Объяснительные записки, отчеты, сведения, резолюции, сводки, доклады, акты, практические предложения подотдела нацмен, итоги партпросвещения среди нацмен // ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 290. Л. 6.

Отчеты – Отчеты латсекции протокол 1-й Чудовской районной конференции крестьянок-латышек // ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 604. Л. 87.

Положение – Положение о латышских школах Новгородской губ., доклад о состоянии культпросветработы среди латышей и др. материалы (копии) // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 412. Л. 5.

Протоколы. Д. 292. – Протоколы заседаний комиссии по выявлению хозяйств, подлежащих обложению, отчеты о результатах обследований ячеек ВКП(б) в нацколониях, именные списки лиц, лишенных избирательных прав // ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 292. Л. 95 об.

Протоколы. Д. 609. – Протоколы общих собраний ячеек ВКП(б), акт обследования кандидатских групп ВКП(б) в колониях, схемы вопросов обследования нацменовских ячеек ВКП(б), отчет о работе с беднотой, батрачеством и беспартийным активом в нацменовских колониях // ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 609. Л. 131.

Списки латышских и немецких... – Списки латышских и немецких колоний и сведения о школах и культпросветорганизациях в них // ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 475. Л. 5.

Списки латышских... – Списки латышских колоний (Новгородской) губернии // ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3754. Л. 1.

Циркуляр – Циркуляр ВЦИК об уполномоченных по делам национальных меньшинств, отчет п/о национальных меньшинств ГубОНО о работе за 1925–1926 гг.; переписка с ГубОНО и УИК об организации национальных школ и изб-читален, количестве эстонского, латышского, немецкого, карельского и цыганского населения по уездам и волостям, организации национальных сельсоветов; списки колоний национальных меньшинств в губернии, 1.1.1926 – 1.12.1926 гг. // ГАНО. Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 1002. Л. 151об.–152 об.

**ОТРАЖЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫХ АСПЕКТОВ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И НОВГОРОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
В ПРИКАЗАХ ДИРЕКТОРА ЗА 1933–1936 гг.**

Новгородский государственный педагогический институт имени М. Н. Покровского (далее – НГПИ) начал свою работу в Новгороде в сентябре 1932 г. и осуществлял четырёхгодичную подготовку учителей для школ. В 1934 г., на основании приказа народного комиссара по просвещению, НГПИ был реорганизован в Новгородский государственный учительский институт (далее – НГУИ) с двухгодичным сроком обучения студентов. В течение 1934–1935 учебного года студенты 1–3 курсов НГПИ и студенты 1 курса НГУИ продолжали учиться вместе в Новгороде. В конце июля 1935 г., по окончании летней сессии, 185 студентов 1–3 курсов НГПИ, успешно сдавших все экзамены и зачёты, были переведены из Новгорода в Ленинградский областной педагогический институт им. А. С. Бубнова, в котором они должны были продолжить своё обучение с 1 сентября 1935 года (*Приказ № 122. Л. 222*) В Новгороде до июля 1941 г. работал только НГУИ.

В довоенный период НГПИ–НГУИ являлся единственным образовательным учреждением в Новгороде и на новгородских территориях Ленинградской области, дававшим возможность получения высшего образования. История функционирования института, опыт организации различных направлений его деятельности, сегодня могут иметь не только научное, но и практическое значение для современных образовательных учреждений Новгородской области.

Часть документов, сформировавшихся в процессе деятельности НГПИ–НГУИ в довоенный период, в своё время была передана на постоянное хранение в Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО) и входит в состав архивного фонда Р-3577 «Новгородский государственный педагогический институт». Общий объём этого фонда составляет более 2900 единиц хранения за 1932–1993 гг. Однако по довоенному периоду истории НГПИ–НГУИ за 1932–1941 гг. в этом фонде хранится только 16 единиц хранения, из которых подавляющее большинство дел относятся к 1936–1941 гг. Обращает на себя внимание и то, что из 16 довоенных дел НГПИ–НГУИ,

хранящихся в ГАНО, большую часть составляют отчёты о работе института, о работе отделений и кафедр, о проведении педагогических практик. Этот вид документов, в основном, содержит информацию о структуре института, о профессорско-преподавательском и студенческом составе, об учебно-методической и научно-исследовательской работе кафедр, об организации учебного процесса и «политико-воспитательной» работы со студентами. Таким образом, состав и содержание документов по истории НГПИ–НГУИ в довоенный период, хранящихся в фонде Р-3577 ГАНО, ограничены количественно, хронологически и содержательно. А по истории института в период с 1932 по 1935 г. получить информацию из дел, хранящихся в ГАНО, практически невозможно.

В данной ситуации исследователю может помочь обращение в Объединённый ведомственный архив НовГУ (далее – ОВА), где в настоящее время хранится значительная часть документов НГПИ–НГУИ довоенного периода. Среди этих документов особенно информативными являются приказы директора института за 1933–1941 гг. Важно и то, что в ОВА НовГУ сохранились приказы за первую половину 1930-х гг. – период, за который нет документов в фонде Р-3577 ГАНО. На характеристику приказов директора НГПИ–НГУИ за 1933–1936 гг. как исторического источника мы и хотели бы обратить внимание в данной статье.

Приказ – один из видов распорядительных документов учреждения, который издаётся с целью решения основных и оперативных задач деятельности учреждения его руководителем, действующим на основе единоначалия. Изученные нами приказы директора НГПИ–НГУИ в полной мере соответствуют указанной цели. К сожалению, наличие приказов директора за сентябрь–декабрь 1932 г. и за январь–март 1933 г. в описях архива НовГУ не зафиксировано. На данный момент нами были *de visu* просмотрены следующие приказы, сохранившиеся в архиве НовГУ:

– за 1933 г. приказы с № 109 от 03.04.33 по № 255 от 15.11.33 и ещё 2 приказа без номера (*ОВА НовГУ. Д. 1. Л. 41 об.*);

– за 1934 г. приказы с № 1 от 05.01.34 по № 194 от 20.05.34 и ещё 5 приказов без номера (*ОВА НовГУ. Д. 2*); с № 213 от 09.12.34 по № 229 от 31.12.34 (*Объединённый... Д. 3. Л. 1–26*);

– за 1935 г. приказы с № 1 от 02.01.35 по № 122 от 20.07.35 и ещё 1 приказ без номера от 23.07.35 (*ОВА НовГУ. Д. 3. Л. 27–227*); с № 123 от 27.07.35 по № 154 от 21.09.35 (*ОВА НовГУ. Д. 8.*); с № 157 от 28.09.35 по № 223 от 31.12.35 (*ОВА НовГУ. Д. 9.*);

– за 1936 г. приказы с № 1 от 02.01.36 по № 72 от 28.04.36 (*ОВА НовГУ. Дело без обложки... Л. 102–170*).

Можно сделать вывод, что корпус приказов директора НГПИ–НГУИ за 1933–1936 гг. сохранился не полностью, тем не менее, большинство из них доступны для изучения.

По правилам делопроизводства приказы директора института были сформированы в дела, в которых они расположены в хронологическом порядке в соответствии с датой издания и порядковым номером приказа в рамках календарного года. Отдельные экземпляры приказов не имеют номера. Выявлено небольшое количество литературных приказов. Все приказы имеют стандартный формуляр: номер приказа; название учреждения; число, месяц, год издания; содержание; подпись директора института, поставленная от руки. В 1932–1933 гг. директором института являлся Митропольский Константин Дмитриевич, в 1933–1938 гг. – Кимен Пётр Мартынович (*Преподаватели*, 2009. С. 4). Часть приказов, кроме подписи директора института заверялась ещё и подписью секретаря института, поставленной также от руки. Значительная часть приказов из просмотренных нами, видимо, являлись вторыми экземплярами, так как они не заверены оттиском печати института, а на части приказов нет и подписи директора. Подлинник оттиска печати института (НГУИ) на приказах за 1933–1936 гг. выявлен нами всего один раз (*Приказ № 179*. Л. 56). Все тексты приказов отпечатаны на печатной машинке чёрной или фиолетовой краской, как правило, на одной стороне листа бумаги. Многие документы имеют выцветавший, трудно читаемый текст. Иногда отпечатанный приказ содержит правки, внесённые от руки. Текст приказа подразделялся на параграфы. Бумага для оформления приказов использовалась неодинаковая: писчая разного качества и цвета, примерно формата А4 и А5; калька; тетрадные листы в клетку и в линейку; в отдельных случаях – оборотная сторона географической контурной карты СССР (*ОВА НовГУ*. Д. 1. Л. 41 об.), оборотная сторона части карты районов Ленинградской области (*ОВА НовГУ*. Д. 3. Л. 170 об.).

Приказы директора института издавались по общей части, по учебной части, по хозяйственной части. Один приказ мог содержать распоряжения по всем трём частям, которые выделялись в тексте приказа и имели самостоятельную нумерацию параграфов. В отличие от отчётных документов НГПИ–НГУИ из фонда ГАНУ приказы директора института содержат меньше информации об учебном процессе и воспитательной работе вуза, хотя и такая информация в них есть, но, при этом, в данных приказах содержится значительно больше сведений о бытовых аспектах и административно-хозяйственной деятельности института. К изучению содержания данного

источника новгородские исследователи уже обращались (*Салоников, 2010. С. 94–99*).

В 1930-е гг. НГПИ–НГУИ занимал корпуса бывшей Новгородской духовной семинарии и помещения бывшего новгородского Антониева монастыря, располагавшиеся в то время за городской чертой в 3 километрах севернее Новгорода. Институт «представлял собой замкнутый компактный комплекс» (*Салоников, 2010. С. 94*), удалённый от города и живущий своей, несколько обособленной жизнью. Студенты, преподаватели, административно-технический персонал, в большинстве своём, не только учились и работали, но и постоянно проживали на территории института: студенты в общежитиях, преподаватели и персонал в квартирах и комнатах, располагавшихся как в учебных корпусах, так и в отдельных постройках на территории Антониева монастыря.

Для студентов, преподавателей и персонала института действовала своя система общественного питания, медицинского обслуживания, оказания бытовых услуг (прачечная, почтовое отделение, парикмахерская, сапожная мастерская, радиотрансляционный узел, подсобное хозяйство и пр.). Свой досуг студенты и преподаватели также проводили на территории учебного заведения. Поддержание этого обширного хозяйственно-бытового комплекса в работоспособном состоянии требовало от администрации института постоянной заботы и внимания к таким аспектам, как уборка учебных и жилых помещений, обеспечение их мебелью и оборудованием, организация отопления и освещения помещений, выполнение санитарно-гигиенических требований, проведение ремонтов, организация питания, медицинского и бытового обслуживания, содержание территории института в чистоте. Кроме этого, администрация много внимания уделяла осуществлению контроля над поведением студентов и трудовой дисциплиной персонала, регулированию их взаимоотношений. Все эти аспекты и нашли своё отражение в содержании приказов директора института, в ряде случаев, весьма подробно характеризующих хозяйственно-бытовые проблемы и применяемые руководством вуза способы их решения или преодоления. Отдельные сюжеты находят своё продолжение в нескольких приказах и превращаются практически в повесть о реалиях повседневной жизни регионального педагогического вуза в первой половине 1930-х гг. Ниже мы проанализируем лишь некоторые сюжеты и приведём несколько примеров того, как содержание приказов директора института раскрывает хозяйственно-бытовые аспекты деятельности учебного заведения.

Одной из важных составляющих деятельности руководства НГПИ–НГУИ была организация системы общественного питания для преподавателей, персонала, и, прежде всего, для студентов. Как отмечал директор института в одном из приказов, «... питание обуславливает и настроение, и успеваемость студентов» (*Приказ № 145*. Л. 12). По состоянию на 1 января 1936 г. в институте обучалось более 380 студентов, работало 16 преподавателей (*Приказ № 3*. Л. 105, 108–110). Численность административно-технического персонала института в начале 1935 г. составляла 40 человек (*План...* Л. 117). Кроме этого, с февраля по август в институте обучалось около 60 человек на семимесячных курсах по подготовке к поступлению в институт. Организовать ежедневное питание такого большого количества студентов и сотрудников вуза – задача не простая. В помещениях института были созданы студенческая столовая и буфет.

Работу столовой обеспечивал 21 сотрудник: 1 заведующий столовой, 1 кладовщик, 1 счетовод, 1 повар, 1 сторож, 1 конюх, 1 коровница, 5 официанток, 1 буфетчица, 2 кухарки, 2 судомойки, 1 кухонный рабочий, 1 поломойка, 2 корнечистки (*Акт...* Л. 180). Студенческая столовая готовила завтраки, обеды, ужины и питание в ней осуществлялось в соответствии со строгим распорядком. Например, в октябре 1935 г. приказом директора института было установлено, что отпуск питания в столовой производится в 2 смены: первая смена – завтрак 7.30–7.50, обед 15.00–15.30, ужин 19.00–19.20; вторая смена – завтрак 8.10–8.30, обед 15.50–16.20, ужин 19.40–20.00. Заведующий столовой для каждой смены к началу завтрака, обеда и ужина подавал специальные звонки «редкими ударами» (*Приказ № 166*. Л. 41, 42). Отпуск питания в неуказанное время и вход в столовую до звонка запрещались. Даже при соблюдении распорядка приёма пищи, в студенческой столовой скапливались очереди. Для «изжития очередей» предлагалось каждому студенту выдать пропуск в столовую с указанием в нём времени отпуска пищи (*Приказ № 27*. Л. 121).

Получение пищи в столовой производилось по талонам, которые студенты приобретали заранее на свои денежные средства. Первое время администрация института и столовой шли студентам на встречу, и, в случае отсутствия у них денег, разрешали приобретать талоны на питание в счёт будущей стипендии. Однако с 1 января 1936 г. на основании директив планфинотдела Народного комиссариата по просвещению изменился порядок расчётов со студентами за питание. Теперь студенты могли приобретать талоны на питание у счетовода столовой только за наличный расчёт в дни выдачи

стипендии и только комплектом на 15 дней вперёд. Продажа талонов в кредит и отпуск питания без талонов больше не разрешались (*Приказ № 43*. Л. 102; *Приказ № 223*. Л. 116). С 1 февраля 1936 г. «в целях предоставления студентам больших маневренных возможностей и использования стипендии ... и для более правильного распределения приемов пищи» (*Приказ № 15*. Л. 115–116) изменялась и организация питания в столовой. Утренние завтраки отменялись и заменялись приготовлением чая с хлебом, обед проводился с 13.00 до 14.00, а ужин с 19.00 до 21.00. В 21.00 всякий отпуск пищи в столовой прекращался.

Студентам предоставлялась возможность приобретать талоны на питание по желанию только на утренний чай, только на обед или ужин или в любой комбинации (завтрак–обед, обед–ужин и т. п.). В связи с изменением порядка отпуска питания в столовой был изменен и распорядок учебного дня студентов – занятия в институте проводились с 9.00 до 13.00 и с 14.00 до 16.00 (*Приказ № 15*. Л. 116). В это же время в приказах директора института появляется информация о фактах подделки, исправлений и подчисток студентами талонов на питание в столовой. Студенты предупреждались, что виновные в подделке талонов будут лишаться права питаться в столовой института (*Приказ № 16*. Л. 118).

Питание преподавателей и персонала осуществлялось в отдельных помещениях столовой. Специально для преподавателей официантка подавала завтраки в «профессорскую комнату» учебного корпуса института (*Приказ № 221*. Л. 14).

Между завтраками, обедами, ужинами, во время большой перемены в столовой работал буфет. Кроме этого, с апреля 1935 г. действовал буфет в комнате отдыха главного здания института для обслуживания преподавателей и студентов в течение рабочего дня (*Приказ № 59*. Л. 121). Во второй половине дня с 17.00 до 19.00 и с 20.00 до 24.00 в буфете можно было питаться по коммерческим ценам (*Приказ № 166*. Л. 41–42). В январе 1935 г. приказом директора института на продаваемые в буфете блюда, продукты и товары (спички, папиросы и пр.) была установлена наценка от 8% до 25%, наценка на коммерческие обеды преподавателей – 30% (*Приказ № 12*. Л. 39).

Сегодня, благодаря сохранившимся приказам директора НГПИ, мы можем оценить меню студенческой столовой, утверждённое директором института в феврале 1934 г. «Ежедневная раскладка продуктов, отпускаемых столовой ... для питания студентов» на один из дней недели на 1 человека составляла: на завтрак: картофель – 400 г, маргарин 3 г, хлеб – 10 г / итого 35 копеек; на обед: щи – 150 г (картофель – 100 г, морковь – 2 г, лук – 2 г,

маргарин – 3 г), второе блюдо (картофель – 400 г, маргарин – 3 г), хлеб – 300 г / итого 50 копеек; на ужин: капуста – 500 г, маргарин – 40 г, лук – 4 г, хлеб – 300 г / итого 34 копейки. Всего стоимость питания в столовой на один день для 1 человека составляла 1 рубль 19 копеек (*Приказ № 90*. Л. 78).

С целью экономии средств на приобретение продуктов для столовой при институте было создано подсобное хозяйство. На апрель 1935 г. в подсобном хозяйстве числились: «4 коровы дойные, 10 поросят восьмимесячного возраста» (*Акт...* Л. 182). Для обеспечения перевозок в подсобном хозяйстве содержались 2 лошади средней упитанности. С февраля 1936 г. стоимость питания на одного человека на 5 дней устанавливалась в 33 рубля: утренний чай – 4 р. 50 коп.; обед – 18 р. 75 коп.; ужин – 9 р. 75 коп. (*Приказ № 15*. Л. 115–116).

Для отдельных категорий студентов – имеющих слабое здоровье, ударников (успешно учащихся и активно занимающихся общественной работой), предусматривалось усиленное питание. Студенты, имеющие проблемы со здоровьем, необходимость предоставления им усиленного питания подтверждали предоставлением медицинских справок. Такую справку студент мог получить у доктора, обслуживающего медпункт института, либо в центральной городской амбулатории (*Приказ № 182*. Л. 60). Списки ударников представлялись от структурных подразделений института на утверждение директору. Зачисление на усиленное питание производилось на основании приказа директора института, в котором указывались фамилии конкретных студентов и срок, в течение которого они будут получать такое питание (*Приказ № 63*. Л. 123). Усиленное питание выражалось в том, что, например, ударникам в обед, в дополнение к обычным блюдам, выдавалось третье блюдо – молоко, творог, кисель или компот (*Приказ № 59*. Л. 121).

Организация системы питания студентов и сотрудников института регулярно сталкивалась со всевозможными трудностями. В приказах директора института мы находим информацию о низком качестве приготовляемой пищи. Так, кухарке С. был объявлен строгий выговор «за обнаружение в котле с кашей после варки верёвки» (*Приказ № 29*. Л. 71). Также приказы содержат сведения о небрежном хранении и порче продуктов для столовой, о пропаже посуды из столовой, о безответственном отношении работников столовой к выполнению своих обязанностей. Например, в декабре 1935 г. приказ директора содержал распоряжения относительно сразу нескольких работников столовой института: «Повара столовой Ш. уволить с сего числа за халатное отношение к работе, взыскать с него 35 рублей за испорченную продукцию.

Кухарке столовой С. объявляю строгий выговор с предупреждением за небрежное отношение к работе и несвоевременное приготовление обедов. Уволить официантку столовой К. ... за невыход на работу без уважительных причин» (*Приказ № 209*. Л. 96). Действительно, увольнение работников столовой происходило довольно часто, и основной причиной этого было их недостаточно ответственное отношение к выполнению своих обязанностей.

Осенью 1935 г. студенческая столовая была переведена в новое отремонтированное помещение (*Приказ № 165*. Л. 40), что должно было повысить качество работы системы общественного питания института.

Ещё одной сферой, требовавшей от руководства института постоянного внимания, являлась организация освещения учебных и жилых помещений. К 1933 г. в Антонове на территории института действовала своя небольшая электростанция, работавшая на дровах. Малая мощность электростанции и дороговизна её обслуживания приводили к тому, что выработка электричества осуществлялась ею только в тёмное время года с сентября по апрель. С мая по август включительно электростанция не работала. Даже при таком усечённом режиме работы электростанция расходовала до 600 кубометров дров в год: наибольший расход дров был в январе – 110 кубометров, а наименьший в марте-апреле – 60 кубометров (*Приказ № 26*. Л. 62). Иногда, по техническим причинам, происходило полное отключение снабжения института электроэнергией. В тёмное время года такие отключения создавали препятствия в проведении учебных занятий. Например, в конце декабря 1934 г., вследствие отсутствия электричества, начались затруднения в подготовке студентов к зимней зачётной сессии. Директор института вынужден был принять решение о прекращении с 22 декабря всех текущих занятий, и об использовании последних дней декабря для консультаций и обзорных лекций по зачётным дисциплинам (*Приказ № 221*. Л. 14).

В институте была разработана система мер, направленных на максимальную экономию электроэнергии и снижение финансовых затрат на работу электростанции. Во-первых, для уменьшения потребления электроэнергии, в зависимости от времени года, менялся распорядок учебного дня института. Зимой, в более тёмное время, учебные занятия в институте начинались позже, чтобы большую часть занятий проводить в светлое время и не использовать электрическое освещение. Время начала учебных занятий устанавливалось приказами директора института. Например, с 31 октября 1933 г. занятия в институте должны были начинаться в 10 часов утра (*Приказ № 231*. Л. 97). В январе занятия начинались в 9.30, в феврале-марте в 9.00

(Приказ № 231. Л. 97), в мае в 8.00. В 1933 г. с 15 мая, а в 1935 г. с 25 мая (Приказ № 93. Л. 186; Приказ № 145. Л. 21) подача электроэнергии в помещения института вообще прекращалась. Для вечерних занятий завхоз должен был обеспечить библиотеку и читальный зал керосиновыми лампами. Во-вторых, в тёмное время года, в целях экономии электроэнергии, для вечерних самостоятельных занятий студентов отводилось только 2–3 аудитории и читальный зал с электрическим освещением, остальные аудитории закрывались, и свет в них выключался (Приказ № 10. Л. 37).

В октябре 1935 г. приказом директора института было предписано в кабинетах и аудиториях первого и второго этажей института свет включать в 18.30 и выключать в 23.00, оставляя освещение только в двух кабинетах второго этажа (Приказ № 175. Л. 52). Однако эти меры выполнялись не всеми. Как отмечал директор института, «несмотря на неоднократные предупреждения, до сего времени наблюдается совершенно безответственное отношение некоторых студентов к трате электроэнергии» (Приказ № 166. Л. 41–42). Так, студентка З. дважды удалялась из аудитории 55, закрытой изнутри на ключ, где она одна занималась при освещении 400 свечей. Студенты Ш. и С. занимались в комнате 21 при полном освещении и вступили в препирательства с комендантом общежития, законно требовавшим их перехода в другое помещение (Приказ № 166. Л. 41–42).

Для освещения комнат общежитий использовались электролампы малой мощности по 25 свечей, но, вопреки категорическому запрету, некоторые студенты выкручивали более мощные лампы из светильников в учебных аудиториях, и использовали их в комнатах общежитий (Приказ № 221. Л. 112). После очередного обнаружения в некоторых комнатах общежития ламп мощностью в 200 ватт и более, да ещё и вкрученных с нарушением всех технических правил в самодельные патроны, дирекция института предписала такие лампы изымать и выдавать виновным для освещения комнаты керосиновые лампы (Приказ № 27. Л. 130).

Неэкономное расходование электроэнергии снижало качество освещения, перегружало маломощную электростанцию, что приводило к отключению некоторых электрических линий, а отдельные общежития и квартиры оставались вовсе без света. У виновных в неэкономном расходовании электричества предполагалось делать дополнительные вычеты из стипендии на оплату электроэнергии. В октябре 1935 г. было решено снять лампы в квартирах технических служащих, а взамен выдавать им по 2,5 литра керосина в месяц для керосиновых ламп. В перспективе, директор института планировал

заменить двигатель электростанции на более мощный, что решило бы проблемы с электрическим освещением помещений института.

Важным направлением деятельности администрации института являлся контроль над поведением студентов как в учебное, так и во внеучебное время. Педагогический институт в период обучения студентов давал молодым людям не только высшее образование, но и осуществлял воспитательную функцию. Руководство института, преподаватели стремились так организовать учёбу повседневную жизнь и быт студентов, чтобы повышать их культурный уровень, расширять кругозор. Обязательным было партийное и политическое просвещение, формировавшее «красное пролетарское студенчество».

К сожалению, в 1930-е гг. администрация института, регулярно отмечала: «Общий культурный уровень значительной части студентов при поступлении в институт был невысок. Низкий культурный уровень находил выражение как в крайней ограниченности общекультурных знаний и навыков, так и в стиле работы, в быту, в товарищеских отношениях. Нередки были случаи появления в нетрезвом виде, случаи мелких краж, нарушения правил внутреннего распорядка, неосознанного отношения к общественной собственности» (*Отчёт...Л. 34*).

«Крайне некультурное» поведение части студентов выражалось в том, что они курили в аудиториях и кабинетах, бросали окурки на пол в коридорах и учебных помещениях, пребывали в институте в верхней одежде, плевали на пол, мусорили, небрежно, а иногда вредительски, относились к имуществу института (портили мебель, ломали стулья, били стекла, растаскивали из столовой посуду, а из аудиторий электролампочки и пр.) (*Приказ № 220. Л. 108*). В общежитиях студенты гуляли в коридорах и шумели до трёх часов ночи, оставляли в своих комнатах знакомых позже установленного для посетителей времени. Несмотря на то, что приказом директора института студентам запрещалось возвращение в общежитие после часа ночи без соответствующего разрешения коменданта (*Приказ № 51. Л. 112*), нередко они являлись позже этого времени (*Приказ № 217. Л. 103*). Отмечались факты воровства вещей и денег у студентов.

Навыки культурного общения друг с другом у значительной части студентов были недостаточно сформированы. Отдельные студенты допускали применение в общении ненормативной лексики, ругались с товарищами в общежитии, оскорбляли друг друга. В приказе от 8 февраля 1935 г. директор института особо отмечал «явную недопустимость ругани студентов в общежитии» (*Приказ № 36. Л. 87*). Те, кто не желал осваивать навыки культурного общения, могли быть выселены из общежития либо исключены из

института. Например, в феврале 1935 г. студентка исторического факультета К. была исключена из числа студентов НГПИ «за неуспеваемость и систематическую ругань в общежитии» (*Приказ № 46*. Л. 107).

В целях борьбы с вышеописанными случаями нарушения правил внутреннего распорядка в институте применялась система разнообразных воспитательных и административных мер воздействия на нарушителей. Прежде всего, поведение таких нарушителей обсуждалось и осуждалось товарищами на общем собрании студенческой группы. Старосты, комсорги, профорги студенческих групп обязаны были немедленно сообщать обо всех фактах безобразного поведения деканам факультетов и директору института. Персонал института также был обязан информировать администрацию о фактах хулиганского поведения студентов. За более серьезные проступки предусматривались такие меры наказания, как замечание, выговор, штраф, вычет суммы нанесённого институту ущерба из стипендии. Крайней мерой воздействия было исключение студента из института.

Отдельную проблему представляло употребление студентами спиртных напитков. Так, студент 2 курса литературного факультета А. появился в клубе института в нетрезвом виде, устроил скандал, угрожал окружающим (*Приказ № 164*. Л. 38), за что ему был объявлен выговор. Студент исторического факультета М. появился в стенах института «в безобразно пьяном виде», оскорбил действием служащих института, избил студентку, матерно ругался в присутствии профессорско-преподавательского состава. Результатом подобных действий стало исключение М. из института (*Приказ № 13*. Л. 42). Копии приказа об исключении М. предписывалось передать всем старостам групп для доведения до сведения студентов. Студент Л. в декабре 1934 г. возвращался на поезде из Пскова. На станции Псков он продал за 35 рублей гитару, принадлежавшую Псковскому пединституту. На вырученные от продажи деньги на вокзале в Старой Руссе он распивал спиртные напитки вместе с семью другими студентами. По поводу исчезновения гитары Псковский пединститут направил жалобу директору НГПИ. Приказом директора института за недостойное поведение студенту Л. был объявлен строгий выговор, а бухгалтерия НГПИ удержала из его стипендии 35 рублей (*Приказ № 1*. Л. 27). Таким образом, мы видим, что выявленные случаи пьянства студентов строго наказывались.

Приказы директора института сохранили сведения и о крайне хулиганских проступках студентов. 19 сентября 1935 г. слушатель курсов по подготовке к поступлению в институт З. на площадке для игры в волейбол потребовал от участвовавшего в игре сотрудника института О. уступить место

ему. Когда О. отказался это сделать, курсант З. ударом кулака сбил его с ног. Уже 22 сентября приказом директора института за хулиганские действия З. был исключён из числа курсантов. Вскоре, видимо осознав неприемлемость своего проступка, З. подал на имя директора института заявление с извинениями и обещанием не совершать подобных хулиганских действий. Приказом от 29 сентября З. был восстановлен курсантом, а за совершённый проступок ему был объявлен строгий выговор (*Приказ № 158*. Л. 26; *Приказ № б/н*. Л. 24)].

Приказы директора за 1935 г. содержат сведения о распространении в институте весной этого года своеобразного «развлечения», выражавшегося в том, что отдельные студенты посылали других студентов к директору института «без всякого на то основания» (*Приказ № 52*. Л. 113). В апреле 1935 г. «развлечение» охватило персонал института, например, дровонос Р. также послал студентов, а затем и служащих института к директору и в канцелярию «без всяких на то оснований» (*Приказ № 65*. Л. 125). Подобные поступки влекли за собой наказание – студенты получали выговор, а дровонос получил предупреждение об увольнении.

В большинстве случаев, воспитательная работа преподавателей и сотрудников института давала положительнее результаты. Анализируя содержание воспитательной работы в НГУИ, директор отмечал: «За время пребывания в институте общекультурный уровень студентов повысился в огромной мере. Многие стали прямо неузнаваемыми. Выросла, воспиталась потребность систематически читать художественную литературу, журналы, газеты, бывать в театре. Усвоились культурные навыки в быту, во взаимоотношениях с товарищами, опрятность, вежливость» (*Отчёт...* Л. 34).

Проведя только частичный анализ содержания приказов директора НГПИ–НГУИ за 1933–1936 гг. мы уже смогли дать довольно подробную характеристику некоторых направлений хозяйственной деятельности администрации института и отдельных бытовых аспектов повседневной жизни вуза. На наш взгляд, перспективным было бы проведение полного, всестороннего анализа состава и содержания данного вида исторических источников, и введение в научный оборот всего корпуса приказов директора НГПИ–НГУИ довоенного периода.

Литература и источники

Акт – Акт сдачи-приёма административно-хозяйственной части института от 19.04.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 180, 182.

ОВА НовГУ. Д. 3 – ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 1–26; 127–227, 170 об.

ОВА НовГУ. Д. 8 – ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 8.

ОВА НовГУ. Д. 9 – ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9.

ОВА НовГУ. Дело без обложки... – ОВА НовГУ. Св. 5. Дело без обложки, номера и заголовка. Л. 102–170.

ОВА НовГУ. Д. 1 – ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 41об.

ОВА НовГУ. Д. 2. – ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 2.

Отчёт – Отчёт НГУИ за 1936–1937 учебный год // ГАНО. Ф. Р-3577. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

План – План предоставления отпусков административно-техническому персоналу НГПИ на 1935 год // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 7. Л. 117.

Преподаватели – Преподаватели Новгородского государственного педагогического института (1953–1993): биографический справочник / сост.: Р. П. Макейкина, Н. С. Федорук. Великий Новгород, 2009. С. 4.

Приказ № 1 – Приказ № 1 по НГПИ от 02.01.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 27.

Приказ № 3 – Приказ № 3 по НГУИ от 1/5.01.1936 // ОВА НовГУ. Св. 5. Дело без обложки, номера и заголовка. Л. 105, 108-110.

Приказ № 10 – Приказ № 10 по НГПИ от 15.01.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 37.

Приказ № 12 – Приказ № 12 по НГПИ от 16.01.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 39.

Приказ № 13 – Приказ № 13 по НГПИ от 16.01.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 42.

Приказ № 15 – Приказ № 15 по НГУИ от 23.01.1936 // ОВА НовГУ. Св. 5. Дело без обложки, номера и заголовка. Л. 115–116.

Приказ № 16 – Приказ № 16 по НГУИ от 25.01.1936 // ОВА НовГУ. Св. 5. Дело без обложки, номера и заголовка. Л. 118.

Приказ № 26 – Приказ № 26 по НГПИ от 01.02.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 62.

Приказ № 27 – Приказ № 27 по НГУИ от 10.02.1936 // ОВА НовГУ. Св. 5. Дело без обложки, номера и заголовка. Л. 130.

Приказ № 29 – Приказ № 29 по НГПИ от 03.02.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 71.

Приказ № 30 – Приказ № 30 по НГПИ от 30.02.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 72.

Приказ № 36 – Приказ № 36 по НГПИ от 08.02.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 87.

Приказ № 46 – Приказ № 46 по НГПИ от 28.02.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 107.

Приказ № 51 – Приказ № 51 по НГПИ от 11.03.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 112.

Приказ № 52 – Приказ № 52 по НГПИ от 13.03.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 113.

Приказ № 59 – Приказ № 59 по НГПИ от 26.03.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 121.

Приказ № 63 – Приказ № 63 по НГПИ от 31.03.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 123.

Приказ № 65 – Приказ № 65 по НГПИ от 02.04.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 125.

Приказ № 90 – Приказ № 90 по НГПИ от 20.02.1934 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 2. Л. 78.

Приказ № 93 – Приказ № 93 по НГПИ от 21.05.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 186.

Приказ № 122 – Приказ № 122 по НГПИ от 20.07.1935 // Объединенный ведомственный архив Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (далее – ОВА НовГУ). Св. 5. Д. 3. Л. 222.

Приказ № 145. Д. 1 – Приказ № 145 по НГПИ и рабфаку от 15.05.1933 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 21.

Приказ № 145. Д. 9 – Приказ № 145 по НГУИ от 11.09.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 12.

- Приказ № 158* – Приказ № 158 по НГУИ от 29.09.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 26.
- Приказ № 164* – Приказ № 164 по НГУИ от 05.10.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 38.
- Приказ № 165* – Приказ № 165 по НГУИ от 09.10.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 40.
- Приказ № 166* – Приказ № 166 по НГУИ от 10.10.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 41, 42.
- Приказ № 175* – Приказ № 175 по НГУИ от 16.10.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 52.
- Приказ № 179* – Приказ № 179 по НГУИ от 22.10.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 56.
- Приказ № 182* – Приказ № 182 по НГУИ от 26.10.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 60.
- Приказ № 209* – Приказ № 209 по НГУИ от 05.12.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 96.
- Приказ № 216* – Приказ № 216 по НГУИ от 19.12.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 102
- Приказ № 217* – Приказ № 217 по НГУИ от 21.12.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 103.
- Приказ № 220* – Приказ № 220 по НГУИ от 26.12.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 108.
- Приказ № 221. Д. 3* – Приказ № 221 по НГПИ от 20.12.1934 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 3. Л. 14.
- Приказ № 221. Д. 9* – Приказ № 221 по НГУИ от 26.12.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 112.
- Приказ № 223* – Приказ № 223 по НГУИ от 31.12.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 116.
- Приказ № 231* – Приказ № 231 по НГПИ от 28.10.1933 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 1. Л. 97.
- Приказ № б/н* – Приказ № б/н по НГУИ от 22.09.1935 // ОВА НовГУ. Св. 5. Д. 9. Л. 24.
- Салоников* – Салоников Н. В. Повседневная жизнь Новгородского государственного педагогического/учительского института в 30-40-е гг. XX в. (по делопроизводственным документам) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2010. С. 94–99.

УДК 94(470.24)

С. Ф. Витушкин

НОВГОРОДЦЫ – КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО (ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ И СУДЬБЫ ГЕРОЕВ)

Орден Александра Невского – единственный орден, существовавший в Российской империи, в СССР и с 2010 г. существующий в России сейчас. Конечно, есть серьезные отличия в том, кого в разные периоды награждали от имени государства данным орденом. В Российской империи это были сановники, представители высшего света, приближенные императора. В современной России это также чиновники, руководители крупных корпораций, артисты, бизнесмены. В советский же период награда вручалась проявившим свои военные таланты командирам звена взвод–рота–батальон–полк–бригада–дивизия и подразделений батарея–дивизион–полк в артиллерии.

Предмет нашего исследования – новгородцы, награжденные советским орденом Александра Невского.

Он был учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 г. Всего состоялось 42156 награждений этим орденом, в том числе им были награждены 1473 воинские части и соединения, около 70 иностранных граждан (*Орден*).

При разработке темы «Новгородцы – кавалеры ордена Александра Невского» важнейшим источником были документы сайта МО РФ «Память народа» (*Поиск документов*). В нём выложены на сегодня документы о награжденных разного рода: представления к награждению, наградные листы, списки частей, карточки ранений, сообщения госпиталей, похоронки, списки из паспортов современных воинских захоронений, донесения воинских частей, истории воинских частей и другие. В той или иной степени были использованы все они. Понятно, что в свое время они составлялись не для исторических исследователей, а по утилитарным целям – для призыва, учета, сопровождения военнотружущих и представления их к наградам, присвоения очередного или внеочередного звания, назначения им пенсии. Обработка таких документов, при некотором опыте, может дать довольно много информации. Все это занимает немало времени. Работа по выявлению кавалеров ордена Александра Невского заняла 3–4 года.

Ценным источником стали публикации об участниках войны на порталах «Дорогами памяти» (*Фотографии*), «Бессмертный полк» (*Бессмертный полк*), региональных страницах интернет-ресурсов.

Другим информативным источником было издание «Солдаты Победы», содержащее, в том числе, сведения о тех новгородцах, которые приехали в Новгородскую область после войны и до этого с нею не были связаны ни по факту рождения, ни по призыву, ни по месту жительства и работы (*Архивы*).

Использованы воспоминания участников войны, личные воспоминания родственников, публикации в печати, в Интернете, исследования школьников, материалы музеев и архивов.

Если говорить о фотографиях кавалеров ордена Александра Невского, то больше всего их удалось найти в личных делах офицеров, продолжавших службу в Советской армии.

Особенностью всех перечисленных источников было то, что ни в одном из них не содержалась в полном объеме вся необходимая информация. Более того, часть источников сообщала недостоверные сведения о дате и месте рождения, о месте призыва, партийности, звании, должности офицера, и т. п. искаженные данные. В этих условиях важнейшими задачами исследователя стало интегрирование обнаруженных данных и отсеивание явно недостоверных сведений. Помочь в этом мог только опыт работы со всеми перечисленными видами документов, наработанный в предыдущие годы.

Что касается количества выявленных кавалеров – 250 человек, – то можно с уверенностью сказать, что их больше. Однако сама работа над темой продолжалась 3–4 года, сориентирована была на публикацию в год юбилея Александра Невского, и задерживать её обнародование было бы неразумно. «Дорого яичко к Христову дню», – говорят в народе.

Работа будет продолжаться. Кроме земляков, в рассмотрение попали и те офицеры, которые воевали на Северо-Западном, Волховском, Калининском, 2-м Прибалтийском фронтах на территории области и совершили свои подвиги как на территории области при освобождении конкретных населенных пунктов, так и в дальнейшем. Таких выявлено уже больше 350 человек.

Предварительно автор публиковал сведения о чудовцах в сборнике «Чудовский краевед», о шимчанах – в Шимской районной газете, о холмиче Кляпине – в газете «Новгородский ветеран 53».

Среди кавалеров ордена Александра Невского в СССР были офицеры, награжденные трижды и дважды.

Из 339 офицеров, дважды и трижды удостоенных орденом Александра Невского – 19 Героев Советского Союза. Некоторые из них являлись командирами

полков, бригад и начальниками штабов. Большая часть перечисленных офицеров – командиры рот и батальонов:

103 – командиры стрелковых и пулеметных взводов, рот и батальонов;

101 – артиллеристы легкой, гаубичной и противотанковой артиллерии;

47 – зенитчики и минометчики, в том числе РГК;

30 – командиры танковых и самоходно-артиллерийских подразделений;

27 – летчики штурмовой, разведывательной и истребительной авиации;

15 – командиры саперных рот и инженерных понтонно-мостовых подразделений;

9 – командиры подразделений разведчиков;

4 – командиры сабельных взводов и эскадронов кавалерийских полков;

2 – командиры противотанковых рот ПТР;

1 – командир телефонно-кабельной роты связистов.

Дважды удостоены почетной награды шестеро наших земляков: боровичане – командир истребительно-противотанкового полка А. И. Антипов и штурман штурмового авиаполка А. С. Горин, пестовчанин командир звена штурмового авиаполка П. С. Корсаков, новгородец командир танкового взвода И. В. Смирнов, демянec командир стрелковой роты А. И. Кузьмин, хвойнинец командир артиллерийского дивизиона Ф. И. Соцкий и поддорчанин командир стрелковой роты В. В. Шведов.

Из числа связанных с Новгородом рождением или призывом, работой или жительством выявлено 43 кавалера ордена. На втором месте Боровичский район – 37 человек, на третьем – Старорусский район с 24 кавалерами, 19 – в Окуловском, 18 – в Чудовском, 16 – в Новгородском, 15 – в Демянском, 14 – в Маловишерском, по 11 – в Валдайском, Пестовском и Хвойнинском районах, 1 – в Любытинском, 9 – в Холмском, по 8 – в Парфинском и Солецком районах, по 7 – в Батецком, Маревском, Мошенском, Поддорском районах, 6 кавалеров в Шимском, 5 – в Крестецком, 4 – в Волотовском.

Абсолютное большинство – 224 из 250 кавалеров являлись членами ВЛКСМ или ВКП(б).

Погибли в годы Великой Отечественной войны 28 награждённых. 9 офицеров какое-то время значились пропавшими без вести, кроме того, ещё один и сегодня считается пропавшим без вести. Пребывание в плену не помешало им получить ордена Александра Невского.

По-гендерному составу абсолютно все – мужчины.

По воинской специальности больше всего артиллеристов, минометчиков и пехотных командиров. Имеются также командиры танковых подразделений,

саперных батальонов, разведчики, летчики, связисты, штабные работники. В перечне присутствуют два бывших партизана – В. В. Васильев и П. И. Скорняков. Имеются представители политорганов – начальник политотдела дивизии Н. И. Невежин и начальник политотдела гвардейского минометного полка Л. А. Завьялов. Политруками рот и батарей, секретарями парторганизаций, замполитами командиров батальонов и дивизионов, комиссарами полков служили в отдельные периоды жизни М. Г. Папышев, П. П. Петров, В. М. Семенов, Ф. И. Соцкий, И. В. Щетинкин, Н. И. Архипов, М. К. Иванов, В. И. Леонтьев, С. С. Лобанов. Итого 11 человек из числа политсостава.

Шесть офицеров из числа награжденных командовали штрафными ротами и батальонами. Это А. В. Дмитриев, Н. А. Лукачков, В. В. Калло, А. Я. Самуйлов, С. И. Сычев и А. П. Трубко. Награждение их орденами Александра Невского развеивает один из мифов войны – мол, шедших в бой в составе штрафных рот и батальонов не награждали. Был постоянный и переменный состав штрафных подразделений. Постоянный состав, а в ряде случаев и переменный, награждали за совершенные подвиги (например, 25 декабря 1944 г. в 198-й стрелковой дивизии 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта) (Сукнев, 2007. С. 218–221).

Шесть человек являются Героями Советского Союза: И. М. Берлинский, А. С. Горин, А. Я. Михайлов, В. Н. Молодчиков, А. Г. Николаев и А. И. Яковлев. К званию Героя Советского Союза были представлены за свои подвиги, но не получили его 8 человек: Ф. И. Анисимов, В. Д. Бецкий, Н. С. Бойцов, М. А. Вейсман, Н. Т. Зайцев, П. С. Корсаков, А. П. Федоров, А. М. Яковлев.

Многие награжденные сделали блестящую военную или гражданскую карьеру. Например, Н. А. Антонов стал первым секретарем областного комитета партии, В. А. Филимоненко – начальником областного Управления внутренних дел, А. И. Беляев – областным военным комиссаром, начальником организационно-мобилизационного управления Ленинградского военного округа, М. А. Вейсман – управляющим областным трестом сельского строительства, И. Г. Рогозин – управляющим треста № 48, первым заместителем начальника Новгородского территориального управления строительства, В. Д. Бецкий – секретарём парткома комбината огнеупоров, секретарём парткома, заместителем управляющего трестом № 43 «Новгородхимстрой», И. В. Козлов – начальником ряда районных отделов милиции, И. В. Смирнов – секретарем Боровичского горкома партии.

И. И. Андреев, Ф. И. Анисимов, А. И. Антипов, Б. Н. Беляев, Д. М. Берлинский, И. И. Богатырев, А. П. Боговик, Ф. Т. Бородин, А. Н. Буров, П. Л. Васильев, М. А. Евграфов, Н. Н. Жохов, В. Г. Иванов, Н. А. Иванов, К. Л. Иевлев-Старк, Н. И. Карасев, А. К. Карпов, Н. П. Кляпин, А. А. Кузин, В. А. Матвеев, А. П. Медик, А. Я. Михайлов, А. А. Михайлов, В. Ю. Некраха, Ф. П. Петров, А. П. Попов, Н. В. Пузанов, Н. И. Сергеев, А. П. Степанов, Н. П. Тимофеев, А. Я. Яковлев (31 человек) вышли в отставку с военной службы в звании полковника. В. И. Беляев вышел в отставку в звании генерал-майора, В. И. Лебедев, А. Б. Скворцов и Б. П. Юрков – в звании генерал-лейтенанта.

К сожалению, выяснить послевоенную историю жизни удалось далеко не у всех кавалеров. Только у 180-ти мы знаем дату увольнения из рядов Вооруженных Сил и у 20 кавалеров – дату смерти. Если учесть 28 погибших в годы войны и одного пропавшего без вести, мы не знаем ничего о послевоенной судьбе 22 кавалеров.

Скупые строчки наградных листов позволяют нам увидеть основу подвигов офицеров. Это, как правило, преданность Родине, личное мужество и храбрость командиров, организация тесного взаимодействия и взаимопомощи родов войск, применение современных тактических приемов (обходов, ударов во фланг, стремительных атак вслед за огневым валом), использование возможностей самого современного оружия (гвардейских реактивных минометов, артиллерии большой мощности, самоходных артиллерийских установок), хорошо налаженная разведка позиций и намерений противника, умение владеть трофейным оружием, длительная подготовка подразделений к действиям при прорыве переднего края противника, учеба личного состава, воспитание стойкости, мужества и наступательного порыва у рядовых и младшего командного состава.

Встречаются случаи, когда к ордену были представлены начальниками госпиталей офицеры, находящиеся в госпитале. Это В. Е. Егоров и Т. Т. Петров.

Около 80 человек были призваны с объявлением войны в 1941 г. ещё столько же были призваны незадолго до этого в 1938–1939 гг. и стали участниками советско-финляндской войны. Суммируя эти данные, можно сказать, что около 160 человек гражданских новгородцев (64%) за годы войны стали профессиональными военными, овладевшими основами военного дела, умевшими командовать подразделениями в сложных, постоянно меняющихся, подчас критических условиях боя, обладавших личной смелостью, мужеством, стойкостью, обладавших тактическим и стратегическим мышлением, позволяющим им, используя весь арсенал приданных средств, обеспечивать

стремительное продвижение вперед, несмотря на упорное сопротивление численно превосходящего противника. Именно на их плечи легла миссия освобождения страны и Европы от нацизма. Они выполнили её. Рабоче-крестьянская Красная Армия вышла из Великой Отечественной войны значительно более сильной, чем встретила её. Сыграли свою роль осознание цели войны жителями СССР – сохранение свободы и суверенитета, перспектив развития, невероятные усилия, приложенные тружениками тыла для обеспечения фронта современным оружием, продовольствием, совершенствование военного образования, мужество и самопожертвование защитников Отечества. В последних двух моментах велика роль наследников ратной славы Александра Невского, воспитанных советской властью, которые меньшими силами, смекалкой, внезапными активными действиями умели наносить противнику существенный урон в живой силе и технике.

Эту мысль и хотел донести автор до читателей своего исследования.

Литература и источники

Архивы – Архивы Новгородской области [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://novarchiv.org/memorybookprint/solders-of-victory> (дата обращения 12.07.2023).

Бессмертный полк – Бессмертный полк [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.moypolk.ru/> (дата обращения 12.07.2023).

Орден – Орден Александра Невского (СССР): [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Орден_Александра_Невского_\(Россия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Орден_Александра_Невского_(Россия)) (дата обращения 12.07.2023).

Поиск документов – Поиск документов об участниках войны [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения 12.07.2023).

Сукнев – Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 253 с.

Фотографии – Фотографии Героев Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://foto.pamyat-naroda> (дата обращения 12.07.2023).

**ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМБИНАТА
«КРАСНЫЙ КЕРАМИК» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (по документам фонда ГАНИНО № 260
«Новгородский областной комитет КП РСФСР»)**

Небольшой промышленный городок Боровичи Ленинградской области не был оккупирован гитлеровцами во время Великой Отечественной войны. Осенью 1941 г. немецкие войска подошли к Боровичам максимально близко, захватив Лычково, Малую Вишеру, частично оккупировав Дрегельский район. Несмотря на близость фронта (около 100 километров), предприятия города не останавливались и производили продукцию для нужд Красной армии.

Важная информация о деятельности комбината содержится в фондах Государственного архива новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО) (Ф. 260). Помимо фондов боровичских горкомов ВКП(б) (Ф. 29) и ВЛКСМ (Ф. 148), первичных партийных организаций предприятий: Боровичского комбината огнеупоров (Ф. 754), Боровичского деревообрабатывающего комбината (Ф. 1025), Вельгийской бумажной фабрики (Ф. 734), артелей «Русская балалайка» и «Красный деревообделочник» (Ф. 3613), первичных комсомольских организаций, сводная информация о работе боровичских предприятий в годы Великой Отечественной войны сосредоточена в делах фонда № 260 «Новгородский областной комитет КП РСФСР» (Оп. 2). Здесь можно ознакомиться с отчетами, подготовленными в 1945–1946 гг. руководителями Боровичского деревообделочного комбината (ГАНИНО. Д. 242. Л. 1–6), артели «Красный деревообделочник» (с приложением характеристик на работников) (ГАНИНО. Д. 256. Л. 1–6 об.), Боровичским хлебокомбинатом (с приложением фотографий) (ГАНИНО. Д. 241. Л. 2–26), эвакуированных из Ленинграда завода № 17 «Цветметштамп» (ГАНИНО. Д. 243. Л. 1–7) и швейно-обувной фабрики имени КИМ (ГАНИНО. Д. 257. Л. 1–4), исторической справкой о тресте «Ленинградуголь» (ГАНИНО. Д. 244. Л. 2–7), информацией о работе газеты «Красная искра» в период войны (ГАНИНО. Д. 245. Л. 17, 8–24) документами Государственного архива Новгородской области (далее – ГАНО) (Ф. Р-3686 и Р-886) и другими источниками.

Вопрос о необходимости частичной эвакуации оборудования и специалистов крупнейшего предприятия города – комбината «Красный

керамик», производившего разнообразный ассортимент огнеупорных изделий – был поставлен уже в июле 1941 г. Заслуги комбината в предвоенный период подтверждает награждение его орденом Трудового Красного Знамени 26 марта 1939 г. В тот же день вышел Указ о награждении орденами и медалями работников черной металлургии, в том числе – 8 работников комбината «Красный керамик». В 1940 г. журнал «Огнеупоры» (№ 11–12) сообщал, что комбинат легко покрывал потребности в шамоте не только Ленинграда и всего Севера, но и часть потребностей Центра и Урала – 10% шамотной продукции страны выпускалось в Боровичах (Агеева, 2017). (Шамот – обожженная до спекания глина, а также огнеупорный кирпич из такой глины (Ожегов, 2006). Перед войной институтом огнеупоров был подготовлен проект коренной реконструкции предприятия, обследованы сырьевые ресурсы и определены основные месторождения огнеупорных глин. В 1941 г. предполагалось увеличить выпуск сталеразличного припаса на 50%. Но мирные планы оказались сорваны.

Первая эвакуация комбината была произведена в июле-августе 1941 г. на основании приказа Народного комиссара черной металлургии СССР И. Ф. Тевосяна от 14 июля 1941 г. № 14/сс. Демонтированное оборудование было отправлено на Урал (Нижний Тагил, Богдановичи, Первоуральск, Магнезит, Сухой Лог и др.). При эвакуации демонтировалось и отправлялось в глубокий советский тыл производственное оборудование цехов (было отгружено оборудование цехов №№ 1, 2, 5, 7, частично шамотного цеха № 3), рудников, центральных механических мастерских (ЦММ), центральной электростанции (ЦЭС), подвесной канатной дороги, центральных и заводских лабораторий, электрооборудование подстанций. Были вывезены цветные металлы и электротехнические материалы. Работами по демонтажу и погрузке в вагоны руководили начальники цехов. На уральские заводы из Боровичей было отправлено 556 вагонов с оборудованием, туда выехали около тысячи опытных рабочих и специалистов с семьями (Мамкин, 1981. С. 46).

В конце 1941 г. состоялась вторая эвакуация комбината. Она началась по телеграфному распоряжению заместителя Наркома черной металлургии СССР П. И. Коробова от 1 ноября 1941 г. Демонтировалось оборудование нескольких цехов (№№ 3, 4, 8), подвесной канатной дороги, рудников. При второй эвакуации было вывезено около 13 тысяч тонн огнеупорных изделий и 5 тысяч тонн оставлено для нужд ленинградской металлургии. Шахта «Междуречье», вследствие окончательной выработки, была затоплена. С 23 октября был законсервирован рудник имени Артема (работа рудника была возобновлена 1 мая 1942 г.).

Жизнь на комбинате после эвакуации не затихла. Наладить работу огнеупорного комбината в условиях прифронтового города, нехватки оборудования и специалистов для нужд войны было одной из самых сложных задач. В отчете комбината «Красный керамик» Новгородскому обкому ВКП(б) (1945 г.) говорилось: «...Для целей сохранения основного капитала комбината – зданий, жилого фонда, для поддержания водоотливов рудника «Большевик» и имени Артема, работы ЦММ с обслуживающими предприятиями, а также торфопредприятия «Тухун» были оставлены рабочие, ИТР (инженерно-технические работники – С. Е.) и служащие в количестве 1256 чел., в том числе 67 ИТР и 81 служащие. Была оставлена военизированная охрана и пожарная команда для охраны демонтированного имущества и всего остального» (ГАНИНО. Д. 240. Л. 2).

Кроме того, были оставлены на ЦЭС котел, паровая турбина, дизель мощностью в 650 кВт. ЦЭС не останавливала свою работу всю войну, хотя в ноябре 1941 г. по электростанции уже ходили саперы, готовя её уничтожение в случае прорыва фронта противником. На ЦММ были оставлены 30 станков, столярная мастерская и лесопилка с лесопильной рамой, производительностью 15–18 кубометров пиломатериалов за 8 часов работы. ЦММ ни на день не прекращали работу и начали выпуск изделий для фронта. Например, в мастерских делали автоприцепы, автосани, котлы для приготовления пищи, чугунные печи-временки, походные бани, походные кухни, походные фонари, армейские котелки. Изготовленные в ЦММ запчасти использовал размещившийся на территории комбината ремонтно-восстановительный батальон. Кроме того, на базе ЦММ был организован срочный ремонт разного вооружения, вплоть до танков и пушек. Уже в 1941 г. ЦММ было выполнено работ на сумму 1 217 000 рублей, а в 1942 г. мастерские отчитались работами на 2 700 000 рублей.

В целом же предприятие к концу года снизило свою производительность, из-за эвакуации оборудования и ценных кадров, до 70% от намеченного плана. В отчете сообщалось, что в июле «...цех № 1 вместо 6775 т. по плану дает 3856 т. 56,9%, № 2 – 7300 т. – дает 4666 т. 63,9%, № 5 – 2580 т. – дает 1930 т. 74,8%, № 7 – 3065 т. – дает 1585 т. 51,4%...» (ГАНИНО. Д. 240. Л. 3). Не хватало сырья: в августе 1941 г. в демонтированных цехах обжигались остатки полуфабриката и недожиг прошлых месяцев. Оборудование, оставшееся в цехе № 1 и не попавшее в эвакуацию, было изношенным или вышедшем из строя оборудованием других цехов. Все силы были брошены на ремонт и установку специального и переделку имеющегося оборудования, пригодного для производства. Комбинату, несмотря на эвакуацию, необходимо было выйти на

цифру в 3 тысячи тонн огнеупорных изделий в сутки. В сентябре выработка цеха № 1 значительно увеличилась. Затем отмечалось снижение производства огнеупоров, а в декабре 1941 г. совершенно прекратилась формовка изделий и лишь производилась частичная формовка. Всего комбинатом в июне было выпущено 25 646 тонн изделий, в июле – 18851, в августе – 10274, в сентябре – 8443, в октябре – 8667, в ноябре – 4274 тонны (Агеева, 2015).

В первый период войны остро встал вопрос со снабжением фронта печами. ЦММ не справлялся с выпуском печей-временок. На комбинате приступили к выпуску цилиндрических печей-временок по модели чугунных печей. Таких печей было произведено 4 тысячи штук. Была разработана четырехугольная керамическая печь, но она (по объективным причинам) не получила распространения на фронте.

Основными потребителями изделий комбината являлись предприятия, подчиненные союзным народным комиссариатам: Наркомату черной металлургии (Наркомчермет) СССР, Наркомату авиапромышленности СССР, Наркомату обороны СССР, Наркомату тяжелого машиностроения СССР, Наркомату путей сообщения СССР, Наркомату внутренних дел (НКВД) СССР. В начале августа 1941 г. значительная часть продукции была отправлена в Ленинград, но затем, в связи с блокадой города, отправка продукции стала невозможной. Основной поток изделий комбината был направлен в Московскую, Горьковскую области и на Урал. Следует отметить, что комбинат всё время придерживал какое-то количество изделий на складах – на случай освобождения Ленинграда из вражеского кольца.

Значительную часть зданий комбинат передал для нужд Красной армии. Были сданы помещения цехов №№ 2, 5, 6 и 7. Эти площади были использованы для размещения оборонного производства химических продуктов, железобетонных монолитных дотов и противотанковых заграждений (с декабря 1941 г. в помещении цеха № 2 работал бетонный завод 20-го Управления оборонительного строительства Северо-Западного фронта (Александрова, 2020). 23 июня 1942 г. бюро Ленинградского обкома ВКП(б) обязало директора комбината передать во временное пользование Леноблпромсовету законсервированный цех № 5 для организации мастерских по снаряжению боеприпасов (Блокада, 2020. С. 949). Здания клубов комбината, ремесленного училища, техникума, дома ИТР, общежития были отданы под лечебные учреждения, госпитали. Часть автотранспорта и конского обоза также были переданы Красной армии.

В первых месяцах 1942 г., несмотря на эвакуационные потери, комбинат продолжал производить огнеупорную продукцию. С января 1942 г. приступили

к розжигу печи цеха № 1, 7 февраля 1942 г. началась формовка, а 23 февраля 1942 г. был выпущен первый после эвакуации кирпич. С апреля 1942 г. был налажен выпуск следующих видов продукции: сифон пролетный в количестве 52 тонны, воронки – 2 тонны, звездочки – 6 тонн. Всего в январе комбинат выпустил 19 тонн огнеупоров, в феврале – 137, в марте – 683, в апреле – 1085 тонн (Кардашов, 1986).

В январе 1942 г. директор комбината М. Г. Трофимов направил в Наркомчермет докладную записку, в которой «в связи с изменяющейся изо дня в день обстановкой на фронте, улучшающей положение г. Боровичей» (Агеева, 2015. С. 156) предложил поставить вопрос о ближайшем пуске части производственных цехов и Любытинского рудника. По решению комиссии обкома ВКП(б) по руководству северо-восточными районами области и Боровичского горкома ВКП(б) он был командирован на Урал с заданием собрать эвакуированное оборудование для восстановления работы цехов №№ 1 и 3.

Составленный список необходимого для реэвакуации оборудования был утвержден Главным управлением огнеупорной промышленности (Главогнеупором) Наркомчермета и самим наркоматом. Были установлены очереди комплектной отправки оборудования, определены лица, ответственные за своевременную отправку оборудования. Но со стороны Богдановичского завода (Свердловская область) возникли препятствия. Посланные из Боровичей представители не смогли отгрузить оборудование, оно было уже использовано для расширения производства Богдановичского завода. Только в мае 1942 г., после выхода постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО) о восстановлении ряда предприятий, связанных с обороной, ответственные лица были вторично отправлены на Урал и смогли лишь частично отгрузить то, что первоначально предполагалось вернуть в Боровичи. Самое ценное и наиболее современное либо было уже частично использовано уральцами, либо не выдавалось со ссылкой на резолюцию бывшего начальника Главогнеупора Я. М. Новикова, «а в основном из-за желания оставить (...) лучшее оборудование» (ГАНИНО. Д. 240. Л. 4а об).

На тот момент на заводе в Богдановиче осталось: «...все кабеля, электрооборудование, провода, приводные ремни, весь инструмент, транспортные ленты, допрессовочные пресса, мешалки, лентпресса и др. ценное оборудование, материалы и приспособления, без которых восстановление комбината было совершенно невозможно...». В отчете боровичане не без горького юмора отмечали: «...На Урал было эвакуировано богатейшее и мощное допрессовочное хозяйство комбината «Красный

Керамик». Это оборудование очень гостеприимно было принято заводами Урала, где они осели...» (ГАНИНО. Д. 240. Л. 5 об.). Кроме того, часть демонтированного оборудования цеха № 4 (бегуны, ленточные пресса) была уничтожена при бомбардировке (ГАНУ. Д. 149).

По объективным причинам, оборудование, вместо положенного по графику начала июня 1942 г., начало поступать в Боровичи только в июле. Для того, чтобы восстановить керамические машины, потребовалось бы значительное время, так как необходимо было изготовить чертежи недостающих деталей, которые остались на Урале. Уже в мае дирекция, предугадав такой вариант развития событий, переключила весь объем работ по изготовлению новых машин на ЦММ. Мастерские приступили к изготовлению чертежей и моделей и выпуску новых машин. На комбинат не были возвращены прессы Бойда для полусухого прессования, поэтому необходимо было переключить всю работу цеха на пластическое прессование. Кирпич сажали в печи без специальной сушки. Весь технологический процесс изготовления изделия необходимо было менять. Всё это привело к возможности производить в цехе № 1 порошки шамота и глины на выпуск изделий из расчета до 5 тысяч тонн в месяц. Потеря значительной части довоенного оборудования, оставшейся на Урале (фрикционные пресса Рейсмана, Пантелеева, сифонные, розеточные и др.), вынудила комбинат начать изготовление изделий ручным способом, а для этого требовалось как можно больше рабочих рук. «Почти все операции выполняли вручную. Основным видом транспорта была лошадь, на выгрузке сырья – тачка, в цехе – вагонетка», – свидетельствовал работник комбината, вернувшийся с фронта в 1944 г. (Мамкин. С. 50–51).

Для восстановления работы остальных цехов, а особенно цеха № 4, была выполнена кропотливая работа по созданию новых современных машин. По новым чертежам были изготовлены в короткий срок в собственных мастерских: 12 керамических машин, 2 дезинтегратора, шаровая мельница, 2 лентпресса типа «Красный керамик» и другие машины. Первая очередь цеха № 4 была пущена 23 августа 1942 г.

Для восстановления работы цеха № 3 была найдена глиномялка на Боровичском кирпичном заводе. В конце мая 1942 г. она была установлена на место лентпресса. Освоение глиномялки стало сложной задачей, так как она не была приспособлена для работы с огнеупорной глиной. В собственных мастерских было начато изготовление мощного лентпресса. Уже к июлю он был установлен в цехе № 3. Если сначала цех № 1 начал работать на шамоте,

который остался ещё с довоенного времени, и на оставшемся браке во всех остальных цехах, то позднее остро встал вопрос о снабжении цехов №№ 1 и 4 шамотом. Недостаток глины, малая производительность Любытинского рудоуправления и одновременные затруднения с железнодорожным транспортом – всё это поставило вопрос о необходимости монтажа и пуска канатной подвесной дороги. К августу 1942 г. был выпущен участок подвесной дороги для доставки шамота из цеха № 3 в цех № 1.

Большие работы проводились непосредственно на рудниках в Любытинском районе. Эвакуированное хозяйство рудников не было возвращено, но в связи с восстановлением комбината в мае 1942 г. рудники начали работу как основной сырьевой цех комбината, а также для снабжения сырьем других военных заводов. На рудниках были произведены ремонтные работы локомотивов и паросилового хозяйства, при этом все работы производились вручную. Позже была введена механическая добыча, которая заменила ручную отбойку глины.

Ручной труд продолжал применяться на торфопредприятии «Тухун», где значительное число рабочих было мобилизовано на фронт – таким образом, комбинат оказался перед угрозой срыва топливного снабжения. Ушедших на фронт мужчин заменили женщины и подростки. Не способствовал выполнению плана и дождливый сезон 1942 г. За весь год торфопредприятие выполнило всего 46% уменьшенного плана, что поставило ЦЭС комбината в катастрофическое положение. Комбинат принял решение закупать торф со станций Октябрьской железной дороги (Гряды, Угловка и др.). Неудовлетворительная работа ЦЭС из-за проблем с подвозкой торфа была рассмотрена на заседании бюро обкома ВКП(б) 23 декабря 1942 г. (*Блокада*. С. 1081).

Комбинату не хватало квалифицированных специалистов – остро стоял кадровый вопрос. «Мы не имели ни машин, ни людей, – вспоминал участник восстановления комбината А. Гаценко. – Безотрадная картина стояла перед глазами: корпуса с провалившимися крышами и зияющими окнами, всюду хлам, горы мусора. <...> Люди работали сутками, не жалея сил и здоровья...» (*Агеева*, 2015. С. 157). Была проведена большая работа по обучению кадров, на место рабочих встали женщины и подростки. Рабочий день длился по 11–12 часов, но многие оставались в цехах гораздо дольше, стараясь закончить выполнение оборонных заказов.

В отчетных документах отмечались трудовые подвиги огнеупорщиков. «В 1943 г. комбинату «Красный керамик» было дано срочное задание

изготовить наиболее ответственный шамотный огнеупор – доменный припас, для строившейся доменной печи № 6 в Магнитогорске, – сообщалось в отчете 1945 г. – Весь персонал с энтузиазмом взялся для выполнения этой почетной задачи – скорейшего пуска домны, для скорейшего увеличения смертоносного оружия для победы над варварскими захватчиками. Изготовление доменного припаса для Магнитогорской домны было с честью выполнено в срок и доброкачественно» (ГАНИНО. Д. 240. Л. 11). В том же году был изготовлен доменный припас для алапаевской и тагильской домен.

В рудниках была организована бесперебойная добыча сырья: «...Рудники добыли за 1943 год всего 176 593 т. или 101,5% , в т. ч. рудник «Большевик» 55 046 т., а Любытинское рудоуправление 121 547 т., в т. ч. «Охомля» 32 094 т.» (ГАНИНО. Д. 240. Л. 22). Итоговая цифра, с которой комбинат выполнил план 1943 г., подошла к 105% по отношению к плану. К началу 1944 г. мощность комбината «Красный керамик» была доведена до 52% к довоенной. План 1944 г. был выполнен на 107% (Красная искра, 1945. № 16).

К концу войны комбинат вышел на довоенный уровень выпуска продукции в цехах № 1, 3, 4, 8. За время войны комбинат выпустил огнеупорной продукции для оборонной промышленности Советского Союза:

за 6 месяцев 1941 года – 77 419 тонн;

за 1942 год – 32 562,7 тонны;

за 1943 год – 94 590 тонн;

за 1944 год – 141 311 тонн;

за 5 месяцев 1945 года – 65 745 тонн (ГАНИНО. Д. 240. Л. 12).

Всего за период с начала войны до мая 1945 г. комбинатом «Красной керамик» было выпущено 411 627,7 тонн огнеупорных изделий.

Важное место в истории комбината в годы войны занимают мероприятия по реконструкции и рационализации на производстве. В цехе № 5, вступившем в строй в марте 1945 г. с большими изменениями в процессе производства кирпича, были заново построены здания тонвольфа и сушильного барабана, впервые устроена туннельная сушилка. Кроме того, в цехе действовали душевая и столовая. В цехе № 4 был полностью модернизирован технологический процесс заготовок и помола порошков. Склад глины был оборудован монорельсами с подвесными вагонетками.

Еще в июле 1944 г. М. Г. Трофимов писал в заводской газете: «Впервые на комбинате войдут в строй действующих сложных агрегатов туннельные сушилки и сушильный барабан собственного производства. Наш коллектив металлистов с честью справился с этой работой. За два года восстановления

коллектив комбината освоил производство многих сложных и тяжелых машин. Можно без преувеличения сказать, что на 75 процентов восстановление и реконструкция комбината до настоящего времени производится за счет собственного производства машин, капитального восстановления электромоторов, энергетических установок и т. д.» (Агеева, 2017).

В цехе № 1 во время Великой Отечественной войны были проведены большие работы по механизации трудоемких работ, как то:

1. Установка нитки полусухого прессования на прессе «Бойд», что освобождало около 40 чел. на той же производительности мокрым способом.

2. Устройство жел. дор. тупика для погрузки готовой продукции.

3. Устройство транспортной ленты для передачи полуфабрикатов в 4-ю печь.

4. Устройство механического фрикционного прессы для допрессовки стопора.

5. Перевод особо сложных изделий на механическую допрессовку вместо ручной.

6. Установка механического колун для колки дров.

7. Устроен централизованный склад топлива у ж. д. путей.

8. Проведено вентиляторное дутье на сушильный барабан.

9. Сняты приводные ремни и моторы переведены на редукторы и ряд других мероприятий» (ГАНИНО. Д. 240. Л. 25).

В цехе № 3 также был проведен ряд операций для механизации процесса, например, был установлен механический колун для дров. Аналогичные мероприятия состоялись в цехах № 4 и 8. В отчете о работе комбината за период войны говорилось: «...Всего мероприятия по механизации и рационализации дали годовую экономию около 2.000.000 руб. за годы 1942, 1943, 1944 и 1945» (ГАНИНО. Д. 240. Л. 27).

Нельзя не отметить самоотверженную работу ЦММ комбината. Выше уже упоминалось о роли мастерских в восстановлении и жизни комбината, в отчете подробно описан цикл работ мастерских с первых дней войны и до весны 1945 г. Как и на всём комбинате, с июля 1941 г. началась эвакуация оборудования центральных мастерских. Помещения ЦММ лишились необходимого оборудования, но кое-что оставалось в литейном и кузнечном цехах. На этом оборудовании можно было работать для нужд фронта. Собирали оборудование для ЦММ из разных районов, в том числе Окуловского и Мошенского, в цехе появилось до 10 единиц металлообрабатывающих станков. В этот период литейный цех уже производил продукцию для фронта.

Кузнечный цех изготавливал прицепы, сани, крепежные детали для саперных сооружений. В период 4-го квартала 1941 г. и 1-го квартала 1942 г. всё было нацелено на выполнение фронтовых заказов.

ЦММ работали круглосуточно, люди неделями и месяцами не выходили из мастерских, буквально жили там. Нельзя было остановить работу литейного цеха, чтобы не сорвать очередную плавку. Металл для плавки использовался любой, всё, что оставалось после эвакуации основных цехов, разыскивали по городу и району, доставляли в мастерские. В ход пошла оцинкованная крыша бывшего летнего театра в саду отдыха керамиков. Отдаление линии фронта от города в конце 1941 – начале 1942 г. создало условия для приближения к линии фронта некоторых видов оборонной продукции.

Труд рабочих ЦММ в годы Великой Отечественной войны был высоко оценен. За оперативное выполнение заказов коллектив мастерских многократно отмечен благодарностями командования, а 72 человека награждены медалями «За оборону Ленинграда», среди них: начальник мастерских В. И. Богданов, кузнец-стахановец С. Г. Богданов, токарь А. Никитин, модельщик Митрофанов, литейщики Прокофьев и Виноградов, сварщик Никифоров (*Мамкин. С. 47*). В последующие годы и до конца войны ЦММ только наращивали свою мощность, помогали основным цехам комбината, обеспечивали производство и монтаж нового оборудования.

За весь период войны ЦММ были изготовлены 16 минометов, отремонтированы 9 артиллерийских орудий, изготовлены 134 детали для орудий, отремонтированы 3 танка, отремонтировано 98 винтов самолетов, изготовлено 90 комплектов походных бань, изготовлено 59 походных кухонь, изготовлено 2 комплекта оборудования армейских пекарен, 3 тысячи пищеваренных котлов емкостью 100 литров, 25 тысяч армейских котелков, 2573 чугунных печей вагонного типа, 197 саней для перевозки снарядов, 2977 походных фонарей и 50 тысяч различных деталей, в том числе строительных деталей для ремонта мостов и других инженерно-технических сооружений.

Говоря о тружениках комбината в годы Великой Отечественной войны, необходимо отметить тех, кто прославил предприятие своей ударной работой. Один из передовиков – Павел Иванович Ремнев, который работал на выгрузке изделий в цехе № 4. За свою героическую работу по выгрузке огнеупоров из цеха на заводы военной промышленности Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1945 г. он удостоен ордена Ленина. Мария Волоцкая освоила мужскую профессию обжигальщика, заменила своего мужа, ушедшего

на фронт. По несколько смен она не отходила от топки. В 1943 г. она получила знак «Отличник социалистического соревнования» (*ГАНИНО*. Д. 251. Л. 48). Указом от 31 марта Мария Владимировна награждена за самоотверженный труд орденом Трудового Красного Знамени. Под руководством мастера литейного цеха Василия Борисовича Громова были выполнены сотни заказов для фронта (*ГАНИНО*. Д. 240. Л. 18–18 об.). В. Б. Громов награжден орденом «Знак Почета».

Указом от 31 марта 1945 г. 79 человек (руководители города, рабочие и ИТР предприятия) были награждены высокими государственными наградами «за успешное выполнение заданий Государственного Комитета Оборона по наращиванию мощностей и обеспечению металлургических заводов огнеупорами»: орденом Ленина – 2 человека, орденом Трудового Красного Знамени – 10 человек, орденом Красной Звезды – 5 человек, орденом «Знак Почета» – 31 человек, медалью «За трудовую доблесть» – 19 человек, медалью «За трудовое отличие» – 12 человек (*ГАНО*. Д. 150. Л. 11–16; 19). Имена прославленных тружеников комбината, чья работа внесла существенный вклад в победу над нацизмом: орденосцы И. Ф. Дорофеев, П. В. Захаров, М. М. Смирнов, А. Я. Шитиков, награжденные медалями Е. А. Вересова, Н. Г. Веткина, В. Ф. Виноградова, А. М. Молчанова, И. И. Оконечников, Д. С. Степанов – лишь малая часть перечисленных героев трудовой вахты.

Орденами были награждены руководители: орденом Ленина – директор комбината М. Г. Трофимов, орденами Трудового Красного Знамени – главный инженер И. Т. Еремеев, начальники цехов М. Т. Махинько и А. И. Филатов, начальник Любытинского рудоуправления М. Н. Соколов, орденом Красной Звезды – бывший главный инженер ЦЭС Г. И. Бабич, и др. В 1941–1942 гг. Георгий Иванович активно участвовал в организации эвакуации и реэвакуации комбината.

26 мая 1945 г. председатель Новгородского облисполкома вручил заслуженные награды труженикам комбината «Красный керамик» (*ГАНО*. Д. 150. Л. 24–30).

Медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены 2492 огнеупорщика.

Участвуя во Всесоюзном социалистическом соревновании, коллектив комбината в течение 15 месяцев удерживал переходящее Красное знамя Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) и Наркомчермета. Свыше 200 рабочих и служащих комбината были награждены наркомом значками «Отличник социалистического соревнования» и почетными

грамотами наркомата (*Красная искра*, 1945. № 16). Газета «Красная искра» сообщала в номере от 11 июля 1943 г., что переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомчермета присуждено комбинату по итогам майского соревнования 1943 г. (*ГАНИНО*. Д. 245. Л. 17). 8 июня телеграмма об этом, а также о присвоении звания лучший огнеупорный завод Наркомчермета, была направлена на комбинат заместителем наркома В. С. Бычковым (Копия телеграммы находится в музее ОАО «Боровичский комбинат огнеупоров»).

В марте 1944 г. комбинат во Всесоюзном соцсоревновании завоевал переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомчермета, которое было передано с Первоуральского динасового завода (*Красный керамик*, 1944. № 10. С. 1). Торжественное вручение знамени состоялось 18 апреля 1944 г. в кинозале цеха № 1. В своем выступлении главный инженер комбината И. Т. Еремеев отметил: «В апреле мы должны работать ещё лучше, полностью выполнить свои предмайские обязательства. Впереди идет первый цех. В остающиеся дни апреля необходимо обратить особое внимание на выполнение плана по ассортименту, в особенности сталеразличного припаса, на улучшение качества продукции и выполнение срочных заказов. Надо напрячь все силы для того, чтобы перевыполнением своих предмайских обязательств в апреле завоевать право нашему комбинату получить звание лучшего огнеупорного завода и оставить в Боровичах переходящее Знамя ВЦСПС и Наркомчермета» (*Красный керамик*, 1944. № 11. С. 1).

По итогам соцсоревнования за май 1944 г. ВЦСПС и Наркомчермет приняли решение оставить переходящее Красное знамя и звание лучшего огнеупорного завода за комбинатом (*Красный керамик*, 1944. № 36. С. 1). В июне 1944 г. комбинат в двенадцатый раз завоевал переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомчермета (*Красный керамик*, 1944. № 24. С. 1), оно оставалось за комбинатом по итогам Всесоюзного соцсоревнования за июль (*Красный керамик*, 1944. № 28. С. 1) и август (*Красный керамик*, 1944. № 32. С. 1) 1944 г. По итогам соревнования за сентябрь 1944 г. комбинат в пятнадцатый раз получил знамя и сохранил звание «Лучший огнеупорный завод Наркомчермета» (*Красный керамик*, 1944. № 36. С. 1). Но, как отмечал в своем докладе парторг ЦК ВКП(б) комбината С. Ф. Роцин, «в октябре и ноябре снизились темпы нашего производства, и мы потеряли первенство в соревновании огнеупорных заводов Наркомчермета» (*Красный керамик*, 1944. № 46. С. 2).

Начало 1945 г. принесло комбинату «Красный керамик» новые успехи. За работу в декабре 1944 г. коллектив комбината одержал ряд побед во

Всесоюзном соцсоревновании и занял второе место среди предприятий Наркомчермета. Железнодорожный цех комбината занял первое место в соревновании транспортных предприятий. Решением ВЦСПС и Наркомчермета коллективу железнодорожников было присуждено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. Третье место в соревновании занял коллектив ЦЭС (*Красный керамик*, 1945. № 2. С. 1).

25 января 1945 г. в клубе керамиков состоялся многолюдный митинг, посвященный вручению переходящего Красного знамени ГКО коллективу железнодорожного цеха. По поручению Наркомчермета и ВЦСПС знамя начальнику цеха Попкову вручил директор комбината. С одержанной победой железнодорожников поздравили представитель наркомата Осокин и заместитель секретаря парткома комбината С. А. Опекунов (*Красная искра*, 1945. 28 января. № 8 С. 2).

История комбината «Красный керамик» в годы Великой Отечественной войны – это не только история производства. Многие трудящиеся комбината проходили военную подготовку, участвовали в охране города и вылавливали немецких парашютистов. Городской истребительный батальон НКВД отправлял своих бойцов на фронт и в тыл противника со специальными заданиями: «...Осенью 1942 года был сформирован отдельный батальон «Керамиков» в составе 580 человек. Без отрыва от производства батальон готовил бойцов для фронта... Многие бойцы батальона после подготовки направлялись в ряды действующей Красной армии» (*ГАНИНО*. Д. 270. Л. 37).

Еще до войны была создана и функционировала система МПВО на комбинате «Красный керамик». Унитарные команды существовали во всех цехах комбината. Для этих команд была поставлена задача быстрой ликвидации последствий воздушного налета противника. Благодаря штабу МПВО вся система ПВО работала успешно, штабом была разработана система оповещения работников на комбинате об угрозе воздушного нападения. Руководство системой обучения обеспечивали партийная, комсомольская и профсоюзная организации. За первое полугодие 1941 г. было подготовлено 600 человек на сдачу норм ПВХО первой ступени. С первых дней войны был предпринят ряд мер по светомаскировке, по сокрытию производственных огней и электроосвещения на комбинате. Были определены и организованы бомбоубежища, газубежища, назначение которых состояло в укрытии людей, которые долго не могли находиться в противогазах. В управлении комбината было установлено круглосуточное оперативное дежурство.

4 мая 1985 г. Боровичский огнеупорный комбинат (с 1970 г. – имени В. И. Ленина) награжден орденом Отечественной войны I степени «за заслуги в

обеспечении Советской Армии и Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны». На комбинате бережно относятся к сохранению истории предприятия, работает музей, в котором ярко представлена вся история комбината с момента образования и до нынешних дней, яркие свидетельства героического прошлого времен войны. История деятельности комбината «Красный керамик» в 1941–1945 гг. и других предприятий города стала основанием для присвоения городу Боровичи почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести». Историческое решение об этом было принято Президентом России 2 июля 2020 г. (*Указ*, 2020).

Литература и источники

Агеева, 2017 – Агеева Н. В. Боровичские огнеупоры: второе рождение. 1920–1930-е годы // Мстинский альманах. Вып. 5. Великий Новгород, 2017. 223 с.

Агеева, 2015 – Агеева Н. В. Дважды рождённый. Эвакуация и возрождение комбината «Красный керамик» // Мстинский альманах. Вып. 4. Великий Новгород, 2015. 223 с.

Александрова, 2020 – Александрова Г. А. Боровичане – фронту // Мстинский альманах. Вып. 6. Великий Новгород, 2020. 223 с.

Блокада... – Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / Отв. сост. К. А. Болдовский. Часть II. Март – декабрь 1942 г. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 1261 с.

ГАНИНО. Д. 240 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 240. Л. 2, 3, 11, 12, 18–18 об., 22, 25, 27.

ГАНИНО. Д. 241 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 241. Л. 2–26.

ГАНИНО. Д. 242 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 242. Л. 1–6.

ГАНИНО. Д. 243 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 243. Л. 1–7.

ГАНИНО. Д. 244 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 244. Л. 2–7.

ГАНИНО. Д. 245 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 245. Л. 17, 8–24.

ГАНИНО. Д. 251 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 251. Л. 48.

ГАНИНО. Д. 256 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 256. Л. 1–6 об.

ГАНИНО. Д. 257 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 257. Л. 1–4.

ГАНИНО. Д. 270 – ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 2. Д. 270. Л. 37.

ГАНУ. Д. 149 – ГАНУ. Ф. Р-886. Оп. 1. Д. 149. Л. 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://expro.novarchiv.org/expro/2020/04/chapter2> (дата обращения: 15.07.2023).

ГАНУ. Д. 150 – ГАНУ. Ф. Р-3686. Оп. 1. Д. 150. Л. 11–16, 24–30. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://expro.novarchiv.org/expro/2020/04/chapter2> (дата обращения: 15.07.2023).

Кардашов, 1986 – Кардашов В. И. Ближе всех к Ленинграду. Северо-восточные районы Ленинградской области. 1941–1944 гг. Л.: Лениздат, 1986. 134 [2].

Красная искра. 1945. № 8 – Красная искра. 1945. 28 января. № 8(4902). С. 2.

Красная искра. 1945. № 16 – Красная искра. 1945. 24 мая. № 16.

Красный керамик. 1944. № 10 – Красный керамик: орган парткома, дирекции и завкома боровичского ордена Трудового Красного Знамени комбината «Красный керамик». 1944. 13 апреля. № 10. С. 1.

Красный керамик. 1944. № 11 – Красный керамик. 1944. 20 апреля. № 11. С. 1.

Красный керамик. 1944. № 19 – Красный керамик. 1944. 15 июня. № 19. С. 1.

Красный керамик. 1944. № 24 – Красный керамик. 1944. 20 июля. № 24. С. 1.

Красный керамик. 1944. № 28 – Красный керамик. 1944. 17 августа. № 28. С. 1.

Красный керамик. 1944. № 32 – Красный керамик. 1944. 14 сентября. № 32. С. 1.

Красный керамик. 1944. № 36 – Красный керамик. 1944. 12 октября. № 36. С. 1.

Красный керамик. 1944. № 46 – Красный керамик. 1944. 21 декабря. № 46. С. 2

Красный керамик. 1945. № 2 – Красный керамик. 1945. 27 января. № 2. С. 1.

Мамкин, 1981 – Мамкин Н. С. Испытывается в пламени. Ленинград: Лениздат, 1981. 141 с.

Ожегов, 2006 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. Москва: ООО «А ТЕМП», 2006. 938 [3].

Указ... – Указ Президента РФ «О присвоении почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести» от 4 июля 2020 г. № 444. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007020031> (дата обращения: 15.07.2023).

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ НОВГОРОДА
(ФЕВРАЛЬ–ИЮНЬ 1944 г.)**

В результате Новгородско-Лужской наступательной операции (14 января – 15 февраля 1944 г.) частями Красной Армии были освобождены от немецко-фашистской оккупации Новгород и районы Ленинградской области, снята блокада Ленинграда. Это означало необходимость восстановления на отвоеванной территории разрушенных войной населенных пунктов. Новгород не стал исключением. Первые месяцы освобожденный город находился в составе Ленинградской области и всеми работами по его восстановлению управлял исполнительный комитет Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся. 5 июля 1944 г. образована самостоятельная Новгородская область в составе РСФСР. Для управления ею был создан Новгородский областной Совет депутатов трудящихся.

Ленинградский областной исполнительный комитет сразу начал проводить активную кадровую политику в отношении освобожденных районов области. Так, например, на заседании от 28 января 1944 г. исполкомом Ленинградского областного совета депутатов трудящихся было решено утвердить исполнительные комитеты районных и городских советов депутатов трудящихся. В Новгород были назначены Ф. И. Сазанов на должность секретаря РК ВКП(б), П. И. Степашихин – начальник городского отдела НКВД, М. В. Юдин – председатель городского исполнительного комитета и Л. И. Нестерова – секретарь (*Переписка. Л. 1*).

Одной из важнейших и первоочередных задач для областных властей было налаживание связи с разрушенным Новгородом. В связи с этим, в город направлялись радисты, которые должны были установить и обеспечить ежедневную радиосвязь с Ленинградским областным комитетом (*Переписка. Л. 1*). Если говорить о важности установки связи с региональным центром, то радистам, работавшим в Новгороде, создавались особые условия работы и предоставлялись льготы. Например, их приписывали, условно, к личному составу штаба партизанского движения, тем самым они освобождались от призыва в армию (*Переписка. Л. 4*).

Ленинградским областным Советом депутатов трудящихся было инициировано множество важных мероприятий для ускорения темпов восстановительных работ в Новгороде. Например, формирование Чрезвычайной государственной комиссии, которая занималась оценкой масштаба нанесенных городу разрушений. Им же было поручено составление проекта Генерального плана и решение основных вопросов восстановления памятников архитектуры Новгорода академику А. В. Щусеву и государственной архитектурной мастерской, которой он руководил. То же – Ленинградскому областному отделу по делам архитектуры при постоянной консультативной работе со стороны Академии Архитектуры СССР по историко-архитектурным и проектно-реставрационным вопросам (*Переписка*. Л. 67).

Ещё одна острая проблема, вставшая перед руководством города и области – это беспризорность и безнадзорность среди детей, оставшихся без родителей. В целях борьбы с ней и своевременного устройства детей в соответствующие детские учреждения, Ленинградским областным исполнительным комитетом было принято решение о создании в освобожденных от оккупации районах Ленинградской области двух детских приемников-распределителей наполняемостью 100 человек каждый. Новгородскому районному комитету и Новгородскому городскому Совету необходимо было лишь предоставить помещение, поскольку финансирование, восстановление и содержание зданий брал на себя облфинотдел (*Переписка*. Л. 5).

Помимо финансирования многих объектов, Ленинградский облисполком старался помогать городу кадровыми назначениями. Так, например, по предложению ленинградских властей в город Новгород были направлены 30 человек рабочих и инженеров для проведения ремонтно-восстановительных работ по указанию Новгородского городского исполнительного комитета (*Переписка*. Л. 6).

Водный транспорт в то время являлся востребованным в Новгороде. В целях восстановления перевозок по оз. Ильмень и р. Волхов, Северо-Западное речное пароходство приступило к перебазированию пристани из Новой Ладogi в Новгород. Проведя в городе специальный осмотр, по итогам которого было установлено, что всё хозяйство Северо-Западного речного пароходства разрушено, пароходство направило в Новгород специальную бригаду, которая собиралась провести работы по восстановлению хозяйства. Ремонтные мастерские также были разрушены. Поэтому, для организации ремонта речного флота пароходство сделало запрос в Новгородский городской Совет о разрешении использовать для этой цели остатки здания бывшего

пивомедоваренного завода «Богемия», который перестал работать ещё до войны и был законсервирован в 1930–1931 гг. (*Переписка*. Л. 7).

Одним из важнейших вопросов во время заседаний исполкома всегда являлся вопрос о возможности получения школьного образования в условиях разрушенного войной города. В данных реалиях это, безусловно, необходимость восстановления школ и детских садов, а также возобновление производства и поставки школьных принадлежностей (*Переписка*. Л. 25–27). В Новгороде на 1944 г. действовали 1 начальная и 1 средняя школы, в которых проходили обучение 347 детей (*Переписка*. Л. 98).

Центральным вопросом на заседаниях Леноблисполкома, безусловно, был вопрос строительства. Прежде всего, было необходимо организовать строительство жилого фонда и помещений для размещения городских и районных организаций. Для решения данной проблемы в Новгороде практически сразу же стали организовывать строительные конторы. Одна из первых была создана силами областного строительного управления в феврале 1944 г. с количеством работников 250 человек (*Переписка*. Л. 32). Ещё одна мера, принимаемая партийными органами для ускорения темпов строительства – нацеливание на мобилизацию внутренних ресурсов. Акцент делался на привлечение рабочих из восточных районов области, так как они не подвергались оккупации. На многих объектах Новгорода трудились бригады рабочих из Боровичского, Окуловского, Пестовского, Крестецкого и других районов. Особенно ценной была помощь от жителей Боровичей. Уже в первые дни после освобождения из города выехала автоколонна с продуктами питания. К концу января 1944 г. строительные бригады из Боровичей взяли шефство над Новгородом. К концу февраля боровичская школа ФЗО строительного дела была перевезена с учащимися и персоналом (200 человек) в Новгород. Так же, со стороны Боровичского горкома ВКП(б) поступило предложение об оказании следующей помощи городу Новгороду: оборудовать больницу на 20–25 коек и медпункт, обеспечить их инструментами, бельём и медикаментами; оборудовать школу на 4 класса (70–80 человек), обеспечить её партами, столами, табуретами, досками, канцелярскими и школьными принадлежностями, учебниками и создать детскую библиотеку; организовать механическую мастерскую и кузню со всем необходимым оборудованием (*Переписка*. Л. 32).

В целях обеспечения жилищем и коммунальным обслуживанием трудящихся по инициативе исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся начинают организовываться строительные конторы в разных районах области, в том числе и в Новгороде на

100 человек (*Переписка. Л. 76*). Таким образом, в городе начинает работать уже вторая строительная организация.

На этом этапе восстановительных работ разрабатывается несколько планов строительства первой очереди, по которым обозначились важнейшие задачи – восстановление городских коммуникаций и ряда производственных предприятий, сети учреждений здравоохранения, зданий, предназначенных для культурно-досуговых мероприятий, жилого фонда (*Протоколы*). Для разработки материалов по восстановлению Новгорода было принято решение о создании специальной комиссии, в которую входили: А. А. Бурилин – председатель комиссии, Г. С. Крючков – представитель Совнаркома РСФСР, В. М. Гальперин – заведующий отделом по делам архитектуры, представитель Наркомхоза А. З. Кабагин – заведующий облжилкоммунотделом, Лобова – заместитель ОблОНО, Н. Г. Поздняков – начальник ЛОУМП, А. Е. Полтавцев – представитель СЗРП, А. Н. Тихонравов – представитель управления Октябрьской железной дороги, М. И. Тереньтьев – представитель Наркомгражданстроя РСФСР, М. В. Юдин – председатель Новгородского горсовета (*Переписка. Л. 94*).

В ходе обсуждения вопроса о первоочередных мероприятиях по восстановлению инфраструктуры в городе Новгороде на период 1944 г. был выработан план, по которому предполагалось установить капитальные затраты на восстановительные работы в Новгороде в размере 4 380 рублей (*Переписка. Л. 111*).

Вопрос о восстановлении и развитии местной промышленности занимал не менее важное место. Новгород до войны был довольно развитым промышленным центром, в Новгородском районе активно развивалось сельское хозяйство, рыбная и торфяная промышленность. Но с момента захвата Новгорода оккупантами, вся производственная мощь города оказалась разрушена. Такое положение заметно усложняло и замедляло процесс восстановления на данном этапе, поскольку все необходимые ресурсы вынужденно поставлялись из других регионов в условиях разрушенных транспортных путей сообщения. В связи с чем, в ходе обсуждения плана по первоочередному восстановлению, было принято множество решений по реорганизации местной промышленной базы, среди которых восстановление лесопильного производства и организация выпуска оконных и дверных предметов. Помимо этого, было принято решение о восстановлении черепичного завода с затратами на 1944 г. в размере 250 тыс. рублей и сдаче его в эксплуатацию во втором квартале 1945 г., сдача в эксплуатацию в январе

1945 г. Новгородского ликероводочного завода. Так же принято решение об организации в Новгороде ателье по пошиву одежды и обуви и оборудовании пекарни. Отдельно хочется отметить создание многочисленных промысловых артелей в Новгороде, среди которых сапожная, швейная, часовая, парикмахерская, фотоателье, гвоздильное производство и деревообрабатывающая артель (*Переписка. Л. 111*).

Строительные конторы являлись единственными организациями с наиболее квалифицированными рабочими из всех доступных городу. В связи с чем, власти регулярно старались пополнить их штат. Так, например, согласно данному плану число рабочих Новгородской строительной конторы должно было быть увеличено до 300 человек к началу июля 1944 г., а число рабочих в ремонтно-строительной конторе горкомхоза до 150 человек (*Переписка. Л. 111*).

Восстановление жилого фонда города осуществлялось силами различных организаций. Наиболее крупным и хорошо организованным учреждениям поручали выполнение наиболее объемных планов работ. Среди них можно выделить управление Октябрьской железной дороги и Северо-Западное управление речного пароходства. Эти две транспортные организации оказали серьезную помощь в восстановлении жилого фонда Новгорода, торговых объектов и объектов общественного питания. Согласно плану, управлению Октябрьской железной дороги полагалось восстановить в Новгороде за 1944 г. не менее 3 тыс. кв. м. жилой площади, место для общественного питания и торговую сеть для обеспечения рабочих, а Северо-Западное управление речного пароходства должно было восстановить в Новгороде ещё не менее 3 тыс. кв. м. жилой площади для обеспечения рабочих.

Исполнительный комитет Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся предложил Новгородскому горсовету ещё один вариант скорейшего восстановления жилого фонда. Они видели его в привлечении к строительству жилых помещений индивидуальных застройщиков. Планом было установлено, что ввод в эксплуатацию в 1944 г. должен составить не менее 3 тыс. кв. м. жилой площади. В основном, территория под индивидуальную застройку отводилась в районах расположения железнодорожных путей.

Как уже говорилось ранее, обязанности восстановления ряда объектов возлагались на различные организации, предприятия и учреждения. Исключением не были и отделы, состоявшие при областном Совете депутатов трудящихся. К примеру, облторготделу исполнительным комитетом было

поручено организовать торговлю и общественное питание в Новгороде и восстановить жилые дома для работников торговли (*Переписка*. Л. 111).

Разрушенная электростанция серьезно замедляла процесс восстановления города. В связи с чем исполкомом Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся была инициирована переброска из г. Гдов локомотива и временного генератора в Новгород для оборудования городской электростанции (*Переписка*. Л. 112).

Если говорить о некоторых успехах, то они, безусловно, были. Согласно проведенному в мае 1944 г. учету торговых точек, в Новгороде уже числились 4 магазина, 4 ларька и торговых палатки, 3 столовых и склад (*Переписка*. Л. 134). Исходя из данной информации, мы можем сделать вывод о том, что распоряжения органов власти старались исполнять.

От развития строительных организаций, работавших в изучаемый период в Новгороде, напрямую зависели качество, скорость и объем выполняемых работ. Поэтому строительные конторы и тресты всегда старались модернизировать. Например, в ходе обсуждения вопроса об укреплении строительной организации треста «Леноблстрой» в городе Новгороде был принят ряд решений:

1) Обязать управление трестом «Леноблстрой» укрепить Новгородское строительное управление треста «Облстрой» необходимыми материалами, кадрами и рабочими;

2) В срок до 10 июля перевезти боровичскую и демянскую бригаду в полном составе со всем оборудованием, а так же маловишерскую бригаду в составе 50 человек;

3) Выделить из других строительных управлений инженерно-технических работников;

4) Организовать дополнительное питание для рабочих выполняющих планы (*Переписка*. Л. 139).

Рассмотрев и проанализировав деятельность исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся и работу некоторых отделов Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся, мы можем сделать вывод о том, что данный орган государственной власти, в феврале-июне 1944 г. в связи с определенной отдаленностью от происходящих в Новгороде событий занимался, в основном, координацией действий по восстановлению города, направленных на качественную организацию труда на местах.

Литература и источники

Переписка – Переписка с Ленинградским и Новгородским облисполкомами, областными организациями о первоочередных задачах восстановления хозяйства г. Новгорода, январь-август 1944 г. // ГАНО. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 11. Л. 1, 4–7, 25–27, 32, 67, 76, 98, 111, 112, 134, 139.

Протоколы – Протоколы заседаний Новгородского горисполкома, февраль-декабрь 1944 г. // ГАНО. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 3.

УДК 930.253

И. В. Киселева

**ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА № Р-4607
«МАКЕЙКИНА РЕНАТА ПЕТРОВНА (Р. 1940),
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ,
ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ
НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. ЯРОСЛАВА МУДРОГО»**

2020 г. был юбилейным для кандидата исторических наук, доцента кафедры Отечественной истории, доцента кафедры архивоведения Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого Р. П. Макейкиной, документы которой поступили в ГАНО от неё по договору дарения документов от 28.09.2016 № 147/02 безвозмездно, без каких-либо ограничений в использовании и были включены в состав фонда № Р-4607 «Макейкина Рената Петровна (р. 1940), кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, доцент кафедры архивоведения Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого». В феврале – октябре 2019 г. было проведено научное описание документов фонда и составлена опись № 1 дел постоянного хранения на 315 ед. хр. за 1919–2015 гг. Документы в единицы хранения сформированы по номинальному, тематическому и хронологическому признакам. Дела подразделов 1.2 «Документы научной деятельности» систематизированы по тематическому признаку, 1.3 «Документы педагогической деятельности» – номинально-тематическому признаку, раздела 5 «Документы, собранные Р. П. Макейкиной для своих работ и по интересующим её темам» – по тематическому признаку в связи с большим объёмом фонда.

Документы творческой деятельности составили: документы научной деятельности (диссертация, автореферат, главы из неё, печатные издания, соавтором которых была Р. П. Макейкина, сборники материалов научных конференций, черновые варианты докладов, сообщений, тетради с выписками из архивных документов, книг, периодической печати, отрывочные записи); документы педагогической деятельности (рабочие программы курсов,

методические рекомендации, конспекты лекций, темы семинарских занятий, курсовых работ, рефератов, тесты, экзаменационные билеты, списки литературы); рецензии, отзывы об авторефератах диссертаций, диссертациях, сборниках документов, учебных программах; тетради с конспектами лекций курсов повышения педагогической квалификации.

В раздел переписки вошли письмо Ренаты родителям (1946), письма, открытки, телеграммы родителей, мужа, знакомых. Следующий раздел составили дарственные надписи авторов на своих изданиях. Среди них Василий Фёдорович Андреев¹, Владимир Алексеевич Варенцов², Влас Платонович Жуков³, Петр Михайлович Золин⁴, Михаил Николаевич Петров⁵, Евгений Николаевич Розов⁶, Людмила Андреевна Секретарь⁷, Юлий Беркович Циркин⁸, Михаил Михайлович Шумилов⁹ и др.

---

¹ *Андреев, В. Ф.* – кандидат исторических наук (1980), доцент (1992), заведующий кафедрой истории СССР НГПИ, профессор (2003) кафедры отечественной истории, декан (1995–2000) исторического факультета Гуманитарного института НовГУ. Автор более 100 научных публикаций.

² *Варенцов, В. А.* – кандидат исторических наук (1979), доцент (1982) кафедры истории СССР НГПИ. Автор более 50 научных публикаций.

³ *Жуков, В. П.* – доктор филологических наук (1968), профессор (1969) кафедры русского языка НГПИ. Автор более 140 научных работ, в т. ч. 10 монографий.

⁴ *Золин, П. М.* – российский историк и публицист, доктор исторических наук (1991), профессор истории и философии (1993), действительный член Национальной академии туризма (1996), Академии Фундаментальных Наук.

⁵ *Петров, М. Н.* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Гуманитарного института ИГУМ НовГУ. Член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, академик Академии военно-исторических наук.

⁶ *Розов, Е. Н.* – доктор исторических наук (1986), профессор (1990) кафедры истории СССР НГПИ, кафедры истории и археологии России Гуманитарного института НовГУ (до 2008). Автор более 80 научных и научно-методических печатных трудов, в т. ч. монографий, 9 учебных пособий.

⁷ *Секретарь, Л. А.* – историк новгородской архитектуры, искусствовед Д. Автор нескольких книг, более 200 статей для научных сборников, брошюр, путеводителей, энциклопедий, журналов. Член Совета отделения Российского исторического общества в Великом Новгороде, член НОЛД. Заслуженный работник культуры РФ.

⁸ *Циркин, Ю. Б.* – советский и российский историк, антиковед и востоковед, доктор исторических наук (1978), профессор кафедры истории (1980–1981), всеобщей истории (1992–1993) НГПИ, Гуманитарного института НовГУ (с 1993), заведующий кафедрой всеобщей истории НГПИ (1981–1992). Автор более 155 научных публикаций (из них 38 в зарубежных изданиях), 10 монографий.

⁹ *Шумилов, М. М.* – доктор исторических наук (1992), профессор (1994) кафедры истории СССР НГПИ (с 1981), заведующий кафедрой архивоведения НовГУ (с 2000). Автор более 25 опубликованных научных работ.

Документы к биографии представлены личными документами (свидетельства рождении, заключении брака, табели успеваемости, аттестат об окончании школы, диплом о высшем образовании, удостоверение аспиранта, диплом кандидата наук, аттестат доцента, трудовая книжка (копии), личный листок по учёту кадров, удостоверения о повышении квалификации, билеты члена ВЛКСМ, КПСС, профсоюза, общества «Знание» и др., автобиография, приказы, удостоверения о награждении, почётные грамоты, дипломы, поздравительные адреса, открытки, записные книжки, школьные тетради, дневник); документами о Р. П. Макейкиной; документами служебной и общественной деятельности (служебные характеристики, планы, отчёты о работе, работы студентов, письма о допуске к работе в архивах, библиотеке, программы, мандаты, бейджи участника конференций, семинаров, пригласительные билеты).

Документы, собранные для своих работ и по интересующим её темам составили ксерокопии, вырезки из книг с текстами, журналов, газет, Интернет-изданий со статьями по темам, над которыми работала Р. П. Макейкина, либретто, программы театральных и концертных представлений.

В состав изобразительных документов вошли фотографии, альбомы с фотографиями Р. П. Макейкиной индивидуальными и в группах, фотографиями с видами городов.

Из представленных документов следует, что Макейкина Рената Петровна родилась 15 марта 1940 г. в с. Едрово Валдайского района Ленинградской области. Отец – Макейкин Петр Андреевич, мать – Макейкина Ольга Александровна. В первые послевоенные годы Р. П. Макейкина проживала по месту службы отца при аэродромах Дядьков, Монино (*Макейкина. Д. 180. Л. 1*), затем – в 1947–1955 гг. в г. Серпухов Московской области (*Макейкина. Д. 174. Л. 1*). В 1–4 классах училась в начальной школе № 2, в 5–8 классах – в женской школе № 24. В табелях успеваемости имела только отличные оценки. Переехав в 1955 г. в Новгород, поступила в школу № 4, которую окончила в 1957 г. с серебряной медалью. В 1957–1962 гг. училась в Новгородском государственном педагогическом институте (НГПИ), по окончании которого ей была присвоена квалификация учителя истории, русского языка и литературы средней школы (*Макейкина. Д. 175. Л. 14–16*). 21 сентября 1965 г. Р. П. Макейкина была зачислена в заочную аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, окончила которую 1 октября 1969 г. Решением Совета ЛГПИ им. А. И. Герцена (ЛГПИ им. А. И. Герцена) от 2 ноября 1972 г. (протокол № 2) ей была присуждена

учёная степень кандидата исторических наук. Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 20 мая 1981 г. Р. П. Макейкиной было присвоено учёное звание доцента по кафедре истории (*Макейкина. Д. 176. Л. 1–11*).

Трудовая деятельность Р. П. Макейкиной началась 25 августа 1961 г. в Болотницкой семилетней школе Мстинского района Новгородской области в должности учителя русского языка и литературы. Затем – в Запольской восьмилетней школе Новгородского района. В 1963–1965 гг. она работала директором Осийской восьмилетней школы Новгородского района, в 1966–1970 гг. – учителем истории в школе № 3 Новгорода.

В сентябре 1970 г. Р. П. Макейкина была избрана по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры истории НГПИ. В 1982–1989 гг. она заведовала кафедрой истории СССР, затем работала в должности доцента кафедры отечественной истории, с 1994 г. – кафедры истории и археологии России, с апреля 1999 г. – кафедры архивоведения (*Макейкина. Д. 177. Л. 2–6*). Читала лекционные курсы и вела практические занятия по следующим дисциплинам: «История России» (советский период), «Историография», «Региональная история» (Новгородика, 1917–2001). С 1999/2000 учебного года стала вести новые курсы: «История науки», «Теория и методология истории», «История государственных учреждений (советский период), спецкурс «История русского зарубежья», с 2004/2005 – «Общество и государство в 80–90-е гг. XX в.», «Политическая история постсоветской России», по которым были разработаны лекции, подготовлены рабочие программы. Р. П. Макейкина руководила курсовыми и дипломными работами.

Из отчёта о работе за 1996–2001 гг. следует, что к 2001 г. под её руководством было защищено 68 дипломных работ: из них 5 на «хорошо», остальные на «отлично», 4 дипломника стали аспирантами (Ю. Силина (Лисина), И. Меденикова, О. Дмитриев, И. Толстых). В 2004 г. дипломная работа ученицы Р. П. Макейкиной Е. Лодочкиной заняла I место на городском конкурсе дипломных работ (*Макейкина. Д. 198. Л. 1–4*).

При этом Р. П. Макейкина постоянно повышала квалификацию на Всесоюзных семинарах-совещаниях заведующих кафедрами истории СССР, всеобщей истории, методики преподавания истории и обществоведения педагогических вузов (1979, 1987), окончила факультет повышения квалификации преподавателей вузов в МГУ им. М. В. Ломоносова (1980, 1985), проходила краткосрочное обучение в РГГУ по программе «Отечественная история новейшего времени» (2002). В 1999–2003 гг. Р. П. Макейкина

принимала участие в работе международного семинара «Гражданское образование», проводившемся в городах Владимир, Санкт-Петербург, Ярославль и проходила подготовку в Международном центре образовательных инноваций РГПУ им. А. И. Герцена по направлению «Гражданское образование» (*Макейкина. Д. 178. Л. 3–18*).

Научной работой Р. П. Макейкина начала заниматься в Студенческом научном обществе (СНО) на первом курсе института. 25 апреля 1958 г. она участвовала во II научно-теоретической конференции студентов НГПИ, выступив с докладом «Благоустройство древнего города на материалах Новгорода» (*Макейкина. Д. 211. Л. 1–3*). Так же в апреле 1958 г. принимала участие в IV Всесоюзной археологической студенческой научной конференции, проводившейся в МГУ им. М. В. Ломоносова (*Макейкина. Д. 263. Л. 1*). В июле – сентябре 1958 г. она работала на Неревском археологическом раскопе в Новгороде (*Макейкина. Д. 264. Л. 1–3*), в августе 1960 г. – в археологической экспедиции в Д. Бор Батецкого района (*Макейкина. Д. 268. Л. 105*).

Р. П. Макейкина участвовала во всесоюзных, зональных научных конференциях, совещаниях, семинарах заведующих кафедрами истории СССР, всеобщей истории, методики преподавания истории и обществоведения педагогических институтов, научных конференциях преподавателей НГПИ.

Одновременно Р. П. Макейкина руководила научно-исследовательской работой студентов (НИРС). Её ученики представляли свои работы на научных студенческих конференциях по итогам работы СНО (*Макейкина. Д. 211. Л. 68, 92*). В январе 1999 г. руководила секцией новейшей истории России на научно-практической конференции гуманитарного отделения городского НОУ, посвящённого 55-летию освобождения Новгорода от немецко-фашистских захватчиков и 1140-летию основания Великого Новгорода, в которой участвовали учащиеся 9–11 классов гимназий и школ (*Макейкина. Д. 211. Л. 117–119*).

Р. П. Макейкина принимала участие в работе по составлению сборника «Вопросы школьного краеведения: В помощь учителям для программного и внеклассного краеведения» (Л., 1976) (*Макейкина. Д. 75*), сборника документов и материалов по истории Новгородской областной комсомольской организации «Комсомола отряд боевой» (Л., 1980) (*Макейкина. Д. 31*), статистического сборника «Новгородская организация КПСС в цифрах. 1917–1979» (Л., 1981) (*Макейкина. Д. 30*), учебного пособия по краеведению для 7-го класса средней школы «Наша Новгородская земля» (Л., 1981) (*Макейкина. Д. 26. Л. 160*), научного издания «Великий Новгород – колыбель Российского образования»

(Великий Новгород, 2000) (*Макейкина*. Д. 38), издания «Хронограф новгородской книжности и просвещения. XI–XX вв.» (Великий Новгород, 2006) (*Макейкина*. Д. 39), биографического справочника «Преподаватели Новгородского государственного педагогического института (1953–1993)» (Великий Новгород, 2009) (*Макейкина*. Д. 63).

Из «Краткой справки о группе «Поиск» следует, в 1979 г. Р. П. Макейкина являлась её руководителем. Студенты, участники этой группы, занимались сбором материала по истории института, поиском выпускников института разных лет, вели переписку, проводили их встречи (*Макейкина*. Д. 68. Л. 4–6).

В 2002–2007 гг. Р. П. Макейкина являлась научным руководителем (главным сотрудником) учебно-научной лаборатории «История местного управления и самоуправления на Новгородской земле в XIX–XX вв.» учебно-научного Центра изучения культуры кафедры архивоведения Гуманитарного института НовГУ им. Ярослава Мудрого, созданной в 1998 г. под руководством М. М. Шумилова (*Макейкин...* Д. 211. Л. 8, 21).

Р. П. Макейкина являлась председателем учебно-методической комиссии исторического факультета (*Макейкина*. Д. 196, Л. 1), была членом Государственной аттестационной комиссии (ГАК). Она писала рецензии, отзывы на авторефераты диссертаций на соискание учёной степени кандидата исторических наук, рукописи книг, сборники документов, методические разработки, учебные программы (*Макейкина*. Д. 100–115).

12 апреля 2000 г. по инициативе М. М. Шумилова было создано Новгородское региональное отделение Российского общества историков-архивистов (НРО РОИА). До декабря 2004 г. Р. П. Макейкина была председателем его правления. 27 февраля 2001 г. на III Всероссийском съезде РОИА она была избрана в Центральный совет РОИА от Новгородской области (*Отчет...* С. 268), в котором состояла до февраля 2005 г. В 2004 г. на пленуме ЦС РОИА были подведены итоги конкурса региональных отделений. Первое место и премию 10 000 руб. присудили НРО РОИА (*Макейкина*. Д. 206. Л. 2–3, 19–20).

Р. П. Макейкина являлась членом научно-методического совета Новгородской городской организации общества «Знание» (*Макейкина*. Д. 196, Л. 1 об.–2).

Членом ВЛКСМ Р. П. Макейкина стала в апреле 1954 г., членом КПСС – в феврале 1967 г. (*Макейкина*. Д. 179. Л. 1 об., 3 об.).

Учёбу и трудовую деятельность она совмещала с общественной работой. В разные годы избиралась секретарём организаций ВЛКСМ и КПСС школ,

НГПИ (1977–1979), кандидатом в члены (1974–1980), затем членом (1983–1985) Новгородского городского комитета КПСС. В 1982–1985 гг. Р. П. Макейкина являлась внештатным инструктором отдела науки и учебных заведений областного комитета КПСС (*Макейкина. Д. 177. Л. 14*).

1 июля 2014 г. Р. П. Макейкина ушла на заслуженный отдых (*Макейкина. Д. 180. Л. 1 об.*).

Одной из первых наград Р. П. Макейкиной был значок «Турист СССР», который она получила в августе 1956 г., являясь участником 3-го слёта туристов РСФСР и сдав все установленные нормы (*Макейкина. Д. 182. Л. 1–4*). В 1986 г. Р. П. Макейкиной было присвоено звание «Отличник народного просвещения». Она была награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970) (*Макейкина. Д. 177. Л. 8*), юбилейным значком ЦК ВЛКСМ в связи с 50-летием ВЛКСМ (1968), знаком «Победитель социалистического соревнования 1973 года», Почётным знаком Российского общества историков-архивистов (2000) (*Макейкина. Д. 182. Л. 6, 7, 10, 12–14*) многочисленными грамотами и благодарностями (*Макейкина. Д. 177. Л. 9–12*). Р. П. Макейкина всегда пользовалась большим уважением коллег и студентов (*Макейкина. Д. 186, 187*).

Так как театр всегда был одним из основных увлечений Р. П. Макейкиной, её визиты в Москву и Ленинград были посвящены и посещению театров (особенно в 1970–1980-е гг.). Р. П. Макейкина с 1958 г. по 1985 г. только в Большом театре СССР посетила 25 представлений (*Макейкина. Д. 256–259*).

Также Р. П. Макейкина много путешествовала по Кавказу, Карелии, Краснодарскому краю, Поволжью, Молдавии, Эстонии, Украине, посетила Болгарию, Венгрию, Германию, Польшу, Румынию, Францию, Чехословакию, была в круизной поездке по Дунаю (*Макейкина. Д. 269–277, 281, 282, 286, 292, 304, 306*).

Муж Р. П. Макейкиной – Моторин Василий Васильевич родился 6 апреля 1931 г. на хуторе Никольск Подгоренского района Воронежской области. Их брак зарегистрирован 3 февраля 1984 г. в Новгороде (*Макейкина. Д. 174. Л. 2*).

Раздел документов членов семьи сформирован из документов отца (свидетельство рождении (повторное), удостоверение об окончании военного авиационно-технического училища, билеты члена ВЛКСМ, профсоюза, орденские книжки, удостоверения к медалям, поздравительные адреса, фотографии) и матери (выпись из книги записи рождений, удостоверения, свидетельства об образовании, пенсионная книжка, справка, характеристики с мест учёбы и работы, удостоверения к медалям, приказы о награждении, почётные грамоты, благодарности, фотографии).

Отец Р. П. Макейкиной – Петр Андреевич Макейкин родился 12 декабря 1915 г. в с. Татаркино Пронского уезда Рязанской губернии (ныне Старожиловский район Рязанской области). В июле 1931 г. стал членом ВЛКСМ. 6 ноября 1938 г. получил нагрудный знак за окончание 1-го Ленинградского военного авиационно-технического училища им. К. Е. Ворошилова с квалификацией военного техника II ранга. 9 сентября 1941 г. был призван на военную службу в 9-й ближне-бомбардировочный авиаполк ответственным секретарём ВЛКСМ полка. 29 апреля 1942 г. стал политруком. 9 ноября 1942 г. ему было присвоено звание старшего лейтенанта. 16 мая 1942 г. по результатам шахматного турнира авиационной части П. А. Макейкину была присвоена пятая категория по шахматам (*Макейкина. Д. 307. Л. 1, 2 об., 8–9, 17–18 об., 25–26*).

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. П. А. Макейкин служил на аэродромах Дядьково, Монино, затем служил в г. Серпухов. В 1955 г. вместе с семьёй он переехал в Новгород, где был принят на работу в Новгородское центральное конструкторско-технологическое бюро.

П. А. Макейкин был награждён орденами «Знак Почёта» (29.03.1976), «Отечественной войны» II степени (11.03.1985), медалями «За оборону Москвы» (25.09.1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (03.10.1945), «Ветеран труда» (13.06.1977), юбилейными медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (18.03.1970), «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (28.04.1966), «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (02.10.1975), «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (29.04.1985), «XXX лет Советской Армии и Флота» (30.08.1948), «50 лет Вооружённых сил СССР» (24.10.1968), «70 лет Вооружённых сил СССР» (05.05.1988), знаками «25 лет Победы в Великой Отечественной войне» (1970), «Отличник МПВО» (27.05.1958). 7 апреля 1970 г. ему было присвоено звание «Ударник коммунистического труда» (*Макейкина. Д. 308, Л. 1–36*).

П. А. Макейкин скончался в 1992 г.

Мать Р. П. Макейкиной – Ольга Александровна Макейкина (до замужества Шаткова) родилась 1 июля 1919 г. в Новгороде (ул. Нутная. Д. 3). Её отец Шатков Александр Васильевич, родившийся в (1896) г. в Д. Саньялово Саньяловской волости Тихвинского уезда Новгородской губернии, был слесарем, мать Серафима Ефимовна (1898) года рождения – домохозяйкой.

В 1935 г. О. А. Шаткова закончила Новгородскую школу ФЗУ, затем, в 1939 г. – технологическое отделение Ленинградского технологического

техникума хлебопекарной промышленности, получив специальность техника-технолога.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. О. А. Макейкина находилась в эвакуации в д. Фадино Цепелевского сельсовета Кировского района Кировской области вместе с дочерью Ренатой, где работала председателем этого сельсовета до 30 июня 1944 г.

В 1933 г. Ольга Александровна стала членом ВЛКСМ, в 1939 г. получила рекомендацию для приёма кандидатом в члены ВКП(б), в 1946 г. вступила в ряды ВКП(б). В 1950 г. О. А. Макейкина окончила Серпуховскую городскую вечернюю партийную школу, в 1952 г. – Вечерний университет марксизма-ленинизма при Серпуховском горкоме ВКП(б) с двухгодичным сроком обучения.

С 25 апреля 1955 г. О. А. Макейкина работала в Новгородском областном управлении Госторгинспекции по РСФСР главным государственным инспектором по качеству товаров, затем, с 1 мая 1959 г. – заместителем начальника управления. Одновременно с 1964 г. она являлась заведующей внештатным отделом торговли областного комитета народного контроля. В 1967 г. О. А. Макейкина окончила Высшие всесоюзные заочные курсы повышения квалификации руководящих и инженерно-технических работников в области стандартизации и качества продукции по факультету «Пищевая промышленность». В 1982 г. училась на факультете повышения квалификации Заочного института советской торговли. С 17 июля 1985 г. О. А. Макейкиной была назначена персональная пенсия местного значения (*Макейкина*. Д. 311, 312).

О. А. Макейкина была награждена медалями «Ветеран труда» (28.06.1979), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (18.03.1970), почётным знаком «За активную работу в органах народного контроля СССР» (05.04.1971), нагрудным значком «Отличник советской торговли» (30.06.1976) (*Макейкина*. Д. 313, Л. 1–11), почётными грамотами Министерства торговли РСФСР (1967), Главного управления Госторгинспекции РСФСР (1979, 1980, 1985), Комитета народного контроля СССР (1968, 1978), Новгородского областного управления Госторгинспекции РСФСР (1967, 1969), Новгородского городского комитета КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся (б/д), многочисленными благодарностями (*Макейкина*. Д. 313. Л. 1–11).

Ольга Александровна Макейкина скончалась в 1985 г. (*Макейкина*. Д. 137, Л. 1–2.)

Таким образом, на основании имеющихся документов выстроилась линия жизни двух поколений одной семьи. Находясь на государственном хранении, документы личного происхождения со временем становятся не только личной, семейной, но и государственной реликвией и могут послужить не одному поколению исследователей.

Литература и источники

Макейкина – Макейкина Рената Петровна (р. 1940), кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, доцент кафедры архивоведения Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого». Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. Р-4607. Оп. 1. Д. 26, 30, 31, 38, 39, 63, 68, 75, 100–115, 160, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 186, 187, 196, 196, 198, 206, 211, 256–259, 263, 264, 268, 269–277, 281, 282, 286, 292, 304, 306, 307, 308, 311, 312, 313.

Отчёт – Отчёт о работе НРО общероссийской общественной организации «Российское общество историков-архивистов» за 2001 г. // Новгородский архивный вестник. Вып. 3. Великий Новгород, 2002. 293 с.

**ОБЗОР АРХИВНОГО ФОНДА ГАНИНО «ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ
НИКУЛИЧЕВ (1922–2011), ЖУРНАЛИСТ, ВЕТЕРАН ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РЕДАКТОР ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ
«НОВГОРОДСКАЯ ПРАВДА», ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК
КУЛЬТУРЫ РСФСР»**

Одним из фондов личного происхождения, созданных в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области, является фонд № 2238 «Владимир Петрович Никуличев (1922–2011), журналист, ветеран Великой Отечественной войны, редактор областной газеты «Новгородская правда», заслуженный работник культуры РСФСР». Работа по комплектованию архива документами В. П. Никуличева началась в мае 2018 г., когда между государственным областным казенным учреждением «Государственный архив новейшей истории Новгородской области» и дочерью фондообразователя Ниной Владимировной Витушкиной был заключен договор о сотрудничестве.

В декабре 2020 г. была составлена архивная опись № 1 дел постоянного хранения за 1922, 1937, 1940–1947, 1950–2016 гг. В нее вошло 118 единиц хранения. Среди них: рукопись книги «Год рождения двадцать второй... Страницы моей жизни» (*Владимир*. Д. 1, 2, 3) (книга увидела свет в 2014 г.), тексты выступлений на конференциях Новгородской областной организации Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) (*Владимир*. Д. 4), тексты выступлений, посвященных Дню Победы в Великой Отечественной войне (*Владимир*. Д. 9), статья, посвященная 70-летию газеты «Новгородская правда» (1987 г.) (*Владимир*. Д. 24), удостоверения к государственным наградам (ксерокопии) (*Владимир*. Д. 53); документы, посвященные празднованию 60-летия Победы в Великой Отечественной войне (приглашения, программы, карты-схемы прохода к трибунам) (*Владимир*. Д. 63), письмо Президенту РФ Б. Н. Ельцину об учреждении специального знака для жертв фашизма (малолетние узники) к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне (*Владимир*. Д. 89) и другие документы.

Владимир Петрович Никуличев родился 14 июля 1922 г. в поселке Веребье Маловишерского района Новгородской области. Мать – Болховитина Зинаида Тихоновна, работала фельдшером, отец – Никуличев Пётр Александрович, трудился военным фельдшером. В 1930 г. Владимир Петрович

поступил в школу в поселке Бурга Маловишерского района. В июне 1940 г. окончил среднюю школу в поселке Парахино Окуловского района, был призван в ряды Красной армии Окуловским районным военным комиссариатом.

С июня 1940 по ноябрь 1947 г. В. П. Никуличев служил в армии, с января 1942 г. находился в действующей армии, принимал участие в Великой Отечественной войне (Сибирский военный округ, Карельский фронт, 3-й Белорусский фронт, 1-й Украинский фронт, Центральный военный округ). В ноябре 1947 г. был демобилизован в звании гвардии старшего лейтенанта с должности помощника начальника штаба полка. В период военной службы вступил в ВКП(б) в мае 1943 г. (В. П. Никуличев оставался членом КПРФ до конца жизни).

После демобилизации Владимир Петрович вернулся на малую родину и сразу же поступил на партийную работу. С декабря 1947 г. он работал пропагандистом Окуловского районного комитета (райкома) ВКП(б), в августе 1948 г. был назначен заведующим отделом пропаганды и агитации того же райкома. В марте 1950 г. В. П. Никуличев был переведен в Новгород, где занимал должность помощника первого секретаря Новгородского областного комитета (Обкома) ВКП(б). Руководителем областной парторганизации тогда работал М. Н. Тупицын. В сентябре 1950 г. Владимир Петрович был утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации Новгородского горкома ВКП(б), с января 1951 г. – секретарь Новгородского горкома ВКП(б).

В июле 1951 г. В. П. Никуличев заочно окончил Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. С сентября 1952 г. он – второй секретарь Новгородского горкома ВКП(б) (КПСС).

В марте 1954 г. Владимиру Петровичу пришлось временно покинуть Новгород: он был избран председателем Опеченского райисполкома, в ноябре 1954 г. возглавил Опеченский райком КПСС. С декабря 1956 г. – первый секретарь Валдайского райкома КПСС. В июле 1959 г., получив опыт руководства районами, В. П. Никуличев вновь получил повышение на областной уровень – с этого времени он работал начальником управления культуры Новгородского облисполкома. С сентября 1961 по август 1963 гг. – слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС в Москве.

С августа 1963 г. В. П. Никуличев – консультант Дома политического просвещения Новгородского обкома КПСС, с ноября того же года – секретарь партийного комитета (парткома) Новгородского производственного колхозно-совхозного управления. С января 1965 г. он работал заведующим отделом пропаганды и агитации обкома КПСС. С июля 1971 по декабрь 1988 г.

Владимир Петрович – редактор областной газеты «Новгородская правда». Как член Союза журналистов СССР 30 сентября 1971 г. был избран, а 8 февраля 1972 г. утвержден Бюро обкома КПСС председателем Бюро Новгородской областной организации журналистов.

С февраля 1989 г. В. П. Никуличев работал инженером генеральной дирекции «Новгородреконструкция», с мая 1989 г. как ответственный секретарь руководил работой редакций журнала «Информационный вестник» (затем – «Ориентир») Новгородского обкома КПСС.

Очень много Владимир Петрович сделал для новгородских ветеранов. С ноября 1992 г. он работал первым заместителем председателя Новгородского областного Совета ветеранов (пенсионеров) труда, войны, военной службы и правоохранительных органов. С июля 2006 г. – пенсионер.

В. П. Никуличев был избран кандидатом в члены Новгородского обкома КПСС (1954 г.), членом обкома КПСС (1956, 1957, 1960, 1963, 1966, 1968, 1971 гг.), членом обкома КПСС и членом Бюро обкома КПСС (1974, 1975, 1979, 1981, 1984, 1986 гг.). Избирался депутатом Новгородского областного Совета депутатов трудящихся (1972, 1973, 1975, 1977 гг.) и Новгородского областного Совета народных депутатов (1980, 1982, 1985, 1987 гг.).

За свою жизнь В. П. Никуличев был удостоен многих боевых и трудовых наград. Он награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кёнигсберга», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», чехословацким орденом «Чехословацкий военный крест 1939 года», юбилейными медалями в связи с годовщинами Победы в Великой Отечественной войне и Вооруженных Сил СССР. В послевоенные годы В. П. Никуличев был удостоен двух орденов Трудового Красного Знамени и ордена «Знак Почета», медалей «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «За преобразование Нечерноземья РСФСР», «Ветеран труда». Владимир Петрович был отмечен тремя золотыми и четырьмя серебряными медалями ВДНХ СССР. Уже в современной России он был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и стал кавалером почетного знака «За заслуги перед Великим Новгородом».

В 2000 и 2005 гг. В. П. Никуличев принимал участие в Парадах Победы на Красной площади в Москве.

Умер Владимир Петрович 4 апреля 2011 г., похоронен в Великом Новгороде на Западном кладбище.

Владимир Петрович не раз посещал ГАНИНО, участвовал в презентации новых книг и открытии выставок. В. П. Никуличев был одним из инициаторов создания серии «Солдаты Победы. Ветераны Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» в 2005 г., до конца жизни входил в состав общественной редакционной коллегии Новгородской областной книги Памяти. В мае 2010 г. он выступал на открытии историко-документальной выставки «День Победы, как он был от нас далек...» в читальном зале архива.

Сам Владимир Петрович называл свою жизнь «обыкновенной биографией в необыкновенное время», а вступление к книге воспоминаний «Год рождения двадцать второй... Страницы моей жизни» начал словами: «Я прожил большую счастливую жизнь».

Литература и источники

Владимир – Владимир Петрович Никуличев (1922–2011), журналист, ветеран Великой Отечественной войны, редактор областной газеты «Новгородская правда», заслуженный работник культуры РСФСР // ГАНИНО. Ф. 2238. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 9, 24, 53, 63, 89.

**ФОНД ЛИЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В БИБЛИОТЕКЕ
НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО**

Обращение к теме создания и бытования личных книжных коллекций ученых в фондах научных библиотек обусловлено осознанием важности сохранения культурного наследия. Личные книжные коллекции представляют интересы своего времени, неся в себе основные черты того хронотопа, в котором их возникновение и последующее функционирование оказалось возможным. Их изучение позволяет выявить и ввести в научный оборот источники информации, считавшиеся утраченными, проследить тенденции развития науки, культуры, письменности, книгоиздательского и библиотечного дела. Личные книжные коллекции являются частью системы самообразования, отражением идей, мыслей, духовных ценностей владельцев. Их передача в научные библиотеки стала значительным осознанным вкладом в формирование библиотечных фондов.

Исследуя личные книжные коллекции ученых, хранящиеся в научных библиотеках, необходимо определить терминологически такие понятия как «личная библиотека», «коллекция книг», «книжное собрание», «библиофил-ученый», бытующие в современной терминосистеме. Мы предлагаем определить «личную книжную коллекцию» как совокупность книг и других документов, подобранных в соответствии с мотивациями собирателя и имеющих научное, культурное и историческое значение. В свою очередь, «библиофил-ученый» – это книголюб, собирающий книги, соответствующие его научным и общекультурным интересам, осознающий их научную, историческую и культурную ценность и предоставляющий свое собрание заинтересованному в нем сообществу (Горшкова, 2012. С. 8).

Опубликованные отечественные и зарубежные источники, посвященные различным аспектам исследования личных книжных коллекций, представлены разными видами научных исследований: статьи, монографии, печатные каталоги, диссертационные работы. В них подчеркивается важность личных книжных коллекций для развития культуры, науки, общества и отдельной личности (Бери, 1984). Исследователи обращаются к проблемам формирования и организации личных книжных коллекций, к их свойствам, функциям, к

особенностям активного использования в фондах государственных библиотек. Часть работ посвящена судьбам отдельных изданий (*Кунин*, 1984. С. 38–44; *Луппов*, 1979). Отметим, что в Великом Новгороде описания личных книжных коллекций, хранящихся непосредственно в научных библиотеках города, до сих пор не производились. Исключением является коллекция книг Г. М. Коваленко, переданная владельцем в Новгородскую областную универсальную научную библиотеку и описанная Т. А. Данько.

Фонд личных коллекций библиотеки НовГУ был создан при отделе редкой и ценной книги в 2016 г. В первую очередь в нём начали собирать книги с экслибрисами, хранившиеся до этого в общем фонде библиотеки Гуманитарного института (далее – ИГУМ) НовГУ. Это коллекции Б. Ф. Егорова¹, М. Т. Иовчука, Л. М. Лихтарникова, Н. А. Лихтарниковой, Л. Я. Петровой, В. П. Строговой. Впоследствии принятые вновь книги стали передавать непосредственно в фонд личных коллекций. Уже поступили коллекции Э. Н. Архангельской, З. П. Басмановой, О. А. Белобровой, В. В. Дудкина, Г. М. Коваленко, М. И. Куликова, С. Г. Митина, А. Н. Попова, В. В. Сороки, Н. И. Страбахина, Т. Н. Страбахиной, Е. М. Таборисской. Вместе с книгами передают документы, фотографии, письма.

Особое место в нашем фонде занимает картотека указателей к Новгородским Писцовым книгам, составленная В. Ф. Андреевым и переданная в библиотеку его коллегами в 2019 г.

Андреев, Василий Фёдорович (1950–2016) – профессор (2003), кандидат исторических наук (1980). Специалист по истории Древней Руси. Закончив в 1973 г. Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, Василий Фёдорович в 1979 г. был назначен учёным секретарем Новгородского сектора Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. В НГПИ он работал с 1989 г. на кафедре истории и археологии России, которую возглавлял до 2008 г. В 1995–2000 гг. Андреев был деканом исторического факультета НовГУ. Благодаря его стараниям, на факультете была открыта вторая специальность – «архивоведение». В 1990 г. В. Ф. Андреев избран депутатом Новгородского городского Совета народных депутатов, а затем и членом Малого совета. По его предложению улицам Новгорода были возвращены их старинные названия и восстановлен прежний герб Новгорода. В 1993 г. В. Ф. Андреев был избран членом центрального совета «Российского союза местного самоуправления». В 1999 г. он составил обоснование возвращения

---

¹ Коллекция книг из библиотеки Б. Ф. Егорова, всего около 500 томов, хранится на кафедре филологии ИГУМ.

Новгороду его исторического названия «Великий Новгород». Василий Фёдорович был ответственным редактором первых трёх сборников возобновленного «Новгородского исторического сборника», организатором конференции «Прошлое Новгорода и Новгородской земли» и составителем сборников её материалов. Он участвовал в создании ряда коллективных трудов и энциклопедий: «Города России» (1994), «История крестьянства Северо-Запада России» (1994), «Великий Новгород» (2007), «Baltic Region» (2007), «История экономики Великого Новгорода и Новгородской земли» (2009). Книга В. Ф. Андреева «Северный страж Руси» была переведена на японский язык и в 1994 г. издана как учебное пособие для студентов японских университетов. С открытием на кафедре аспирантуры Василий Фёдорович стал научным руководителем аспирантов. Пять его аспирантов защитили диссертации и стали кандидатами исторических наук. За многолетнюю успешную работу Василий Фёдорович Андреев награжден многочисленными почетными грамотами, в том числе Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (Андреев, 2012).

Основные разновидности книжных коллекций в России начали складываться ещё в XVIII в. – это были парадные библиотеки вельмож, рабочие библиотеки ученых и литераторов, библиофильские собрания, домашние библиотеки для чтения. В НовГУ поступают, как правило, рабочие, узконаправленные библиотеки преподавателей, однако, некоторые из них включают в себя смежные дисциплины и беллетристику. Это библиотеки О. А. Белобровой, Г. М. Коваленко, Е. М. Таборисской.

Белоброва, Ольга Андреевна (1925–2018). – Кандидат филологических наук (1967). Член императорского Православного Палестинского общества. Старший научный сотрудник ИРЛИ «Пушкинский Дом» РАН. Лауреат премии имени Д. С. Лихачева (2006). Область научных интересов: изучение памятников истории древнерусской литературы, археография, библиография, взаимодействие литературы и изобразительного искусства, русско-византийские и русско-греческие художественные связи.

Библиотека О. А. Белобровой была передана Новгородскому университету через сотрудников «Пушкинского Дома» в 2017 г. Коллекция представляет собой рабочую библиотеку учёного на русском и греческом языках, всего около 400 единиц хранения. В неё входят книги по истории древнерусской литературы, древнерусскому искусству, культурологии, истории России, археографии, каталоги выставок, библиографические указатели, альбомы. Прослеживается тесная связь Ольги Андреевны с Новгородским

обществом любителей древностей. Во многих книгах имеются автографы авторов. Среди них Г. Н. Моисеева, А. Х. Горфункель и др. Особую ценность представляет книга «Слова о полку Игореве» с автографом Д. С. Лихачева. Из общей тематики коллекции выпадают книги с экслибрисами, принадлежавшие отцу Ольги Андреевны А. П. Белоброву¹, а так же подаренные Ольге Андреевне бывшими коллегами Андрея Павловича после его смерти – с дарственными надписями.

Коваленко, Геннадий Михайлович (г. р. 1949). – Кандидат исторических наук (1977), доцент (2002), ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН, где он в течение 28 лет возглавлял сектор истории Новгорода. С 1991 г. Геннадий Михайлович работал по совместительству в НГПИ, а потом в НовГУ в должности доцента на кафедрах языков Северных стран и истории России и археологии. По инициативе Г. М. Коваленко были осуществлены: выпуск энциклопедического словаря «Великий Новгород. История и культура» и 14 томов «Новгородской исторической библиотеки»; совместно с СПбИИ РАН проведено пять международных конференций «Новгородика», теоретические семинары «Государственная власть и местное самоуправление в России», «Северо-Западный регион», «Викинги на Востоке», международная конференция «Шведская новгородика», исторические чтения, посвященные 70-летию новгородской секции СПбИИ РАН. Г. М. Коваленко является членом редакционной коллегии «Новгородского исторического сборника», «Вестника НовГУ» (серия гуманитарные науки), альманаха «Чело», членом городской топонимической комиссии.

Г. М. Коваленко неоднократно был награжден: Почётными грамотами Президента РАН, ректора НовГУ, Комитета образования Новгородской области, Администрации Новгородской области, Российской Академии наук; медалью Микаэля Агриколы (Финляндия) (2010); медалью Ярослава Мудрого III степени за большой личный вклад в изучение и сохранение историко-культурного наследия Новгородской земли (2016). Ему присвоено звание лауреата премии Нижнего Новгорода в области науки (2014). Г. М. Коваленко является автором более двухсот научных и научно-популярных работ, в том числе нескольких монографий. Его труды были опубликованы в Англии, Швеции, Финляндии, Сербии, Украине и Польше.

Круг научных интересов и страсть исследователя определили тематическое единство уникальной отраслевой книжной коллекции Коваленко.

---

¹ *Белобров*, Андрей Павлович (1894–1981) – советский военно-морской деятель, инженер, преподаватель, гидрограф-геодезист. Доктор географических наук, профессор, инженер-капитан 1 ранга (1940).

В неё входят книги, журналы, газеты – всего около 900 единиц хранения. Большинство книг в ней, так или иначе, связаны с историей Российского государства и его современным состоянием. Тематически они делятся на несколько направлений. В том числе: история Древней Руси и современной России, философия, источниковедение, социология, политология, история дипломатии, книговедение и др. Очень логично сюда вписываются биографические словари издательства Брокгауза-Евфрона. Кроме монографий, треть коллекции занимает беллетристика. В ней представлены серии книг, такие как «Пламенные революционеры», «История Отечества», «Антология мировой философии», «Литературные памятники», «Писатели советской России», Историко-биографический альманах «Прометей», «Приложение к журналу «Вопросы философии». Много книг посвящено Великой Отечественной войне. Есть отдельные издания зарубежной классической и отечественной художественной литературы, а так же некоторое количество книг на финском, шведском и французском языках. Из журналов назовем «Вестник МГУ» за 1956–1997 гг. Исключительность этого издания заключается в том, что с 1956 по 1963 г. его выписывал и получал основатель и руководитель Новгородской археологической экспедиции Артемий Владимирович Арциховский, о чем свидетельствует почтовый адрес и фамилия получателя. С 1962 г. на журналах появилась надпись-отсылка: «Янину» (Валентину Лаврентьевичу), который сменил Арциховского на посту начальника Новгородской археологической экспедиции. С 1964 по 1987 г. журналы приходили на адрес уже В. Л. Янина. Сначала – в г. Пушкино Московской области (Московская обл., Пушкинский р-н, Заветы Ильича, пр. Ст. Разина, Д. 4А), потом, до 1997 г., – уже в Москву по адресу: ул. Профсоюзная, Д. 102, кор. 5 кв. 16.

Коллекцию **Таборисской** Евгении Михайловны, в которой около 950 книг и 45 писем, можно классифицировать как большую отраслевую библиотеку, владелец которой – собиратель-исследователь. Особенностью этой коллекции является то, что в неё входят художественные произведения, собранные двумя поколениями. Во-первых, это 56 книг из библиотеки матери Евгении Михайловны Инны Владимировны Складневой со штампом «Врач Складнева Инна Владимировна». Это зарубежная и русская классика, изданная в СССР в 1950–1970 гг. Кроме книг И. В. Складневой, здесь хранится 61 книга из библиотеки близкого друга Евгении Михайловны, ученого-филолога Анны Матвеевны Штейнгольд – это зарубежная и русская классика, изданная в те же годы и современное литературоведение. 32 из них имеют дарственные надписи. Библиотеку собственно Е. М. Таборисской можно разделить на две неравные

части. Меньшую часть составляет её юношеская библиотека художественной литературы с собственными, от руки нарисованными экслибрисами и книги, подаренные ей родителями с дарственными надписями – всего 20 томов. Большая часть библиотеки была собрана Евгенией Михайловной в период профессиональной деятельности. Она включает в себя литературоведение, в т. ч. 147 томов «Пушкинианы» и 44 книги с автографами, подаренные ей коллегами и учениками. Значительное место занимают: мемуарная литература, монографии по философии, различные издания по искусству (театр, кино, живопись), поэзия, русская и зарубежная классика. Много книг посвящено книжному делу и книговедению. Есть 22 антикварных издания XIX – первой трети XX в. (в основном – отдельные тома из собраний сочинений русских классиков).

Таборисская, Евгения Михайловна (1943–2014), – доктор филологических наук (1997), почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Евгения Михайловна родилась в семье военных хирургов. Окончив в городе Усмань (Липецкой области) среднюю школу с серебряной медалью, Евгения Таборисская поступила на филологический факультет Воронежского государственного университета, окончив его в 1966 г., получив диплом с отличием. В 1968–1973 годах Таборисская работала на кафедре литературы Борисоглебского педагогического института, которой заведовал профессор Б. О. Корман. В 1973 г. она поступила в аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена (ныне Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена), на кафедру русской литературы, которой заведовал профессор Б. Ф. Егоров. В 1985–1987 гг. Евгения Михайловна читала лекции в НГПИ. В 1988 г. она была приглашена на кафедру книгоиздания и книжной торговли в Петербургском Северо-Западном институте печати (ныне Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологии и дизайна), где проработала до 2014 г. Научные труды Е. М. Таборисской отличаются энциклопедизмом, погруженностью в широкий культурологический и философский контекст, уникальностью видения художественного текста и высокий филологический стиль. В течение последних четырнадцати лет Евгения Михайловна возглавляла оргкомитет научной конференции «Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения)», Она редактировала ряд авторитетных филологических изданий, таких как учебное пособие «Русская литература. XIX век. От Крылова до Чехова» (Санкт-Петербург, 2001), а так же монографии

профессора, доктора филологических наук, декана филологического факультета ИГУМ В. В. Мусатова «В то время я гостила на земле...» и «Лирика А. А. Ахматовой» (Москва, 2007) и др. Среди публикаций Е. М. Таборисской за 2010–2013 гг. есть написанные в соавторстве коллективные монографии, посвященные проблемам синтеза искусства («Жизнь культуры в универсуме слова», 2011; «Театр и литература: на пересечении границ», 2012).

Е. М. Таборисская состоялась в нашей культуре как глубоко и разносторонне одаренный человек, известный литературовед, талантливый педагог. Её плодотворный труд и высокое служение русской литературе останутся в благодарной памяти её учеников, коллег и друзей.

Среди крупных отраслевых собраний, хранящихся в библиотеке НовГУ, можно назвать библиотеки В. В. Дудкина, М. Т. Иовчука, А. Н. Попова, В. В. Сороки, В. П. Строговой.

Библиотека В. В. Дудкина была передана владельцем в фонд личных коллекций в 2019 г., в составе около 700 единиц хранения. Коллекция отражает профессиональные интересы ученого. Это история, философия, литературоведение Западной Европы. Значительную часть занимает художественная литература на немецком, французском, русском языках. Кроме книг, сюда входят отдельные оттиски статей, журналы, программы конференций и др. документы.

Дудкин, Виктор Викторович (г. р. 1940), – доктор филологических наук, профессор. Закончил Ленинградский государственный университет. Специальность – филология, немецкий язык и литература. Один из ведущих исследователей русско-европейских литературных связей, автор работ по поэтике и философским основам творчества Шекспира, Достоевского, Блока. Член Российского Союза германистов, член Международного общества Достоевского, председатель Новгородского отделения общества Достоевского, член четырех докторских диссертационных советов, участник симпозиумов и конференций в Венгрии, Германии, США, Швейцарии, Японии, научный редактор ежегодника «Достоевский и современность». Успешно руководит аспирантами и докторантами. В. В. Дудкин – автор около 100 работ и одной монографии «Достоевский-Ницше» (1984).

Иовчук, Михаил Трифионович (1908–1990) – доктор философских наук, профессор. Член-корреспондент АН СССР. Специалист по истории русской философии. Иностраный член Болгарской АН (1972). Член коммунистической партии с 1926 г., кандидат в члены ЦК КПСС (1971–1981). Депутат Верховного Совета СССР 2 созыва. Первый лауреат премии имени Г. В. Плеханова (1971).

В составе его коллекции книги по истории русской философии, всего 280 томов.

Попов, Ардалион Николаевич (1925–1990) – кандидат географических наук (1970), доцент (1988) кафедры педагогики и методики начального обучения НГПИ. Участник Великой Отечественной войны. Старший научный сотрудник Всесоюзного НИИ гидрологии и инженерной геологии Министерства геологии СССР. В 1966–1975 гг. он заведовал Валдайской научной гидрологической лабораторией. Кроме специальных исследований по гидрологии и инженерной геологии, в коллекцию входят документы, фотографии, рукописи владельца, переданные наследниками – всего более 100 единиц хранения.

Сорока, Владимир Васильевич (1940–1998) – первый президент НовГУ (1993–1998), доктор физико-математических наук (1981), профессор (1984), заведующий кафедрой теоретической и специальной физики (1994–1998). Действительный член Петровской академии наук и искусств (1992), действительный член Академии инженерных наук РФ (1992), Магистр Портландского университета (1993), Почетный член Российской гуманитарной академии (1994), действительный член Международной Академии наук (1995). Владимир Васильевич награжден Орденом «Знак почета» (1986), медалью Ярослава Мудрого I степени (1997). «Заслуженный работник НовГУ» (посмертно) (2008). В. В. Сорока был крупным ученым, он автор более двухсот научных трудов, двадцати пяти изобретений. Под его руководством была создана научная школа по оптико-электронным системам. Владимир Васильевич был научным руководителем ряда межвузовских и региональных научно-технических программ. Он являлся председателем Совета ректоров города Новгорода, Союза научных и инженерных обществ, пользовался высоким авторитетом как ученый, педагог и организатор науки в высшей школе России (Сорока, 2013).

В составе коллекции, переданной в библиотеку вдовой Владимира Васильевича Л. М. Сорокой, 61 книга разной тематики: электротехника, медицина, философия, политология, менеджмент, история России, художественная литература. Все с дарственными надписями. В коллекцию так же входят печатные материалы, посвященные В. В. Сороке, изданные на родине ученого, личные вещи, документы, фотографии. Всего около 100 единиц хранения.

Строгова, Вера Павловна (1924–1996) – кандидат филологических наук (1956), профессор кафедры русского языка НовГУ (1994–1996). Создатель картотеки новгородских говоров. Вера Павловна – автор (совместно с

А. В. Клевцовой) и ответственный редактор «Новгородского областного словаря». После её смерти в библиотеку ИГУМ была передана уникальная рабочая библиотека Веры Павловны по общим вопросам происхождения, развития и строения русского языка, истории и методологии языкознания, диалектологии. Сюда же входят атласы, терминологические словари и словари говоров народов России. На данный момент это одна их крупнейших личных коллекций книг, хранящихся в библиотеке НовГУ, которая содержит 921 единицу хранения.

Среди значительно более скромных, но значимых коллекций назовем собрания книг и документов З. П. Басмановой, М. И. Куликова, Л. М. и Н. А. Лихтарниковых, С. Г. Митина, Л. Я. Петровой, Т. Н. Страбахиной и Н. И. Страбахина.

Басманова, Зоя Петровна (1916–1993) – кандидат педагогических наук (1954), доцент (1967). Заведующая кафедрой педагогики и психологии НГПИ (1955–1962). «Отличник народного просвещения РСФСР». Её имя занесено в Книгу почета НГПИ и Новгородского политехнического института. В составе коллекции 7 книг по психологии.

Куликов, Михаил Иванович (1921–2008) – доктор философских наук (1972), профессор (1974). Заслуженный деятель высшей школы, Действительный член Российской Академии гуманитарных наук. Участник Великой Отечественной войны, награждён орденом Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды. В НГПИ работал с 1965 г. в должности заведующего кафедрой философии и научного коммунизма (позже – политологии и социологии) и одновременно – проректора по научной и учебной работе. С 1972 по 1985 г. Куликов – ректор института. За годы деятельности М. И. Куликова институт превратился в одно из ведущих высших учебных заведений РСФСР.

В мирное время М. И. Куликов был награждён орденом «Знак почета», Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, медалью Н. К. Крупской, «Высшая школа СССР», медалью «За отличные успехи в работе» и медалью Ярослава Мудрого II степени. В составе коллекции, переданной в библиотеку в 2020 г. кандидатская и докторская диссертации Михаила Ивановича в рукописях, отдельные оттиски статей, сборники, монографии, оттиски публикаций о нем, всего 30 единиц хранения (Куликов, 2005).

Лихтарников, Леонид Моисеевич (1924–2007) – кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой математического анализа. Ветеран Великой Отечественной войны, награждён Орденом Красной Звезды и 8 медалями. В послевоенное время был удостоен знаков «Отличник народного

просвещения», «Отличник народного образования СССР», «За отличные успехи в работе» Министерства высшего и среднего образования СССР, многими почётными грамотами. В его коллекцию входят 9 монографий по физике разных авторов.

Лихтарникова, Нонна Андреевна (г. р. 1928) – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французского языка. Награждена знаком «Отличник народного просвещения», Почетными грамотами Министерства просвещения СССР, Новгородского горкома КПСС, имеет ряд благодарностей. Ею передано 15 книг по языкознанию.

Митин, Сергей Герасимович (г. р. 1951) – профессор, доктор экономических наук. Губернатор Новгородской области в 2007–2017 гг. Представитель от исполнительного органа государственной власти Новгородской области в Совете Федерации РФ. Сергей Герасимович награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Орденом Дружбы, Почётной грамотой Президента Российской Федерации. Коллекция, переданная в библиотеку НовГУ владельцем, представляет собой 14 подарочных изданий с автографами, принадлежавших бывшему губернатору Новгородской области, профессору НовГУ М. М. Прусаку.

Петрова, Лидия Яковлевна (1940–2007) – кандидат филологических наук (1985), доцент кафедры русского языка НГПИ (1990). Лидия Яковлевна награждена Почетными грамотами Министерства просвещения РСФСР, Министерства народного образования Коми АССР, знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Коллекция из 13 книг является частью её рабочей библиотеки.

Страбахина, Татьяна Николаевна (г. р. 1954) – кандидат психологических наук (1980), доцент (1988) кафедры психологии Института непрерывного педагогического образования НовГУ. Татьяна Николаевна передала в фонд личных коллекций 14 книг, принадлежавших её отцу, Николаю Ивановичу Страбахину и 8 книг по психологии из своей личной библиотеки.

Страбахин, Николай Иванович (1928–2011) – кандидат технических наук (1961), профессор, зав. кафедрой «Строительные конструкции» НПИ–НовГУ (1984–2001). Советник президента НовГУ по вопросам научно-технического развития (2001–2008). На протяжении многих лет Н. И. Страбахин был ведущим преподавателем по железобетонным конструкциям. Педагогическую деятельность Николай Иванович успешно совмещал с учебно-методической, научной и практической деятельностью. Был научным руководителем и консультантом аспирантов. Талантливый изобретатель, он имел 18 авторских свидетельств. На результаты его исследований даются ссылки в вузовских

учебниках и научных монографиях. Н. И. Страбахин внес существенный вклад в сферу практического применения своих разработок. Им была создана «Программа – концепция комплексного инженерно-диагностического обследования Новгородского кремля» (1984–1985). Страбахин был ответственным руководителем хоздоговорной научно-исследовательской работы с ПО «Азот», которая выполнялась с целью оценки и обеспечения надежности зданий и сооружений объединения (*Страбахин*, 2011).

Национальная программа сохранения библиотечных фондов России определяет проблему сохранения книжных памятников, в том числе и личных книжных коллекций, как глобальную проблему, от решения которой зависит сохранение памяти нации. Проведение полного исследования книжного собрания представленного в нашем фонде, отражающего жизнь общества в разные исторические периоды, как и других, ещё предстоит.

Литература и источники

Горшкова – Горшкова Н. Н. Личные книжные коллекции ученых в фондах научных библиотек: проблемы доступности. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Казань, 2012. 22 с.

Бери – Бери Р. де. Филобиблон / ред. латин. текста, пер., примеч. и введ. ст. Я. М. Боровского, под ред. М. Л. Гаспарова, авт. заключ. ст. В. В. Кунин, худож. А. г. Антонов. М.: Книга, 1984. 460, [2] с.: цв. ил.

Кунин – Кунин В. В. Библиофилы и библиоманы. М.: Книга, 1984. 477 с.

Луппов – Луппов С. П. Библиотека Артемия Волынского // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1978. Л.: Наука, 1979. С. 119–128; он же: Библиотека П. М. Еропкина // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в.: сборник научных трудов. Л.: БАН, 1979. С. 142–152; он же: Новое о библиотеке А. Ф. Хрущева // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1980. Л.: Наука, 1981. С. 38–44 и др.

Андреев – Андреев Василий Фёдорович: библиогр. указ. / сост. Т. И. Козлова, Н. А. Сёмина; вступ. ст. В. Я. Конецкого; под ред. В. Я. Конецкого; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2012. 43 с., 1 л. портр. (сер. «Ученые университета»).

Куликов – Михаил Иванович Куликов: библиогр. указ. / сост. Т. И. Козлова, Н. А. Сёмина; вступ. ст. А. Н. Павлова; под ред. Ю. А. Прокофьева; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. 26 с., 1 л. портр. (сер. «Ученые университета»).

Сорока – Владимир Васильевич Сорока: библиогр. указ. / сост. Е. М. Власова; вступ. ст. А. Л. Гаврикова; под ред. Е. В. Откидач, Л. М. Сороки; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. 2-е изд., испр. и доп. Великий Новгород, 2013. 61 с., 1 л. портр. (сер. «Ученые университета»).

Страбахин – Николай Иванович Страбахин: библиогр. указ. / сост. Е. М. Власова, Е. В. Откидач, Т. Н. Страбахина; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2011. 159 с., 1 л. портр.: ил.

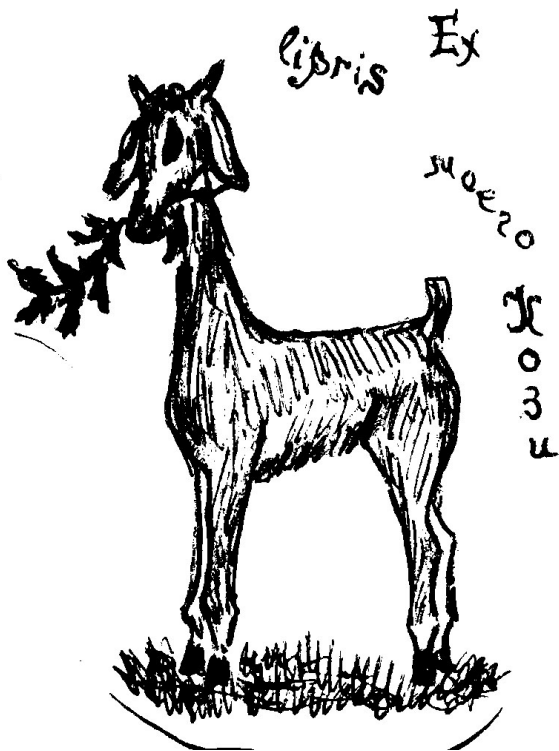

Рисунок 1. Детский экслибрис
Е. М. Табориской

Рисунок 3. Экслибрис
Т. Н. Страхиной

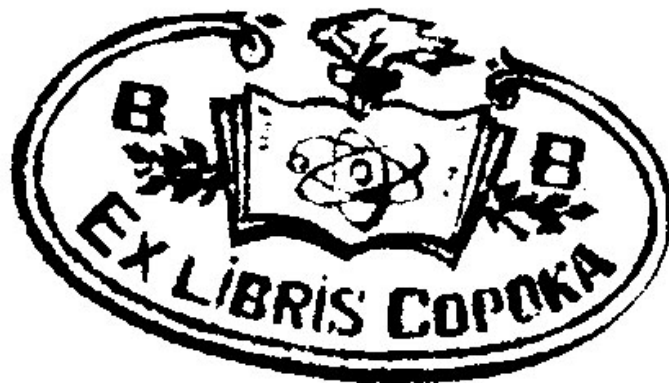

Рисунок 2. Экслибрис В. В. Сороки

ВЕСТНИК НОВГОРОДСКОГО ЗЕМСТВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сфера народного образования и события, связанные с нею в конце XIX – начале XX в. часто находили отражение в земских периодических изданиях. В Новгородской губернии особенно популярен был журнал «Вестник Новгородского земства». Именно он помогает исследователям воссоздать объективную социально-экономическую картину жизни. Незаменимым помощником в такой работе является путеводитель, составленный В. И. Ромашовой (*Вестник*).

Проанализировав содержание журнала по темам, мы разбили материалы «Вестника» на отделы: финансирование, земские собрания, народное образование и так далее. Заметим, что отдельным губернским населенным пунктам посвящалось разное количество публикаций, а именно: Новгороду – 119; Старой Руссе – 11; Устюжне – 19; Демянску – 18; Белоозерску – 21; Тихвину – 33; Боровичам – 9; Валдаю – 16; Череповцу – 13; Крестцам – 12. В этот список нами не включены статьи, в которых упоминается сразу несколько городов. Если принять во внимание и их, то можно будет добавить к нему ещё около 30 статей.

Посчитаем количество публикаций по отдельным темам. Земскому собранию посвящено 69 статей; как правило, в них освещаются проблемы, которые нуждаются в немедленном решении. Сюда же относятся отчеты Земства о проделанной работе за определенные периоды. Педагогические кружки отражены в 24 статьях; в них читателей информируют об открытии, прекращении или ходе работы педагогических кружков, в которых обучаются будущие педагоги (*Вильдар*, 1901. С. 16–20). Открытию новых школ в губернии посвящено 12 статей. Экскурсии и школьные программы описаны в 28 статьях; здесь приводятся данные о проводимых экскурсиях, разработке программ учебного процесса и советы по исправлению недостатков существующих школьных программ. Комиссиям по образованию с итогами их работы посвящено 9 статей; в них обсуждаются проблемы, касающиеся, как правило, обстоятельств внутри школы: саморазвитие учеников, доступность материалов и другое. В 29 статьях печаталась информация о заседаниях Городской Думы и о принятых ею решениях. Положение учителей обсуждалось в 7 статьях. В них

излагаются сведения об условиях жизни и работы учителей, их уровне доходов, о льготах, предоставляемых учителям. Данные об ассигновании на образование приводились в 10 статьях, в том числе о расходуемых средствах на постройку новых школ, жалование учителям, стипендии учащимся, закупку материалов для успешного обучения и т. п. Иногда редакция печатала письма читателей. В 4 статьях публиковалось содержание отдельных писем, ответы на вопросы и комментарии редакции.

«Вестник Новгородского земства» освещал на своих страницах события и проблемы в разных сферах общественной жизни не только Новгородской губернии, но и Российской империи в целом. Публиковались Законы и распоряжения правительства, циркуляры Министерства народного просвещения, обзоры печати, общеземская хроника.

Так, 1900 году опубликован циркуляр Министерства народного просвещения об изменении в планах учебной программы и отмене учебных работ во время летних каникул. Изменилась методика преподавания предметов, в частности древних языков, под которую в ближайшее время должны были подстроиться учителя. Педагогам рекомендовалось заменять скучные и неинтересные для учеников занятия на прогулки в образовательных целях, либо предоставить свободу выбора рода занятий учащимся на летних каникулах (*М. Н. Обзор печати. 1900. С. 55–57*).

Привлекает внимание «Ограничительная практика», где критикуется Закон об отпуске бесплатной земли школам. Закон имел множество ограничений и условий, которые практически не позволяли получать землю или лес для школ бесплатно. (*М. Н. Ограничительная практика, 1901. С. 63–65*).

Сфере образования в «Вестнике» посвящено более 270 статей, около 120 из которых повествуют о проблемах в Новгородской губернии. Самыми обсуждаемыми в них вопросами были:

1. недостаточные затраты на образование;
2. нехватка учебных заведений и их плохая оснащенность;
3. недостаточно квалифицированные кадры;
4. низкое жалование учителей;
5. отсутствие интереса к просвещению у населения;

6. отсутствие коммуникации между учителями и невозможность поделиться своими мыслями и опытом с коллегами по ремеслу; по этой причине многие учителя предпочитали учительские съезды, которые осуществлялись раз в год, педагогическим курсам, которые происходили раз в 5–6 лет (*М. Н. Народное образование, 1899. С. 40*).

Еще одним затруднением народного образования являлось различие городских и сельских школ, которое было обусловлено отличием в уровне жизни. Кроме того, Программы школ светских и церковно-приходских отличались между собой (*М. Н. Очередной вопрос*, 1900. С. 21–24).

В материалах заседаний Череповецкого земского собрания содержится информация, из которой следует, что народное образование является одной из наиболее затратных отраслей. Как правило, образование стоит либо на первом, либо на втором месте после медицины по расходу средств бюджета. Эти средства распределялись, главным образом, на постройку зданий школ, содержание учителей, пособия ученикам, материалы для учебного процесса и так далее. Стоит отметить, что только 51 земская школа размещалась в специально устроенных зданиях, остальные же – в случайных, всего их существовало 111. Кроме земских школ, существовали и другие: 2 министерские школы, 39 церковно-приходских и 26 начальных школ. При простых математических подсчетах было выявлено, что на одну школу приходилось 1054 жителя уезда. В связи с этой ситуацией земство открывало новые школы, но при этом закрывались некоторые старые, что в итоге не приводило к росту числа учебных заведений (*Кузьменко*, 1900. С. 9–12).

В материалах Белоозерского уезда отмечено, что расходы на народное образование быстро росли. За 10 лет они увеличились на 76% и росли быстрее, чем бюджет или затраты на другие земские повинности (*Чмутов*, 1903. С. 29–30).

В учебных заведениях обучалось большое число учеников, но заканчивали их единицы. Разница в цифрах значительная. Например, в Череповецком уезде обучалось 4710 человек, из них окончили курс только 803 человека. При этом авторы отмечают, что показатель «выпустившихся» учеников упал по сравнению с прошлым годом на 2%. Число учебных дней в школах тоже сократилось (*Кузьменко*). В Тихвинском уезде обучалось в земских и министерских школах в 1899/1900 учебном году 2747 человек, что по сравнению с предыдущим учебным годом больше на 171 человека. Но окончили курс только 291 человек. Детей школьного возраста, если не принимать во внимание школ грамоты, обучалось только 52%. Учителей со средним и специальным образованием от общего количества составило 62% (*N*, 1900. С. 16–17).

В целом по Новгородской губернии процент обучающихся в школах растет, хотя довольно медленно – из-за недостаточности школ и не популярности у населения обучения девочек (*М. Н. Очередной вопрос*. С. 7–9).

Большинство учителей работает на одном месте около трех лет, некоторые – от трех до пяти лет и очень мало – свыше 5 лет. Отчет за 1898–1899 учебный год показал, что в светских школах учительницы преобладают над учителями, в церковно-приходских школах – наоборот. Многие учителя рассматривают свою работу как временное занятие, пока не найдут более прибыльную. Это можно объяснить тяжестью труда и незначительным содержанием. Если холостой человек может прожить на 200–300 рублей в год и быть довольным своим положением, то семейному человеку это довольно тяжело.

Наблюдается тенденция уменьшения количества учителей со средним и специальным образованием. Отмечено, что уезды, которые платят учителям больше, имеют больше учителей со специальной подготовкой (*М. Н. Учащие*, 1900. С. 9–12).

Из-за этого на одном из земских собраний был поднят вопрос: «Чем стоит руководствоваться при назначении повышенных окладов – личными качествами учителя или его предварительной педагогической подготовкой?» (*Кузьменко*). На заседании Новгородского уездного собрания было установлено увеличение содержания сельским учителям (*Левшинский*, 1901. С. 10–13).

Земские управы старались поднять интерес у населения к просвещению, открывая школы там, где ранее их не было. Например, Борисовщинская волость отличалась своими «иногородцами-чухарями», из-за чего разрабатывался вопрос о способе открытия там школы и будущие расходы на её содержание (*Н*).

Недостаточное число учебных заведений, неравномерность в распределении их по территории и дальнейшее расстояние до некоторых селений является одним из важных препятствий для населения пользоваться учебным заведением (*Демянск*, 1900. С. 16–17).

Роль училищ в деле народного образования определяется условиями, среди которых первое место занимает тип учебных заведений. Например, в Демянском уезде все школы принадлежат к низшему типу, но различны по уровню даваемого ими образования:

1. Учебный курс равен курсу начальных училищ;
2. Низший уровень (школы грамотности);
3. Высший учебный курс (двуклассное) (*Демянск*. С. 17–18).

Немаловажной проблемой является формализм и стесненность школьной программы, которая не только не возбуждает интерес у учащихся, но и не дает волю воображению. Совокупность экономических, географических, просветительских и образовательных условий могла бы приносить

значительную пользу. Однако внедрение новых методов обучения сталкивается с трудностями. В качестве примера редактор приводит подробный разбор одного из способов просвещения – так называемые *народные чтения*. Сначала нужно добиться разрешения для их проведения; потом найти чтеца, который сможет произносить текст. Выбранный человек должен быть одобрен специальным комитетом (без разрешения могут читать только лица духовного и учебного ведомства); даже если разрешение получено и чтения осуществились, это не означает, что всё удалось. Публика может просто не прийти. Автор приходит к выводу: несмотря на то, что «выразительное чтение имеет громадное значение для умственного, нравственного и эстетического развития не только детей, но и взрослых», читать детям почти нечего, а специальные чтения существуют только в 7 из 283 школ (*Острогорский*, 1901. С. 24–29).

Анализ статей журнала «Вестник Новгородского земства» показал, что в конце XIX – начале XX вв. проблемы народного образования в Новгородской губернии в целом не отличались от проблем, существовавших в Российской империи, начиная с недостаточного финансирования и заканчивая несовершенством школьных программ.

Добавим, что в начале XXI века проблемы народного образования в Российской Федерации в целом остаются теми же.

Литература и источники

Н. – Н. Тихвинское уездное земское собрание // Вестник Новгородского земства. 1900. № 24. С. 16–17.

Вестник – Вестник Новгородского земства: научно-информационный справочник / В. И. Ромашова; Ком. культуры Новгородской обл., Новгородская обл. универсальная науч. б-ка. Великий Новгород, 2011. 731 с.

Демянск – г. Демянск // Вестник Новгородского земства. 1900. № 21. С. 16–18.

Кузьменко – Кузьменко Н. Череповецкое очередное уездное земское собрание // Вестник Новгородского земства. 1900. № 21. С. 9–12.

Левшинский – Левшинский В. Новгородское уездное экстренное земское собрание // Вестник Новгородского земства. 1901. № 4. С. 10–13.

М. Н. Обзор печати – М. Н. Обзор печати // Вестник Новгородского земства. 1900. № 17. С. 55–57.

М. Н. Ограничительная практика – М. Н. «Ограничительная практика» Д. Д. Лобанова // Вестник Новгородского земства. 1901. № 2. С. 63–65.

М. Н. Учащие – М. Н. Учащие // Вестник Новгородского земства. 1900. № 11. С. 9–12.

Н. М. Народное образование – Н. М. Народное образование в Новгородской губернии // Вестник Новгородского земства. 1899. № 1. С. 39, 40.

Н. М. Положение – Н. М. Положение начального народного образования в Новгородской губернии в 1898–1899 учебном году // Вестник Новгородского земства. 1900. № 11. С. 7–9.

Острогорский – Острогорский В. К вопросу о внешкольных средствах народного образования // Вестник Новгородского земства. 1901. № 4. С. 24–29.

Чмутов – Чмутов. Белозерск. (О расходах земства на народное образование) // Вестник Новгородского земства. 1903. № 2. С. 29–30.

СИНОДИК XVII ВЕКА НОВГОРОДСКОГО ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в служебнике начала XVII в. новгородского Юрьева монастыря (ОР РНБ. Соф. собр. 918) вложен небольшой бумажный листок с поминальными записями. Текст написан скорописью, характерной для XVII в. И, по-видимому, выполнен одним почерком. Несомненно, этот документ, связанный с монастырским служебником, имел отношение к Юрьеву монастырю. И в то же время он не напоминает обычный монастырский синодик, поскольку архимандрит Илларион в нем фигурирует среди нетитулованных лиц различного пола. По мнению А. М. Молочникова, высказанного в частной переписке, это был заказанный частным лицом поминальный молебен. К сожалению, при существующей ныне источниковой базе не представляется возможным идентифицировать ни одного из упомянутых в нем лиц. Даже юрьевский архимандрит Илларион, поскольку он указан как «схим», мог быть одним лицом с действовавшим в 1640–1660 гг. (*Летопись...*) архимандритом Юрьева монастыря Илларионом, но в то же время его допустимо отождествлять с другими юрьевскими архимандритами конца XVI–XVII в., чьи имена начинались на ту же букву, так как в синодике могло отразиться его новое имя, которое он принял в схиме, уже отойдя от дел. Например, с известным в 1590-х гг. архимандритом Иоакимом, или Ионой, занимавшим должность архимандрита в 1633 гг. Не исключено, что в настоящий момент это единственный сохранившийся синодик Юрьева монастыря. Ниже мы прилагаем фотографию синодика и публикацию его текста.

Литература и источники

Летопись новгородского Юрьева монастыря. Санкт-Петербург, 2008. С. 39, 53.

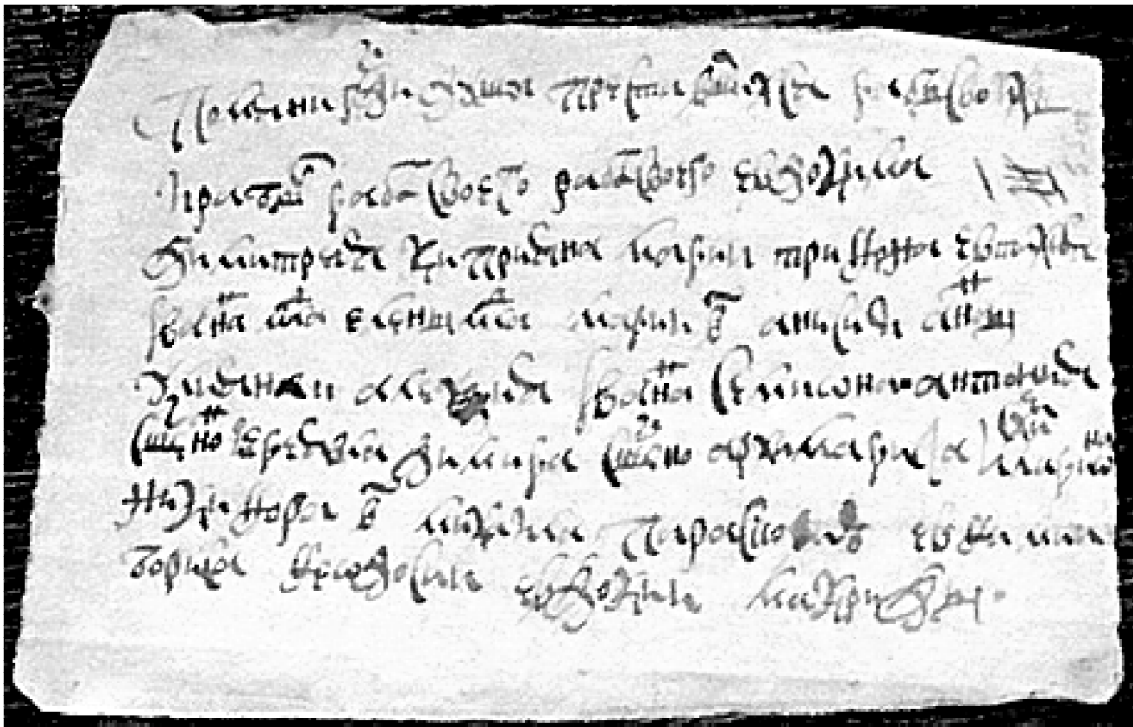

Рисунок. Синодик XVII в. новгородского Юрьева монастыря.
ОР РНБ. Соф. собр. 918. Фото автора

*«Помяни Гсди души преставившихся рабъ своихъ прости раба своего
раба своего Евдокима Димитриева Киприяна Марии Трифона Евтихия Ивана
млда Елены млда Марии в Анисию Анны Улиана и Алек(с)ия Ивана Семиона
(и?) Антония сщено иерея Владимира сщено архимандрита схим Илариона
Никифора в Михаила Парасковию Евфимии Бориса Феодосии Евдокии
Макриды»*

**И. Ф. ШТУКЕНБЕРГ И «ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ
НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ» О ПРОМЫСЛОВЫХ ЗАНЯТИЯХ
НАСЕЛЕНИЯ. 1858–1880 гг.**

*«Хлебопашество составляет главнейшее занятие как сельских, так и городских жителей; но [так] как оно не вознаграждает труд земледельца, то жители обращаются к другим промыслам <...>»
(Материалы, 1858)*

В отрывках из книги И. Ф. Штукенберга – крупного ученого, автора важнейших трудов по географии, гидрографии, истории и статистики России¹, интересующие нас сведения незначительны, вряд ли всегда точны и, разумеется, не представляют целостной картины промысловой стороны жизни населения Новгородской губернии вследствие лишь фрагментарного участия в ней крепостного крестьянства. Несмотря на это, автор назвал такие исконные промыслы, как рыболовство, гонка дёгтя и углежжение в Белозерском и Кирилловском уездах, литье колокольчиков в Валдае, изготовление деревянной посуды в Кирилловском уезде, строительство судов в Череповецком уезде.

Следующие три документа были опубликованы Губернским правлением и Губернским статистическим комитетом в Памятных книжках Новгородской губернии. Здесь информация о промыслах значительно расширена, систематизирована по отраслям, распространённости в уездах и степени участия населения. Объяснены причины появления промыслов. Самыми распространёнными назывались лесные промыслы Тихвинского, Крестецкого, Кирилловского, Белозерского, Устюженского и Череповецкого уездов, изготовление железных изделий в двух последних уездах и рыболовство, которым по данным 1863 г. занимались жители Новгородского, Демянского, Кирилловского и Белозерского уездов. К бытовавшим ранее промыслам по

---

¹ *Штукенберг, Иван Федорович* (Johann Christian Stuchenberg, 1788–1856) поступил на русскую службу в 1807 г. после обучения в Геттингенском, Йенском и Эрлангенском университетах, участвовал в войне 1812 г. и заграничном походе 1813 г., служил в Министерстве государственных имуществ, действительный член РГО (*Русский...*).

изготовлению обуви, войлочных шляп, добыче песка и глины, отмечавшихся в Памятной книжке на 1858 г. (*Материалы*, 1858. С. 33–34), сведения на 1863 г. добавили: изготовление деревянной и глиняной посуды, «отпаивание телят» и заготовку сена для продажи в столицу, извоз, садоводство в Демянском уезде, провод судов по Боровичским порогам и «подавание помощи» при крушении, лов белозерских снетков, соление огурцов и др.

«Материалы по исследованию, описанию и статистике Новгородской губернии», опубликованные в Памятной книжке 1880 г., отразили типичные для пореформенного периода России черты мелкого промыслового хозяйства. В Новгородской губернии под влиянием массовой вырубке помещиками лесных дач, уменьшения судоходства по Вышневолоцкой и Тихвинской водным системам, введения в действие Рыбинско-Бологовской железной дороги сократились лесные промыслы особенно в Устюженском, Тихвинском и Боровичском уездах. Из-за конкуренции гвоздей машинного производства началось падение железоделательных промыслов в Череповецком и Устюженском уездах. Имели место новые виды неземледельческих занятий: работа на местных предприятиях фабричного типа (например, на спичечной фабрике с. Грузино Новгородского уезда), добыча сырья для заводских предприятий (в Боровичах добывали колчедан, огнеупорную глину, известь), выполнение заказов отдельных ведомств (шитье сапог кустарями Череповецкого уезда для Интендантства).

В сравнении с данными И. Ф. Штукенберга и с более поздними земскими материалами о кустарной промышленности (*Материалы*, 1888. Л. 1–11; 1892. Л. 5 об.–9; 1910. Л. 16–106; 1894. Л. 7–15 об.; *Обзор*. С. 13–27 об.) Губернское правление и Губернский статистический комитет публиковали в Памятных книжках систематизированные и проанализированные сведения обо всех неземледельческих занятиях сельского и городского населения Новгородской губернии, обозначали общие закономерности их возникновения, тенденции и перспективы их дальнейшего бытования. Без изучения этих источников представление о сельскохозяйственной жизни Новгородской губернии означенного и более поздних периодов не может считаться полным.

Публикация подготовлена на основе «Правил издания исторических документов в СССР» (Москва, 1990). Все документы датированы, снабжены заголовком и порядковым номером, указанием на издания. Текст документов передан в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Устаревшие слова и термины разъяснены в подстрочных примечаниях.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Из книги И. Ф. Штукенберга о промыслах жителей Новгородской губернии¹.

1858 г.

<...>

§ 12. Промышленность

Город Валдай отличается двумя особенными промыслами: литьем колоколов и бубенчиков всех возможных размеров <...>; другой промысел – печение кренделей из обарного теста², так называемых баранок. В том и другом валдайцы и валдайки не имеют соперничества.

Промысел крестьян в 1840 г. в уездах Белозерском и Кирилловском состоял из добывания дёгтя и угля; в других уездах – в гораздо меньшей мере. В уезде Кирилловском делается много деревянной посуды; в уезде Череповском³ деятельно занимаются постройкой барок.

<...>

§ 13. Рыбная ловля

В Новгородской губернии она приносит годового дохода 300 000 руб. сер., белозерские снетки самые лучшие в России.

В Валдайском озере в изобилии водятся вкусные сельди, сходные по виду с морскими, только они мельче.

Во многих горных речках Валдайского хребта водятся отличные форели, а речка Березайка славится своими крупными раками. Вообще при обилии озер рыбный промысел губернии очень значителен.

<...> в 1810 г. рыбная ловля принесла Новгородской губернии 632 000 руб., с расходом в 302 000 руб. Сбыт был в разные города и за границу.

По отчету Министерства Внутренних дел в 1854 г. было поймано рыбы 875 000 пудов и, кроме того, 700 возов. Стоимость по отчету была в 600 000 руб.

---

¹ (Описание, 1858. С. 11–12)

² Вероятно, имеется в виду «опарное» тесто, замешанное на жидкой закваске из дрожжей и муки – опара.

³ Устаревшее название Череповецкого уезда.

В небольшом озере Славитинском в Порошецкой волости Старорусского уезда водятся ерши длиной до 5 вершков.

<...>

№ 2

Из сведений Новгородского губернского правления о неземледельческих промыслах жителей губернии 1860 г.¹

<...>

Главнейшее занятие сельских сословий в губернии составляет хлебопашество; но оно при неудовлетворительности плодородия почвы и частных падежах на скот, которого и в 1859 г. пало слишком на 20 000 руб. сер., не всегда одинаково вознаграждает труд земледельца, а потому жители губернии обращаются к другим промыслам, из коих первое место занимают *лесные*. Изобилие в губернии лесов и водяных сообщений делает эту отрасль промышленности весьма важной и почти повсеместной; в особенности лесные промыслы развиты в уездах: Тихвинском, Крестецком, Устюжском², Череповском, Кирилловском и Белозерском, более обильных лесами и водяными сообщениями. С открытием весны жители сих уездов исключительно занимаются сплавом строевого и дровяного леса в разные места губернии и преимущественно в С.-Петербург; в прочие же время строят на продажу разного рода суда – барки, лодки, а также занимаются гонкой дегтя, смолы и жжением угля, деланием телег, саней, кадок, ведер, вытачиванием для простого народа деревянной посуды и ложек, с успехом сбываемых на местных ярмарках.

Наряду с лесными промыслами может быть поставлено *судоходство* по влиянию оно на благосостояние городов и селений, расположенных вблизи водяных сообщений. Жители сих мест большею частью лето проводят в занятиях по судоходству и сплаву лесов, извлекая из того значительные для себя выгоды.

По множеству в губернии рек и озер, изобилующих рыбой, а также водяных сообщений, делающих сбыт ее в разные места весьма удобным, *рыбная ловля* занимает довольно важное место в промышленности губернии и

---

¹ (Географические <...> сведения, 1860. С. 36–38).

² Устаревшее название Устюженского уезда.

составляет предмет занятий, общий всем уездам; преимущественно же этим промышляют уезды: Белозерский, Кирилловский и Новгородский, откуда рыба сверх местного сбыта и расхода по губернии отправляется в С.-Петербург, Москву и другие города.

Обработка железных изделий имеет важное значение для крестьян Череповского и Устюжского уездов, приготовляющих в весьма значительном количестве гвозди, топоры, лопаты, сковороды и другие мелочные изделия, которые кроме сбыта на месте и в смежных уездах, развозятся в другие губернии, а также в С.-Петербург и Москву.

Сверх вышеприведенных промыслов имеются в губернии и другие отрасли промышленности, хотя не столь важные и общие, но свойственные только некоторым местностям уездов; промыслы сии имеют также некоторое значение для благосостояния сельских сословий. К таковым должны быть отнесены: приготовление русских шляп¹ в Череповецком уезде, добыча белого песка в Тихвинском², белой глины и извести в Боровичском и выделывание медных пуговиц в г. Боровичах.

<...>

№ 3

Из «Материалов для статистики Новгородской губернии» Губернского статистического комитета о промысловых занятиях населения³

1863 г.

<...>

К занятиям, свойственным жителям целых уездов, принадлежат в губернии Новгородской вырубка и вывозка леса к сплавающим рекам для доставки оного в виде бревен, досок и дров в С.-Петербург и в города на Волге лежащие; промышленность эта преимущественно развита в уездах: Тихвинском, Устюжском, Крестецком, Кирилловском и Белозерском. Многие из жителей, пользуясь изобилием леса в губернии, занимаются постройкой судов, барок и лодок, гонкой дёгтя и смолы, а также выжиганием угля. В

---

¹ «Русскими» назывались шляпы из войлока.

² Так называемый «белый» песок использовался для производства высших сортов стекла.

³ (Материалы, 1863. С. 49)

Кирилловском уезде сверх того выделяется деревянная посуда, как то: кадки, ведра, чашки. К столь же общим занятиям жителей можно отнести судоходство и рыбные ловли, каковым промыслам содействуют изобилие вод и водяных систем, прорезывающих губернию в разных направлениях, впрочем, рыбная ловля по преимуществу развита в уездах: Новгородском, Демянском, Кирилловском и Белозерском. К не столь общим, но также свойственным целым уездам занятиям, можно отнести выделку железа в уездах Устюжны и Череповца, где готовится значительное количество гвоздей, топоров, лопат и т. п. Сверх того, в Череповском и Кирилловском уездах готовятся крестьянские шляпы и обувь, в Кирилловском и Белозерском – глиняная посуда; в Новгородском многие занимаются отпаиванием телят и заготовлением сена для снабжения оными С.-Петербурга. В Демянском уезде значительную отрасль промышленности составляет сапожное ремесло и садоводство. Сверх того, многие из жителей в уездах: Новгородском, Устюжском и Крестецком занимаются извозом. Некоторые местности в губернии имеют также свои исключительные занятия: так в Опеченском посаде и окрестных к нему селениях жители занимаются проводом судов по Боровичским порогам и подаванием помощи в случае крушения; Тихвин и Валдай известны приготовлением кренделей и баранок, развозимых во множестве по губернии; Череповец – печением пшеничного долго нечерствеющего хлеба, покупаемого во множестве на суда, идущие по Шексне; Валдай – выделкой колокольчиков, Боровичи – приготовлением медных крестьянских пуговиц, Белозерск – ловлей белозерских снетков, а селение Городищи близ Новгорода – солением огурцов.

<...>

№ 4

Из «Материалов по исследованию, описанию и статистике Новгородской губернии» Губернского статистического комитета о неземледельческих промыслах населения и основных тенденциях их существования¹

1880 г.

<...>

---

¹ (Материалы, 1880. С. 81–82)

Земледелие составляет преобладающее занятие местного населения. Затем промыслы сельского населения заключаются: в вырубке и вывозке лесных материалов, сплаве их и постройке судов. Из отдельных промыслов выдаются в Новгородском уезде – пойка телят для продажи и в некоторых местностях заготовление ивовой коры, прессовка сена в Новгороде и с. Чудове и спичечное производство в Грузинской волости; в Боровичском – изготовление глиняной и деревянной посуды, добывание колчедана, огнеупорной глины, извести и провод барок по р. Мсте; в Череповском и части Устюжского уездов – гвоздяное производство, но промысел этот с каждым годом падает по случаю повышения цен на дрова, а так же вследствие конкуренции гвоздя машинного производства. Подгородное население Череповского уезда занимается сапожным промыслом; в 1878 г. эти сапожники имели хорошие заработки по исполнению заказов от Интендантского ведомства. Рыбной ловлей занимается население тех местностей, которые прилегают к большим озерам (Ильмень, Белое озеро, Чаронда) или рекам (Волхов, Шексна). В лесных местностях, наиболее в северных уездах, занимаются охотой на зверей и птиц. Население Старорусского уезда и части Новгородского и Демянского обрабатывает лен, сбываемый в Петербург. Прочие занятия населения, как то: изготовление повозок, колес, выделка войлоков, овчин, кож – имеют характер промыслов, исключительно направленных к удовлетворению местных потребностей. Некоторая же часть населения отправляется также в отхожие заработки, преимущественно в Петербург и Рыбинск.

Все перечисленные промыслы в экономическом отношении имеют значение пособия к поддержанию хозяйственного быта населения и преимущественно сельского хозяйства. <...>

Упадок в промыслах замечен наиболее в лесных местностях, где лесные заработки сокращаются вследствие истощения лесов. Равным образом уменьшение судоходства по Вышневолоцкой и Тихвинской системам со времени открытия Рыбинско-Бологовской железной дороги повлияло на уменьшение заработков населения трех уездов: Устюжского, Тихвинского и Боровичского.

Упадок гвоздяного производства в Уломской местности Череповского уезда уже вызвал заботы со стороны земства по привлечению населения этой местности к труду земледельческому, в видах чего принимаются работы по осушению Уломского болота, дабы увеличить количество удобной и производительной земли.

<...>

Литература и источники

Географические <...> сведения – Географические и статистические сведения // Памятная книжка Новгородской губернии на 1860 год. Издана при Новгородском губернском правлении. Новгород, 1860. С. 36–38.

Материалы, 1858 – Материалы для статистики // Памятная книжка Новгородской губернии на 1858 год. Отделение третье. [Новгород. 1858]. 760 с.

Материалы, 1863 – Материалы для статистики Новгородской губернии. Примечание 1 // Памятная книжка Новгородской губернии на 1863 год. Отдел II-й. Новгород, Издана губернским статистическим комитетом под ред. Н. Богословского. 1863. С. 49.

Материалы, 1880 – Материалы по исследованию, описанию и статистике Новгородской губернии. Промыслы населения губернии // Памятная книжка Новгородской губернии на 1880 год. Ч. II. Новгород, 1880. С. 81–82.

Материалы, 1888 – Материалы по исследованию кустарной промышленности в Новгородской губернии. [1888 год] // Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 98. Оп. 3. Д. 2397. Л. 1–11.

Материалы, 1892 – Материалы по исследованию кустарной промышленности в Новгородской губернии [1892 год] // ГАО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2399. Л. 5 об.–9.

Материалы, 1894 – Материалы, собранные по Новгородской губернии в 1894 году о кустарных промыслах // ГАО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2407. Л. 7–15 об.

Материалы, 1910 – Материалы по обследованию кустарных промыслов Новгородской губернии. 1910 год // ГАО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2430. Л. 16–106.

Обзор, 1909 – Обзор кустарных промыслов Новгородской губернии [1909 год] // ГАО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2426. Л. 13–27 об.

Описание, 1858 – Описание Новгородской губернии // Статистические труды И. Ф. Штукенберга. Статья IX. Санкт-Петербург, 1858. С. 11–12.

Русский – Русский Биографический Словарь. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rulex.ru/01250232.htm> (дата обращения 10.07.2013).

**«БУРГА – РОДНАЯ СЕСТРА ПЕТЕРБУРГА»:
ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ» А. Я. САДОВСКОГО**

В московском архиве обнаружена интересная рукопись без названия, но по содержанию становится понятно – она представляет «Воспоминания» выдающегося краеведа, председателя Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (далее – НГУАК) (1909–1918) и первого председателя Нижегородской археолого-этнографической комиссии (1921–1926), организатора архивной службы в Нижегородском крае в период становления советской власти А. Я. Садовского (1850–1927). Его по праву причисляют к «блестящей плеяде деятелей нижегородского краеведения» (*Берельковский, 2004. С. 194*). А его современник, с которым он находился в переписке почти 17 лет, выдающийся отечественный историк С. Ф. Платонов, говорил о нём как об одном «из самых серьезных, почтенных и симпатичных работников Поволжья» (*О Нижнем, 1999. С. 140*).

Воспоминания – новая страница научной деятельности А. Я. Садовского. Объемная рукопись с воспоминаниями и дневниковыми записями помещается на 276 листах, исписанных с обеих сторон, хранятся в архиве его сына – известного поэта Бориса Александровича Садовского.

Как свидетельствует А. Я. Садовский, писать дневник он начал «около двадцати лет назад», т. е. в 1891 г.; рукопись «провалялась» много лет. При этом автор замечает, что «память, конечно, ещё слабее и возможно, что-нибудь я перепутаю» (*Митрофанов, 2017а. С. 72–91*). Регулярные записи начинаются 5 февраля¹ 1910 г., которые логически продолжают найденные им некоторые старые материалы. Интересно, что следующая запись датируется 25 января и здесь автор вновь повторяет мысль о своем желании написать дневник. В тексте читаем: «25 января 1910 года. Давно я собирался писать сперва дневник, а потом воспоминания, да так и не собрался, впрочем, много лет назад что-то начал, где теперь это начало, не знаю, вероятно, где-нибудь в бумагах» (*Митрофанов, 2014. С. 29*).

---

¹ Месяц здесь указан неверно, нужно января, так как последующая запись датируется 25 января, тем более, что эта запись находится на одном листе с предыдущей записью, к тому же на Л. 55 дневника есть дата 5 февраля, она следует за текстом от 4 февраля.

На фоне исследовательского интереса к местной истории, это редкая удача для любого исследователя.

Содержание публикуемого значительного по объему отрывка «Воспоминаний» имеет завершённый характер, в нём повествуется о жизни в Бурге Новгородской губернии. Большая часть воспоминаний уже опубликована (Митрофанов, 2017б. С. 98–107; 2017 г. С. 157–183; 2016д. С. 163–192).

А. Я. Садовский учился в Петровской академии, но после первого курса перевёлся в Лесной институт. После его окончания находился в имении отца. После его отставки доходы семьи сократились, и А. Я. Садовский стал искать место для службы. 14 мая 1877 г. получил назначение на должность лесничего 2-го Крестецкого Лесничества в Новгородской губернии.

А. Я. Садовский в Бурге пробудет недолго, 8 месяцев. Период небольшой, но ему отведено значительное место в «Воспоминаниях». Сведения, содержащиеся в рукописи, разнообразны и представляют безусловный интерес для краеведов и исследователей истории Новгородской провинции. Нарисована панорама повседневной жизни лесного чиновника, который был заядлым путешественником и охотником. Он активно изучал окрестности, подмечал многие интересные факты, которые теперь забыты. Пожалуй, это единственный случай, когда ничем не примечательная Бурга и округа, с такой любовью запечатлена в воспоминаниях.

По содержанию рукописи определяется время написания этой части «Воспоминаний» – 1917 г. Автор указывает, что описывает события своей жизни через 40 лет. Заметим, что в это переломное время А. Я. Садовский активно работает над своей рукописью.

Во второй половине ноября 1877 г., А. Я. Садовский, приобретя первый самостоятельный опыт работы в Лесном ведомстве, переезжает в Нижний, где и получает новое назначение в Ветлужский уезд Калужской губернии, а 1879 г. он был переведен в Ардатов (Митрофанов, 2015е. С. 72–91).

Зачеркивания, имеющиеся в рукописи опущены без оговорки, сокращения раскрыты в квадратных скобках. Текст публикуется по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей источника.

СЛУЖБА В БУРГЕ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ: ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Поехал в Новгород. Представился своему начальству. Управляющий Государственными имуществами был там новый, Белопольский, тот самый, которому Чапский на приеме не нашелся сказать другого, кроме того, что у Белопольского на мундире звездочка статского советника нашита не так как надо. Белопольский был уже не молод, очень симпатичный и, безусловно, честный человек, принял меня очень хорошо, познакомил с семьей, держал себя совершенно просто, ничем не выказывая, что он начальник. Посоветовал мне после него представиться Губернскому лесничему и участковому Лесному Ревизору. Губернским лесничим был Соколовский¹, немец, как его обыкновенно звали ещё с Лесного корпуса в отличие от других Соколовских – русских. Вероятно, он был по происхождению поляк, вероятно мать его или бабушка была немка и привила детям не только немецкую культуру, но и немецкую веру. Он был лютеранин и женат на немке лютеранке, с которой наплодил множество детей, по преимуществу дочерей и очень некрасивых, вообще это было чисто немецкое семейство, говорившее по-русски с акцентом. Соколовский тоже принял меня хорошо. Лесной Ревизор моего участка Александр Романович Миркович был из гвардейских офицеров, по жене родственник Графа Муравьева², он получил место лесничего и потом ревизора. Знал он в лесном деле немного и им не занимался, а занимался адвокатурой, вел разные дела, давал в рост деньги и дисконтировал векселя. Казался весельчаком, любил рассказывать анекдоты, главным образом, скабрёзного содержания³. Он не пользовался уважением среди сослуживцев за свою коммерческую деятельность и к нему относились отрицательно, говорили, что он бессердечен, что ему ничего не значит погубить человека и т. п. Не знаю, насколько это правда, за краткостью службы в Новгородской губернии я не

---

¹ *Соколовский, Николай Егорович* (г. р. примерно 1830) проживал в Новгороде, поляк, дворянин, генерал, главный лесничий Новгородской губернии. Его жена – Соколовская (Вестберг) Мария Амбросиевна, новгородская немка.

² *Муравьев, Валериан Николаевич* (1811–1869) – государственный деятель, губернатор Псковской, Олонецкой губерний и вице-губернатор Ярославской губернии. Второй брак 1860 г. с Надеждой Федоровной Миркович (1839–1888).

³ Скабрёзный – неприличный, непристойный.

успел в этом разобраться. Скажу только, что ко мне он относился всегда очень хорошо и ничего дурного я от него не видел, напротив. Может быть потому, как потом уверяли некоторые, что он рассчитывал выдать за меня свою дебелую¹ племянницу, не знаю, но сомневаюсь, потому что он знал, что я уже имею невесту, я ему об этом потом рассказал и это нисколько не поколебало наших отношений. А ходатай по делам он был отличный. Я в этом убедился. У нас в Нижнем был жандармский офицер Дурнов, переведенный из Нижнего в Новгород незадолго до моего служения в Новгороде. Этот Дурнов в Нижнем производил обыски по политическому делу у моего знакомого Поддубенского и при обыске нашел компрометирующие бумаги, Поддубенскому грозила в лучшем случае высылка, но дело устроилось тем, что Поддубенский дал Дурнову взаймы несколько сот рублей, на которые Дурнов написал расписку. По расписке, конечно, денег не платил, да Поддубенский, тогда состоятельный человек, их и не требовал. Когда Дурнов уехал в Новгород, Поддубенский стал подумывать, как бы взыскать деньги. Узнав, что я назначен в Новгород, он просил меня – нельзя ли через кого-нибудь устроить взыскание. Как-то при разговоре с Мирковичем я рассказал эту историю. Миркович сразу ухватился и заявил, что эти деньги взыщет, пусть высылают доверенность. Я написал Поддубенскому, доверенность была выслана и Миркович, действительно, получил с Дурнова весь долг полностью. Миркович мне рассказывал, что Дурнов сперва его принял очень плохо, намекал на свою силу и т. п., но Миркович сумел устроить чем-то Дурнова, кажется же его настроил возможностью огласки при каких обстоятельствах произошел долг, так что Дурнов при последующих свиданиях, по словам Мирковича, чуть не подавал ему калоши.

Представившись всем этим начальникам и получивши предписание о приеме лесничества, которым заведовал Помощник лесничего кондуктор Василий Алексеевич Соколов, я отправился в лесничество.

Забыл сказать о Новгороде. Он произвел на меня не особенно хорошее впечатление, от него веяло запущенностью, разрушенностью какой-то и загаженностью, все старое, мало того, что разрушалось, но и загаживалось в буквальном смысле этого слова. Было в нем грустно и тяжело.

Квартира 2 Крестецкого лесничего находилась на станции Бурга Николаевской железной дороги², в доме бывшего лесничего, моего

---

¹ Дебелый – разг. тучный, полный, упитанный.

² Железнодорожная станция Бурга – одна из самых старых станций Новгородской области. В XVI в. упоминается погост Бурга.

предшественника Вермона. О судьбе Христофора Ивановича Вермона, разжалованного из лесничих 2 разряда в таксаторы¹ и отправленного на работы в Вятскую губернию, где он, вероятно, применял свои навыки при отводе казенных лесов в надел крестьян, я упоминал раньше.

Было как-то странно для меня, нигде раньше не служившего, когда явились представляться мой помощник Соколов в парадной форме, объездчики и лесник, живший около Бурги. Я чувствовал себя неловко и мне почему-то было как бы совестно, вообще я очень стеснялся этим церемониалом.

После представления подчиненных отправился с визитом к семье Вермона, остававшейся ещё некоторое и довольно долгое время в Бурге. Это было огромное семейство – 10 человек детей, из которых чуть не половина школьного возраста. Содержание такой семьи, конечно, требовало расходов, едва ли посильных для лесничего, живущего жалованьем, и, может быть, в этом была главная причина злоупотреблений Вермона. Сам Вермон, получивший образование в Лесной школе, вышедший из кондукторов, казался человеком малоинтеллигентным – типичным лесничим, его жена сравнительно молодая женщина, была неграмотная из ярославских, кажется крестьянок, простая и добрая, но глуповатая женщина.

Старшая дочь Шурочка, девица лет 16–17, окончившая курс в каком-то пансионе, была кумиром семьи и вертела матерью, как хотела. Довольно красивенькая, она была типичный образец провинциальной кокетки дурного тона. С претензиями на дому, она как-то особенно причесывала волосы, носила на себе множество золотых безвкусных, базарных вещиц и стреляла глазами в мужчин. Не избежал этого и я. С места в карьер она стала кокетничать и завлекать меня. К счастью я был застрахован, так как был уже женихом, да притом она была и не в моем вкусе. Потом, когда мы познакомились поближе, она везде старалась встречаться со мною, на прогулках и т. п., посылала записки, приглашала на прогулки, на свиданья, в конце концов, даже объяснилась мне в любви, но, увы, все было бесплодно, я твердил ей одно, что я жених, что у меня есть невеста. Долгое время спустя, обдумывая наши отношения, я пришел к заключению, что она, да, пожалуй, и мать её, ловили меня как выгодного жениха и только для этого оставались долго жить в Бурге, когда же выяснилось мое совершенно холодное отношение, они переехали на житье в Новгород.

В Бурге я был совершенно один. Обыватели её были мне не подходящи, более других подходил мой помощник Соколов, но это был, что называется,

---

¹ Таксатор – оценщик; преимущественно леса, по стоимости деревьев.

выжига 84-й пробы¹. Начав службу мелким писцом в канцелярии Управления Государственными Имуществами, он оттуда через несколько лет поступил в Лесное училище, по окончании которого служил в Олонецкой губернии, а потом определился в то же новгородское управление кондуктором. Канцелярскую часть он знал в совершенстве и вел у меня канцелярию, за что получал 20 р(уб.) в месяц. Сам я в канцелярском деле не понимал ничего и подписывал составленные им же месячные ведомости на авось, не понимая их, что меня страшно угнетало, а спросить его не решался из ложного стыда, что обнаружу свою незнание, а он сам, конечно, нарочно все затемнял, с каждым разом думал я добраться до сути, да за разными делами так и не додрался. Я думаю, что если бы я дальше там служил с Соколовым, то он упек бы меня под суд, т. е. подвел бы меня, так как сам он был не чист на руку.

Соколов, как я узнал потом, получил место лесничего, женился на дочери какого-то содержателя кафе-шантана² в Петербурге, взял хорошее приданое и умер богатым человеком.

Был там начальник железнодорожной станции Николай Иванович, фамилию забыл, выслужившийся из мелких чинов человек совершенно неинтеллектуальный, не развитый и притом страшный враль, общего с ним не было ничего. Далее шли лавочники из деревенских кулаков, с которыми я не имел никаких отношений и железнодорожный мастер-механик или скорее слесарь, поляк с трясущимися головой и руками, он рассказывал, что трясение головы он получил после того, как золотил главы на Исакиевском соборе, (а м. б. Христа Спасителя?), золотили посредством амальгамы и ртуть оказала свое действие.

Вот и все местное общество, конечно, я ни у кого не бывал и ни с кем не сошелся. В часы прихода пассажирских дневных поездов всё это общество, причем девицы в опротивевших малороссийских костюмах ходили гулять на станцию. Ходил я, если был дома, так что единственное развлечение, особенно приятное, потому что иногда на поезде встретишь какого-нибудь знакомого и в остановку (5 минут) с ним поговоришь. Так я встречал не раз своих товарищей-лесников, своих нижегородских знакомых и т. д. Один раз, возвращаясь с такой прогулки, я попал было под маневрирующий паровоз, случайно взглянул, а он в нескольких шагах от меня, едва успел отпрыгнуть в сторону, а то был бы раздавлен. Долго потом мерещился мне этот идущий на меня паровоз и меня

---

¹ 84 пробы было серебро.

² Кафешантан – то же, что кабаре; увеселительное заведение с эстрадой, на которой выступали шансонетки.

прошибал холодный пот. И сейчас, когда пишу это, через 40 лет, передо мною опять вставала прежняя картина, и мороз прошел по спине.

При мне не было несчастных случаев на железной дороге, но очень незадолго они были. Врезался в память рассказ об исправнике, которому отрезало обе ноги; садясь на поезд, он поскользнулся и ногами попал под колеса, когда его вытащили, он был ещё жив и все время до смерти, которая случилась вскоре, ругался матерными словами. Отцепщик вагонов, который попал между буфером, так его придавившим, что у него через рот вышло все содержимое желудка, а он только что пообедал, лезла гречневая каша и т. п. О задавленном старике, задавили которого из-за шутки кочегара (или помощника машиниста) с дорожным сторожем.

Кочегар не выносил, когда его называли козлом и бросался на обидчика с кулаками. Сторож, считая себя недосягаемым, начал издали кричать «Козел, козел!» и подавать ему клочки травы. Кочегар за это ругательски его ругал, а сделать ничего не мог. Когда они переругивались, какой-то старик переходил путь и попал под паровоз.

Мой дом, за который я платил, кажется, 15 или 20 р(уб.) в месяц, был в нескольких десятках сажень от станции. Он был ещё новенький, в нем 5 комнат, довольно порядочных и кухня, при доме небольшой участок под цветником, огородом и картофельником, обрытый канавами; невдалеке лужок и протекала речка Бурга, давшая название станции. Меблировки никакой не было; канцелярские принадлежности, т. е. стол шкафы и пр(очее) я купил у Вермона, у него же купил для себя прекрасный письменный стол красного дерева, кровать и на время мне дали несколько стульев и столов. Приходилось подумывать о покупке мебели. Надо бы было истратиться и купить какую-нибудь, но я, считая, что я тут буду жить долго, если не всегда, решил выписать свою куриловскую¹, старинную прекрасную мебель красного дерева, которую вскоре пришлось там же и продать. Отец выслал мне, хорошо ещё не все, что я просил, по железной дороге она пришла с опозданием месяца на три-четыре, а ещё месяца через 3–4 пришлось и мне самому уехать из Бурги. При отъезде мой помощник Соколов выпросил у меня разрешение предъявить иск к железной дороге за не привезение груза вовремя и, как я потом узнал, взыскал в свою пользу провозную таксу – рублей 45 и ещё какой штраф за опоздание. Помог ему в этом и начальник станции, вероятно, они друг с другом поделились.

---

¹ Курилово – имение в 426 десятин в Нижегородском уезде, купленное в 1874 г. и позже подаренное А. Я. Садовскому отцом.

Станция Бурга была построена при проведении Николаевской дороги на пустом болотистом месте, верстах в двух от большой деревни Луки Федорковой, близ речки Бурги, от которой и получила свое название. Место было сырое безотрадное, каменистое, каких я раньше нигде не видел, да таких и нет в Нижегородской и Симбирской губерниях. Когда я первый раз увидел примыкавшее к Бургинской земле засеянное яровое поле федорковских крестьян, то только подивился чрезвычайному обилию мелкого камня на загонах и крупного на межах, и подумал, да может ли что уродиться на этом сплошном камне, и, кажется, разочаровался, когда увидел тоже поле в июне – был прекрасный урожай, прекрасные высокие яровые.

Мало-мальски устроившись, стал подумывать об охоте. Был у меня объездчик Андреев, охотник. С Андреевым я ездил и ходил на тетеревиные тока, недалеко от Бурги, за рябчиками на манок¹ и т. д., но дичи было мало, убить почти что ничего не удавалось. Близость Петербурга сказывалась. Петербург пожирал все: ни дичи, ни рыбы, ни телятины нельзя было достать ни за какие деньги.

Да и леса около Бурги были какие-то чахлые, истощенные, с огромными моховыми болотами по несколько сот десятин. Были местности, в которых, как глаз охватывал, видишь только одно красноватое клюквенное болото, на котором, как оазисы, виднеются небольшие участки (десятин в 3–5 и больше) хорошего крупного леса.

И не только весной, но и летом, и осенью не удавалась охота, по-видимому, вся дичь выбита, все пусто. Единственно, что было это медведи, медведей было много. Может быть способствовал этому существовавший закон, ч(то)б(ы) лесничие и полиция объявляли егермейстерский конторе о каждом медведе, обложенном на расстоянии 30 верст от линии железной дороги, и не позволяли стрелять их.

Егермейстерская контора присылала своего егеря, егерь проверял оклад и жил в деревне по близости, наблюдая за берлогою и затем, ч(то)б(ы) никто не смел охотиться по близости её. Затем доносили царю, и царь или сам приезжал на охоту, или дарил берлогу кому-либо: Великому князю, иностранному принцу, посланнику или какой другой знатной особе. Конечно, выбирались только крупные медведи. В этом году по случаю турецкой войны царских охот не было, да и вообще я тогда в начале службы и не знал хорошо этого закона и даже сам охотился за медведем.

---

¹ Приспособление для зова птицы.

Между прочим, существовал рассказ о том, как Александр II-й убил на медвежьей охоте своего придворного (кажется егермейстера) Скарятин, принявшего его за медведя, причем передавали об этом как о несомненном факте¹ и связывали его с милостями Александра II-го, оказываемыми брату убитого, Казанскому губернатору и страшному самодуру Скарятину².

Охота, на которой был убит Скарятин, происходило в моем лесничестве, в какой даче, теперь забыл, незадолго до моего назначения, а окладчиком был мой объездчик Глазов, который подробно лишь рассказывал, что как только он обложил медведя и донес лесничему, а тот в Петербург, после вскоре приехал царский егерь и жил у них в деревне, проверяя берлогу чуть ли не каждый день с целью убедиться, тут ли медведь, не спугнул ли его кто или не сошел ли он сам. Когда Государь приехал, Глазов, как первый окладчик, и егерь должны были указать берлогу. На Глазова поверх полушубка надели красную рубаху. Шел он впереди Государя и когда дошли до берлоги и выгнали медведя, Государь выстрелил и убил его, в это время раздался ещё выстрел, которым был убит Скарятин. В суматохе трудно было проследить, кто и откуда выстрелил. Государь был крайне огорчен и приказал расследовать дело.

После отъезда Государя и свиты Глазов, как он выразился «для себя», он был ещё первый раз на царской охоте, остался на месте происшествия и сделал записи и надписи на тех деревьях, у которых стоял Государь и лица свиты, а также и у того дерева, у которого был убит Скарятин.

Спустя некоторое время из Петербурга приехала какая-то следственная комиссия, подробно осматривала место и расспрашивала Глазова, похваливши его за сделанные надписи, за которые он было испугался.

---

¹ Про этот случай имеются официальные сведения. 29 декабря 1870 г. во время охоты в 24 верстах от станции начальником Императорских охот, графом П. К. Ферзеном был убит егермейстер В. Я. Скарятин. Дело было так. Когда егерь, обращаясь к графу, крикнул: «Ваше Сиятельство, стреляйте, вон медведь!», Ферзен по старости лет засуетился, поспешно взял от егеря ружья и ещё не приподнявши его на высоту прицеливания, другой рукой зацепил за курок. Ружье дало выстрел, который оказался роковым для Скарятин.

Воспоследовало тщательнейшее расследование. На донесении комиссии, опубликованном в Правительственном вестнике 27 января 1871 г., Александр II наложил резолюцию: «Усматривая из дел, смерть егермейстера Скарятин произошла от случайного выстрела графа Ферзена, и, признавая последнего виновным в позднем сознании, Я, во внимание к его более пятидесятилетней службе, вменяю ему в наказание настоящее увольнение от службы. Засим считать дело конченным» (Михайлов).

² Скарятин, Николай Яковлевич (1823–1894) – казанский губернатор (1866–1880).

Потом, вероятно, когда упорно распространился слух, что Скарятин убит Государем, комиссия выезжала ещё раз на место и Глазов снова все рассказывал и показывал; тщательно искали пулю, которой был убит Скарятин на вылет, и с этой целью спиливали деревья на пути предполагаемого выстрела, ища в них засевшие пули, но нашли ли ее, Глазов не знал.

Глазов мне рассказывал, что Государь тут ни при чем, что выстрел произведен другим. Убийцею был Ферзен¹, сводивший с Скарятиним личные счеты. Когда Государь убил медведя, Скарятин продвинулся к медведю и был убит, по обстановке можно подумать, что продвинувшего Скарятина, сделавшего это, кстати сказать, противно охотничьим правилам, приняли за медведя и нечаянно убили. Что убил Ферзен, видел егерь, но из-за денег Ферзена молчал, а потом уже сознался.

Глазов за свой оклад получил награду 25 или 50 рублей, сумму для того времени немалую.

Вообще-то Государь и принцы редко охотились во 2 Крестецком лесничестве, где не было удобной остановки, они более охотились в Вишерском лесничестве, останавливаясь в прекрасном Вишерском вокзале. Малая Вишера, т. е. станция железной дороги, была выстроена в казенном лесу. Так как эта станция большая, то около неё образовался целый городок, жители которого жили на казенной земле и платили казне аренду. Маловишерцы были народ не промах, они воспользовались приездами Государя на охоту и, узнавая о расположении духа Государя, являлись и выпрашивали себе разные милости. После одной охоты они выпросили себе право на посад, а после другой прирезку к посаду огромной площади казенной земли.

Однажды в августе месяце является ко мне Андреев и говорит, что около одной деревни, недалеко от Бурги появился медведь, ходит на овсы, не устроить ли на него охоту. Я согласился. Андреев осмотрел местность, это была пахотная поляна в лесу – «нива», засеянная овсом, медведь повадился на нее и каждую ночь жрет овес. Выбравши дерево поближе к последнему поселению медведя, он устроил на нем полати, т. е. полость из жердей, на которых должен сидеть охотник и ждать прихода медведя. В тот же день к вечеру я поехал вместе с Андреевым. Действительно, овес был страшно помят и в последний раз около дерева с полатами. Вечером мы залезли с ним на полати и стали ждать медведя. Сидеть надо было тихо, нельзя ни разговаривать, ни курить. Прошло довольно много времени, все было тихо, не слышно было ни звука, я

---

¹ *Ферзен, Павел Карлович* (1800–1884) – граф, обер-егермейстер двора, начальник Императорской охоты при Александре II.

думал, что когда пойдет к овсу такая громадина, то непременно в смежном болотистом лесу услышится шлепанье его ног по воде. Оказалось, я ошибался. Стало уже темновато, ничего не слышно, я уже подумывал об окончании охоты, т. е. сиденья. Вдруг из деревни, которая была от нивы в какой-нибудь сотне сажень, кто-то поехал на лошади, недалеко от нивы были воротцы, он слез отворять их, но лошадь что-то заартачилась, мужик закричал на нее и тотчас же после крика мужика недалеко от нашего дерева раздалось шлепанье по воде. Очевидно, медведь тихомолком подошел к ниве, несколько сажень и он был на ней, но услышал окрик мужика и убежал по болоту. Шлепанье, такое грузное шлепанье раздавалось долго. Мы только посмотрели друг на друга. Андреев сказал – должно быть больше не придет, а все-таки лучше подождать. – Ну, подождать, так подождать. Сидим, опять все тихо. Сидим порядочно, стало уже темно. И опять та же история. Должно быть тот же мужик, возвращаясь назад, закричал опять у тех же воротец на лошадь. И опять из-под дерева грузное шлепанье по болоту назад. Значит, после первого раза медведь вернулся на старое место, но опять-таки до нивы не успел добраться. После этого и так как стало темно, и мы слезли с полатей и поехали домой.

Второй раз я видел следы медведя в одной далекой даче. Он ел молодой осинник и напугал рабочих казенного землемера, работавшего в даче. Как раз тотчас после этого я попал к рабочим и видел следы медведя и испуг рабочих. Было это весной, вероятно, в мае.

В августе сторожа захватили браконьера, убившего медведя. Я на своем веку много раз бывал на медвежьих охотах и сам убивал медведей, но такого ещё не видывал. Медведь был облит салом и внутренним, и наружным. На спине было сала вершка на три, мяса нигде не было видно. Когда его освежевали и вымыли в речке, он был белый и издали походил на человека. Из этого медведя у меня были чудеснейшие окорока, никогда потом не было таких: сочные, жирные, словом, одна прелесть!

Конечно, пришлось обзаводиться хозяйством: завести кухарку, купить горшки, кастрюли и проч(ее). Все это завёл, но все кухарки страшно меня обворовывали, в 9 месяцев пришлось переменить 3-х, одна другой хуже, а по воровству наглее, последняя раскрала у меня множество белья. С воровством кухарки стол мне обходился около 70 руб. в месяц. Это при тогдашней дешевизне! Между прочим, белье мне стирал железнодорожный жандарм! Подходящее занятие для жандарма. Одна из кухарок пробовала и обворовать меня. Я уезжал куда-то в лес и хотел вернуться на другой день, но передумал и вернулся ночью, около 1–2 ч(ас.), издали заметил в комнате огонек, но не

придал значения. Когда стал стучать в дверь, огонька уже не было. Мне отворил сторож и кухарка. Вхожу в кабинет, хочу отворить письменный стол, тот ящик, в котором хранил деньги, ч(то)б(ы) положить туда кошелек, а замок не открывается и вокруг стола закапано стеарином. Призываю кухарку и сторожа – у обоих на лицах изумление и, конечно, ответ – никто ничего не знает. На другой день зову слесаря, который с большим трудом отмычками отпер замок. Слесарь объяснил, что замок кто-то хотел отпереть поддельным ключом, но не смог, п(отому) ч(то) замок очень хороший. К счастью, деньги мои и казенных несколько сот рублей оказались в целости. Стал разыскивать и в канцелярском шкафу нашел ключ, который подходил к моему замку, но подходил не совсем, он отпирал на первый оборот, а на второй не мог, причем после отпирания им (на первый оборот) нельзя было отпираться и настоящим ключом. То есть было все то, что предполагал слесарь. Так как сторож спал в чулане в сенях, а кухарка в кухне, сообщающейся с комнатами, то очевидно, что покушение на воровство было дело рук кухарки.

Хотя лесничество мое и было в Крестецком уезде, но с г. Крестцами не имело ничего общего. Крестцы были от него очень далеко, а Новгород вследствие удобства сообщения был ближе. Поэтому жалованье я получал в Новгородском Казначействе и для получения его должен был ездить в Новгород. Ездили туда по Николаевской дороге до ст. Чудово, а от Чудова или по Волхову на пароходе или по узкоколейной железной дороге до Новгорода. Вся поездка отнимала несколько часов, утром выедешь, а в середине дня уже в Новгороде.

Конечно, я предпочитал поездку на пароходе. В хорошую летнюю погоду это одна прелесть. Красивые берега, красивые воды, глаза не отрываются от них. Пароходики против наших волжских маленькие, но в I классе очень чистенькие. Удивительная дешевизна и отличная провизия в буфете. Я всегда заказывал уху из налимов, в которой всегда было почему-то огромное количество вкусных налимовых печенок, как будто бы эти печенки были вынуты ещё из других налимов и стоило это удовольствие копеек 50 большая порция; впрочем, тогда и на волжских пароходах была поразительная дешевизна кушаний.

По узкоколейной железной дороге ездил всего два раза. Очень маленькие вагоны, узкие, чем-то напоминающие старинные дормезы¹, тащились тихо, едва ли более 15 верст в час, простая публика на ходу спрыгивала с поезда в своей

---

¹ Дормез – старинная большая дорожная карета для длительного путешествия, устройство которой позволяло расположиться спать лёжа в пути.

деревне. Простота отношений удивительная. Один раз я ехал со своим сослуживцем, Вишерским лесничим Келлером и другим лесничим, оба картежника, захотелось им сыграть в стуколку. Когда подъехали к этой станции, закричали начальнику – садитесь к нам, сыграем. Тот сначала отнекивался, нельзя же, скоро пойдет поезд, надо встречать и т. п., но все-таки быстро согласился и в вагоне тотчас же началась игра в стуколку с гольцем. И проиграли до самого Чудова.

В Новгороде в этом году был съезд лесничих, не помню по какому поводу, и я перезнакомился с большинством лесничих. Лесничие были все на ряд старше меня, я был самый молодой и очень много было из кондукторов, производили вообще впечатление неважное.

В Новгороде лесничие жили так, как в других городах жилали инженеры. Занимали лучшие №№ в гостиницах, кутили, пили шампанское и т. п., конечно, было это не от жалованья; жалованье, хотя было в то время порядочное (я получил со всеми доплатами около 150 р(уб.) в м(е)с(я)ц.), но на него не раскутишься и не будешь часто пить «медводку» – портер¹ пополам с шампанским – любимый напиток наших лесничих. Но что не делает товарищество – и я тоже поддерживал компанию и уезжал к себе в Бургу, оставивши порядочную часть жалованья в Новгородских гостиницах.

В самом Новгороде жили двое лесничих: Вишерский лесничий Келлер и Новгородский (а может быть Старорусский) Корвин-Круковский². Келлер был мой сосед и его лесничество было рядом с моим, около ст. Малой Вишеры, где бы по всем данным и следовало служить, а не в Новгороде. Келлер имел в Новгороде свой порядочный дом, в нижнем этаже которого жил сам, а два верхних сдавал в найм. Келлер был из межевой роты Лесного Корпуса, вероятно, он был топографом или землемером, а потом дослужился до лесничего. Он был уже старый, седой, лет под 50. Такого же возраста был и Корвин-Круковский, помнится Осип Иванович, Круковский был поляк, католик. Про него говорили, что он был богатый помещик в западном краю. Продавши имение за 80 тысяч, он открыл фабрику несгораемых шкафов и сундуков и на них прогорел, разорился, в воспоминанье в его кабинете стоял собственный несгораемый шкаф. Оба старика любили играть в преферанс.

---

¹ Портер – вид пива.

² *Корвин-Круковский, Иосиф Иванович (?–1887)* – основатель и руководитель первого в России Новгородского общества пчеловодства (возникло в 1879). Корвин-Круковский был постоянным сотрудником «Трудов» Вольного общества, в которых по инициативе Бутлерова был открыт отдел для опубликования статей по вопросам пчеловодства.

Говорили, что Круковский прежде играл по большой, был партнером Валуеву¹, Министру Государственных Имуществ и когда разорился, Валуев устроил его в лесничество. Я как-то каждый приезд попадал к ним и регулярно проигрывал 5–10 рублей. После, перед отъездом из Новгорода, я узнал, что старики, как и вообще новгородские лесничие, были не безгрешны. Круковский был пчеловод, изобрел даже какой-то улей и был известен в пчеловодном мире. Пчеловодство давало ему доход. Он каждому сторожу, а их было около сотни, ставил по улью и более и настаивал, ч(то)б(ы) сторожа занимались пчеловодством. В результате его ульи, которых у сообразительных сторожей было по нескольку, давали ему порядочный доход. Потом при продаже леса и лесосек брались порядочные залоги в обеспечение очистки лесосек от лесного хлама и в обеспечения исправного выполнения условий контракта о рубке леса. Это около 20% к покупной сумме, если не больше. Все эти залоги оставлялись у лесника и шли в их карман, ни один лесопромышленник обратно их не получал, да едва ли и пробовал получать, иначе бы второй раз не купил, потому что при условиях казенного контракта лесничий всегда может разорить лесопромышленника разными придирками, штрафами и т. п., а сам остаться чистым, блюдящим казенный интерес, не более. Эти злоупотребления залогами были не в одной Новгородской губернии, я их застал и в казенных лесничествах Нижегородской губернии в 1890-х годах и даже в 1900-х. Вероятно, были и другие поблажки и злоупотребления. Как-то случайно мне пришлось ехать с Келлером из Новгорода в его лесничество, и он предложил мне заехать на перепутье к его знакомому. Знакомый оказался его лесопромышленником, весьма крупным. Он был из крещеных жидов и производил неприятное впечатление, фамилию теперь уже забыл. Накормивши нас прекрасным ужином, предложил сыграть в стуколку. Сели играть и лесопромышленник намеренно проигрывал Келлеру, это было очень заметно, и, проигравши рублей 100, остановился. Рассказывали о взятках при приеме заготовленного леса с учетом по количеству при совершении продажи, даже о злоупотреблениях с гербовыми марками – вместо новых прикладывали старые. Всего не вспомнишь и не перечесть. Скажу только, что на новгородских торгах я познакомился с молодым лесопромышленником, бывшим гвардейским офицером, фамилию забыл. Он мне рассказывал, что в Новгородской губернии ещё отлично, но что в Петербургской ужас, идет повальная сводка казенного леса, и сами все воры,

---

¹ Валуев, Пётр Александрович (1815–1890) – русский государственный деятель, граф (1880), курляндский губернатор (1853–1858), министр внутренних дел (1861–1868), разработчик земской реформы 1864 г., председатель Комитета министров (с 1879).

начиная с Управляющего Госуд(арственными) Имуш(ествами) и кончая последним сторожем. У нас Управляющий был, безусловно, честный человек, губернский лесничий тоже, да и некоторые ревизоры, напр(имер), Миткевич, по-видимому, ничем не пользовались. И не мудрено, что казенный лес продавался за гроши, что во многих лесничествах были убытки, в других доход исчислялся в несколько копеек с десятины: надо было дать лесничему, его помощнику, объездчику, сторожу, а где и высшее начальство затронуто, там надо давать еще.

Припоминается история в Вологодской губернии, случившаяся в 1890-х годах. Какой-то ревизор, объезжая по лесничеству под вечер, заметил громадную заготовку бревен в не таком месте, где заготовок быть не полагается. На другой день он поехал на нее, но не нашел. Оказалось, штабель за ночь был сожжен и место закидано снегами, но ревизор, честный человек, догадался в чем дело. Он уехал и вскоре опять приехал, взяв с собою помощников, оказалось страшное злоупотребление: пускали в казенные леса кого угодно, причем брали с дуги по несколько рублей и руби что хочешь. И так продолжалось не один год. Лесничий, у которого это обнаружено, застрелился.

Мой помощник Соколов раньше был кондуктором в Олонецкой губернии. Там леса были сданы для рубки английской компании и русским, торговавшим с границей, Русанову¹ и др. Все они и компания, и крупные русские фирмы платили лесничему, помощнику и страже особое жалованье от себя, превышавшее казенное, и, кроме того, ежемесячно посылали бочонки с английскими напитками – ромом, портвейном и пр. Можно ли было ожидать от таких лесничих соблюдения казенного интереса. Хорошо, что это все-таки было обнаружено и во второй половине 1870 годов, виновные понесли наказание; мало того, были сменены все чины и не замешанные в этом деле.

Бедный Белопольский за свою честность впоследствии пострадал. Он из Новгорода перешел в Рязань. Надо было какому-то сильному мира или купить и казенную дачу, или продать казне свою, теперь уже забыл, но, конечно, если

---

¹ *Русанов, Николай Иванович* (1820–1882) – С.-Петербургский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин; происходил из бывших государственных крестьян Архангельской губернии, Онежского уезда, Пабережского прихода. В 1855 г. малограмотный лесопромышленник Русанов представил Министру Государственных Имуществ графу П. Д. Киселеву проект замены казенного способа доставки лесов для кораблестроения путем подрядным чрез частных поставщиков. Проект был принят и Русанов стал одним из крупных контрагентов по снабжению флота лесными материалами. В 1861 г. он устроил первый в России паровой лесопильный завод, близ Петербурга, при впадении р. Утки в Неву.

купить, то за бесценок, а продать, то по баснословной цене. По закону требуется для утверждения оценки согласие Управляющего. Как ни запутывали, ни застрашивали и не искушали Белопольского, он стоял на своем – сделка для казны невыгодна. В сделке был замешан тоже лесничий, Недвицкий (кажется), был он или губ(ернским) лесничим, или посланным из Петербурга. Недвицкий, конечно, употреблял всякие усилия склонить Белопольского, в результате произошла схватка на словах, а потом Недвицкий ударил Белопольского, случилось это чуть ли не в клубе. Было дело, на котором выяснилась подкладка его. Все-таки Белопольский вынужден был выйти в отставку. Все рязанское общество приняло сторону Белопольского и Белопольский, оставшийся с большой семьей, был избран вскоре в Мировые судьи и, вероятно, единогласно, так как едва ли он имел недвижимость. Вот как поступали в то время с честными людьми в казенном ведомстве.

Конечно, мне захотелось подробно познакомиться со своим лесничеством. Я забыл теперь, сколько десятков тысяч десятин в нем было, помнится около 70 000. Расположено оно было по преимуществу в Крестецком уезде, но некоторые дачи были в Валдайском и Тихвинском уездах. Дохода оно никакого не давало, а только один расход, так как леса лесосеками не продавалось, а выборочная продажа мертвого леса на бумаге была ничтожная.

Как назывались дачи, я теперь не помню, вспомнились Боровская, Заозерская, Плосковская, Морозовичи, Кленинская, кажется Шеллуховская, дальше позабыл. Почему не было у меня рубки лесосеками, не знаю. Вероятно, по случаю пожаров, но так как населению нужен был лес и казенным крестьянам сподручно взять его только из казенного леса, то, конечно, они рубили казенный лес самовольно, и, покупая немного мертвого леса, рубили его много, прихватывая и свежий лес; здесь была обоюдная выгода: мужикам обходился лес по недорогой цене, и кондуктора, объездчики и стража имели хороший доход.

Помимо леса в лесничестве были оброчные статьи – пахотные земли и сенокосные поляны. Они делились на так называемые устроенные оброчные статьи, которые сдавались на продолжительный срок и которых было очень немного (3–4), и на лесные поляны, последние сдавались погодно с торгов. На торгах, конечно, были стычки, особенно удобные, потому что снимали покосы на общество, а общество с обществами обычно не спорили, да кроме того на торгах все они не разбирались, а большая часть оставалась в хозяйственном заведывании, сдавалась после торгов по соглашению. Вермоны держали коров

и нуждались в сене и потому придумали такую штуку. Был хороший покос «Мужичья нива». Они его на торги не пускали, а после торгов сдавали на имя своей няньки, за 3 рубля и пользовались сеном, мужики это знали и молчали, в действительности этот покос стоил рублей пятьдесят. Может быть и на других каких покосах были такие же штуки, я не знаю, но с Мужичьей ниве знаю наверное.

Был у лесничего и надел. Вермон отвел себе надел, на котором, правда были луга, но было много и хорошего леса, леса при общей площади надела в 30 десятин, представлял известную ценность; вероятно, лесной ревизор или не смотрел покос лесничего, или посмотрел только часть – луговую, но на деле был утвержден, после утверждения Вермон продал на нём леса и получил кругленькую сумму. Когда я увидел свой надел, то он представлял собою захлавленную вырубку и небольшую часть каких-то болотистых покосов, я им так и не воспользовался.

У Вермона был приятель немец или латыш Беккер, живший на ст. Веребье. Беккер купил у Вермона кубов 30 горелого леса в Боровской даче. Соколов должен бы сам принять вырубку, но каким-то хитрым образом уговорил меня. Я поехал в Боровскую дачу, я был совершенно неопытным и ничего не понимал. Только потом, когда я уяснил себе в лесном деле всё и вся, я понял, что меня обошли: было заготовлено не 30, а может быть 130 куб(ометр)ов. Я подмахнул акт приемки, хорошо, что ревизор не поинтересовался, не съездил на место, а то пришлось бы плохо. Впрочем, ревизор А. Р. Миркович, выезжая на ревизию ко мне, на самом деле был у меня несколько часов до поезда, редко ночевал, и с поездом уезжал по своим делам в Петербург, а из Петербурга уезжал уже в Новгород, как будто бы с ревизией, не помню, ч(то)б(ы) я ездил с ним по лесничеству. Вообще, вследствие близости к Петербургу, все чины, выезжая по делам службы, нередко вместо службы уезжали в Петербург, переодеваясь для этого в статское платье. И сам я неоднократно уезжал в Петербург на день-два повидаться с приятелями, от Бурги до Петербурга было только 160 верст, если не меньше, и доезжаешь скоро, а особенно из Петербурга на курьерском, из Бурги на курьерском нельзя, так как в Бурге он не останавливался, а из Петербурга можно, на минуту или меньше поезд останавливали, ч(то)б(ы) дать слезть с него.

Был где-то около казенной дачи стеклянный завод. Завод скупал какой-то лес в казне и в обеспечении очистки у него оставалось за Казною более 100 руб. Вырубка была не очищена, и я её не принял, следовательно, залог надо было обратиться в Казну. В то время я очень интересовался аквариумами и хотел

завести хороший аквариум. Подумал, что на заводе мне сделают хорошие стекла или выльют большую чашу для аквариума. Послал туда объездчика, дав ему размеры стекол. Объездчик приехал назад и объяснил, что завод согласился сделать мой заказ только в том случае, если я приму вырубку, и сделает все даром, без денег. Разумеется, я от этого отказался.

Казна давала ещё небольшую сумму, рублей 50–100 в год, на прочистку просеков, возобновление границ. Это было дело кондуктора, и он эти деньги получал целиком себе. Он производил все эти работы бесплатно стражею, но отбивал фиктивные расписки, предоставлял их лесничему, лесничий удостоверял правильность произведенных работ и дело кончено. Я тоже удостоверил работу Соколова по прочистке огромного числа верст просеков, на которых я не был, да и физически быть не мог. В Бургу, которую местные остряки называли «Бурга – родная сестра Петербурга», я приехал во второй половине апреля 1877 г. Как только немного просохло, я отправился по лесничеству. Мне хотелось объехать и посмотреть все дачи. Пришлось это сделать не сразу, а в несколько приемов, ибо дачи были расположены в разных местах. Дороги везде ужасные, я раньше не мог предполагать даже, что есть такие дороги – сплошное болото и камень. В главный объезд я поехал сперва на паре лошадей местного Бургинского «поставщика», так там называли содержателя земской станции. Лошади и тарантас были довольно порядочные, а также и дорога, пока ехал по земляной дороге, более или менее ремонтировавшейся. Меня удивило, что на дороге, в некоторых местах, валялись жерди, палки, причем ямщики старательно объезжали эти места. Спрашиваю, что это такое. Отвечают «пучина», если в нее попадешь, то лошади и экипаж загрязнут, утонут в пучине. По-видимому, это какие-то скрытые родники, которые весною пробивают себе дорогу и образуют эти пучины, если лошади или экипаж попадут в них, то посредством жердей и палок их вытаскивают из пучины. К счастью, мы ни разу не попали в пучины, м(ожет) б(ыть) потому что ехали по этим местам (полевым, не лесным) днём. В лесах, в болотах, тоже много пучин, или по-нашему нижегородскому – окон (в полевых же местах и на дорогах у нас таких мест я никогда не встречал), и беда, если кто попадет в них, одному не выбраться. Я приобрел там череп оленя с ветвистыми рогами, олень попал в пучину, его затянуло, он не мог выбраться, но рогами зацепился за что-то и рога с черепом остались наверху, сторож нашел их, осторожно достал и отдал их мне.

Проехавши верст 30 на лошадях поставщика, я должен был их оставить, мне заявили, что на паре в тарантасе больше проехать нельзя. Пришлось ехать

на особом экипаже – ящике, укрепленном посредством деревянных жердей на оглоблях передка как бы на весу и потому пружинили, так это получалось впечатление, будто едешь на рессорном экипаже, разница в том, что вследствие неустойчивости жердей, надо было держать ухо востро, в случае наезда колеса на камень или пень из этого экипажа можно легко выскочить. Поэтому при поездке на нем нельзя смотреть по сторонам.

Проехавши на этой штуке верст 40 или 50 и посмотревши некоторые дачи, доехал до места, где нельзя было ехать ни в каком экипаже. Пришлось ехать верхом. Не помню, какая дача, но была она настолько камениста, что напомнила мостовую в городе. Верхом путался по даче дня два и, наконец, попал в село на берегу р. Мсты. Прекраснейшая, необыкновенно быстрая река. Здесь, чтобы переехать в следующие дачи, надо было спуститься в лодке по Мсте. Вместо земских лошадей здесь подают лодки и за те же прогоны я проехал по той же причине станций две или три, попутно заезжая в казенные леса. Здесь во Мсту впадало вытекавшая из казенной дачи речка, в которой водились форели, нарочно сюда заезжал, но поймать и даже видеть форели не удалось. Спускался по Мсте на длинном узком, выдолбленном из дерева из дерева «челне». Я и объездчик сидели, а лодочник стоял и управлял кормовым веслом, течение необыкновенно сильное и мы ехали очень быстро, по подобию больших рек, ч(то)б(ы) объезжать камни, нередко огромные и только что покрытые водою, если наехать на такой камень, то лодка опрокинется и даже у ней может быть пробито дно. Показывали один камень, называемый «золотой», будто бы потому, что об него так много разбивалось лодок с товарами, что если сосчитать стоимость погибших товаров, то можно бы сделать такой же золотой камень. Челн-лодка необыкновенно валкая и при малейшем движении пассажира накренивается, поэтому сидеть в ней надо быть смиренно и это составляет большое неудобство. По берегу Мсты, как правда и по другим рекам, множество курганов различной величины, обыкновенно покрытых лесом, но иногда распаханных. Здесь они называются «сопками», «литовскими могилами» и про некоторые рассказывали разные легенды, которые теперь забыл, касались они, главным образом, содержимого курганов и охранявших их злых духов. В последствие я разрыл один курган на пашне, но кроме костей и каких-то бус самого плохого изделия ничего не добыл. Кости я привез в Бургу, слышал, что после меня жене моего наместника представлялись какие-то видения, кто-то ходил по комнатам, она отнесла это к костям и велела отнести их и зарыть в то место, из которого они вырыты, после чего видения якобы прекратились.

После путешествия по Мсте (верст около 50) приехал в большое село, в котором жили объездчики, фамилии объездчика, название села и дачи не помню. Село было, по-видимому, очень зажиточное, помню только, что недалеко от этого села были по берегу Мсты, друг против друга два селения: Парни и Девка или Девкино¹, да чуть ли и объездчик не жил в этом селении. Между прочим, тут все занимались рыбной ловлей – ловили весной рыбу, особенно много сигов, и от продажи рыбы выручали большие деньги, по несколько сот рублей на дом, как мне рассказывали. Был чудный весенний вечер, на Мсте, здесь сравнительно широкой, плавали в лодках рыбаки. Заинтересовавшись способом ловли, я попросил объездчика показать его. Тот, конечно, с радостью согласился. Сели в две лодки, лодки шли параллельно, между лодками протянут был так называемый «охан», довольно редкая сеть, к одному концу охана привязывалась тонкая бечевка, конец которой рыбак держал в зубах. Если в оханную сеть попадалась рыба, то она, конечно, производила толчки в сеть, от толчка бечевка в зубах дергалась, и рыбак немедленно вытаскивал сеть, в которой трепеталась рыба. К сожалению, наша ловля не была удачною: вытащили только одну небольшую рыбку вершка в 4–5. Из этого селения я поехал домой, пришлось ехать уже на паре в тарантасе, помнится, сделал ещё с заездами верст 50–60.

Надумал было съездить в Крестцы, ч(то)б(ы) познакомиться со своим уездным городом и своим коллегой лесничим 1-го Крестецкого Лесничества, жившим в Крестцах, тем более, что по дороге была одна моя дача, которую я не сумел осмотреть. Надо было ехать по железной дороге до станции Окуловка, а оттуда сухопутьем на лошадях. Доехал, однако, только до своей дачи, переночевал у объездчика, посмотрел дачу и уехал назад, предполагая заехать в Крестцы в другой раз, да так туда и не собрался и не знаю, что за город Крестцы, знающие люди его не хвалили, а больше ругали, вот все, что я знаю про Крестцы. Дорога от Окуловки до моей дачи прекрасная, чудные виды, здесь очевидно отроги Валдайской возвышенности: невысокие холмистые горы, поросшие сосняками, дорога идет с горы на гору, часто встречаешь озера, нередко очень большие.

---

¹ Две деревушки Девкино и Парни расположены друг против друга и разделены речкой Мстой. Деревушки расположены от Великого Новгорода в 100 километрах. Местные жители д. Парни, хотя их немного здесь живет, рассказывают: «Мол Екатерина II плыла по Мсте на теплоходе. А там много стояло женщин, а тут – робят». Старожилы говорят, что раньше у деревень были другие имена. Парней когда-то именовали Вороченкой, а Девкино была – Горбатицей. Девкино – она на пригорке, т. е. на горбе. А Вороченка – то бишь, Парни – в низине. Вот и ворочает ее.

Я помню чью-то усадьбу, кажется Вонлярлярского¹, построенную на полуострове, выступающем в огромном озере. Вообще в моем лесничестве, т. е. не в самом лесничестве, а по дороге к казенным дачам, встречалось много барских усадеб, видимо заботливо содержащихся в крепостное время, тогда благоустроенных, но теперь уже пострадавших от времени, заброшенных. Жалко было видеть эти гнезда, в которых воспиталось, может быть, не одно поколение, почти все заколочены, стекла выбиты, краски облупились; помню, произвела на меня гнетущее впечатление такая усадьба Татищевых², не помню где, да и не одна она, а десятки таких усадеб.

Вспоминаю ещё поездку вдоль озера Торбина, начинающего у станции Торбино и тянущегося верст на 10. Прекрасное озеро, у берегов которого было тоже несколько заброшенных барских усадеб, мне называли их владельцев, но я теперь забыл, помнится, что из всех усадеб жили только в одной станции, да и то, может быть, не старый владелец, а новый, какой-нибудь кулак, купивший её за бесценок.

Озеро Торбино, по-видимому, изобилует рыбою. Когда я ехал по берегу, рыбаки ловили неводом рыбу. Я предложил им продать мне тоню, они согласились и попросили полтинник. Когда закинули невод, то поймали множество окуней, довольно порядочных размеров, рыбаки очень удивились, так как до этой тони рыба у них не ловилась, и, выбрасывая из мотни рыбу, довольно много потихоньку спускали в свою лодку, я, хотя это и видел, но ничего не говорил, рыбы на мою долю и без того досталось много. Пришлось снять с подушки наволочку и сложить туда пойманную рыбу, её оказалось по приезду домой 1 пуд 4 фунта.

Из Торбина я поехал домой в Бургу с товарным поездом, везшим пустые вагоны. Поезд этот опоздал и нагонял время. Мы ехали быстрее курьерского, не разбирая ни уклонов, ничего; вагон качало из стороны в сторону и сверху вниз: признаться, я даже побаивался, как бы чего не случилось, но к счастью обошлось благополучно.

В одной из моих дач был так называемый «Аракчеевский тракт³», дорога устроенная графом Аракчеевым из своей родовой усадьбы в Грузино¹.

---

¹ *Вонлярлярский, Владимир Михайлович* (1852–1946) – крупный новгородский помещик и промышленник.

² Вероятно, речь идет об усадьбе Усть-Волма Алексея Никитича Татищева (1846–1896), камергера Двора, Полтавского губернатора. Деревня Усть-Волма Крестецкого уезда в 138,3 км на восток от Великого Новгорода.

³ Аракчеевский тракт – это остатки знаменитой Аракчеевской бульварной дороги, кратчайшего пути из С.-Петербурга в Сибирь.

Прорублена в лесах широкая просека и так как везде здесь в лесах почва сырая, болотистая, то все полотно дороги было под прекрасною деревянною тесаною мостовою, местами хорошо сохранившейся даже в конце 1870 годов. Чего стоило, каких трудов устройство такой дороги, особенно при тогдашнем малолюдстве. Но сооружение было солидное, вполне прочное, ныне таких уже не делают.

Иногда, проезжая по селениям на паре с колокольчиком, я замечал какую-то особенную суматоху среди баб. Долго не мог понять причины её, как-то спросил кого-то и мне объяснили, что бабы принимают меня за «детского барона». В этой местности крестьяне берут из Петербургского воспитательного дома питомцев, или, как они называют «шпитомцев», получая за это до известного возраста плату, этих питомцев ездят осматривать особо посылаемое из воспитательного дома лицо – детский барин, хорошо ли они содержатся, не притесняют ли и т. д. А так как в этом уезде начальство редко ездит по уезду (уездная полиция, кажется, получала на проезды определенную годовую сумму и значит, сэкономили на разъездах), то естественно, что бабы в каждом колокольчике видели детского барина. Промысел – брать таких детей на воспитание широко развит в уезде, у меня был объездчик и несколько сторожей из питомцев, обыкновенно питомцы в последствии усыновляются взятою семьей и входят в неё как настоящие члены её. И, кто знает, чьи дети были мой объездчик Белкин и сторож.

В Лесничестве было, конечно, много самовольных порубок и самовольной пастьбы скота в лесных дачах. На порубки и пастьбу составлялись акты, и, хотя, в чем я уверен, до лесничего доходило м(ожет) б(ыть) 50% или 25% правонарушений, но все-таки актов было очень много. Скверно было то, что лесничий не имел права кончать дела миром, взявши штраф, а должен был непременно направить дело к мировому судье. Мировые судьи были отягощены делами подобного рода, делами, так сказать, бесплодными: порубщик сознался в порубке, готов уплатить деньги, а тут вызывай его, свидетеля, стражу допрашивай, пиши постановление, заводи дело и т. д., и т. д. Мировые смотрели на лесничих, как на кляузников, назначали дело к слушанию через полгода и более, и старались оправдывать крестьян, придираясь для этого к каждому благоприятному для порубщика факту или к

---

¹ Грузино было пожаловано Павлом I А. А. Аракчееву в декабре 1796 г., который владел усадьбой до 1834 г. После смерти графа, не имевшего законных наследников, Грузино, как и всё его состояние, по распоряжению Императора Николая I было передано по владению Новгородскому кадетскому корпусу. Ныне утраченный памятник русского классицизма.

какому-либо канцелярскому упущению составителя акта. И это, конечно, вполне понятно, на их месте всякий делал бы так. Особенно много оправдывали по случаям самовольной пастьбы скота. И здесь то же самое. Каждый местный житель, а мировой судья тем более, прекрасно знает, что для местного крестьянства пастьба скота в лесу необходима, больше некуда пускать, земли расположены так, что волею-неволею, а скот должен зайти в казенный лес. С другой стороны, казна изображает из себя собаку на сене, не позволяя пасти скот в лесу, леса же обыкновенно на присельных участках малогодные, ничего не стоящие, особенно в то старое время, когда такие леса помещики продавали по 50 к(оп.) и по 1 р(уб.) за десятину. А, кроме того, на больших лесных участках пастьба не оказывает никакого вредного влияния на рост леса, ведь всё же эти леса выросли и вырастают при постоянной пастьбе скота. Такса на самовольную пастьбу очень высокая и, если приговаривать крестьян к штрафу, то легко можно разорить их вовсе. Вот те соображения, которые заставляли мировых судей искать в каждом акте зацепок для оправдания нарушивших.

В этом случае я мировых судей оправдывал. Впоследствии во время моей удельной службы я никогда не преследовал крестьян за пастьбу скота в лесу, если было возможно, я сдавал им леса за дешевую цену под пастьбу, а не то смотрел на пастьбу сквозь пальцы, моя стража знала это и, сочувствуя крестьянам, так как и сама была из крестьян, не представляла актов о самовольной пастьбе; только в чрезвычайно редких случаях, когда пастьба вызывалась не необходимостью, а нахальством, заводилось дело, да и дел-то таких за мою 12-летнюю службу едва ли было больше 3–4-х всего.

В Бурге один раз объездчик со сторожем привели ко мне порубщиков, которые усиленно просили взять с них что следует, и даже больше, только отпустить, они-де никогда на суде не были и не желают быть, считая это срамом. Под влиянием минуты я взял с них что-то рублей 6 или 8, и при них же отдал объездчику и сторожу в награду за их службу. Потом, когда сделал, одумался, особенно после разговора с Соколовым, указавши, что это с моей стороны служебный проступок, и что, если дело дойдет до Управления, то мне достанется. К счастью, никто не жаловался и не посылал доноса и все окончилось благополучно.

Когда я в Бурге несколько устроился, решил познакомиться с соседями. Прежде всего, я поехал в Малую Вишеру, где жили Судебный следователь, мировой судья, становой и начальник железнодорожной дистанции сделать всем им визиты. О Малой Вишере я уже писал, она была от меня следующей станцией к Петербургу, большою станцией, на которой поезда стоят 15–20 минут, не то, что наша Бурга.

Следователем был Вересоцкий, имя и отчество, как его, так и дружка, не помню. Очень милый, симпатичный человек моих лет, может быть немного постарше, он был из семинаристов и некоторые его товарищи по его семинарии (Черниговской?) были моими товарищами по Лесному Институту. Принял он меня отлично и вообще мы с ним сошлись. Следующий визит был к Мировому Судье Мякинину. Это была ходячая, надутая спесь, крайне, не скажу несимпатичная, а просто-таки гадкая, противная. Потом я постарался больше с ним не встречаться, кстати, и визит он мне не отдал.

Становой был из дворян, чуть ли не отставной военный. Охотник, по его словам, и страшный враль, притом всегда под шафе. У него были дочери, которые через перегородку в его квартире было слышно, прежде чем ко мне выйти, долго и отчаянно шнуровались, они были, как говорится, ничего себе, но так как я был застрахован от женщин, то мало обратил на них внимания, а теперь не могу вспомнить их лица, хотя красное, угреватое, забулдыжное лицо их папаши вижу и теперь в своем воображении.

Начальник железнодорожной дистанции Лосев. Про него говорили, что он побочный сын известного заправилы и богача Кенига и что поэтому только он и получил такое хорошее место. Действительно он получал много, больше всех прочих. Я не знаю, насколько правда, что он не на месте, но он производил на меня прекрасное впечатление простого, доброго, милого, радушного хозяина. У него я завтракал, если не обедал. Интересно, что в Новгородской губернии за завтраком или обедом подается не водка, как у нас, а судок с двумя графинами, в одном налита английская горькая, а в другом аллаш¹, и в рюмку наливается смесь этих двух напитков пополам или как кто любит. Мне этот обычай не понравился, по-моему, нет ничего лучше водки перед обедом или за завтраком. Может быть это вызвано тем, что там вообще не распространены московские и наши водки, я искал и нигде не мог найти, напр(имер), водки Попова, тогда самой лучшей.

Этим я закончил визиты и более никому не делал, Вересоцкий и Лосев визиты мне отдали, и я изредка ездил к ним в Вишеру. У кого-то из них я познакомился с Крестецким исправником, на вид весьма симпатичным человеком.

Был ещё в Вишере квартальный некий Пальмовский, человек необычайной толщины и безобразия, страшный взяточник и негодяй.

---

¹ Аллаш-ликёр, содержащий тмин, анис, укроп и др., примешивается для вкуса к водке. Своё название напиток получил от имени Аллаш в современной Латвии, где как минимум с 1823 года он производился баронами фон Бланкенхаген.

Исправник рассказывал, что он его за его художества однажды уволил, но потом принужден был взять. Дело в том, что в Вишере происходили часто медвежьи охоты Александра II-го. Императора всегда встречал на вокзале Пальмовский и физиономия его врезалась в памяти Государя. Когда Государь был однажды с Альфредом Эдинбургским¹, то даже указал ему на Пальмовского и что-то ему про него сказал, после чего Альфред даже снял или велел снять Пальмовского на фотографию. Пальмовский был человек хитрый и пользовался этим. Однажды Государь убил огромного медведя, но был почему-то не в духе, что очень беспокоило его свиту, по приезде из леса на Вишеру Пальмовский встретил Государя, тоже заметил его настроение и разыграл шута. Он сел верхом на медведя и стал гримасничать, приближенные указали на него Государю, Государь, увидавши сцену, засмеялся и туча развеялась и все остались довольны.

Когда Пальмовский был уволен от должности, приехал на охоту Император и, не видя при встрече Пальмовского, спросил «а где же бочонок?». Этого было достаточно, Пальмовского опять взяли на старое место.

Рассказывал Исправник ещё про проделки одного станового в 1860-х годах. Какое-то ученое учреждение заинтересовалось людьми, страдающими зобом, и затребовало статистические сведения. В стане этого Станового зобатых было много, и он на составлении статистических сведений задумал заработать денег. Поехал сам по селениям и везде сам в них осматривал и записывал. Конечно, это чрезвычайно заинтересовало как больных, так и в их близких, под сурдинку же Становой распространял слухи, что зобатых велено переселить на Амур. Народ взволновался и стал думать, как бы избавиться от Амура, средство нашлось – Становой брал с желающего избавиться по золотому и вычеркивал из списка. Набрал он так много золотых. Но на его несчастье приехала в свою деревню какая-то княгиня. Княгине люди рассказали новость о зобатых и их переселении на Амур. Та заинтересовалась, не поверила и написала губернатору письмо. В результате началось следствие, и Становой был удален со службы.

Познакомился я там ещё с кандидатом на судебные должности, командированным к Вересоцкому. Фамилию его не помню. Он был из правоведов, обруселый немец, худой, тонкий, геморoidalный, довольно скучный. Он повадился ездить ко мне, приезжал и привозил флейту, на которой

---

¹ *Альфред Эдинбургский* (полн. имя Альфред Эрнст (1844–1900) – герцог Эдинбургский, принц Саксен Кобург Готский, второй сын английской королевы Виктории.

разыгрывал какие-то пьесы и угощал ими меня, я же вообще не понимаю музыки, а инструментальной не терплю, поэтому его приездам был не рад и старался от его музыки как-нибудь избавиться.

С этим немчиком у меня произошел курьезный случай. Я прежде покупал в одном Петербургском магазине белое южно-бережское вино по 30 к(оп.) за бутылку. Вино было для этой цены довольно сносное, и я привез в Бургу бутылок 20, укупорка вина и бутылки были приличные, только этикетка выдавала, этикетки я велел снять. Приезжает как-то мой флейтист. Разговорились о вине, я ему говорю, не хотели ли по(п)ро(бо)вать, я достал довольно хорошее. Подали, он пьет и хвалит, все находит в нем разные достоинства, спрашивает, где достал, я говорю секрет, тогда догадывается, что вино, вероятно, из таможи, я достал его по знакомству, и что такое вино стоит в Петербурге 3–4 руб. бутылка, но что достал его рубля по 1½ – 2 р(уб.), я не возражаю. Уже после 2-й бутылки я ему не знаю зачем, рассказал правду о вине, и тут мой немчик сразу стал находить недостатки, и терпкое и ещё что-то, но уехал все-таки сконфуженный.

Кроме Вишеры сделал я визит ближайшим лесничим. Был у Новгородского лесничего Стецкевича. Худой, желчный господин, говорят, тиран своего семейства. Он жил на Волхове, усадьба его называлась «Собачьи горбы», чрезвычайно красивая местность с прекрасным видом на реку и на другой её берег, усадьба была выстроена образцово, большой дом, службы и т. п. Когда-то это была резиденция какого-то начальника аракчеевских пахотных солдат, а с упразднением их и передачею солдат и земель в казенное ведомство, дистанцией казенного лесничего. Может быть от этих житейских неудач он сделался таким желчным, ругающим все и вся.

К Стецкевичу я заехал по дороге в Новгород. Пробыв у него несколько часов до следующего парохода, отправился в Новгород, вместе со мною поехал и Стецкевич. В Новгороде зашли в лучшую гостиницу и Стецкевич оказался отличным и веселым собутыльником. Бог знает, чего только не пили, кончили, конечно, медведкой. На утро я проснулся в какой-то комнате частной квартиры на диване и, припоминая вчерашнее, не мог вспомнить, как я попал в эту квартиру. Оказалось, что у Стецкевича в Новгороде была возлюбленная, вероятно, содержанка, и он привез меня к ней на квартиру. В другой комнате спал Стецкевич и его содержанка. Соображая всё это думаю, что и Стецкевич был не чужд общей слабости казенных лесничих того времени.

Второй визит был к Грузинскому лесничему Любимцеву. Любимцев был из лисинцев, но ни по разговору, ни по манерам никто бы не сказал, что он

лисинец, вообще на лисинцах всегда был какой-то особенный специфический отпечаток, что-то такое, что человеку, потолкавшемуся между ними, давало возможность сразу определить лисинца. Любимцев был общий любимица и начальства, и сослуживцев, и общества, которое состояло там из офицеров расквартированного Петровского полка, только семейная обстановка его немного выдавала.

Исторически Грузино, расположенное на берегу Волхова, т. е. самая усадьба Аракчеева произвела хорошее впечатление, хотя все-таки немного отдавала казармою. Дворцом Аракчеева заведовал какой-то чиновник, но и Любимцев имел к нему какие-то прикосновения. Показывали мне дворец весьма подробно, комнаты, где жила Минкина (*Сулакадзе*, 1871. С. 242–243), Аракчеев и те комнаты, в которых останавливался император Александр I во время приездов в Грузино.

Помню комнату, в которой останавливался Александр I, с мебелью красного дерева, обитого зеленым сафьяном, длинный диван – кушетку, на которой он спал, письменный стол с довольно простым письменным прибором, показывали перо, которым он писал. Под стеклянным колпаком лежала его фуражка, с козырьком, с красным околышем при темно-зеленом верхе, наверху была небольшая дырочка, на которой была нашита заплатка из такого же сукна. Все эти вещи можно было брать в руки, фуражку даже примеривали. Показывали собор, сад, памятник и пр., все это как-то улетучилось из головы и все помню очень слабо. Любимцев жил в небольшом Аракчеевском флигельке, очень невзрачном и маленьком. Познакомили с офицерами Петровского полка, издавна стоявшего в Грузине. Вечером устроили грандиозную рыбную ловлю неводом с песнями, ухой, выпивкой и т. д. Распоряжался один ротный командир, любитель рыбной ловли с командою из солдат любителей. Провели время очень весело.

У Любимцева были в наделе лесничего 30 дес(ятин) заливных волховских покосов лучшего качества. Он сам их косил, затем прессовал и в прессованном виде отвозил сено в Петербург, это давало ему очень большой доход, кроме того, он покупал сено на чужих лугах, прессовал и отвозил туда же, вообще он был крупным санным торговцем. Потом оказалось, что он снимал на подставное имя и казенные покосы и также оперировал с ними, когда это узналось, его перевели из Грузина в другое лесничество. И вот эти наделы лесничих: у меня, как и большинство лесничих надел не давал и 100 руб., а у Любимцева он давал более 1000 р(уб.), говорят в юго-западных губерниях нередко наделы лесничих снимают под посадку свекловицы и дают 1500 и

более рублей, а в северных губерниях лесничие отказываются от наделов и вместо них получают по 60 р(уб.) в год.

В одно прекрасное утро приехали ко мне Становой и начальник нашей станции Николай Иванович и уговаривали меня поехать с ними к известному артисту Василию Васильевичу Самойлову¹, жившему на собственной даче недалеко от Бурги. Приехали мы к В. В. около 12 часов. В. В., чрезвычайно радушный и гостеприимный хозяин, был рад нашему приезду, познакомил с дочерью и с какою-то молодой красивой особою Ольгою Александровною, фамилии он не назвал, которую рекомендовал, как гувернантку или компаньонку дочери Марьи Васильевны, но злые языки утверждали, что она компаньонка самого Василия Васильевича. В. В. был тогда крепкий, седой человек, очень добрый и интересный, очень похожий на помещавшиеся в иллюстрациях его портреты. Сейчас же был сервирован завтрак с обильным количеством водок и закусок, каких только не было водок, и всё домашних, я помню, были очень хорошие – сухарная и из русского чернослива, пил я их первый раз, они очень понравились; пробовал потом настаивать сам, но выходило не то. На закате, между прочим, были особенно показавшиеся вкусными копченые оленьи языки, присланные из Архангельска. Завтрак с пробой разных водок и вина продолжался до самого обеда и все время В. В. рассказывал наинтереснейшие случаи из своей жизни и особенно из того времени, когда он имел отношения к лесному ведомству, рассказывал он увлекательно, представляя в лицах, то начальника Лесного корпуса, то черемис и чуваш, с которыми он сталкивался в скитаниях по корабельным рощам, то других лиц, кажется, никогда бы не устал его слушать.

За обедом опять начались возлияния, пили красное и белое вино, шампанское, после обеда ликеры. После обеда Николай Иванович и Становой уехали, а я остался, В. В. не отпускал. Ходили осматривать его владения, дачу, с нами бегала его собака, огромный дог Тайер, дрессированный для Александра II, но не понравившейся ему и проданный В. В-чу за 300 руб., как он говорил. В.В. был тогда при деньгах, за гастроли на юге России он получил 20 000 р(руб.). После обеда В. В. опять рассказывал разные случаи из своей жизни, встреч с замечательными людьми, разговоры с ним императоров, анекдоты, показывал свои картины, из которых одна только что была начата. Время летело незаметно, и в конце концов я уехал от В. В-ча после хорошего ужина, когда уже светало, в 3-м или 4 году утра.

---

¹ Самойлов, Василий Васильевич (1813–1887) – русский актер и художник.

В. В-ч, между прочим, дарил мне на память какую-то особенную фляжку, которая при наливании как-то растягивалась и в которую можно было влить не одну бутылку. Ему её кто-то подарил, вывезена она была из Парижа. Так как перед этим были разговоры, что В. В. хочется достать для усадьбы гравия, который находился только в казенной даче, то мне стало неловко брать фляжку, хотя и хотелось иметь что-нибудь от такого замечательного человека, и я от подарка отказался, В. В. сразу понял, почему я отказался и уговаривал взять, так как он дарит вовсе не поэтому. Но я, к сожалению моему теперь, стоял на своем. Разговор наш услышал Становой и пренахальным образом стал просить подарить фляжку ему, что В. В. и сделал.

В. В. все-таки подарил мне собаку – гончего выжлеца Славного. Чрезвычайно красивая, породистая собака, типичная гончая, черная с красивыми подпалинами. Славный был старый, едва ли гонял, по крайней мере у него не замечалось этого желания, но он был дрессирован как комнатная собака и ходила за хозяином по пятам. Гуляя по Бурге, я брал её, и она всегда следовала позади меня, не забегая и не отставая.

Через некоторое время В. В. отдал мне визит. Он приехал вместе с Марией Васильевною (дочерью) и от меня уехал на поезде в Петербург. Угощать его было нечем, я только нарвал в своем саду букет из цветов махрового мака (посаж(енного) ещё Вермонам) и поднес его М. В-не.

Потом я встретился ещё раз с В. В-чем и с артистом Бурдиным¹. В. В-ч уезжал на охоту на тетеревов в Валдайский уезд. В. В. очень звал меня приехать к нему в Петербург, кажется, на Колокольную, но за отъездом из Бурги мне это не удалось.

После как-то на нашей Бургинской станции, я встретил Бурдина, мы много говорили о В. В-че и Бурдин очень скверно отзывался об Ольге Александровне, говорил, что она не любит и обманывает старика.

В июле я получил письмо от Управляющего Нижегородскою Удельною Конторою Александра Александровича Сиверса письмо, в котором А. А. писал, что если я не раздумал поступить в Удел, то он представит меня на место Окружного Надзирателя III разряда 10 округа в с. Рождественском Ветлужского уезда с жалованием в 1300 руб. и с обещанием через года два перевести в первый разряд в г. Ардатов Нижегородской губернии. Хотя в душе я давно решил перевестись в Удел даже на худшее место, но когда надо было решать

---

¹ Бурдин, Фёдор Алексеевич (1826–1887) – актер Императорских театров и драматург.

вопрос сейчас, я все-таки задумался. Поехал в Новгород, посоветовался с Белопольским, с Миткевичем, оба в один голос посоветовали переходить.

Взяв 8-ми дневный отпуск, я поехал в Нижний. Все домашние, конечно, обрадовались как приезду, так и тому, что я буду служить в своей Нижегородской конторе, не было ни одного человека, который был бы против перехода. Поэтому я отправился к Сиверсу, благодарил его, просил о переводе и подал ему докладную записку. Новое место давало 1300 р(уб.), но за то не надо было держать письмоводителя и, кроме того, в Уделе давались денежные награды и пособия, так что в этом отношении на первое время если я и проигрывал, то очень немного, зато впоследствии в I разряде значительно выигрывал.

Уезжая в отпуск, я рассчитывал немного опоздать (брать более продолжительный отпуск было нельзя) и с этой целью по неопытности сказал своему Соколову, которому было поручено заведовать лесничеством во время моего отпуска, чтобы он в тот день, в который я должен был явиться, послал в Управление заранее подписанную мною бумагу о приезде и приеме лесничества. Опоздал я дня на три, что-то такое грызло меня в Нижнем и заставляло ехать поскорее, всё думалось, не случилось бы чего. И предчувствие не обмануло. Слезая в Бурге с поезда, я увидел объездчика Белкина, который рапортовал, что приехал ревизор Миткевич и ждет меня уже второй день. Было очень неприятно, дорогою придумывал уловку. Когда встретился с Миткевичем, и он стал мне говорить о моем служебном проступке и о его последствиях, я ему ответил: я бы никогда этого не сделал, если бы у меня был другой ревизор, но, зная Вас за доброго, отзывчивого человека, который не захочет сделать дурного своему сослуживцу, я решился немного просрочить, а тем более, что обстоятельства к тому вынуждали. Надеюсь, что Вы не придадите моему поступку особого значения. Добрый Александр Романович размяк, немного поворчал дружелюбным тоном и устроился. Он у меня переночевал, сделал отметку в книге и на другой день уехал в Петербург.

Вскоре после того и я отправился в Питер, ч(то)б(ы) купить планшеты топографической съемки Ветлужского уезда, как раньше покупал такие же Крестецкого уезда и принялся за рассмотрение и изучение этих планшетов, давшее очень малые результаты. В сентябре получил письмо от Сиверса, в котором он писал, что лесное ведомство почему-то задерживает мой переход, ч(то)б(ы) я похлопотал об этом сам.

Ездил за этим в Новгород, обещали, но ничего не сделали. Наконец, состоялся приказ о моем переводе и о назначении меня Окружным

Надзирателем III разряда Нижегородской конторы, а меня все ещё не отпускали. После долгих просьб согласились, наконец, до приезда нового лесничего, поручить заведывание моим лесничеством Соколову. Это случилось во второй половине ноября 1877, а могло бы быть и много раньше, если бы не наша формалистика и канцелярщина.

Что было делать с моею мебелью красного дерева, перевезенною из Курилова. Вести ее обратно и из Нижнего в Курилово дорого, да и денег нет, все жалованье прожил и осталось на дорогу, в обрез. Решил, скрепя сердце продать и взять с собою только кресло к письменному столу. Очень жалко было расставаться, особенно с дамским столом и креслами, но делать нечего. Кое-что раскупили в Бурге, а остальное продал жидам, продал, конечно, дешево. Приехало три жиды. Один из них пронюхивал о моем переходе в Удел, приехал ко мне ещё 30 августа, в день моих именин справляться, буду ли я продавать вещи перед отъездом и, помню, были гости и я угостил его сахарною водкой (сделал по рецепту В. В-ча, но неудачно). Приехали они рано утром, я только что проснулся и задним ходом прошли в столовую. Было холодное утро, видимо, они озябли и знакомый жид, увидавши на окне графин с водкой, а вода в Бурге от торфяных болот была цвета жидкого чая, вообразил, что это сахарная водка, которую он пил 30 августа, и спросил меня: г. лесничий, это у вас сахарная водка? Отвечаю: да, не хотите ли, пожалуйста. – Очень Вам благодарен, с удовольствием выпью, мы так прозябли. Я сказал ему, где достать рюмок. Они достали одну. Первый налил, выпил, крикнул и сказал: – Какая отличная водка. Второй тоже последовал его примеру и тоже похвалил. Лишь когда выпил третий, оба, первый и второй, стали смеяться над ним. Какая выдержка! Русский не мог бы так сделать и сразу выдал бы себя!

Жида купили у меня всё оставшееся – мебель, посуду и прочее, и через несколько дней я уехал в Нижний, сдав Лесничество Соколову.

Не сказал я ничего о Новгородском, т. е. о Крестецком крестьянстве. В кратковременную службу в Бурге, притом в летнюю пору, когда у лесничего нет никаких дел с крестьянами, я мало мог узнать их. Судя же потому, что я видел во время моих разъездов в деревнях, думаю, что крестьяне жили там в общем весьма зажиточно, положим мои наблюдения касались главным образом казенных крестьян, которые всегда зажиточнее бывших помещичьих. Много было в моем районе корельских деревень, которые можно узнать сразу по наружному виду, дома в них построены беспорядочно и наших улиц нет, и самый народ белесоватый, маленький, гадкий, не внушающий симпатий.

Всего навсего прожил я в Бурге около 8 месяцев.

Следом моего пребывания в должности казенного лесничего остались начеты на меня Новгородской Контрольной палаты. Хотя я не принимал никаких заготовок и вообще не вёл денежных дел по случаю кратковременности службы, тем не менее через п(олго)да на меня начли и предложили моему новому начальству взыскать с меня рублей 14 и через некоторое время ещё около 20 руб. Опытные чиновники посоветовали мне возможно дольше не платить, авось-де подойдет какой манифест и начеты сложат. Совет был на руку, особенно потому, что у меня никогда не было лишних денег и 30 руб. всегда составляли, да и теперь составляют большие деньги. Я отмалчивался, присылали подтверждения, я все-таки отмалчивался и, в конце концов, отмолчался – по случаю 25-летия царствования Александра II я попал под манифест и писать о взыскании перестали. Случилось это, кажется, уже в 1881 году.

В последних числах ноября 1877 г. я выехал в Нижний, взял с собою из всей Куриловской мебели кресло к письменному столу, которое служит мне и до сих пор и которое везде со мною бывало.

РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 4. Д. 31. Л. 208 об. – 237.

Литература и источники

Берельковский – Берельковский И. В. С. М. Парийский и советское краеведение // Записки краеведов / сост. Л. И. Шиян, О. А. Рябов. Н. Новгород, 2004. 366 с.

Митрофанов, 2014 – Митрофанов В. В. «...пока ещё есть память, начну с ближайшего времени – со времени избрания меня Председателем нашей Нижегородской Ученой Архивной Комиссии»: из дневника А. Я. Садовского (вступ. ст. публ., коммент.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5. 196 с.

Митрофанов, 2015 – Митрофанов В. В. Ардатовское общество в «Воспоминаниях» А. Я. Садовского (вступ. ст. публ., коммент.) // Жизнь провинции: История и современность. Сборник статей по материалам Всероссийской науч. конф. с международным участием «Жизнь провинции: история и современность» 19–21 марта 2015 г. Нижний Новгород: Изд-во «Книги», 2015. 24 с. : ил., табл.

Митрофанов, 2017а – Митрофанов В. В. А. Я. Садовский о своём восприятии провинциальной жизни в детские годы (вступ. ст., публ., коммент.) // Одиннадцатые Герценовские чтения: мат-лы Всероссийской науч. конф. (Киров, 11–12 апр. 2017 г.). Киров, 2017. 204 с.

Митрофанов, 2017б – Митрофанов В. В. «... у нас в провинции чиновничество... оздоровело»: Из «Воспоминаний» А. Я. Садовского // Жизнь провинции: История и современность. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции «Жизнь провинции: история и современность» 11–12 ноября 2016. Нижний Новгород: изд-во «Книги», 2017. 164 с.

Митрофанов, 2017 – Митрофанов В. В. А. Я. Садовский о своей жизни в селе Шёлокша Нижегородского уезда (вступ. ст. публик., коммент.) // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 3 /сост. науч. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017. 256 с.

Митрофанов, 2017 – Митрофанов В. В. А. Я. Садовский о своей учебе в Александровском институте (вступ. ст. публик., коммент.) // Нижегородский краевед: Сборник научных статей / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Выпуск 2. Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ, 2016. 262 с.

Михайлов – Михайлов В. Случай на высочайшей охоте [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.privolhovie.ru/2453> (дата обращения 10.07.2023).

О Нижнем – «О Нижнем храню самые теплые воспоминания: Письма академика С. Ф. Платонова В. Т. Илларионову / Публ. подг. А.А. Кулаков // Исторический архив. 1999. № 6. 240 с.

Сулакадзев – Сулакадзев. Убийство любовницы гр. Аракчеева Настасьи Шуйской (Минкиной). Записки. Отрывок / Сообщ. А. Н. Неустроев // Русская старина. 1871. Т. 3. 821 с.

**«НЕ МЫ ОДНИ, КРЕЩЕННЫХ МНОГО ЗА ЦАРЯ
И ЗА РОДИНУ СТОИМ»: ПИСЬМА ИЗ 1915 г.¹**

Публикуемые ниже письма были найдены в школе № 1 им. А. М. Денисова п. Хвойная Новгородской области совершенно случайно, в ворохе макулатуры. В это время в школе для пополнения экспонатов музея проходила акция «Собираем хлам». По большей части принесены были совсем неценные вещи, но среди них попало несколько интересных. В это же время собирали макулатуру, и дети принесли в кабинет истории большой целлофановый пакет, наполненный поздравительными открытками и письмами разных лет, в основном 80–90-х гг. XX в. Только через некоторое время при разборе пакета нами были найдены письма времен Первой мировой войны. Точную дату находки сейчас назвать сложно. Работа над анализом писем началась в 2014 г., хотя найдены они были немного раньше. В нашем распоряжении оказалось 22 письма, которые ныне хранятся в школьном музее. Письма адресованы двум разным людям и разбиты нами на две группы.

В первую группу входит 17 писем, адресованных Николаю Михайловичу Михайлову, правда, на конвертах некоторых писем указана другая фамилия – Рябков. Письма написаны в период с 3 марта по 17 августа 1915 г. Н. М. Михайлов уроженец деревни Демидово Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда Новгородской губернии. Там же жили и его родители – Рябков Михаил Григорьевич и Рябкова Анна Матвеевна. Судя по тексту писем, у Николая было две сестры: Рябкова Дарья Михайловна и Рябкова Евдокия Михайловна. Они жили в Петрограде, работали, возможно, на швейном производстве. В одном письме сестра пишет, что «все время шили». В письмах упоминается также брат Н. М. Михайлова – Андрей, вероятно, младший, но информации о нем мало, говорится только, что его «взяли», возможно, в армию.

По документам ГАНО нам не удалось установить дату рождения Н. М. Михайлова. В метрических книгах Минецкой церкви есть запись о бракосочетании его родителей, которое состоялось 19 января 1881 г. На этот момент «деревни Демидово уволенному по билету солдату Михаилу

---

¹ Выражаю благодарность Николаю Вячеславовичу Салоникову и Илье Владимировичу Хохлову за помощь в работе над этой публикацией.

Григорьеву» было 25 лет от роду, а его невесте «деревни Бабыя крестьянской дочери Анне Матвеевой» – 22 года (*Метрическая книга*, 1879–1881. Л. 117 об.–118)¹. В письмах есть упоминания о том, что Н. М. Михайлов, возможно, работал на Кошелевской писчебумажной фабрике. В документах фонда фабрики, хранящихся в ГАНО, мы нашли две записи, связанные с именем рабочего Николая Михайлова. Первая в «Книге для записи налагаемых на рабочих штрафов», где сделана запись от 14 июля 1912 г. о том, что клеевар Николай Михайлов (№ рабочего 145) был оштрафован за три дня невыхода на работу (*Книга для записи...* Л. 178 об.). Вторая запись в «Книге личных счетов рабочих» – счет рабочего № 491 Николая Михайлова за январь–апрель 1913 г. (*Книга...* Л. 274 об.–275). Правда, никакой дополнительной информации, подтверждающей что это именно Н. М. Михайлов из деревни Демидово, в документах нет.

Большая часть писем написана во время лечения Н. М. Михайлова в госпитале в Воронеже, очевидно, он сам в это время вел обширную переписку, часто обращался с посланиями к родственникам и друзьям, а те ему отвечали. Письма отправлялись на два разных адреса. Первый – г. Воронеж, Большая Девицкая улица, 38-й дом, 6-й городской госпиталь. На этот адрес письма отправлялись с апреля по май 1915 г. Вторым адрес – Новгородская губерния, г. Боровичи, Минецкое почтовое отделение, деревня Демидово. На этот адрес письма стали приходиться с конца июня 1915 г. После госпиталя Н. М. Михайлов вернулся на родину.

Авторами писем являются: сестры Н. М. Михайлова – Дарья и Евдокия Рябковы (№ 1, 2, 3, 15); друзья, находившиеся в действующей армии: Григорий Нилов (№ 4, 6, 7, 10, 16), Константин Нилов (№ 5), Яков Дмитриевич Нешатаев (№ 12), Тимофей Иванов (№ 8, 17), Иван Тимофеевич Богданов (№ 13), Михаил Алексеевич Бойцов (№ 14), а также Иван Никифорович Крючков, с которым Н. М. Михайлов, вероятно, работал на Кошелевской фабрике (№ 9, 11). Григорий Нилов, Константин Нилов и Тимофей Иванов служили в Кронштадте. Г. Нилов и Т. Иванов в 1-м Кронштадтском артиллерийском полку.

---

¹ В метрических книгах Минецкой церкви мы обнаружили даты рождения следующих детей М. Г. Рябкова и А. М. Рябковой: сын Даниил родился 5 декабря 1885, умер 5 марта 1888 г. (*Метрическая книга*, 1882–1885. Л. 152 об.–153; *Метрическая книга*, 1886–1890. Л. 125 об.–125); дочь Дарья родилась 11 марта 1899 г. (*Метрическая книга*, 1899–1901. Л. 8 об.–9); дочери Наталья, Марфа и сын Александр родились 1 сентября 1901 г., умерли соответственно 6 и 9 сентября 1901 г. (*Метрическая книга*, 1899–1901. Л. 179 об.–180, 223 об.–224).

И. Т. Богданов и М. А. Бойцов служили в 16-м пехотном Ладожском полку¹. Я. Д. Нешатаев находился на лечении в госпитале в Воронежской губернии. Содержание писем разное. Сестры больше спрашивают о состоянии здоровья Н. М. Михайлова и желают ему скорейшего выздоровления, интересуются его будущим, рассказывают о своей жизни в Петрограде. Друзья Н. М. Михайлова делятся с ним своими впечатлениями от службы в армии, пишут о земляках сослуживцах, вспоминают мирную жизнь.

В письмах упоминается 15 человек, знакомых Н. М. Михайлова, военнослужащих, участников Первой мировой войны. 13 из них точно являлись жителями Минецко-Старскогорской волости, сведения об остальных отрывочные. В письмах чаще называются лишь их имена, реже – фамилии, место проживания до призыва по названию деревень – «стеньковский» (дер. Стеньково), «бабский» (дер. Бабье) и иногда место службы.

Письма хорошей сохранности, написаны в основном чернилами, некоторые (с фронта) – карандашом. Конверты самодельные с хорошо читаемыми адресами. На конвертах также есть штемпели с датами и местами отправления и получения. Письма из действующей армии проверялись цензурой и имеют соответствующие штампы «Д. Ц.» (досмотрено цензурой). Из 17 писем три оказались без конверта, дата отправления и имена авторов написаны в их тексте (№ 1–3). Также сохранилось четыре конверта без писем с адресами и штемпелями². Один из них, возможно, сделал Н. М. Михайлов – к «Василию Васильевичу Скворцову», но письмо не отправил.

На большинстве писем есть надписи карандашом, видимо, сделанные рукой самого Н. М. Михайлова: «от Гриши», «Тележкин», «Тимофея», «от

---

¹ 16-й пехотный Ладожский полк входил в состав 4-й пехотной дивизии 6-го армейского корпуса. В 1914–1915 гг. корпус воевал в Восточной Пруссии и Польше в составе 1-й и 2-й армий. В июне 1915 г. переведен в состав 11-й армии, принимал участие в боевых действиях на Юго-Западном фронте в Галиции.

² Конверты: 1. Адрес: город Воронеж, Большая Девицкая ул., дом № 38-й, 6-й городской госпиталь Николаю Михайловичу Михайлову. Надписи: Тимофея; Тимоф.; Штемпели: Кронштадт 1.5.15; Воронеж 4.5.15; Штамп: Вскрыто военной цензурой боевой цензор прапорщик Пржисецкий «4». 2). Адрес: город Воронеж, Большая Девицкая улица, дом № 38-й, 6 городской госпиталь Николаю Михайловичу Михайлову. Надпись: от Крестной. Штемпели: Кошели Новг. 9.5.15; Воронеж 13.5.15. 3). Адрес: Воронеж, Большая Девицкая ул., Д. № 38, городской госпиталь № 6 (зачеркнуто); г. Боровичи Новгородской губернии, Минецкое почтовое отделение, дер. Демидово Николаю Михайловичу Михайлову. «Кошели Новг.» И. Крючков. Штемпели: Кошели Новг. 21.5.15; Минцы Новг. 8.6.15; Печать: Госпиталь № 6 в г. Воронеж. 4). Адрес: г. Рязань, Астраханская улица, чайная Кулабничкина. Получить Василию Васильевичу Скворцову.

крестной», «Богданов», «Даша», «Бойцов». Создается впечатление, что наш адресат очень бережно обращался с письмами, долго их хранил, перечитывал и сделал подписи, чтобы не заглядывать вовнутрь. Хотя имена авторов некоторых писем не совпадают с надписью на конверте.

Среди писем сохранились два отрезных купона с текстом к денежным переводам: на 3 рубля и на 1 рубль от матери Н. М. Михайлова – Анны Матвеевны из д. Демидово и сестры Евдокии из Петрограда на 5 рублей, датированные 5 и 6 марта 1915 г. Оба перевода направлены в Воронеж, в госпиталь. Купоны содержат письменные сообщения, в которых и мать и сестра желают Н. М. Михайлову скорейшего выздоровления: «Давай тебе Бог поскорее поправиться», «желаю доброго здоровья». Передают приветы от отца, брата, сестры Даши, тети, дяди. Обещают в скором времени написать письмо. Мать также сообщает, что «отец и Андрей в это время находились в вывозки».

Во вторую группу писем, найденную вместе с письмами к Н. М. Михайлову, входят три письма и две почтовые карточки, адресованные Филиппу Игнатьевичу Блазнову (№ 18–22). Письма датированы февралем-апрелем 1915 г. Биографические сведения о Ф. И. Блазнове нам найти не удалось. Судя по адресам, он служил в 145-м пехотном Новочеркасском императора Александра III-го полку¹, а после ранения лежал в том же 6-м госпитале в Воронеже, что и Н. М. Михайлов. Почему письма Ф. И. Блазнова Н. М. Михайлов привез домой, в деревню Демидово, неизвестно. Можно предположить, что Блазнов забыл их в госпитале или умер, и Михайлов забрал их себе, т. к. трепетно относился ко всем письмам и годами их хранил. Все письма написаны Ф. И. Блазнову из действующей армии. Первый корреспондент – Борис Потапович (отчество это или фамилия – непонятно), воевавший в Виленской губернии. Он не был знаком с Блазновым лично, с Блазновым воевал его брат Алексей. Видимо, Блазнов написал первым, описав Борису гибель брата Алексея. Борис Потапович пишет о длительном отступлении на фронте и о том, что служба его также состоит в конвоировании пленных, «но только пленных у нас мало».

Второй – Петр Захарович, сослуживец Блазнова. Его Блазнов просил найти неполученные им письма, но тот их не нашел. Петр пишет, что служит на территории Австрии, недалеко от Румынской границы. Он описывает реалии

---

¹ 145-й пехотный Новочеркасский полк входил в состав 37-й пехотной дивизии 18-го армейского корпуса. В 1914 г. корпус входил в состав 9-й армии, участвовал в боях на Юго-Западном фронте в Галиции. В апреле 1915 г. корпус переведен в состав 11-й армии того же фронта. В 1916 г. корпус был переведен сначала в 7-ю, потом в 9-ю армию Юго-Западного фронта.

так называемой «окопной войны». Сетует, что не может почитать газет – «вы читаете газеты, а у нас нет ничего, так попали в такую несчастную Австрию», «сидим мы в окопах, точно медведь в берлоге». Третий – друг А. Бурдун почтовой карточкой поздравляет Блазнова с Пасхой 1915 г. Видимо, он тоже служил на австрийском фронте, т. к. сбоку делает приписку «крепость Перемышль тоже взята». На надпись осталось мало места, но событие было значительное, и не упомянуть этого он не мог.

Еще одно письмо и почтовая карточка написаны писарем 11-й роты, который пересылал письма Ф. И. Блазнову, пришедшие в действующую армию, и командиром 10-й роты, поручиком Кузнецовым, который сообщил о ранении брата Блазнова – Григория.

Тексты писем переданы по орфографическим и пунктуационным нормам современного русского языка, сохраняя при этом случаи индивидуально-авторского правописания. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Без оговорок исправлены явные опечатки и описки. Письма разбиты на две группы, внутри каждой группы письма расположены в хронологической последовательности.

Письма, адресованные Н. М. Михайлову

№ 1

Письмо Дарьи Рябковой Н. М. Михайлову

г. Петроград, 3 марта 1915 г.

Посылаю 3 марта 1915 года.

Вздравствуй, милый мой, дорогой братец Коля, кланяюсь я тебе, сестра твоя Даша. Коля, я твою открытку и письмо получила, за что я тебя и благодарю, милый мой братец Коля. Ты пишешь, что я тебе не писала писем, я не знала куда писать. Я в Старую Руссу послала письмо и два конверта, но тебя уже не было там, и они пропали. А из дому нам раньше писали, что Андрея взяли. А второе письмо писал(и) ото всех поклоны, и от него был написан поклон, так что мы и не знаем, что они ошиблись, написали поклон от него или же он дома, ничего не пишут. Коля, я была у Дуни на именинах и были у нее Маша, Домаша и Степа. Коля, кланяются тебе Дуня, Степа, Маша, Домаша. Коля, у нас работа есть и мое здоровье, слава Богу, пока ничего – жива и здорова. Милый братец, поправляйся, никто как Господь спасет и помилует. Коля, отпиши как твое здоровье и как ты поправляешься. Когда из деревни получу (письмо), тогда напишем тебе. Коля, я кладу тебе два конверта и бумаги, отпиши, когда получишь. Затем до свиданья, дорогой братец Коля. Остаюсь жива и здорова любящая сестра твоя Даша, и крепко целую тебя я. Просчай, просчай, просчай и прошу не скучай. Коля, нового нечего нет, писать больше нечего. До свидания, Коля, Колечка.

На этой страничке листочка оставляю я надпись свою за то, что я милого Колю так крепко, так крепко люблю. На беленьком листочке напишу четыре строчки, и прошу листок не рвать и меня не забывать.

Коле от Даши. До свиданья.

№ 2

Письмо Дарьи Рябковой Н. М. Михайлову

г. Петроград, 12 марта 1915 г.

Посылаю письмо 1915 года 12 марта.

Вздравствуй, милый мой дорогой братец. Шлю я тебе свой нижайший поклон и кланяюсь я тебе, сестра твоя Даша. И пишу я тебе, что письмо твое я получила, за что я тебя благодарю, что ты меня не забываешь. Коля, что ты мне пишешь в письме и просишь написать, то все я тебе напишу. Я была у Дуни на именинах, и там были Маша, Домна и Степа. Он теперь ранен и лежит в

госпитале в Петрограде у нас. Он мне очень нравится, он очень веселый, с ним не просидишь тихо, и очень даже можно сказать интересный, он мне нравится. Но только что, Коля, ты сам знаешь, что в городе у молодого человека ни одна барышня, так что я не знаю, что как он думает, может быть и у него тоже самое несколько есть. А больше я не знаю, что писать. Коля, кланяется тебе Дуня, и она писала тебе письмо, отпиши получил ты или нет? ещё она тебе послала 5 р(у)бл. денег и из дому тебе 3 р(уб). послали. Получил ты или нет, отпиши Коля. Попросись на Пасху в Петроград к нам. Если отпустят, то приезжай, мы будем очень рады видеть тебя, Коля. Дуня там же живет, на том месте. Мы тоже получили из дому письмо, об себе уведомляем, что мы слава Богу живы и здоровы, того и тебе желаем от Господа Бога.

Просчай, просчай, мой милый братец Коля, ещё просчай. Коля, жду ответа, поскорее пиши. Коля, быть может тебя отсюда угонят когда, то, пожалуйста, пиши твой адрес и как твое здоровье.

Вечно-вечно ты пробудешь,

Милый Коля, у меня, если

Ты меня забудешь,

Не забуду я тебя.

Остаюсь любящая тебя сестра твоя Даша. Коля, пиши, не забывай меня.

№ 3

Письмо Евдокии Рябковой Н. М. Михайлову

г. Петроград, 16 марта 1915 г.

Здравствуй, милый и дорогой братец Коля. Сердечно я кланяюсь тебе и желаю я тебе от Господа Бога доброго здоровья и всего хорошего. И ещё кланяется тебе Даша и тоже желает всего наилучшего, и ещё кланяется дяденька и тетя, и все мы желаем тебе доброго здоровья. Сердечно поздравляем мы тебя с праздником Христовым Воскресением, и желаем тебе встретить и проводить все благополучно и счастливо. Милый Коля, я знаю, что ты не весело встретишь и проводишь на чужой стороне, а тем более один и никто к тебе не придет и ничего не принесет. Если бы ты был в Петрограде, то как бы было хорошо и весело, все бы были вместе. И вот теперь нас-то и так много, а ты там один бедняжка. Милый Коля, но только не плачь, что же делать, когда на то доля такая, что приходится нам жить в разлуке. Да нам-то тоже будет не так весело, потому мы будем тоже о тебе думать и беспокоиться, что как ты там будешь один. Затем ещё милый Коля, уведомляю я тебя, что письмо я твое получила и за что я тебя сердечно благодарю, что некоторого я узнала, что ты деньги получил. Я очень рада, милый Коля, что тебе нужно, тогда ты все себе

купи, а то когда ты опять пойдешь на позицию, так там будет негде купить. Но наверно ты и сам знаешь, (что) тебе теперь говорить, потому ты и сам знаешь. И затем пока до свиданья, остаемся живы и здоровы, того тебе желаем от Господа Бога доброго здоровья. Остаюсь крепко любящая тебя сестра Дуня и Даша.

1915 года 16-го марта.

Коля напиши, когда тебя отправят на позицию.

№ 4

Письмо Григория Нилова Н. М. Михайлову

Ораниенбаум¹, 25 марта 1915 г.

25-го марта 1915-го года.

Здравствуй, дорогой товарищ Николай Михайлович, затем спешу послать свое нижайшее почтение, свой сердечный поклон, ваш товарищ Григорий Нилов, желаю я вам, товарищ, всего хорошего и скорого выздоровления.

Николай Михайлович, уведомляю вас в том, (что) нас учат тоже круто, в конце апреля будет присяга, а то в первых числах мая. Затем до свиданья, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Кланяется Семен Иванов, от Господа Бога добра и здоровья и скорого выздоровления. Друг, Николай Михайлов, дай Господи вместея погулять нам с тобой, спаси тебя Господи. Ежели получишь мое письмо, то пиши ответ поскорей. Жду так: 1-й Кронштадтский крепостной артиллерийский полк, 3-й батальон, 11-ю роту, молодому солдату Григорию Нилову.

Я служу в одной роте со стеньковским² Семеном Ивановым. Думал, что знакомых не будет никого, а оно слава Богу. От Кронштадта 35 верст. Затем до свиданья, Н(иколай) М(ихайлович). Гр(игорий) Нил(ов).

(На конверте³ адрес): гор. Воронеж, Большая Девицкая улица дом № 38-й, 6-й городской госпиталь. Получить Николаю Михайлову (раненому очень нужно).

(Надпись на конверте): от Гриши.

(Штемпели): Ораниенбаум С.П.Б 8.4.15; Воронеж 22.4.15.

(Штамп): Вскрыто военной цензурой военный цензор прапорщик Рейнхальд.

---

¹ Здесь и далее место написания письма определено по месту его отправления, указанном на штемпеле.

² Деревня Стеньково Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда.

³ Внутри этого конверта четыре письма. См. письма № 4–7.

№ 5

Письмо Константина Нилова Н. М. Михайлову

28 марта 1915 г.

1915 года 28 марта.

Многоуважаемому товарищу Николаю Михайлову шлю сердечный привет и низко кланяюсь, и желаю выздороветь от ваших ран, нанесенных вражескими пулями, известный вам товарищ Константин Нилов. Уведомляю я тебя, Коля, что Гриша¹ у нас служит в городе Кронштадте, в одном полку с Тимофеем Ивановым². Забрит был 15-го января и гулял до 20 февраля целый месяц. ещё по близости забриты: в Белькове³ Яков Пураков, тоже в Кронштадте, с Ехнова⁴ двое тоже в Кронштадте, Иван Иванов бабский⁵, тот назначен в запасной батальон в город Воронеж, только я его адреса не знаю. Григорий Тимофеев не взят, так как он одинокий, а одиноких не брали. Иван Петров, тот оставлен на год, потому что тонок.

№ 6

Письмо Григория Нилова Н. М. Михайлову

6 апреля 1915 г.

6-го апреля.

Здравствуй, многоуважаемый Николай Михайлов, спешу послать свое нижайшее почтение и сердечный поклон, желаю вам всего хорошего, скорого выздоровления и прошу Всевышнего, чтобы нам с тобой после службы пришлось ещё погулять, ваш товарищ Григорий Нилов.

Ник(олай) Мих(айлов), у меня послано тебе письмо, не знаю, дошло или нет. С дома прислали адрес, но был непонятный. Тимофею Иванову⁶ послал три письма, а от него получил одно и то не знаю хорошенько, от него или нет, по руки думаю, что его работа, а имя не подписано.

Затем до свиданья, остаюсь жив и здоров, и тебе желаю скорого выздоровленья.

Адрес мой: г. Кронштадт, 1-й Кронштадтский крепостной артиллерийский полк, 3-й батальон, 11-ю роту, молодому солдату Григорию Нилову.

---

¹ Видимо, Григорий Нилов.

² Тимофей Иванов – автор писем № 8, 17.

³ Деревня Бельково Кушеверской волости Боровичского уезда.

⁴ Деревня Яхново Миголощской волости Боровичского уезда.

⁵ Деревня Бабые Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда.

⁶ См. прим. № 10.

До свиданья, многоуважаемый товарищ Николай Михайлов, служба слава Богу покамест дается хорошо. Твой товарищ Григорий Нилов.

№ 7

Письмо Григория Нилова Н. М. Михайлову

11 апреля 1915 г.

1915-го года апреля 11-го дня.

Здравствуй, многоуважаемый товарищ Николай Михайлов. Уведомляю вас в том, (что) я ваше письмо получил 11-го апреля, за которое сердечно благодарю. Затем спешу послать свое нижайшее почтение и свой сердечный поклон, ваш товарищ Григорий Нилов. Николай Михайлов, вы писали, что с Тимофеем Ивановым в Пасху видались или нет? Я от его нахожусь 35 верст, так, что мы с ним ещё не видались. У меня ему послано три письма, а от него получил одно, и то тако: на его руки признал, да по печати, что от него, своего имя то не подписано. Мы Пасху (праздновали) с Семеном Ивановым, что забрит осенью с вами, стенковский¹.

Николай Михайлов, многоуважаемый товарищ, не скучай, что ж делать, наверно так Богу надо, Господь спасет, так отслужим и дома нагуляемся, не мы одни, крещенных много за царя и за родину стоим, а чтобы нам победить этого настойчивого врага, мы тоже самое дожидаем его вести, как море разойдется. Нас учат круто, но, слава Богу, служба гораздо не затрудняет.

Затем до свиданья, многоуважаемый товарищ Николай Михайлов, желаю тебе скорого выздоровленья, ваш товарищ Григорий Нил(ов).

№ 8

Письмо Тимофея Иванова Н. М. Михайлову

Кронштадт, 11 апреля 1915 г.

1915 г. 11 апреля.

Беру перо в руки и пишу письмо от скуки, и уведомляю я своим письмом вас, дорогой товарищ Николай Михайлов. Я уведомляю своим письмом вас, Коля, мне служить хорошо, ну, бывает, что и достанется, но все-таки хорошо, Коля, не твоя служба. Дорогой товарищ, вы мне писали, что девки пишут письма, мне Иринья пишет редко. Я, Коля, с масленицы 3 письма (получил). А теперь мне не знаю, что делать. Коля, мне жалко ее, но, конечно, делать нечего. Коля, мне она пишет, что я дождусь, и я надеюсь, что она меня дождется. Коля, она все-таки гоняется за нами и скучает об нас, и твоя тоже не с кем не гуляет.

---

¹ Деревня Стеньково Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда.

Коля, вы пишете ей, что ей весело будет. Коля, я своей пишу, кажыну неделю письмо посылаю. Коля, ведь знаешь, у ней отец очень строгий, ей никак написать. Николай Михайлов, у нас с тобой барышни очень хороши, но с ними мало пришлось погулять.

Коля, кланяется тебе Яков Полевиков. Коля, мне здесь знакомых так с того набора пригнали: ехносского¹ старшины сын Коля, ещё с Пестова², больше нет никого. Николай Михайлов, о(т)пиши мне скорей, тебе денег присылают или нет. Я получил уже 10 рублей с дома. Коля, пиши ответ мне скорей, я буду ждать от вас ответ, любящий товарищ. Дай Бог тебе поправиться, Коля. Я все таки скучаю по своей бабы. Я ее не оставлю, если буду жив, потому что мне ее век будет не забыть, Иринью. Коля, Гриша³ тоже в крепостной артиллерии, в одиннадцатой роте. Коля, затем до свидания, остаюсь жив и вам того желаю от Господа Бога, здоровья. Коля, писал ваш товарищ Тимофей Иванов. Конец.

(На конверте адрес): В город Воронеж, Большая Девичья улица, 38-й, 6-й городской госпиталь. Получить Николаю Михайлову Ряпкову.

(Надпись на конверте): Тележкин.

(Штемпели): Кронштадт 10.04.15⁴; Воронеж 20.4.15.

(Штампы): 1-я рота Кронштадтского крепостного полка. Вскрыто военной цензурой боевой цензор прапорщик Пржисецкий Р.

№ 9

Письмо Ивана Никифоровича Крючкова Н. М. Михайлову

Кошели, 16 апреля 1915 г.

Здравствуй, дорогой товарищ Николай Михайлович!

Шлю я тебе сердечный привет и от души желаю всего хорошего, а главное, дай Бог скорее выздороветь. Я хорошо знаю, какая боль от ран и как скучно лежать в госпитале. Письмо ваше я получил 12-го апреля и был рад, что узнал, где находится мой товарищ – Коля! Прошу тебя напиши мне, во что ты ранен и чем, пулей или осколками снаряда, и напиши на каком фронте и в каком полку был. Затем прощай, будь здоров.

Ваш товарищ И. Н. Крючков.

---

¹ Деревня Яхново Миголощской волости Боровичского уезда.

² Деревня Пестово Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда.

³ Видимо, Григорий Нилов.

⁴ Так в тексте. Письмо датировано 11 апреля, а на штемпеле стоит 10 апреля.

Коля! Напиши, если выпишут из госпиталя и куда определяют. Адрес мой: г. Боровичи Новг(ородской) губ(ернии), почт(овое) отд(еление) Кошели, Ивану Никифорову Крючкову.

Кошели 16/4 (1)915. И. Н. Крючков.

(*На конверте адрес*): Воронеж, Девицкая улица, городской госпиталь № 6, раненому Николаю Михайловичу Михайлову. И. Крючков.

(*Штемпели*): Кошели Новг. 16.4.15; Воронеж 21.4.15.

№ 10

Письмо Григория Нилова Н. М. Михайлову

Ораниенбаум, 27 апреля 1915 г.

1915-го года 27 апреля.

Здравствуй, многоуважаемый и любящий друг Николай Михайлов. Я вашу открытку¹ получил 26-го апреля (в) 10-ть часов вечера и спешу об этом уведомить вас своим письмом, ваш товарищ Григорий Нилов. Затем спешу с уважением послать вам, любящий товарищ Николай Михайлов, свой нижайший поклон, и ещё низко кланяется товарищ Семен Иванов, и желаем вам, Николай Михайлов, всего хорошего, скорого выздоровления в вашем здоровье. Любящий товарищ, уведомляю вас в том, нас теперь готовят к присяге, а после присяги, может куда-нибудь и откомандируют в другой город. Мы наслышаны, что в мае будут прибывать новобранцы к нам.

Николай Михайлов, о(т)пиши мне, где тебя ранили, около какого города и во что ранен. Затем до свиданья, товарищ Николай Михайлов, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю, от Господа Бога доброго здоровья, скорого успеху в вашем здоровье.

Ваш товарищ Григорий Нилов.

Пиши ответ, Николай Михайлов, будем хоть письмами уведомлять друг друга, что ж делать, верна наша счастье(я) такая, надо послужить царю и отечеству, может скоро и я туда попаду.

До свиданья, Н(иколай) М(ихайлов), ваш т(оварищ) Гр(игорий) Н(и)л(о)в.

(*На конверте адрес*): город Воронеж, Большая Девицкая улица, Д. № 38-й, 6-й городской госпиталь. Получить Николаю Михайлову.

(*Надпись на конверте*): от Гриши.

(*Штемпели*): Ораниенбаум 27.4.15; Воронеж 30.4.15.

(*Штамп*): 1-я рота Кронштадтского крепостного полка; Д.Ц.

---

¹ Слово «открытку» написано вместо зачеркнутого слова «письмо».

№ 11

Письмо Ивана Никифоровича Крючкова Н. М. Михайлову

Кошели, 1 мая 1915 г.

Здравствуй, дорогой товарищ Николай Михайлович!

Шлю я тебе свой сердечный привет и от души желаю всего хорошего, а главное здоровья. Николай Михайлович! Письмо ваше я получил 30-го апреля, за которое тебя благодарю. Когда я получил, и узнал, что приходишься в городе Воронеже, то был очень рад, что можно будет нам вести переписку, и я буду знать, где находишься. У нас покуда нет ничего нового, дела идут по-старому, а Герасим Иванов и Иван Васильевич Иванов уехали в Петроград. 1-го мая заявил расчет П. Т. Шпеков. Федя Богданов теперь работает на станке на месте Иванова. Затем до свидания, Николай Михайлович. Кланяюсь я тебе и желаю всего хорошего, будь здоров.

Ваш товарищ И. Н. Крючков. 1-е мая, 2 часа ночи.

(*На конверте адрес*): г. Воронеж, Большая Девицкая ул., Д. № 38, городской госпиталь № 6-й. Николаю Михайловичу Михайлову. «Кошели Новг.» И. Н. Крючков.

(*Штемпели*): Кошели Новг. 2.5.15; Воронеж 6.5.15.

№ 12

Письмо Якова Дмитриевича Нешатаева Н. М. Михайлову

14 мая 1915 г.

1915 года мая 14 дня.

Доброго здоровья. Николай Михайлович, поздравляю Вас приездом к родным вашим и желаю счастливого успеха делам вашим. И затем уведомляю Вас в том, что я нахожусь вместе с Ковалевым и Стешенком в одной слободе Калачь¹. А только не в одном госпитале, они в первом, а я во втором, промежуток будет не больше как сажень 60, и все время гуляем вместе очень свободно. Как утром чаю напьемся и до обеда не заходим в госпиталь, и таким порядком после обеда до чаю вечернего, после чая вечернего до ужина, после ужина до 12 часов ночи, а и даже некоторые заходят перед светом утра, утром спим до 8 часов, то есть до чаю, а к чаю будят служанки, есть много, имеют себя по-австрийски (слово нрзб.). Вот какое здесь раскошие, в театр ходим бесплатно, в саду играет музыка, народ очень почетный, каждый попавший (на) встречу дает поклон, а что касается довольствия, так и говорить не стоит, обед –

---

¹ Калач, слобода Богучарского уезда Воронежской губернии.

три блюда, а ужин – 2 блюда. Да и, кроме того, в каждый Божий день приносят жертву, кто печение, конфеты, яйца, молоко, сдобные булки и что только испросят. Боже, спаси, какой народ добродушный, одним словом такое раскошие очень хорошо, незаметно проходят дни. Затем поклоны Вам от Ковалева и Сташенка, затем до свидание. Ваш любящий друг Яков Дмитриев Нешатаев.

Адрес: слобода Калачь, Воронежской губ(ернии). Сельскохозяйственный госпиталь «2». Получить Якову Д. Нешатаеву.

Ежели ещё не приехал домой Николай М. Михайлов, то не рвите письмо, а он приедет домой и передадите.

(*На конверте адрес*): Новгородской губ(ернии), город Боровичи, Минецкое почтовое отделение, дер. Демидово, Николаю Михайловичу г-ну Михайлову.

(*Надпись на конверте*): Нешатаев.

(*Штемпель*): Минцы Новг. 18.5.15.

№ 13

Письмо Ивана Тимофеевича Богданова Н. М. Михайлову

Июнь 1915 г.

1915-го года июня дня¹.

Во первых строках моего письма здравствуй, дорогой товарищ Николай Михайлович. Шлю я тебе от души и с любовью низкий поклон, дорогой товарищ Николай Михайлович. Вы мне прислали письмо, за которое вас очень благодарю и большое вам спасибо. ещё уведомляю вас, что вы хотели узнать, где я нахожусь. Я нахожусь все время в строю и в бою, но тем хорошо, что я нахожусь в команде службы связи, и, наверное, вы знаете, в телефонисты поступил я 4-го апреля (слово нрзб.). ещё уведомляю тебя и сообщаю, я заробил (это по-польски) крест и медаль 4-й степени², и меня тоже ранило, только легко и я, по милости Божьей, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю всего хорошего и счастливого, успеха в делах ваших, и я остаюсь в строю. Теперь я обращаюсь, Николай Михайлович, к вам, почему не описал, что как вы ранены и как, и во что. Как известно, какая наша жизнь, сами знаете. Но, а что написать о моей жене? Вы писали ко мне, очень досадно, конечно, я верю, да делать нечего, я очень далеко. Затем я обращаюсь к тебе, пожалуйста, почитай при ней, я ей от души и сердца шлю мое сердечное желанье и с любовью низкий

---

¹ Число не написано.

² Видимо, речь идет о Георгиевском кресте и Георгиевской медали «За храбрость».

поклон, дорогой моей жене Прасковье Алексеевне. Я всегда и думаю о ней, да очень далеко, жена узнала меня или нет. Это я вам, дорогой товарищ Николай Михайлович, в каком был полку? Коля, я очень скучал по вам и все время вас поглядывал, но нигде. Желал вас видеть. Затем вам, Коля, я желаю побыть вам дома, хорошо бы и мне побыть дома только невредимым, живым, Господь бы судил бы. Я очень рад, что вы дома, наверно вы, Коля, счастливы. Коля, ещё прошу, пожалуйста, передай мой низкий поклон всем моим братьям и также товарищам, я от души шлю твоему отцу, матери и брату Андрею, и сообщу, где находятся наши, которые на службе, если только знаешь, и пиши мне ответ, я буду ждать. Затем до свиданья, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю от Господа Бога доброго здоровья, остаюсь жив.

Затем ещё пишу, потому что о(т)пиши, как дома у нас живут – хорошо, ожидаем лучше, все благополучно? Затем до свиданья, я покамест жив и здоров, того и вам желаю от Господа Бога доброго здоровья, да, а знакомых я вижу много: Яшку Скуратовского¹, Гришку Шварковского², а остаховского³ Яшку ранило, я его привел в штаб полка. Который Жилова Бора⁴ всегда со мной, когда ещё обучались, знакомые есть.

(На конверте адрес): Из действующей армии в Новгородскую губернию, Боровичский уезд, Минецкую волость, деревню Демидово. Получить крестьянину Михаилу Григорьеву Рябкову.

(Надпись на конверте): Богданов.

(Штемпели): Полевая почта. Контора № 9 21.6.15; Минцы новг. 29.6.15.

(Штамп): (Ла)дожскаго полка 16 (ком)анда.

№ 14

Письмо Михаила Алексеевича Бойцова Н. М. Михайлову

25 июля 1915 г.

1915 году 25 июля.

Дорогой товарищ, Николай Михайлович, посылаю я вам свое нижайшее почтение и желаю я вам от Господа Бога доброго здоровья и в делах ваших от Господа Бога доброго и скорого и счастливого успеха. ещё кланяюсь вам, товарищам и Григорию Тимофеевичу, и уведомляю я, дорогой товарищ Коля, в том, что я получил Георгиевскую медаль и семь рублей денег за нее. И подали рапорт на крест четвертой степени. ещё уведомляю, дорогой товарищ Коля, в

---

¹ Деревня Скуратово Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда.

² Деревня Шварково Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда.

³ Деревня Остахово Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда.

⁴ Деревня Жилой Бор Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда.

том, что я с Иваном Тимофеевичем Богдановым¹ вижу каждый день и живем мы с ним хорошо и находимся в строю на австрийской земле². Стоим на позиции, дорогой товарищ Коля, только очень скучно. ещё дорогой товарищ Коля, отпиши пожалуйста мне, кажется я вам постоянно дела вел хорошо и был бы я вам очень благодарен за это. Может Господь даст, останусь живым, так это я вам никогда не забуду, дорогой товарищ. О(т)пиши, как вы гуляете и что делаете. А мы бьемся каждый день с врагом, днем стрельбы нету, а ночью так пули сыпаютца как грибы. Ожидаем каждый день миру. ещё вам кланяются Иван Тимофеев Богданов и подбереский³ Александров. Дорогой товарищ Николай Михайлович, у нас говорят, что будет скоро набор, так отпиши, кажи извести. И затем до свидания, остаемся живы и здоровы.

О(т)пиши, гулял ли с бабой?

Адрес мой: в действующую армию 6 Армейской корпус, 16 Ладужской полк, 12 роту, Михаилу Алексеевичу Бойцову деревни Трошево⁴.

И передай поклон Домны.

О(т)пиши пожалуйста скорей, будем ждть, по-теперешнему до свиданья.

(На конверте адрес): Из действующей армии (в) Новгородскую губернию, город Боровичи, Минецкого почтового отделения, деревню Демидово, Николаю Михайлову.

(Надпись на конверте): Бойцов.

(Штемпели): Полевая контора 31.7.15; Минцы Новг. 8.8.15.

№ 15

Письмо Дарьи Рябковой родителям и брату Н. М. Михайлову

г. Петроград, 21 июля 1915 г.

Посылаю письмо 21 июля 1915 года.

Вздравствуйте, многоуважаемые мои дорогие родители, Папа и Мама, шлю я Вам свой привет и с любовью низкий поклон, и также кланяюсь дорогим

---

¹ Иван Тимофеевич Богданов – автор письма № 13.

² 14 октября 1915г. после ранения М.А. Бойцов поступил в госпиталь № 8 г. Воронежа. На сайте «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.» мы обнаружили уведомление о его приеме. В уведомлении указан его возраст: 23 года; место рождения: Новгородская губерния, Боровичский уезд, Миголощская волость, деревня Трошево; должность и место службы: 16 Ладужский полк, рядовой; характер ранения (время и место получения): контузия, 16 февраля 1915г. за Жирардов. См.: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/1146735/>. Очевидно, что время и место получения ранения М.А. Бойцовым в уведомлении указаны ошибочно, поскольку противоречат содержанию письма.

³ Деревня Подберезье Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда.

⁴ Деревня Трошево Миголощской волости Боровичского уезда.

моим братцам Андрюши и Коли, ещё Устиньи с детьми Тоней, Шурой, Таней, Гришей, ещё кланяюсь всем моим знакомым и родным, ещё всем нашим девицам, ещё передайте от меня поклон Домаши. Милая Мама, сообщаю я Вам, что я покуда слава Богу жива и здорова, пишите как Ваше здоровье. А лето мы все работали, отдыху нам не было кроме праздников, все лето шьем, только две девочки были отпущены в деревню до первого августа к родным. Мама, я прошу тебя, когда Домна поедет, если можешь, то пришли мне, пожалуйста, гороху нашего стручками и бобу, если есть, а если нет, тогда бобу купи, пожалуйста, у кого-нибудь сушеного на пять копеек и пришли мне. Ах, милая мама, прости, что я тебя прошу и беспокою, была бы я в деревне и сама бы сорвала, а теперь – теперь что и сорвала бы да далеко, а я очень хочу чего-нибудь деревенского. Мама, пришли чего-нибудь, попроси Домашу, чтобы она взяла посылочку. Мама, если ты не посылала хозяйке письмо и не извинялась перед ней, тогда, пожалуйста, не пиши, потому что это будет лишнее от тебя. Мама, пиши, не забывай нас. Прощайте, остаюсь любящая вас дочь ваша Даша. Крепко целую всех и Колю.

Вздравствуй, мой дорогой братец Коля, кланяюсь я тебе и желаю всего хорошего и доброго здоровья. Коля, прошу я тебя, напиши мне, пожалуйста, почему ты мне не пишешь писем, или ты на меня обиделся, или я тебе что неладно написала, или ты просто забыл свою сестру, что я твоя сестра. Вспомни, когда ты лежал в лазарете, тогда я тебе писала, и ты мне тоже, а теперь как съехал в деревню, так только одно письмо прислал. Прощай, Коля, остаюсь известная сестра тебе Даша.

(На конверте адрес): Нов(городская) губер(ния), город Боровичи, Минецкое почтовое отдел(ение), в деревню Демидово. Прошу передать Михаилу Григорьеву Рябкову, а лич(но) Коли.

(Надпись на конверте): Даша.

(Штемпели): Петроград 21.7.15; Долговс(?) 31.7.15 Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. Для пакетов; Минцы 4.8.15.

№ 16

Письмо Григория Нилова Н. М. Михайлову

10 августа 1915 г.

1915-го года 10-го августа.

Вздравствуйте, многоуважаемый товарищ Николай Михайлович! Во первых строках моего письма спешу послать свой товарищеский заочный привет и свой искренний товарищеский поклон, известный ваш товарищ Григорий Нилов. ещё посылаю по низкому поклону Андрею Михайлову, Михаилу Григорьеву, Устинье и тете Анне, и всему вашему семейству. Дорогой

товарищ Николай Михайлов, уведомляю вас в том: я ваше письмо получил 4-го августа, которое у вас писано после Тихвинской, я не знаю, почему-то оно очень долго шло, я вами остаюсь очень доволен, что вы не забываете меня.

Затем до свиданья, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю всего наилучшего. До свиданья Гр(игорий) Н(илов).

(На конверте адрес): Новгородской губернии, город Боровичи, Менецкое почтовое отделение, деревни Демидова, Николаю Михайлову.

(Надпись на конверте): Гриша.

(Штамп): Д.Ц.

№ 17

Письмо Тимофея Иванова Н. М. Михайлову

Кронштадт, 14 августа 1915 г.

1915-го 14 августа.

Спешу уведомить я своим письмом дорогого дружка Николая Михайлова, ещё кланяюсь я вашей мамы и ещё отцу. Дорогой друг Николай Михайлов, я ваше письмо получил 13 августа, за которое я вас благодарю. Я очень рад от вас такое приятное письмо получил. Я письмо читал, как с вами говорил, о ней подробнее, дорогой друг, я ее век не забуду¹, пока жив. Если я останусь жив, не убит, то я ее возьму к себе, если она тоже будет держаться моего слова, то будет она счастлива. Дорогой друг Николай Михайлов, о(т)пиши мне, кто с кем гуляет. Коля, я слышал, что Домна Марковна живет дома, если дома, то, Коля, мне об этом скажи, мне охота узнать. Коля, если можно как поскорей я буду ждать от вас ответу. Дорогой друг, мне служить хорошо, но только, Коля, скучно. Коля, я, конечно, так не жил бы, чтобы сударку не нажить, но только, что мы живем не в городе, а на батарее в крепости. ещё Коля, я вас попрошу, о(т)пиши мне, кто у нас были рекрутами, какие ребята и куда их угнали, если взяли. Дорогой друг Николай Михайлов, от меня мой земляк живет 18 верст, и никогда мне ничего не отпишешь, так что я не знаю про него ничего, Григорий Нилов. Коля, а Полевиков в учебной команде. Коля, и меня хотели туда вдуть, но я выпросился у фельдфебеля, и он меня оставил. Коля, в учебной очень тяжело.

Дорогой друг Николай Михайлов, затем до свидания, остаюсь жив и здоров, и вам того желаю от Господа Бога доброго здоровья. Коля, передай от меня моей барышне Ириньи Самсоновой. Писал ваш друг Т(имофей) Ив(анов), канонир. 1915-го 14 (августа).

---

¹ Видимо, речь идет об Иринье Самсоновой. См. ниже, а также письмо № 8.

(На конверте адрес): в город Боровичи Новгородской губернии, в Минецкое почтовое отделение. Передать в дер. Демидово Николаю Михайлову.

(Надпись на конверте): Тимофей.

(Штемпели): 1-я рота Кронштадтского крепостного полка; Минцы Новг. 17.8.15.

*(Штамп)*¹: Вскрыто военной цензурой боевой цензор прапорщик Пржисецкий 2.

Письма, адресованные Ф. И. Блазнову

№ 18

Письмо поручика Кузнецова Ф. И. Блазнову

28 февраля 1915 г.

28/II 15 года.

Ваш брат Григорий Блазин ранен в бою 7 августа. В каком лазарете он находится мне не известно. Командир 10 роты поручик Кузнецов.

(Адрес на почтовой карточке): Действующей армии 145-й Новочеркасский его императора Александра III-го полк в 11 роту. Получить Филиппу Игнатьевичу Блазнову.

(Штемпели): Запасная полевая конт(ора) № 136 1.3.1(5); Полев(ая) почт(овая) конт(ора) 4.3.15.

№ 19

Письмо Бориса Потаповича Ф. И. Блазнову

(2 марта 1915 г.)

Дорогой товарищ, письмо от известного вам товарища Бориса Потаповича. Во-первых, дорогой товарищ Филипп Игнатович, посылаю я вам свое почтение и низенький поклончик, но прежде всего, поблагодарю вас за ваше письмо, которое я получил от вас 24-го фев(раля), и благодарю вас, что вы описали кончину моего брата, и так, что прочитавши ваше письмо, горько плакал. Но я все не верил, но теперь уже уверился, что не видать больше своего брата Лешу, вечная память брату моему, но я покуда жив и здоров и живу в Виленской губ(ернии), в местечке Олита² около реки Неман, и часто поговариваем о вашем здоровье с вашим братенником Евтихием Прокоповичем. Мы занимаем

---

¹ Штамп поставлен на конверте и на тексте письма.

² Местечко в Виленской губернии на берегу реки Неман, современный г. Алитус на юге Литвы.

караулы и провожаем пленных, но только пленных у нас мало, и мы жили раньше в Вержбагове¹, но пришлось отступить, и мы начали отступать 27-го января и шли до 4-го фев(раля). И прошли за эти 6 дней 225 вер(ст), и так, что пришлось претерпеть.

И за этим прощайте, желаю вам вернуться целым домой, остаюсь ваш знак(омый) Борис Потапович незабываемый, прощайте, но ещё кланяется вам ваш братенник Евтихий Прокопович и за этим прощайте, дорогой братенник Филипп Игнатович остаемся вас незабываемый Б. Потапович.

(На конверте адрес): Действующая армия, 145-й Новочеркасский полк, 11-ю роту, Филиппу Игнатовичу Блазнову.

(Штемпель): Минск(ая) глав(ная) полевая почта 2.3(?).

(Штамп): 3 рота 3 этапного батальона.

№ 20

Письмо А. Бурдуна Ф. И. Блазнову

11 марта 1915 г.

11 марта 1915 года

Филипп! Христос Воскресе! Ваши письма сначала были, а теперь нет, если будут, то я их пришлю, а те, которые раньше были, во время перехода я отдал их каптенармусу на один день, а на тот сказал, я их возьму в сундук, а он их потерял. До свиданья, твой друг А. Бурдун. Крепость Перемышль тоже взята. Пиши, не забывай, скоро поправляйся.

(Адрес на почтовой карточке): гор. Воронеж, Большая Девицкая № 38, 6-й городской госпиталь, Филиппу Блазнову. Из действующей армии.

(Штемпель смазан).

№ 21

Письмо Петра Захаровича Ф. И. Блазнову

15 марта 1915 г.

1915 года марта 15 дня.

Здравствуй, дорогой любящий товарищ Филипп Игнатьевич, от товарища вашего Петра Захаровича. Первым долгом спешу сообщить, что я по милости Божьей жив и здоров и кланяюсь я вам низким поклоном, ещё уведомляю я вас, Филя, что я ваше письмо получил и исполнил вашу просьбу, ходил я в 11 роту, но писем ваших нет. А нового у нас тоже нет, тоже все благополучно, стоим мы на самом фланге, около Румынской границы. Вы читаете газеты, а у нас нет

---

¹ Установить это место не удалось.

ничего, так попали в такую несчастную Австрию, что даже купить нечего, сидим мы в окопах, точно медведь в берлоге, шагов так на 600 от австрийцев, с нетерпением я вас жду, что было бы мне с кем поговорить и развеселиться. Пока остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. До свидания, прощай, ваш любящий товарищ Петр Захарович. Адрес вам известен.

(На конверте адрес): г. Воронеж, Большая Девицкая улица № 38-й, 6-й городской госпиталь. Получить Филиппу Игнатьеву Блазнову. Из действующей армии.

(Штемпели): Из Действующей Армии; Воронеж(ская) губ(ерния) 12.4.15.

№ 22

Письмо писаря 11-й роты Ф. И. Блазнову

21 марта 1915 г.

21 марта 1915 года.

Филипп Игнатьевич, Христос Воскресе!

Посылаю те два письма, одно кто-то вскрывал, но не знаю, кажется, что взводный Гоженко. Новостей нету никаких, затем до свидания, писарь 11 роты.

(На конверте адрес): город Воронеж, Большая Девицкая № 38, 6-й городской госпиталь, Филиппу Блазнову.

(Штемпели): Полевая почта № 20 16.3.15; Из Действующей Армии.

Литература и источники

Книга личных счетов – Книга личных счетов рабочих Кошелевских писчебумажных фабрик // ГАНО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 64. Л. 274 об.–275.

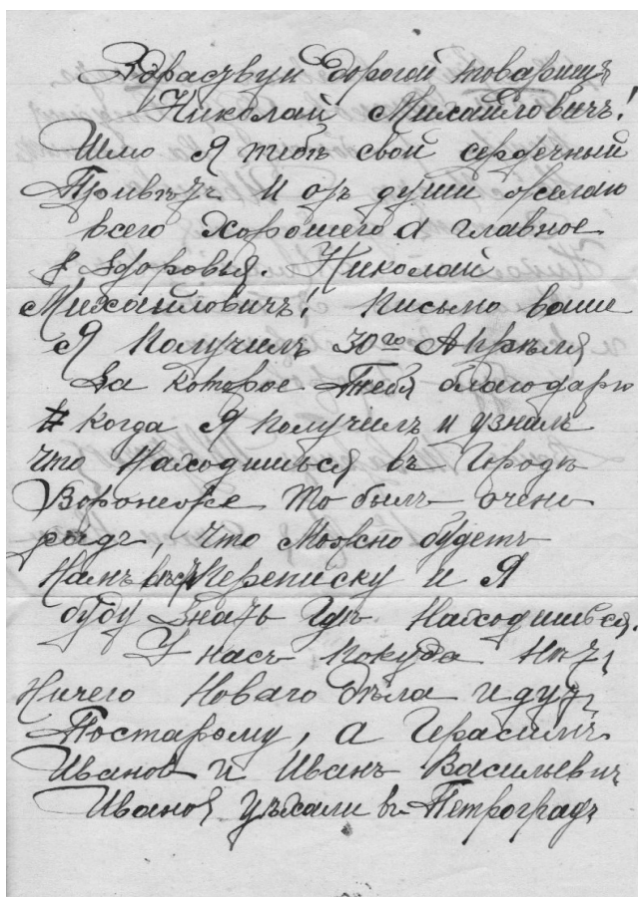
Книга для записи – Книга для записи налагаемых на рабочих штрафов // ГАНО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 15. Л. 178 об.

Метрическая книга, 1879–1881 – Метрическая книга Минецкой церкви о рождении браке и смерти за 1879–1881 гг. // ГАНО. Ф. 480. Оп. 18. Д. 83. Л. 117 об.–118.

Метрическая книга, 1882–1885 – Метрическая книга Минецкой церкви о рождении браке и смерти за 1882–1885 гг. // ГАНО. Ф. 480. Оп. 18. Д. 84. Л. 152 об.–153.

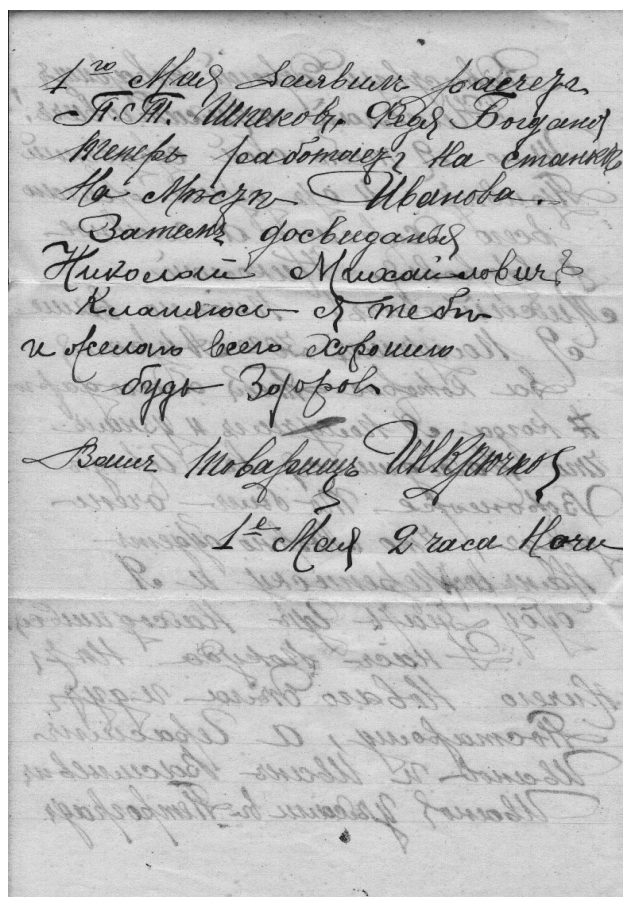
Метрическая книга, 1886–1890 – Метрическая книга Минецкой церкви о рождении браке и смерти за 1886–1890 гг. ГАНО. Ф. 480. Оп. 18. Д. 85. Л. 125 об.–126.

Метрическая книга, 1899–1901 – Метрическая книга Минецкой церкви о рождении браке и смерти за 1899–1901 гг. // ГАНО. Ф. 480. Оп. 18. Д. 88. Л. 8 об.–9, 179 об.–180, 223 об.–224.

Добравши своей товарищ
Николай Михайлович!
Шлю я тебе свой сферный
Аппарат и ор думи асиди
всего доброго а главное
Здоровья. Николай
Михайлович! Кислово ваше
я получил 30го апреля
за которое я был одофарн
когда я получил и узнал
что находився в городе
Вологде. Но был очень
рад, что можно будет
написать письмо и я
сделал так же как находився.
Я нас покуда на
улице Нового Огня и дум
Астафому, а у Василия
Иванов и Иван Васильевич
Иванов уехали в Петроград

Рисунок 1. Письмо Ивана Никифоровича
Крючкова Н. М. Михайлову

1го Мая добрый вечер
Н. М. Михайлов! Под Богом
Аппарат работаю на станке
на Машин-Иванова.
Вам же доброго
Николай Михайлович!
Кислово я тебе
и желаю всего доброго
будет Зорков
Ваше товарище Илья
1го Мая Я вас на

Рисунок 2. Письмо Ивана Никифоровича
Крючкова Н. М. Михайлову (оборот)

Москва 3 марта 1916 года
 Возврату милый мой
 дорогой братец Иван пламя-
 ность я тебе сестра твоя
 Дарья Иван и твою
 открытку и письмо получила
 даром и тебе и благодарю
 шный мой братец Иван
 ты пишешь что я
 тебе написала письмо
 я не знала куда писать
 я в станцию Бучу послала
 письмо и два конверта
 но тебе уже немного
 там и она проехала
 а из дому наль
 ранице писали что
 Андрей взвел а в старе-
 жьего писали ставшев
 покраны и отъ него

Рисунок 3. Письмо Дарьи Рябковой
Н. М. Михайлову

Дорогой товарищ
 Милое отъ всемо
 вамъ товарища Бориса
 Потаповича во первыхъ
 Дорогой товарищ ершину
 гимназия послала я вамъ
 свое почтение и извѣстия
 поклонникъ по предмету всего
 поблагодарю васъ за вашу
 тему которое я получилъ
 письмо скоро плакала
 но я все не верилъ но теперь
 уже уверился что невиданъ
 больше своего брата
 чему вся моя память бра-
 тьямъ моему, моя поуде
 дева и в дровъ и диву въ
 вилкегъ естъ естъ въ
 сметерки ошита около
 Бучу Меланъ

Рисунок 4. Письмо Бориса Потаповича
Ф. И. Блазнову

г. Воронежъ
 Большой Довицкой ул.
 д. № 38. Городской Искиталь
 № 6^и Николаю Мисайлову
 Мисайлову. «Косели Новг.»
 И. Н. Крючковъ

Рисунок 5. Конверт письма И. Н. Крючкова Н. М. Михайлову

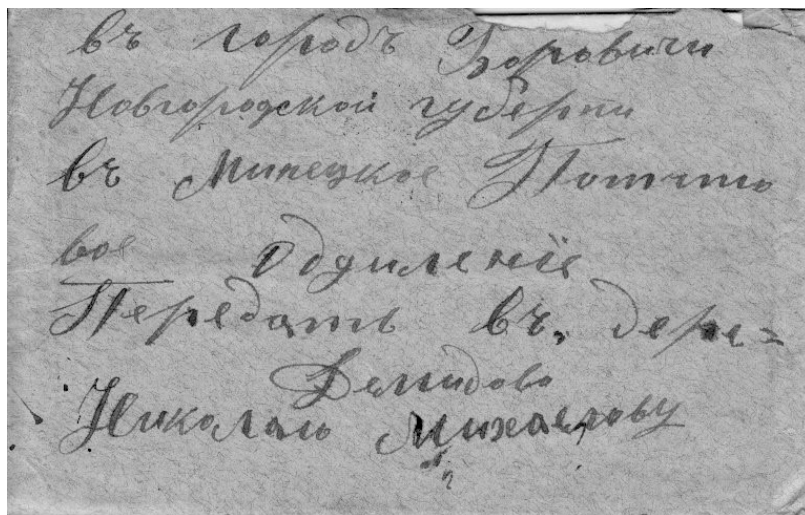

Рис. 6. Конверт письма Тимофея Иванова
Н. М. Михайлову

Рисунок 7. Коллаж писем

**ПЕРЕПИСКА К. В. МИНУТИНА, О. М. СИЗОВОЙ
И Л. Н. ЛЕОНТЬЕВА**

Среди документов Константина Васильевича Минутина, уроженца деревни Ямская Слобода, Крестецкого района, заслуженного работника культуры РСФСР, автора книги «Крестцы», изданной в 1983 г. в серии «Города Новгородской области», редактора одного из томов Новгородской областной книги Памяти, сохранились 22 письма его земляков: Ольги Михайловны Сизовой (1919–1942) и Льва Николаевича Леонтьева (1921–1942).

Молодые люди окончили в 1937 г. 1-ю среднюю школу поселка Крестцы. Это был первый выпуск полной десятилетки в поселке. В том же году Ольга Сизова поступила в Ленинградский индустриальный институт (ныне политехнический университет Петра Великого), а Константин Минутин начал работать корректором районной газеты «Серп и молот». В 1939–1940 гг. он учился на факультете русского языка и литературы Учительского института при Ленинградском педагогическом институте имени Герцена¹. Л. Н. Леонтьев, судя по содержанию его писем, в 1940 г. был призван в РККА и проходил службу в войсках ПВО в поселке Горелово² Ленинградской области.

---

¹ В связи с введением всеобщего обязательного семилетнего обучения и ростом числа школ-семилеток в 1934-1935 гг. в СССР была развернута сеть учительских институтов с двухлетним сроком обучения. По планам предполагалось, что в начальных классах сможет работать выпускник педтехникума, в неполной средней школе (5–7-й классы) – выпускник учительского института, в старшей школе – выпускник педагогического института.

² Горелово – сегодня исторический район Санкт-Петербурга. Расположен на юго-западной окраине города, в 5 км к северу от Красного Села. С 1938 года здесь находился военный аэродром (19-й, 26-й и 44-й истребительные авиаполки), а также располагались батареи 169-го зенитного артиллерийского полка. 169-й зенитный артиллерийский полк – одно из старейших соединений зенитной артиллерии СССР. Кроме Горелово части полка располагались в Ропше и Низино. Полк состоял из пяти зенитных дивизионов орудий среднего калибра (85-мм или 76-мм орудий), каждый из которых состоял из пяти зенитных батарей, трёхбатарейного дивизиона малого калибра (37-мм пушки) и прожекторного батальона из пяти рот. Каждая батарея состояла из взвода управления и огневого взвода, имела на вооружении четыре орудия и счетверённую зенитную пулемётную установку на автомобиле.

Переписка уроженцев г. Крестцы несет на себе важные видовые характеристики документов личного происхождения – в этих письмах отражены исторические события, прошедшие через сознание конкретного человека – студентки ленинградского ВУЗа, бойца РККА и их адресата – учителя в алтайском райцентре.

Прежде всего, это Постановление Совета Народных комиссаров СССР от 02.10.1940 г. «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» резко изменивший судьбу Константина Минутина. За обучение в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда вводилась плата – 400 рублей в год. Требуемая годовая оплата превышала среднюю месячную заработную плату по стране. Причины решения правительства в последний предвоенный год очевидны – власть стремилась всемерно сократить расходы на гражданские нужды, улучшить комплектование военных училищ, ремесленных училищ и школ ФЗО, в которых обучение оставалось бесплатным. Однако введение платы фактически задним числом, без подготовки, в противоречие советской идеологии и предшествующей политике стало для небогатых советских семей тяжелым ударом.

Ольга Сизова посчитала предстоящие расходы своей семьи: «нам за год за обучение 3-х студентов и 1-го ученика нужно заплатить 1250 рублей, да на жизнь 200 рублей каждому, ведь за общежитие ещё нужно платить». Отлично сдав сессию, Ольга была освобождена от оплаты за учебу и ей была назначена стипендия. Тем не менее, встал вопрос о продаже части дома в Крестцах, а затем была продана корова.

В автобиографии К. Минутин пишет: «Из-за материальных трудностей пришлось учёбу бросить. Поехал на учительскую работу в Алтайский край. Два года преподавал русский язык и литературу в Егорьевской средней школе Егорьевского района». О том, каким ударом для молодого человека стало это постановление, свидетельствует письма его земляков. Л. Леонтьев 11.12.1940 пишет, что напрасно его друг называет письмо, в котором он сообщает о перемене в своей судьбе «бессвязным», а более поздняя пометка К. Минутина ещё жестче характеризует это несохранившееся послание как «пьяное».

Положение семей Минутина, Леонтьева и Сизовой имело важную общую черту: у всех троих в 1937–1938 гг. были арестованы отцы и близкие

родственники¹. Лев Леонтьев пишет восьмого-девятого февраля 1941 г.: «Сегодня я получил ответ из НКВД от Берия на заявление о папе. Мне сообщили, что он осужден на 10 лет без права переписки, находится на Д. Востоке. О смерти заключенных сообщают. Об этом я тебе сообщаю потому, что мне кажется, это должно тебя заинтересовать. Костя, как ты думаешь, можно ли добиться если не свидания, то хотя бы переписки (в крайнем случае, нерегулярной). Этого мне так же хочется, как быть вместе с тобой. Что ты можешь мне посоветовать? Если тебя интересует адрес, так вот он: Москва, НКВД, Нар. Комиссару Вн. Дел Берия.

Что ты на все это скажешь?

Лева

9.2.41.

P.S. Признаться мне не верится, что папа жив... С таким здоровьем и в таких условиях!.. Целых три года...

Л.»

---

¹ *Минутин, Василий Михайлович*, 1897 г. р., уроженец и житель с. Ямская Слобода, русский, окончил реальное училище, беспартийный, технорук лесоучастка Донецкого ОШОСДОРА. Приговорен 4 мая 1938 г. к расстрелу. Расстрелян. (*Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области*: Т. 8. С. 110).

Минутин, Павел Михайлович, 1892 г. р., уроженец и житель с. Ямская Слобода, русский, грамотный, беспартийный, десятник Лесозаготконторы. Арестован 17 августа 1937 г. Осужден на 10 лет лагерей. (*Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области*: Т. 1. С. 112).

Минутин, Федор (Петр) Михайлович, 1889 г. р., уроженец и житель с. Ямская Слобода Крестецкого р-на Лен. обл., русский, беспартийный, крестьянин, занимался извозом на своей лошади. Арестован 12 сентября 1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Новгород 19 октября 1937 г. (*Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской обл.*: Т. 1. С. 112).

Леонтьев, Николай Александрович, 1877 г. р., уроженец и житель с. Ямская Слобода Крестецкого р-на Лен. обл., русский, из семьи священника, беспартийный. Арестован 13 февраля 1938 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 20 марта 1938 г. приговорен по ст. ст. 17-58-8, 58-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 4 апреля 1938 г. (*Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской обл.*: Т. 2. С. 127).

Сизов, Михаил Иванович, 1893 г. р., урож. с. Зимогорье Валдайского р-на, русский, грамотный, беспартийный, счетовод артели "Красный кустарь", проживал в п. Крестцы. Арестован 17 августа 1937 г. Осужден на 10 лет лагерей. (*Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области*: Т. 2. С. 119).

Сизов, Петр Иванович, 1889 г. р., урож. с. Зимогорье Валдайского р-на, русский, грамотный, беспартийный, работник магазина, проживал в п. Крестцы. Арестован 17 августа 1937 г. Расстрелян 27 октября 1937 г. в Новгороде. (*Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области*: Т. 1. С. 115).

Шестого марта 1941 г. он снова возвращается к этой теме: «Меня сейчас очень интересует вопрос, как добиться переписки с отцом? Может быть, ты знаешь, или узнаешь, напиши».

В свою очередь О. Сизова третьего марта 1941 г. пишет: «После моих каникул мама наша ездила к отцу в Коми АССР (им дали два дня свидания). Она на обратном пути заезжала ко мне, и я так рада, что она съездила (эта возможность предоставилась тем, что я получила стипендию), теперь она спокойна, что папа здоров и выглядит неплохо, только состарился. Я тоже могу в весёлые дни не омрачаться воспоминаниями о папе, как он там... Он сейчас в колонии работает бухгалтером и пользуется доверием и уважением начальства и окружающих. Также (если его куда не перешлют) у нас установилась приличная связь, и мы можем ободрять его письмами и поддерживать посылками. Кстати, а о твоём отце так ничего и не слышно?»

Отношение К. В. Минутина к данной теме выражено в значительно более позднем документе – «Автобиографии». 14 мая 1958 г. он сообщает: «В 1938 г. отец был репрессирован и осужден на 10 лет без права переписки. Связи с ним с 1938 года не имели. Недавно стало известно, что он в 1943 году умер в заключении. Были репрессированы органами МВД также два дяди (братья отца)». Не ранее 1977 г. он сформулировал эту информацию следующим образом: «Отец был осужден в 1938 г. на 10 лет без права переписки, умер в заключении, был реабилитирован как несправедливо осужденный, в 1958 г.»

В преддверии войны чрезвычайно любопытна содержащаяся в переписке оценка ситуации в отдельно взятом подразделении Красной армии. Лев Леонтьев проходил службу предположительно, в 189-м зенитном артиллерийском полку – других частей ПВО в Горелово не выявлено. Расположенный в непосредственной близости к Ленинграду полк не обязательно должен был быть образцовым, однако подробности, сообщаемые Л. Леонтьевым, носят порой удручающий характер. Следует оговориться – негативные оценки относятся не к боевой подготовке и, соответственно, к боевым возможностям зенитчиков, не к особенностям прохождения службы самого автора (он признается, что ему служитя достаточно легко), а к взаимоотношениям командиров и бойцов, материальным и бытовым условиям.

Очень подробно Лев Леонтьев высказался по этим темам в письме от 05.01.1941:

«А как я буду служить командиром? Это очень трудно с моим характером.

Я стоял и стою (я сейчас ефрейтор) на стороне своих товарищей красноармейцев. И за это мне немало доставалось. Но что поделаешь, если я не могу равнодушно смотреть на несправедливости. Можно ли молчать, если дают

вместо 1 кг хлеба 600–700 грамм; если на батарее нет абсолютно никаких развлечений – ни музыкальных инструментов, ни шашек, ни домино, ни шахмат; если на батарее всего пар 5 лыж с поломанными палками и оборванными креплениями; если тебе говорят, что для того чтобы быть сытым, надо потуже подтягивать ремешок; если тебя ругают за того, что ты получил посылку с салом или ещё с чем-нибудь съестным; ...если кухня дымит так, что повар категорически отказывается работать, и рабочие после работы мучаются с глазами дня два, и на это не обращают никакого внимания, если не разрешают топить печи, несмотря на то, что в помещении замерзает вода. Этих мелочей можно набрать множество. Это мелочи, но как они влияют на общее настроение! От них зависит успех боевой подготовки, от них зависит боеспособность. Все это очень больно видеть. И ещё большее сознание своей бессильности в исправлении всего этого. Но все равно я не могу молчать, хотя это и во вред себе».

Много переживаний Льва Леонтьева было связано с состоянием его здоровья. 11.12.1940 он пишет: «11 ноября я почувствовал себя нездоровым. Оказалось t-ра 38,7. До 20-го лежал в полковой санчасти. Положение ухудшилось (г. о. потому что питание не подходило для больного – не ел, да и медицинские сп-цы уж не ахти!), 20-го свезли меня в Л-д, в лазарет, где валялся до сегодняшнего дня». 04.02.1941 – «я уверен, что легкие у меня далеко не в порядке. Но для того чтобы добиться лечения, надо потратить уйму сил, перетерпеть много унижений, да и то многого не добьешься. У нас рассуждают так: «Раз температура нормальная, значит, ты здоров. Если t-ра менее 37,5 иди заниматься на мороз – освобождения не дадим». Добиться серьезного лечения (хотя бы такого, какому я подвергся в ноябре-декабре) невозможно, но если болезнь у меня разовьется, то тогда, если и станут лечить – будет поздно». 06.04.1941 «Жизнь моя за эти дни ещё ухудшилась. За то, что я отказался пройти 6 километров за 30 минут (у меня была высокая t-ра и освобождение с лечением на койке) меня хотят отдать под ревтрибунал (невыполнение приказа)». 25.04.1941 «В результате рентгеноскопии и рентгенограммы, лабораторного и клинического исследования, консультации с профессором Покровским у меня нашли фиброз легких и дали направление на комиссию (для освобождения от строевой службы) и в стационар для лечения. (Как я рад, что фиброз, а не tbc!) На комиссию я не пошел, т. к. я ещё питаю некоторую надежду на сдачу на мл. л-та. В стационар я тоже не попал (переполнен), пришлось, получив освобождение, лечиться здесь. Как видно врачи ошибались, находя осенью у меня туберкулез. Весной поставили tbc под вопросом и теперь находят фиброз».

Если для К. Минутина и О. Сизовой средняя школа стала ступенью к высшему образованию, то для Льва Леонтьева – источником больших проблем на воинской службе. По закону о всеобщей воинской обязанности ему предстояло служить два года. Эгоцентричный и много болеющий юноша мечтал отслужить и вернуться к гражданской жизни. Однако, в условиях быстрого увеличения численности вооруженных сил бойцу РККА, имеющему среднее образование, было безальтернативно предложено пройти подготовку на младшего командира (сержанта). Это означало продление службы ещё на один год. После присвоения сержантского звания Леонтьеву немедленно предложили сдавать экзамены на младшего лейтенанта запаса, и впереди маячила перспектива перевода в кадровый состав.

05.01.1941 он откровенно высказывается по этому поводу: «Но жизнь складывается не так как желаешь. Почти наверняка мне присвоят младшего командира запаса. А это значит – ещё один год служить в армии, ещё один год душевных мучений (я уж не говорю о физических. Их я куда легче переношу!). В конце службы могут присвоить звание среднего командира. А вдруг оставят в кадровой службе. Это для меня – петля на шею! Вот и получил среднее образование! Сам не рад этому».

Не удалась Л. Леонтьеву все попытки изменить свою армейскую судьбу. Описанный им намеренно проваленный экзамен на звание младшего сержанта, не помешал бойцу получить это звание и должность командира орудия. Попытка получить длительный отпуск для поступления на военный факультет 2-го Московского педагогического института иностранных языков натолкнулась на отказ.

Закономерная победа армии описана в последнем письме юноши от 03.06.1941: «С 28 мая сижу, никуда не выхожу (кроме столовой и уборной), зубрю всякие теории вероятности, теоремы Гаусса, задачи Пентана, теории и правила стрельб, тактику и прочее, нудное и скучное до невозможности. И так ты догадываешься – я сдаю на мл. лейтенанта запаса. Сдаю и сдал историю партии, теорию и правила стрельб ЗП, последнее – сухая математика с бесконечными формулами, косинусами, логарифмами, таблицами и графиками... Так что сдал еле на 4. Третья часть сдающих уже выпалась. А сдавать ещё 5 предметов. Настанет ли мой черед проваливаться? А спрашивают, надо сказать строго – в объеме нормального училища, и все это надо выучить за 1–2 дня! Сдаем все на «аллаха», подсчитав по теории вероятности и теории математического ожидания шансы на сдачу: 1:14. Будет очень досадно, если не сдам. Очень хочется уйти из армии нынче».

Можно было бы ретроспективно осудить нерадивого бойца, однако война внесла в его судьбу жесткую коррективу. В именном списке погибших и

пропавших без вести офицеров Новгородского областного военного комиссариата от 07.12.1947 года младший лейтенант Лев Николаевич Леонтьев, командир взвода зенитного артиллерийского полка был признан погибшим с 1942 г.

Единственное «военное» письмо принадлежит перу Ольги Михайловны Сизовой. Как и в предыдущих письмах перед читателем предстает умная, трудолюбивая, целеустремленная девушка. Вот что она пишет 09.08.1941:

«Да, Костя, я с тобой согласна, во имя общего дела, во имя спасения Отечества можно временно отказаться от диплома и инженерной деятельности, вообще от всего личного.

Я как-то уже отрешилась ото всего. Все готова принести в жертву. Даже самую собственную жизнь. Что она будет стоить, если мы будем побеждены? Но я также как ты, верю, что наша самоотверженная борьба увенчается успехом. Мы ещё будем жить, и будем жить прекрасно».

В рукописи заметки «Родной школе» для крестецкой районной газеты «Ленинское знамя» (12.09.1986) рассказывая о судьбах своих одноклассников – выпускников школы №1 1937 г., Константин Васильевич пишет: «...в блокадном Ленинграде погибла отличница, студентка Ольга Сизова». О том же свидетельствуют и данные Книги Памяти Санкт-Петербургского политехнического университета: «Родилась в 1919 году в г. Крестцы Новгородской области. В 1937 году поступила на электромеханический факультет ЛИИ (Ленинградский индустриальный институт). В 1941–1942 гг., будучи студенткой 5 курса работала на заводе «Севкабель» (проходила там производственную практику). По сведениям сестры пропала без вести при эвакуации в г. Вологду в марте 1942 г.».

Сам Константин Минутин был в 1942 г. был призван в армию, воевал под Сталинградом и Харьковом, учился в Пензенском минометном училище, затем в Горьковском училище зенитной артиллерии, после окончания которого в 1945 г. был демобилизован. С декабря 1945 г. работал в крестецкой газете «Серп и молот», а с 1950 г. в газете «Новгородская правда».

Письма О. Н. Сизовой

№ 1

08.10.1940 г.

Здравствуй, Костя!

Сегодня я получила твое письмо, за которое тебя благодарю, да, и также благодарю за твои пожелания. Тебе я тоже желаю всего наилучшего. Ты интересовался тем, как я отношусь к новому постановлению. Вероятно, так же

как и ты, как и многие другие, в такой же мере обеспеченные как мы с тобой, у которых по причинам плохих условий или по случайности не кругом «отлично». Я понимаю всю необходимость этого постановления для всей нашей страны в данный момент, но никак не могу понять, почему нельзя было подумать обо всем этом пораньше и подготовить это каким-либо образом. Не говоря уж о том, что целесообразнее было дать возможность окончить учебу старшим курсам, а не гнать их, нужно признать, что необходимо было ограничить прием этого года. Зачем ломали людей? Многие приехали издалека и вынуждены уезжать. Это постановление должно было выйти минимум за 3 месяца раньше и войти в силу с 1 сентября. Тогда бы люди подготовились. Я не жду никаких разъяснений. Мне слишком хорошо известно, что меня никто не держит и будут рады, если я покину учебу. Я, конечно, лишилась стипендии и если бы была на первом или втором курсе ин-та, то, не задумываясь, ушла бы на производство. Но с четвертого курса глупо уходить. У нас осталось, можно сказать полтора семестра учебы. Этот полный и очень трудный, во 2-м семестре мы с 25 апреля идем на практику, где можно заработать. На 5 курсе вообще 2–3 м-ца учебы, потом преддипломная практика и диплом на заводе. Так что в институте я остаюсь, но будет очень тяжело. Я уже три дня ищу себе работы. Есть небольшие надежды на репетиторство и шитье на дому. Машинку я уже достала, сейчас только привезла ее в общежитие. Она оказалась очень тяжелой и у меня так устали руки, что и сейчас дрожат, а посему прошу извинить за скверный почерк, который частично объясняется и нервным состоянием, в котором я нахожусь с 3-го числа. Удастся ли мне себя обеспечить этой работой на все время – не знаю. Но поступать на постоянную работу невозможно. Учиться в институте при той дисциплине и тех требованиях, которые существуют сейчас, и работать по 8 часов в день – невыносимо. Мне, безусловно, не удержаться в ин-те, если не поможет мама. Мама также может помочь, только продав что-либо. Единственная надежда, что ей удастся продать низ нашей половины дома. Если это не удастся сделать, то придется расстаться с коровой, что не желательно, т.к. они (дома) останутся голодными без нее. Такие чрезвычайные меры необходимы не столько для меня, сколько для Шуры, ей осталось 2,5 месяца, а потом практика и госэкзамены. Потом может случиться, что Женю не возьмут в армию, тогда не мешало бы и ему окончить ин-т. Но тогда нам за год за обучение 3-х студентов и 1-го ученика нужно заплатить 1250 рублей, да на жизнь 200 рублей каждому, ведь за общежитие ещё нужно платить. Если мама даже и продаст что-нибудь, то каждому придется подрабатывать. Будет нелегко.

От Виктора я получила письмо 6-го октября. Он также интересовался, как ко всему отношусь я и что намерена делать. Он в полном отчаянии и говорит,

что придется уйти из ин-та. Я советовала ему просить деда продать дом. У тебя, такого выхода, наверно, не существует. Сейчас, вообще, в Л-де трудно будет найти работу, потому что все студенты ищут её, а на пост. работу студентов не принимают. Про других наших ничего не знаю, т.к. никого не видала и ни с кем не переписываюсь. Мой адрес пока старый, и, вероятно, не переменится до апреля 41 г. Пиши как все устроится у тебя.

С приветом Оля.

№ 2

4 декабря 1940 г.

4 декабря

Здравствуй, Костя!

Шлю тебе в далекий Алтай свой горячий привет!

Сейчас я получила твоё письмо, и пользуюсь случаем, пока одна в комнате и никто не мешает, пишу тебе ответ. Ты пишешь, что, наверно, я уже забыла о твоём существовании. Если ты в самом деле так думал, то напрасно. Откровенно говоря, мне последнее время очень доставало переписки с тобой. Я часто вспоминала, что когда-то она была очень аккуратной и в тайне надеялась, что ты мне ещё напишешь. Костя, почему ты не написал раньше о своём отъезде из Л-да? Я получила твою открытку только вечером 31-го октября, когда тебя, наверно, уже не было в Л-де.

Мне хочется ответить на затронутый тобой вопрос о нашей дружбе, но я в затруднении, во-первых, не знаю должна ли я отвечать на зачеркнутое (может быть этого мне не следовало читать?), во-вторых, боюсь, что если стану отвечать на этот вопрос, то наделаю массу «орфографических» ошибок и тогда перо педагога не пощадит меня и все перечеркнет красными чернилами. Я всегда ценила дружбу с тобой (переписка с тобой мне очень много давала – это без преувеличений, но на большее с твоей стороны я не надеялась, т. к. на протяжении 3-х лет мы с тобой почти не встречались, да мне казалось, что ты вовсе не ищешь встреч со мной) и, право, никогда не желала её разрушить. Ты пишешь, что одно мое письмо подействовало на тебя хуже ледяного душа. Я не помню сейчас, что именно было мной написано в том письме, но мне кажется, что я могу так написать только в ответ на нечто в этом роде, написанное тобой. Помню, что однажды у меня в письме к тебе вырвалось несколько более откровенных слов, но ты, отвечая, посмеялся надо мной, и мне пришлось их взять обратно, признав «орфографической» ошибкой. С тех пор, может быть, мои письма были суше и холоднее. Если ты имеешь в виду не это, а последние письма прошлого года, то за их холодность я также отказываюсь нести ответственность.

На твою просьбу написать о себе подробнее я ответила вполне законно, что ты эгоист, о себе пишешь очень мало, а обо мне хочешь знать по возможности больше, в то время как меня тоже интересует твоя жизнь. Не знаю, что тебя обидело в этом ответе, но ты в следующем письме написал, что был несправедлив требовать так много от почти незнакомой девушки. Это письмо я получила в июле и не ответила. Я страшно разозлилась и на то, что ты назвал меня незнакомой, т.к. я считала, что если не могу быть твоим другом, то во всяком случае знакома тебе, и решила не писать, а проверить это в Крестцах. Все думала – поздороваешься ты со мной или нет, если мы там встретимся, заговоришь или нет, или мы, в самом деле, не знакомы. Но мы так и не встретились, что очень удивительно в условиях Крестец, правда этим летом я не была там долго, но все-таки за 20 дней я много раз была в городе и Ямской и не видела тебя. Хотя я тогда обиделась на тебя, и шутя (серьезно я не могла обидеться, т. к. знаю подобные странности за тобой), но этого было достаточно, чтобы удержаться от большого соблазна написать тебе из Ялты, где я нынче была. Признаюсь, мне очень хотелось поделиться с тобою впечатлениями о Москве, о Крыме, потом я хотела спросить у тебя знаешь ли ты московского поэта В. Журавлева и какого о нём мнения (он отдыхал в нашей санатории и я была знакома с ним), но я не написала, что считаю большой глупостью. Не знаю, как ты отнесешься к моему «покаянию», оно вполне искренне, хотя я и не признаю большого «греха» за собой. Ты пишешь ещё, что считаешь в порядке вещей холодность и натянутость в наших отношениях, объясняя это изменениями в нас и новыми заботами и мыслями. Не знаю насколько ты прав в этом, и что тебя заставляет быть таким, но у меня, по-моему, никаких новых забот, по сравнению с первым курсом, не появилось, и я также ничем не изменилась. Может быть, я ошибаюсь и прав ты, что люди взрослея, черствеют и замыкаются. Как видно из письма, тебя загрузили работой более чем достаточно. Очень жаль, конечно, что условия жизни и работы заставляют желать лучших, а так же что там такая скука. Думаю, что за работой, не смотря на одиночество, не заметишь, как пройдет зима, а весной забудешь и скуку. Весна там, вероятно, будет пышной и бурной и увлечет тебя.

Хорошая ли библиотека там? Ведь это для тебя, вероятно, вопрос большой важности. О себе могу сказать, что живу неплохо, но ожидаю лучшего. Стипендию в ноябре я не получаю (немножко не дотянула) и живу на высылаемые мамой деньги (она продала корову). Работать в этом семестре я не стала, т. к. мне захотелось заработать стипендию, но боюсь, что не справлюсь с этой задачей, так как экзаменаторы стали требовательнее и придирчивее. Шура уже сдала 1 экзамен и получила хорошо, хотя имела большие и обоснованные

надежды получить отлично. Я первый экзамен сдаю досрочно – 8 декабря, а все остальные в январе. Предчувствую – волнений будет много. «Хорошо» или «отлично» – теперь вопрос жизни и смерти. Если не получу с февраля стипендию, то придется работать, т. к. мамины деньги иссякнут. Сейчас занимаюсь порядочно, но все-таки не столько, сколько бы нужно.

Относительно других «наших» почти ничего не знаю. Как Соня, Шура Т. и Тарасов – совсем не знаю, не вижу их и не переписываюсь. Вера Кургинская перешла на II курс Института водного транспорта как будто бы, если мне не изменяет память. Виктор пишет, что он остался также в институте, но каждый день работает не менее 4-х часов в литейной мастерской в качестве лаборанта и инженера-конструктора и очень устает. Бойтся, что до сессии не выдержит. Кроме того, он сейчас много времени уделяет рисованию в художественной студии института и очень увлекается. Настроение у него пока бодрое, только я считаю, что во время сессии надо бы не работать, но это, кажется для него невозможно. Как поживают Тимофеевы и Синильщиковы – не знаю и ничего не могу сообщить.

На этом я кончаю свое послание, которое получилось весьма длинным, по-видимому, в нём написано много лишнего. Но это моя слабость – не умею выражаться кратко, точно и ясно – и прошу быть снисходительным. Твое письмо шло до Л-да целых полмесяца, следовательно, ты получишь мое после 20-го декабря. Хотя ещё и рано, но всё-таки поздравляю тебя с наступающим новым годом и желаю тебе счастья в 1941 г. и во всей твоей жизни да и также всяческих успехов (как ты мне желаешь).

Привет тебе от Ани.

4/ХП-40 г. Оля.

P.S. Костя, как у тебя дела с учебой, есть ли возможность продолжать заочно.

№ 3

3 марта 1941 г.

3 марта 1941г.

Здравствуй, Костя! Шлю привет и желаю счастья.

Костя, твои письма доходят до меня неизмеримо быстрее, чем мои до тебя. Чем это объяснить? Последнее твое письмо также шло только десять дней.

Начну с сообщений о себе. Результаты сессии были такими, какими я в тайне надеялась. Все остальные предметы я сдала на отлично (следовательно, из 5 экзаменов у меня было – 1 хорошо по основам марксизма-ленинизма) и

теперь, значит, получаю стипендию, кроме того была освобождена от платы за обучение. В этом семестре у нас очень много предметов, а времени очень мало. Март буду заниматься усиленно, чтобы удержать стипендию. В этом году у нас сессия в апреле, а май и июнь – производственная практика, которую я буду проходить в Л-де на заводе «Севкабель». Занятий так много, что мало остается времени на чтение и отдых. Изредка хожу в кино и после каникул один раз была в музкомедии – смотрела «Сильву». На каникулах я была дома, и как всегда, там у меня тоже было так много дела, что читала только вечером. После моих каникул мама наша ездила к отцу в Коми АССР (им дали два дня свидания). Она на обратном пути заезжала ко мне, и я так рада, что она съездила (эта возможность предоставилась тем, что я получила стипендию), теперь она спокойна, что папа здоров и выглядит неплохо, только состарился. Я тоже могу в весёлые дни не омрачаться воспоминаниями о папе, как он там... Он сейчас в колонне работает бухгалтером и пользуется доверием и уважением начальства и окружающих. Также (если его куда не перешлют) у нас установилась приличная связь, и мы можем ободрять его письмами и поддерживать посылками. Кстати, а о твоём отце так ничего и не слышно?

Ты просишь написать о московском поэте¹. Это не очень легко, тем более что ты ждешь, вероятно, что я могу написать о нём обстоятельно. Внешний вид его непривлекателен. Он у меня есть на групповых фотографиях и если нам доведется встретиться, то я покажу его тебе. Ростом он чуть выше меня, смуглый, брюнет. Ему 25 лет, но он притворяется таким ребенком, что всё принимали за чистую монету, но мне пришлось убедиться, что это только притворство. Познакомились мы с ним очень быстро. Так легко знакомятся люди только на курортах. Он, вообще, хотел сделать свое пребывание там незаметным и первое время жил инкогнито, но мне представился с первых же минут знакомства. Мне было немножко неудобно, что я ничего не читала раньше, но потом (уже в Л-де) поняла, что это простительно, т. к. отдельных его изданий не было, и он печатался в журналах и очень давно. За последнее время, кажется, ничего не было опубликовано. Сначала это знакомство показалось мне интересным – я хотела познакомиться с его поэзией. Но, увы, это не полностью удалось. Сначала он хотел мне дать свои рукописи почитать, но потом предпочел прочесть мне всё на память. Но слушая, я плохо запоминаю (тем более как читал он мне не понравилось) и вообще не могу, не умею высказывать свои суждения о поэзии, да кроме того я не всё прослушала,

---

¹ См. Приложение.

что у него было написано, а прочесть в Л-де мне не удалось ещё – в институтской библиотеке ничего не нашлось (я хотела перечитать всё, перед тем как писать тебе о нём), а в Публичную б-ку так ещё и не собралась съездить. Из прослушанного мне больше всего понравилась поэма о Котовском и меньше всего стихи на колхозные темы. Стиль и слог у него хороший и стих плавный, но содержание мне не всегда нравилось.

Пиши. С приветом, Оля.

№ 4

29 марта 1941 г.

29 марта 1941г.

Здравствуй, Костя!

Шлю привет и добрые пожелания. Отвечаю тебе на письмо со множеством восклицательных и вопросительных знаков, и также с многочисленными «но» и многоточиями. Сначала мне хотелось написать ответ в тон твоему письму, но сразу мне не удалось ответить, а, отложив, я не скоро взялась за него, и теперь, раздумав, побоялась – вдруг обидишься. Ты спрашиваешь, почему я молчу. Правда, ответ на предыдущее письмо я тоже несколько задержала – собиралась с духом, но давным-давно уже отослала, и ты должен был получить его. То, что оно задержалось в дороге, уж верно, почта виновата. Потом ты смешишь меня, предупреждаешь, что не требуешь от меня ответа. Конечно, я отвечаю тебе совсем не потому, что ты можешь требовать от меня ответа (вообще-то каждый человек вправе рассчитывать на получение ответа, т. к. другой, хотя бы из долга вежливости должен ответить). Но я тебе отвечаю не только потому, что должна. Было бы плохо, если бы это было так, и, если бы это было, я, не стесняясь, сказала бы.

Тебе хотелось бы знать, как я живу. С учёбой у меня пока все благополучно. Сейчас уже начинаются экзамены, которые кончатся к 1 мая. За ними предстоят 2 месяца практики. Когда вспоминаешь о них, на душе становится весело – два весенних месяца будешь свободен от забот об учебе и можно будет отдохнуть, повеселиться, погулять. Я останусь на практику в Л-де и собираюсь благоразумно потратить свободное время на усовершенствование знаний по специальности и на отдых. Сейчас в Л-де стоит очень морозная погода (t до -14), но днем бывает очень сыро, и солнце очень яркое, говорит, что скоро будет весна... Здоровье и самочувствие у меня в среднем не плохое. Бывает подпортится и то и другое, но быстро сменяется

09.08.1941 г.

9 августа

Здравствуй, Костя!

Костя, твое первое письмо из армии только что получила. Я тоже была на земляных работах и действовала лопатой, как истый землероб. Отлучка моя из Л-да продолжалась 17 дней и очень может быть, что очень скоро снова поеду. Да, Костя, я с тобой согласна, во имя общего дела, во имя спасения Отечества можно временно отказаться от диплома и инженерной деятельности, вообще от всего личного. Я как-то уже отрешилась ото всего. Всё готова принести в жертву. Даже саму собственную жизнь. Что она будет стоить, если мы будем побеждены? Но я также как ты, верю, что наша самоотверженная борьба увенчается успехом. Мы ещё будем жить, и будем жить прекрасно. Сейчас меня эти земляные работы закалили. Я оказалась способной к тяжелому физическому труду и переношу его легко. Мне очень жаль, что тебе тяжела такая работа. Я думаю, что если человеку не по силам что-нибудь, то смогут поставить на более легкую работу. Ты попробуй устроить такой перевод, т. к. терять преждевременно силы и здоровье не стоит. Так вот, Костя, наконец, наша работа стала одинаковой (в смысле специальности). Сейчас я нахожусь в штате завода и получаю средний заработок. Занятия в институте начнутся только тогда, когда студенты не нужны будут на оборонных работах. Здоровье у меня хорошее, я чувствую себя лучше, чем когда либо. У меня нет никакого страха. Только беспокоюсь за маму. Из Крестец давно нет известий. Шура сейчас работает в г. Верхняя Тура, Свердловской обл. О других наших студентах ничего не знаю.

Пиши. С приветом, Оля.

Письма от Л. Н. Леонтьева¹

№ 1

11.12.1940 г.

Здравствуй, Костя!

Наконец-то я успокоился. Долгое отсутствие писем от тебя заставляло думать, черт знает что. Но вот, наконец, 2 твоих письма – одно из Новосибирска (*«Новосибирска» – подчеркнуто, сверху надписано «с дороги»*),

---

¹ Подчеркивания и пометки К. В. Минутина в тексте писем выделены курсивом.

другое из Егорьевки¹ – прочитал. Ты спросишь, почему так поздно? Дело видишь в чем: 11 ноября я почувствовал себя нездоровым. Оказалось t-ра 38,7. До 20-го лежал в полковой санчасти. Положение ухудшилось (г. о. потому что питание не подходило для больного – не ел, да и медицинские сп-цы уж не ахти!), 20-го свезли меня в Л-д, в лазарет, где валялся до сегодняшнего дня. Сегодня вышел из лазарета. Нахожусь в Петергофе (*«Петергофе» – подчеркнуто*) в положении красноармейца. Боюсь повышения! Дали отпуск при части на 10 дней. Написал докладную об отпуске домой, но, надежды на это мало. В лазарете, когда стал чувствовать себя сносно, играл в бильярд (прескверный!), в шахматы, домино и прочее. Прочитал «Дьявола» Альфреда Неймана², «Города и годы» Федина³. Вот и все, в основном, про себя. Может быть, тебе будет интересна такая подробность: поругался с Кусовой, да крепко. Это меня даже радует. Вот и все про себя.

Да, ты упоминаешь о «бессвязном» письме из Л-да (*«бессвязном» письме из Л-да» – подчеркнуто, сверху надписано «пьяное» письмо*). Это письмо было замечательное, замечательнейшее! Я его читал и перечитывал без конца. Читал и радовался за тебя. Но вот вижу, что не так уж блестяще у тебя получилось. Ну, что ж, ничего не поделаешь! Это все-таки лучше, чем у меня... Я вот тоже думаю, что мне куда легче было бы служить с тобой вместе, а жить в Егорьевке уж и совсем хорошо. Хорошо не смотря на трудности. Садился писать – думал листов пять напишу, ведь месяц с лишним не писал, а оказывается писать-то и не о чем. Да, ты в первом письме спрашиваешь, через сколько дней я получу письмо. Но ты (по рассеянности, вероятно) не только числа не поставил, но даже не расписался. Вот и догадывайся, кто пишет... На штемпеле число очень неразборчиво, как будто 5, а в Горелово оно пришло 18-го. Второе письмо шло с 19-го (штемпель «20») по 28-е.

---

¹ Егорьевка – правильно: село Новоегорьевское, административный центр Егорьевского района, Алтайского края. Здесь, после досрочного прекращения учебы в Ленинграде работал в школе учителем русского языка и литературы К. В. Минутин.

² «Дьявол» – исторический роман немецкого писателя Альфреда Неймана. Сюжет – события во Франции XV в., борьба королевской власти за создание единого национального государства. В центре романа – король Людовик XI Валуа и его ближайший помощник – простолюдин Оливер Неккер, прозванный дьяволом за острый ум, пронизательность и бесстрашие. В напряженной, полной драматизма борьбе им удается преодолеть сопротивление крупных феодалов, образовавших союз против короля.

³ «Города и годы» – опубликованный в 1924 году роман Константина Федина, одна из первых в русской литературе попыток осмыслить опыт Первой мировой и Гражданской войн.

Ну, все. Не забыл ни о чем?

Пиши чаще! Да, ты не пишешь какая у тебя зарплата. Пиши подробнее и про саму школу и про ее обитателей, про Егорьевку и ее окрестности, про жителей алтайских. Пиши про все! Подробнее! Что-то твои письма стали сдержанными, короткими, стали суше. Это может у меня, день на день похожи как две капли воды, – но у тебя, у тебя много интересного для писем. Пиши! А то без писем, без твоих, знаешь, как я скучаю! Ну, пока. До свидания. Когда то оно будет! Желаю успехов в твоей работе. Поправляйся, устраивайся уютнее и удобнее в своей «квартиренке». Всего хорошего дружнице мой драгоценный.

Твой Лева.

Адрес: Горелово, 169/13 – прежний.

P. S. Почему это ты вдруг стал посылать мне письма с марками. Это меня удивляет.

№ 2

28.12.1940 г.

Здравствуй, дорогой мой Миковас!¹

Как долго от тебя нет писем! Жду, жду и не дожусь. Сегодня надумал написать тебе несколько строк (много-то писать не о чем). Я думаю и ты, так же как и я ждешь моих писем. Я с преобладающим удовольствием написал бы тебе подробнейшее письмо листов в пять. Но о чем писать? Совершенно не о чем. Живу я сейчас на боевой точке. Работаю зав. столовой. Работа не тяжелая. На занятия и в наряд не хожу. Катаюсь на лыжах. Морозы у нас стоят небольшие. Снегу выпало мало, едва, едва землю прикрыло.

Теперь о моей дальнейшей судьбе. До недавнего времени я надеялся, что отслужу красноармейцем два года и окажусь свободным. Но теперь говорят, что всех красноармейцев, имеющих среднее образование, заставят сдавать на мл. командиров, а это значит – служить 3 года. Кроме того, мл. командиры, имеющие среднее образование будут сдавать на средний ком. состав запаса. В этом случае они отслужат лишь 2 года. Но здесь есть опасность – могут перевести в кадровую службу, а это для меня – петля на шею. Служить в армии чуть ли не всю жизнь – это выше моих сил.

Вот теперь и не знаю что делать: сдавать на мл. лейтенанта или служить 3 года... Как ты думаешь что мне делать? Неужели наши жизненные пути так и не сойдутся... Я мечтал, что окончу армию, проучусь в пед. институте 2 года и постараюсь попасть поближе к тебе. Костя, ты не знаешь, там у вас на Алтае,

---

¹ Миковас – Минутин Константин Васильевич

нет ли каких-нибудь краткосрочных педагогических курсов? А то я после армии катнул бы прямо к тебе. Я слышал, что в учителях там нуждаются. Или неплохо было бы устроиться каким-нибудь педагогом по военному делу (если выйду командиром запаса) и одновременно с работой учиться заочно. Ты бы мне помог в учебе-то.

Что ты думаешь по этому вопросу? Напиши.

Ну, все, кончаю. Писать не о чем больше. Поздравляю тебя с наступающим Новым годом (пожалуй, уже опоздал...) Желаю успехов в работе, а также здоровья.

P.S. Извини за грязь ужасную – никак чисто то не выходит. Уж разучился и писать.

Пиши, как ты устроился там, как идет твоя работа. Мне кажется, что там работать нелегко; ведь даже учителя, ты пишешь, не очень образованные. Пиши про природные условия, про все удобства и неудобства, про материальные условия жизни. Можно ли у вас найти какую-нибудь работу для такого как я? Пиши абсолютно про все с мельчайшими подробностями. Мне хочется иметь ясное представление о том крае, куда я подумываю ехать. Итак, жду писем от тебя. Получил ли ты мое письмо? Я его послал около 15 декабря.

Ну, до свиданья. Будь здоров. Крепко-крепко жму твою руку.

Твой дружище Лева.

28.12.40

№ 3

02.01.1941 г.

Здравствуй, друг мой!

До сих пор ни одного письма от тебя. Почему? Я писал тебе уже три или четыре раза, но ответа не получал ни на одно письмо. Как ты живешь? Каковы твои успехи в работе? Пиши про все. И сразу же. Я вероятнее всего остаюсь в армии ещё на один год – на третий, т. к. на днях буду сдавать, (против своего желания) на мл. сержанта. Год, ещё один год, труднее прожитого 1940... Эти мысли последнее время не дают мне покоя. Вот ведь, как я попался крепко!..

Сейчас я работаю командиром орудия. Работа, надо сказать, ответственная, т. к. рядовой состав (из Зап. Белоруссии) очень не развитой, неповоротливый, нерасторопный. Какая благодать было работать со старослужащими – украинцами и грузинами! Живые, сообразительные. Вот уже мой товарищ (он тоже ком. орудия) разбил пушку. Из-за этих мешков с песком придется садиться в тюрьму! Как я буду служить ещё два года! Неужели дождусь того часа, когда я вырвусь из армии?

Вчера я смотрел «Пятый океан»¹. Картина, как и подавляющее большинство других, не понравилась. И сюжет, и игра артистов какая-то неестественная. Смотрел ли ты эту картину? Ну, пока. Жду ответа.

2.01.41. Твой друг Лева

Извини, что пишу карандашом и так плохо – писал на станции, ожидая поезда.

№ 4

05.01.1941 г.

Здравствуй, дорогой мой Костя!

Мой единственный друг, самый близкий, самый дорогой. Каждый день я вспоминаю тебя, вспоминаю нашу замечательную жизнь в Крестцах. Тогда мы были с тобой вместе, вместе делили все горести и все радости нашей жизни; о чем только мы не беседовали тогда! Какое замечательное время было. И вот я теперь все думаю, неужели нам не придется опять жить вместе, неужели не придется ходить в замечательные походы на какую-нибудь речушку, вроде нашей Яемли²... Сегодня во сне я видел нас обоих вместе. Как будто бы ты приехал ко мне откуда-то, и мы с тобой собирались за рыбой на ночь. У тебя не оказалось удочки, и я достал тебе удочку Чамина Миши (ведь он тоже был не плохой рыболов, он тоже крепко любил природу, хоть и был иного характера, чем мы). Какое замечательное настроение тогда было у меня! Я был счастлив. Но, увы, это было во сне... На яву, как видно, не скоро я дождусь осуществления моей мечты. Да и вообще, дождусь ли?.. И мечта-то мечта – жить вместе с тобой и иметь возможность бродить по лесу, по реке, копаться в своей мастерской... Много ли это?.. Но жизнь складывается не так как желаешь. Почти наверняка мне присвоят младшего командира запаса. А это значит – ещё один год служить в армии, ещё один год душевных мучений (я уж не говорю о физических. Их я куда легче переношу!)

В конце службы могут присвоить звание среднего командира. А вдруг оставят в кадровой службе. Это для меня – петля на шею! Вот и получил среднее образование! Сам не рад этому. А как я буду служить командиром? Это

---

¹ «Пятый океан» – художественный фильм (1940) Исидора Анненского. Сюжет: таёжный охотник Леонтий Широков, мечтающий о небе, становится курсантом аэроклуба. Однако подчинение строгой армейской дисциплине оказалось для героя непростым делом. Преодолев собственный характер, он становится настоящим пилотом, способным защитить Родину.

² Яйемля – река в Крестецком районе Новгородской области. Яйемля, Игрейка и Бела Ручей – ручьи, окружающие деревню Ручьи, Крестецкого района.

очень трудно с моим характером. Я стоял и стою (я сейчас ефрейтор¹) на стороне своих товарищей красноармейцев. И за это мне немало доставалось. Но что поделаешь, если я не могу равнодушно смотреть на несправедливости. Можно ли молчать, если дают вместо 1 кг. хлеба 600–700 грамм; если на батарее нет абсолютно никаких развлечений – ни музыкальных инструментов, ни шашек, ни домино, ни шахмат; если на батарее всего пар 5 лыж с поломанными палками и оборванными креплениями; если тебе говорят, что для того чтобы быть сытым, надо потуже подтягивать ремешок; если тебя ругают за того, что ты получил посылку с салом или ещё с чем-нибудь съестным; если заболевшему не оказывают никакой помощи, заставляют заниматься на морозе, да вдобавок страшат гауптвахтой, если кухня дымит так, что повар категорически отказывается работать, и рабочие после работы мучаются с глазами дня два, и на это не обращают никакого внимания, если не разрешают топить печи, несмотря на то, что в помещении замерзает вода. Этим мелочей можно набрать множество. Это мелочи, но как они влияют на общее настроение! От них зависит успех боевой подготовки, от них зависит боеспособность. Все это очень больно видеть. И ещё большее сознание своей бессильности в исправлении всего этого. Но все равно я не могу молчать, хотя это и во вред себе. За это меня ребята уважают и любят. В какую землянку не зайди – угощают папиросами, присланными лакомствами. Сегодня, например, мне не захотелось идти на ужин из-за микроскопической порции. Я никого не просил записывать себя в расход. Так ведь не только записали – принесли в палатку и ужин и чай. И такое внимание во всем. Этим я доволен. Но все мое поведение не поэтому именно такое. Иначе вести себя я не могу. Как же я буду командиром служить? Вот дела-то какие... Невеселые! Может быть, я слишком разоткровенничался. Уж ты прости меня за это. Но эти мысли переполнили мою голову и вот частица их вылилась на бумагу – нескладно, да и не так как хотелось...

Теперь о своей дальнейшей жизни и мечтать не приходится. Будет счастье, если я вырвусь из армии через год или два. Вот эти все мысли не дают мне покою. Условия моего существования пока что не плохие. Вначале после болезни отдыхал, потом работал зав. столовой, на занятия не ходил, а сейчас меня освободили от всего – от нарядов, занятий, работ, но лучше не освобождали бы, т. к. за это время я должен подготовиться к сдаче на мл. командира. До сих пор я ещё палец о палец не ударил – не готовлюсь и не

---

¹ Звание ефрейтор восстановлено в РККА СССР в 1940 г. До введения погон, знаком различия ефрейтора являлась полоса по центру петлицы.

собираюсь. Не знаю, что из этого получится. Читаю Горького, конспектирую «Краткий курс истории партии». В отпуск не пускают. Да и не тянет сейчас – тебя нет в Лен-де, а больше не к кому идти. Вот так и «существую»...

Костя, почему так долго нет писем от тебя? Я ожидаю их каждый день и все напрасно. Пиши чаще. Пиши про свою жизнь, про свою работу. Про все, про все! Я тебе в Н. Егорьевку писал уже два раза. Получил ли ты? Пиши, сколько зарабатываешь. Какие условия жизни? Можно ли найти какую-нибудь работенку для меня, например? Пиши чаще и больше. И о хорошем и о плохом. Мне сейчас никто не пишет. Получаю лишь изредка из дома по несколько строк. Поздравляю тебя с днем твоего рождения. Желаю успехов, здоровья. Сколько тебе исполнилось? Я к стыду своему уверенно не могу об этом сказать... Ты уж извини за такое «куцее» поздравление. Но ей-ей, не умею я писать эти поздравительные письма.

Ну, до свиданья милый мой Миковас. Будь здоров. Крепко жму вою руку, твой Лева. Жду твоих писем с нетерпением.

5.1.41.

P.S. Посылаю письмо не через штаб. Поэтому наклеил марку.

№ 5

10.01.1941 г.

Здравствуй, дорогой мой Костя!

Спешу сообщить, что адрес мой изменился. Пиши теперь по адресу: Лен. обл., п/о Горелово, п/я 10-13, Леонтьеву Л. Н. Живу я по-прежнему. Нового ничего нет. Собираюсь стать командиром. Пиши про себя подробнее и чаще. Я очень давно не получал от тебя писем. Почему? Получил ли ты мои письма. Я писал три или четыре (дневник то свой я запустил) ответа не получил не на одно.

Ну, пока. Будь здоров. Желаю успехов. Крепко жму твою руку.

10.1.41. Твой Лева

P. S. Извини за лаконичность – спешу, некогда.

Письмо было послано без конверта, треугольником. Штемпель пункта отправления: Горелово, Ленингр. Красносельск. 14.1.4. Треугольный штемпель: Красноармейское письмо – бесплатно. Штемпель пункта получения: 21.1.41 На обороте: *Воинское Алтайский край, Н-Егорьевский р-н, Егорьевка, Базарная, 17, Константину Васильевичу Минутину*

Приписка: *Базарная, 17 – дом Зениных, где я жил по приезду в Егорьевку.*

13.01.1941 г.

Здравствуй, дорогой мой друг!

Опять пишу тебе, не дождавшись письма от тебя. В чем дело? Почему не пишешь? Мне так скучно без твоих писем. Ведь я совершенно один здесь. И одному очень скучно. Мысли сейчас невеселые бродят в голове. Писем не от кого не получаю. Остался я один с тобой, моим единственным другом; а ты ничего не пишешь. Настроение чертовское. Со всеми ругаюсь. За последние дни нахватал кучу взысканий. Все свои деньги пропил от скуки. В отпуск не пускают, да и не прошусь – не к кому. Вот мама все деньги посылает – «кушай лучше, береги здоровье», и я их трачу так неразумно. Знаю, что это скверно, но иначе не могу. А здоровье то за последнее время, не смотря на довольно легкую жизнь, сильно расшаталось. С легкими что-то неладное твориться, кашель, иногда так заколет, что недохнуть, температура по вечерам повышена. А добиваться леченья не хочется (это здесь нелегко). Будь, что будет!.. 10-го ездил сдавать на мл. сержанта. Преднамеренно «плавал», ничего путного ни на один вопрос не сказал. Тоже самое и остальные делали. Поэтому сдачу прекратили. Не знаю, что дальше будет. Я сейчас исполняю обязанности командира орудия. Было бы счастье если б мне не присвоили звания... Но этого не будет. Дела мои скверные...

Костя, пиши ради бога! Твое молчание меня так тяготит. Пиши сразу же! Я каждый день с нетерпением жду посыльных и каждый раз разочарование – мне ни одного письма. Неужели тебе трудно черкнуть письмишко? Так мало трудов, но, сколько будет радости для меня! Пиши, Костя! Может быть, и у тебя нелегкая жизнь, но неужели это может быть причиной твоего молчания. Пиши, будем делить горести нашей нелегкой жизни пополам: авось легче будет. А настанут радостные дни – и те пополам! Одному ведь тяжело жить! Почему это у меня так мало друзей? Вот посмотришь кругом, считаешь – люди имеют десятки друзей, а я – одного единственного. Почему я за мою жизнь сдружился только с одним тобой?.. Тебе все это не понравится. Но я пишу то, что думаю. И только тебе я могу об этом писать.

Ну, пока, Костя. С нетерпением жду твоего ответа. Будь здоров. Крепко, крепко жму твою руку.

13.1.41. Твой Лева.

P.S. Мой адрес: Лен. обл., п/о Горелово, п/я 10-13, Л. Н. Л.

04.02.1941 г.

Здравствуй, дорогой мой дружище!

Письмо твое от 21.1 получил вчера вечером в 11.30. Признаюсь, я не ожидал от тебя второго письма так скоро. Но не «проклинал тебя, а лишь недоумевал и удивлялся». Это письмо заставило меня подзадуматься. Во-первых, меня встревожило состояние твоего здоровья. Ты об этом так мало пишешь! Я теперь тебя прошу написать подробнее об этом. Меня пугает перспектива туберкулеза. Это будет для меня ударом, пожалуй, равным твоему, Костя! Обязательно сходи на рентген! Попроси самого тщательного обследования. В случае болезни лечись, во что бы то ни стало! «Твое здоровье нужно не только тебе!» (говорю твоими словами) Во-вторых, я много думал о твоих строках о моем здоровье. Ты пишешь «Раз имеешь подозрение на легкие, требуй лечения». Я не только имею подозрение, я уверен, что легкие у меня далеко не в порядке. Но для того чтобы добиться лечения, надо потратить уйму сил, перетерпеть много унижений, да и то многого не добьешься. *(Над строкой приписка: «Он прав был: впоследствии я испытал это на себе. Меня тоже так лечили»)*

У нас рассуждают так: «Раз температура нормальная, значит, ты здоров. Если t-ра менее 37,5 иди заниматься на мороз – освобождения не дадим». Добиться серьезного лечения (хотя бы такого, какому я подвергся в ноябре-декабре) невозможно, но если болезнь у меня разовьется, то тогда, если и станут лечить – будет поздно. Но, несмотря на эти рассуждения, буду добиваться лечения. Это я решил вчера после твоего письма. Буду выполнять твою просьбу. Вчера же решил бросить курить. Сегодня целый день не курю, и это не очень легко. В-третьих. Спешить со смертью не следует. Ты в этом отношении неправ! Костя, мысль о возможности твоей болезни, или преждевременной смерти, ужаснейшая для меня. Ты об этом подумай серьезно и не делай ужасной ошибки. Она будет роковой и для меня. Ты, Костя, прости меня, что я пишу обо всем прямо и, пожалуй, резко – иначе не могу. Мне кажется, что ты поймешь меня и не обидишься. Возможность остаться мне одному меня пугает, как ни что, поэтому я так пишу. *(Слова «возможность остаться мне одному» подчеркнуты, под строкой приписка: «Для меня эта возможность превратилась в действительность»)* А также прошу извинения за то, за что ты назвал себя «свиньей». Право, я не следил за этим ни своих письмах, ни в твоих.

Я очень рад, Костя, что работа интересует тебя. Это очень важно для успешной деятельности. Работай, учись. Приобретенный тобой опыт, надеюсь, пригодится и мне, когда я выберусь из армии (неужели это будет не в 1941 г.!). Вот ты, Костя, пишешь, что твоя жизнь интересует меня лишь немножко, да и то может быть. Откуда ты это взял? Совсем неверно говоришь! Твоя жизнь меня интересует больше чем любая другая. Это точно, я нисколько не преувеличиваю. О себе писать много не приходится. Живу по-прежнему. Ожидаю приказа о присвоении звания. Также как и ты, жажду нашей встречи. Но не скоро она будет... А сейчас живу одиноко, замкнуто, скучно. Вот и все! Да, очень рад, что ты имеешь успехи на гитаре. Я так наоборот – совсем разучился играть. ещё могу тебе сказать. Кусову, наконец, стал забывать. Теперь в душе моей остаешься один ты.

Ну, на этом кончаю. Пиши, Костя, про свою жизнь. До свиданья. Будь здоров. Желаю успехов в твоей работе. Крепко, крепко жму твою руку.

4.2.41. Твой Лев.

P.S. Извини, что карандашом пишу. Я перечитал письмо и вижу – не так вышло, как хотел.

№ 8

08–09.02.1941 г.

8.2.41

Здравствуй, дорогой мой Костя!

Сижу в наряде (начальником караула), делать нечего, поэтому решил написать тебе пару слов. Прежде всего, сообщу тебе, что ты можешь меня поздравить (вернее выразить соболезнование) по поводу присвоения воинского звания – «младший сержант» (*Приписка: Я мл. сержанта получил не так*). Конечно, я этого очень не желал, но удручаться этим не приходится. Будем принимать и выдерживать удары судьбы, пока есть сила и терпение. Вот, пожалуй, если у меня найдут чахотку, то тогда я долго не выдержу не только физически, но и морально. Это будет ударом, превосходящим мои силы. Я удивляюсь, что имею ещё силу воли настолько, что смог заставить себя не курить со 20, кажется, по сегодняшней день. Это меня радует. Также мне пока что удастся заставлять себя изучать ужасно опротивевшие мне уставы и наставления. В этом отношении я имею также немалый успех. Но у меня все растет и растет сомнение в возможности сдачи на мл. лейтенанта запаса... Неужели придется три года служить?

Сегодня я получил один наряд вне очереди. Как ты думаешь, за что? Только за то, что стоял у печки. Это у нас с некоторого времени стали считать недопустимым. А я, увлекшись газетой, остановился у печки, и вот результат: на выходной день в наряде, лишен единственного развлечения – посмотреть кино и какой-то самодеятельной постановки. (Только не подумай, что исполнители из нашего подразделения. У нас все возможности самодеятельности заключаются в гитаре с одной струной...) М. п. у нас в этом месяце «Петр I»¹ идет 3-й раз.

Больше что-то на ум ничего не идет. Спать захотелось. Пока, Костя, крепко жму твою руку. Будь здоров. Твой Лева.

Вчера письмо не удалось отправить. Сегодня я получил ответ из НКВД от Берия на заявление о папе. Мне сообщили, что он осужден на 10 лет без права переписки, находится на Д. Востоке. О смерти заключенных сообщают. Об этом я тебе сообщаю потому, что мне кажется, это должно тебя заинтересовать. Костя, как ты думаешь, можно ли добиться если не свидания, то хотя бы переписки (в крайнем случае, нерегулярной). Этого мне так же хочется, как быть вместе с тобой. Что ты можешь мне посоветовать?

Если тебя интересует адрес, так вот он: Москва, НКВД, Нар. Комиссару Вн. Дел Берия.

Что ты на все это скажешь?

Лева 9.2.41.

P.S. Признаться мне не верится, что папа жив... С таким здоровьем и в таких условиях!.. Целых три года...

Л.

№ 9

22.02.1941 г.

22.02.41

Дорогой мой, Костя!

Хочу описать тебе последние «события» в моей жизни, одному то со своими мыслями как-то тяжело. На днях я вычитал объявление о приеме во 2-й Московский педагогич. Институт иностранных языков. Правила приема ко мне подошли, и я подал заявление. Прочитав эти строки, ты, вероятно, удивишься, почему это я вдруг надумал изучать иностранные языки, но, несмотря на это, обрадуешься. Но читай дальше. Подал я заявление на военный факультет. Это

---

¹ «Петр I» – советский двухсерийный историко-биографический фильм (1937–1938), снятый на киностудии «Ленфильм» режиссёром Владимиром Петровым.

значит – остаться военным на всю жизнь. Ты ещё больше удивишься: как это так, я, страстно желающий вырваться из армии, вдруг добровольно остаюсь в ней на всю жизнь... Оказывается дело вот в чем. В марте-апреле подавшие заявление будут держать предварительные испытания. В случае успешной сдачи этих испытаний, мне предоставляется 45-дневный отпуск для подготовки к конкурсным экзаменам. Теперь ты, наверно, догадываешься, в чем дело. Я решил, что повторить среднюю школу мне не вредно, тем более получить отпуск на 45 дней. Да ещё есть шанс съездить в Москву. А конкурсные экзамены я думаю провалить. Я лишь проверю свои знания. Это нечестно, но моя теперешняя жизнь настолько мне опротивела и надоела, что я решился на этот поступок. Задуманная мной махинация займет почти все лето, и это немного жизненное сделает мое существование, оживит его, внесет нечто приятное и полезное. Что ты скажешь об этом?

Но... На пути встает большое «но». На пути может встать большое и страшное непреодолимое препятствие. Это – туберкулез. И, кажется, все его признаки налицо. По вечерам часто температурит, кашель увеличился настолько, что временами просто захлебываюсь, задыхаюсь. Ослаб очень сильно, в ушах постоянно звон стоит. Костя мой дорогой, тебе, вероятно, неприятно читать эти плаксивые строчки. Обычно об этом не пишут. Но тебе как моему самому близкому, самому дорогому, я решил описать все, чтобы не свалилось как снег на голову, известие о моем бесславном конце. А если я удостоверюсь в своей болезни, то долго задумывать будет излишне. Ты, Костя, извини меня за такое неприятное письмо, но что ж я сделаю, если в моей жизни приятного вообще мало было. Не везет мне нигде и ни в чем. И такая жизнь начинает надоедать мне. Последнее время я могу очень часто ездить в Ленинград, но не езжу, т. к., с тех пор, как ты уехал, мне нечего делать там.

Завтра – праздник. Будут пирожки и суп хороший... Говорят дадут даже кофе (правда без молока).

Поздравляю тебя с 23-й годовщиной нашей Красной Армии. Писать, кажется, больше не о чем. Последнее время появилась какая-то апатия ко всему... Ну, пока. Крепко жму руку.

Твой Лев. Пиши! Ведь я один!

P.S. Не курю уже с 2.2. Это и подача заявления в институт – вот и все мои активные действия. Делаю это во имя тебя (да, я совершенно серьезен) и назло всем и всему. Кажется, и силы черпаю из любви к тебе и из отвращения к происходящему.

06.03.1941 г.

Здравствуй, мой дорогой Костя!

Шлю тебе мой дружеский привет и благодарность за письмо, которое только что получил. Для меня это – большая радость, к сожалению, довольно редкая... Но я тебя не буду винить в этом, т. к. чувствую, тебе не очень то хочется писать мне о плохом, а хорошего, как вижу ты мало встречал. Поэтому я очень обрадован твоими обещаниями (подробное письмо и переписка с Сизовой). Жду! Жду с нетерпением! Ты пишешь: «Об этом после, если хочешь». Да как же не хотеть!.. Пиши, да поскорее. Я рад, что нагрузка твоя уменьшилась, но озабочен твоим здоровьем и питанием. Относительно первого так я прошу тебя, нет даже требую, чтобы ты не оставлял состояния твоего здоровья без внимания, относительно второго ничего не могу посоветовать, так как в этом не имею ещё никакого опыта. О своем здоровье сейчас распространяться не буду, т. к. на днях опять поеду на рентген и попытаюсь узнать поподробнее обо всем. Сейчас как будто получше стал себя чувствовать. Это несколько обнадеживает меня, но... в моей санитарной книжке уже второй раз появляются три буквы tbc. Буду добиваться лечения, и уже сейчас имею некоторые успехи.

Теперь, выполняя твою просьбу, пишу о «мл. с-те» и попутно о своей службе. Уже давненько введены новые звания мл. комсостава¹. Звания эти следующие: мл. сержант, сержант, ст. сержант и старшина. Но сейчас я ношу два треугольничка (вместо одного) т. к. выполняю обязанности старшины. Работа пока что легкая, на занятия, кроме политподготовки не хожу. В отпуск тоже не хожу – некуда. Отношения с командованием несколько ухудшились. Наконец у нас появились шахматы. Теперь я часто играю; от всех выигрываю большей частью, кроме одного, имеющего 2-ю категорию, которого я ещё только один раз обыграл. Кино по-прежнему бывает часто, но редко оно представляет для меня удовольствие. Но последние две картины мне понравились. Это: «Сибиряки» и «Тимур и его команда»². И в той и в другой

---

¹ В РККА звание «сержант» было введено 2 ноября 1940 г. Особенность советского сержантского состава состояла в том, что сержантами становились не кадровые военные, а военнослужащие срочной службы. Знаки различия младшего командного и начальствующего состава – красные эмалевые треугольники в петлицах: один треугольник – младший сержант, два треугольника – сержант, три – старший сержант, четыре – старшина.

² «Сибиряки» – детский художественный фильм режиссёра Льва Кулешова (1940). Сюжет: старый охотник-бурят рассказывает Сереже и Пете народное предание

большое участие принимают дети. В первой я мог много любоваться на сибирскую природу, на весну. Я с увлечением смотрел на охоту за глухарями, и многое-многое вспоминалось мне из нашей прошедшей жизни. Вспомнилась и школа, и Яемля, и Мошня¹ и леса наши крестецкие, и наши ночные беседы на сарае, и многое-многое другое, о котором мечтаешь, как о чем-то прекрасном, прошедшем, и думаешь: «Неужели этого больше не будет, неужели это не повториться?..» Вторая картина тоже напомнила мне раннюю школьную жизнь, наши деяния в Крестцах и Ямской, знакомство с семьей Кусовых, наши поездки на велосипедах и мотоцикле...

Почему ты, Костя, пишешь мне, что я напрасно поругался с Кусовой? Здесь виноват не твой пример, а мои убеждения. Ведь с тебя я беру пример только в том, что мне нравится и в некоторых случаях мои действия противоположны твоим. (Правда, таких случаев не много, но все же есть). Кусова бросила учебу, она начинает усиленно думать о «гулянии» и, вероятно, променяла все наши походы на шатание по Летнему саду, стала слишком горда и «самостоятельна». Неужели все это должно привлекать меня, неужели ты, Костя, допускаешь, что эти качества могут мне нравиться? Ну, ладно, об этом довольно.

Меня сейчас очень интересует вопрос, как добиться переписки с отцом? Может быть, ты знаешь, или узнаешь, напиши. Также много думаю о том, как бы это нам опять сойтись. Вот интересно, пойдешь ли ты нынче в армию. Если пойдешь, то после службы ты бы смог выбрать лучшее место работы (в смысле природы, питания, культуры и т. п.) Было бы счастьем, если б нашлась работа для нас обоих в одной школе, или, хотя бы в одном городе (к тому времени я успел бы приобрести пед. образование). Давай добиваться этого. Ну, на этом я кончаю. Хотел ещё кое о чем написать, но сейчас надо ехать по делам.

До свиданья. Будь здоров.

Твой Л. 6.3.41.

Отвечай сразу и подробнее. Жду!

P.S. Благодарю за поздравление. Л.

о том, как И. В. Сталин с помощью одного охотника бежал из ссылки и как в память об этом Сталин подарил ему свою трубку. Охотник погиб в гражданскую войну. Мальчишки решают разыскать трубку и подарить её Сталину. «Тимур и его команда» (1940) – экранизация повести А. Гайдара. Режиссер: Александр Разумный.

¹ Мошня – река в Демянском и Крестецком районах Новгородской области. Устье реки находится у деревни Волна, в 39 км по левому берегу реки Холова. Длина реки составляет 63 км, площадь водосборного бассейна 698 км².

13.03.1941 г.

Здравствуй, дорогой мой дружище!

Шлю привет и наилучшие пожелания. Писать это письмо я надумал совсем неожиданно. Сейчас сидел в ленкомнате¹ на диване и думал... И надумал несколько вопросов к тебе. Во-первых, меня интересует стоимость билета от Л-да до ближайшей от тебя станции (Рубцовка², кажется). Во-вторых, я хочу знать расстояние от станции до тебя. В-третьих, узнай получше, берут ли на военные сборы учителей, проходивших воинскую службу; если берут, то часто ли и надолго ли (чем отличается мл. комсостав от среднего комсостава запаса). Может быть, в одном месте берут, а в другом нет?.. В-четвертых, рассчитываешь ли ты получить отсрочку? В-пятых, не сможешь ли ты переменить свое место жительства на лучшее (хотя бы лишь по природе)? И ещё два вопроса: где, какие (по продолжительности) курсы я должен кончить, чтобы попасть преподавателем в среднюю школу; не могу ли сразу попасть в школу, хотя бы на незначительную должность? Ну, целую кучу вопросов назадал. Почему же это сразу столько вопросов появилось у меня, спросишь ты.

Последнее время я думал о своем дальнейшем пути и решил так. Нынче буду добиваться сдачи на мл. лейтенанта запаса. В случае успеха осенью я смогу взять литер в любом направлении и ехать хоть к тебе. Если же ты уйдешь в армию, буду учиться или в учительском ин-те, или на курсах и потом буду добиваться работы в подходящем для нас месте и дожидаться тебя. Если не удастся уйти из армии мне нынче, то тоже самое буду делать в 42-м году. Одним словом задача моя – добиться, того чтобы мы с тобой снова оказались вместе. Кроме всех этих вопросов меня интересует, конечно, твоя жизнь со всеми подробностями, но я не буду задавать вопросов на эту тему, т.к. надеюсь на твое обещание писать часто и много.

Тебя, вероятно, интересует мое здоровье, поэтому напишу об этом. Наконец мне удалось добиться регулярного лечения. Чувствую себя вполне удовлетворительно, куда лучше, чем раньше. Меня успокаивают, говоря, что нет ничего опасного. Если это правда, то я рад. Из моей затеи с институтом ин. яз. ничего не вышло, т.к. я получил ответ: «контингент полностью укомплектован. Дополнительных мест не ожидается». Меня это удивило, т.к. предварительные испытания начнутся с 15-го марта, а конкурсные – в конце лета, и вдруг – такой ответ; откуда же успели набрать слушателей? Ну, больше не о чем писать.

---

¹ Ленинская комната – помещение в казармах воинских частей, предназначенное для проведения досуга солдат и политической подготовки.

² Точнее – г. Рубцовск, расположенный в 283 км от Барнаула.

Погода теплая, изредка морозцы. Чувствуется весна, и мне вспоминается, как в прошлом году я пробирался через лужи к станции, спеша увидеться с дорогим МиКоВасичем¹, под действием пьянящей весны и драгоценной встречи напевая песни... Теперь я лишен и этого счастья. Ну, ладно, надо кончать, а то разболтался уж очень.

До свиданья. Будь здоров.

Крепко жму твою руку. Навсегда твой, Л.

№ 12

06.04.1941 г.

Дорогой мой Костя!

Письмо твое от 6/III получил довольно давно и начал было писать ответ довольно лирического содержания, но что-то помешало мне, а после этого так и не дождался настроения, соответствующего началу письма. Сегодня получил твое неудавшееся письмо (без числа) и решил, во что бы то ни стало дать ответ. Меня очень интересует твоя жизнь, твои мысли, но ты об этом совсем мало пишешь. Поэтому моя радость при прочтении письма сменилась разочарованием. Ты пишешь, что весна у вас в разгаре, у нас же до сих пор стоит холодная морозная погода и весну трудно почувствовать.

Я сейчас по горло завален работой, уже 2-й раз переезжаем. Стараюсь изо всех сил, а получаю только замечания и взыскания. За то, что я ночью не смог встать из-за пустякового дела (у меня уже 4 дня опять повышена температура и дьявольский кашель) получил пять суток ареста. Так вот и болею на ногах. Буду ходить, пока не свалюсь совсем...

Очень скучаю по тебе. С тобой и мне легче было бы... Сейчас совсем один со своими невеселыми мыслями. Мои товарищи собираются в мае домой, а я должен ещё почти 2 года – не подобрать выражения для моей настоящей жизни – одним словом: существовать как последняя скотина.

Продолжаю писать через три дня. Жизнь моя за эти дни ещё ухудшилась. За то, что я отказался пройти 6 километров за 30 минут (у меня была высокая температура и освобождение с лечением на койке) меня хотят отдать под ревтрибунал (невыполнение приказа). Что дальше будет? На днях меня обещали послать на рентген грудной клетки, но я боюсь, что меня не отпустят, после последних случаев. Погода стала теплее. Ночью шел дождь, днем – туман. Мои легкие чутко чувствуют весну... Сам же я не в состоянии замечать ее. За что на меня так навалились? Старался изо всех сил – и вот награда за то, что недосыпал, за то, что работал, не обращая внимания на душу, на болезнь – отдать под суд

---

¹ МиКоВасич – Минутин Константин Васильевич.

ревтрибунала... Стоит ли жить дальше? Счастье нигде мне не сопутствует; на жизненном пути моем сплошные неудачи.

«Счастлив ты,
Как соловей весной,
Как молодой орел!.. и т. д.»

Ты помнишь, Костя, эти строки? Скажи, кто видал больше счастья в жизни – ты или я? Я затрудняюсь дать ответ на это. Жить мне становится противно. Как видишь, Костя, письмо тоже не удалось...

Ну, дорогой мой Костя крепко-крепко жму твою руку, желаю тебе успехов в работе, в жизни.

До свиданья, мой друг, а может быть и прощай (это зависит от решения трибунала).

Навсегда твой Лева.

6.4.41.

Ты может быть усомнишься искренны ли эти строчки. Да! Вполне искренны; моя цель – встреча с тобой и совместная жизнь. Твои письма воодушевляют меня, они вдыхают в меня желание жить ещё бороться за себя; они необходимы для меня, как воздух и вода. Нет, сколько не пиши – не передать то, что хочется передать. Ты должен это сам почувствовать. Пиши, Костя, чаще, если хочешь видеть меня. Моя жизнь сложилась так, что я потерял к ней всякий вкус, приобрел отвращение. И не прерываю ее лишь из-за любви к тебе. У меня ещё теплится надежда о нашей встрече и совместной жизни.

О себе, Костя, писать просто не хочется. Напишу лишь то, что уже дней 13 держится t-ра 37,5 – 38,5; хожу еле-еле. Вчера ходил на прием к врачу. 6 км. шел 3 часа! С трибуналом, как будто дело улаживается, благодаря стараниям добрых (вернее настоящих) людей. За эти полмесяца похудел очень сильно; ослаб ужасно ведь полмесяца болеть, не лечиться (здешнее лечение я приравниваю к нулю), вечно недоедать (хотя бы потому, что совершенно нет аппетита) – большая закалка для организма. Как видишь, новый метод обучения и закаливания действует!.. Что будет со мной через 16 месяцев?..

Вот, Костя, о чем я вынужден писать. Молчать не в силах.

Пиши, Костя. Чаще! Очень прошу.

Навсегда твой Лева

10.4.41

Адрес пиши так:

Лен. обл., п/о Горелово

п/я № 10, подразделение 13(21)

Л.Н.Л.

25.04.1941 г.

Здравствуй, мой дорогой Костя!

Вчера вечером я получил два твоих письма (за 13 и 14). Во-первых, спешу тебя успокоить относительно ревтрибунала и моей болезни. Я решил защищаться до конца и поэтому, в конце концов, наше командование вынуждено было признать, что приказание мне выдано неправильно. Поэтому к рапорту были посланы дополнительно справки о болезни и более подробное описание обстоятельств, при которых совершилось «преступление». Здоровье мое также заметно улучшилось, быть может, потому, что начал лечиться, быть может потому, что стал употреблять много молока. Но как это было трудно сделать – лечиться! Для этого каждый день приходилось просить, звонить по телефонам, требовать и после всего этого добираться до станции 7 километров (а не 6 как я писал). Тогда на одну ходьбу я тратил по 3 часа. А в лазарет не давали направления – болен несерьезно, «легкая простуда». В результате рентгеноскопии и рентгенограммы, лабораторного и клинического исследования, консультации с профессором Покровским у меня нашли фиброз легких и дали направление на комиссию (для освобождения от строевой службы) и в стационар для лечения. (Как я рад, что фиброз, а не tbc!) На комиссию я не пошел, т. к. я ещё питаю некоторую надежду на сдачу на мл. л-та. В стационар я тоже не попал (переполнен), пришлось, получив освобождение, лечиться здесь. Как видно врачи ошибались, находя осенью у меня туберкулез. Весной поставили tbc под вопросом и теперь находят фиброз. Быть может, ещё доживем до лучших дней? А?

После того подавленного настроения вдвойне хочется жить, хочется добиться чего-то значительного. Но это редко бывает, большей частью думаешь, что было бы достаточно устроиться где-нибудь на скромную работенку и жить помаленьку, занимаясь в свободное время своим любимым делом. А ты, Костя, пишешь, что я нужен для общества... Нет, я лишний человек, и человечеству пользы мало принесу (как и большинство других). И ещё большую чепуху ты написал: «береги себя... для девушек». Ей богу смешно; для чего же я нужен им. Я становлюсь зол на людей, к жизни многих я имею отвращение! Вчера, будучи дежурным, я бесцеремонно выгнал всех гражданских девушек (в кавычках, пожалуй) из ленкомнаты. И как я смеялся, видя их обиженные лица, их злобу против меня! И пошли они надутые, поругиваясь с некоторыми из наших военных (не со мной), а я, довольный, пошел в будку телефонистов дослушивать «Аиду». Командир отделения связи

неплохой человек, и я довольно близко сдружился с ним. Все свободное время мы проводим в беседах, слушаем радио, которое он умудрился провести по проводам телефонной линии, последние дни, по вечерам, отослав телеграфистов спать, ведем нескончаемые беседы, осушая по маленькой пол-литра (чего? догадаешься, я думаю - C_2H_5OH ¹) уж накопилось под полом пять посудин. Покупаем также молоко, варим кофе. Последнее время, говорят, я начал поправляться – бледность и худоба уменьшается помаленьку. Продолжаю лечиться.

Не помню, писал ли я тебе о том, что недавно получил письмо от Карташовой и Ериной. Что это они вдруг надумали писать? Не могу понять. Ответил им довольно резко и зло и, как видно, ответа не получу. Зачем они суют нос в чужую жизнь? Какое им дело до ней? «Как живешь?» да «О чем думаешь?» - живу распрекрасно и думаю, что вам от меня нужно. Ну, кажется, все про себя описал. Теперь я хочу поговорить о нашем будущем. Я хотел бы узнать, сколько часов в неделю ты занимаешься, сколько за это получаешь и сколько тратишь сейчас на питание. Второе – думаешь ли ты кончить учит. ин-т? На какую нагрузку и получку я могу рассчитывать, поступив в школу, подобную вашей, преподавателем черчения или физики? Почему ты советуешь кончать педкурсы в Л-де, ведь меня могут послать за тридевять земель от тебя? Костя, почему ты думаешь, что нам не удастся встретиться и не удастся переменить место работы? Ведь, по-моему, при возвращении из армии не обязательно поступать на старое место работы. Если бы тебя взяли в армию, то через 2–3 года смог бы хотя бы опять на Алтай, устроиться в лесной, гористой части его, около речки. Я тогда бы без колебания приехал к тебе жить. По-моему тебе следует сейчас лучше разузнать места, которые понравились бы нам. Обо всем этом я много думал и хочу узнать, что ты можешь предложить, как ты считаешь целесообразнее устроить нашу жизнь. Вот и все, о чем я хотел сказать тебе. Буду ждать от тебя подробного ответа на эту тему.

Костя, пиши чаще. Одному без писем скучно, а на водку не хватает денег... Желая дальнейших успехов в области литературы. Ты пишешь, что ученики твои дают тебе стихи на проверку. А что же учитель только проверяет их, сам ничего не творит, ничего не пишет, кроме планов и конспектов?

Твой друг. 25.IV.41

P. S. Ты что это, курить начал?

Мой адрес: Лен. обл., п/о Горелово п/я № 10–21

---

¹ C_2H_5OH – этиловый спирт.

04.05.1941 г.

Здравствуй, Костя!
Дружеский привет.

Вчера вечером получил твое письмо от 25.IV. Меня огорчило ухудшение твоей жизни. Почему это так – говорят, Алтай – край богатый, и вдруг нет мяса, картошки... Совсем плохо! Сколько, интересно, ты получаешь за 36 часов? Сколько тратишь на питание и как питаешься? Костя, неужели нет никакой надежды, вырваться оттуда, попасть куда-нибудь в более сносное место? Вот бы попасть нам на Кавказ, или в Крым, или в Бессарабию.... В Пятигорске есть педагогический и учительские институты. Ты не можешь получить разрешение на продолжение своей учебы? Попасть бы нам туда вместе!... Или в Кишинев... Я о нашем будущем много думаю, но это лишь мечты, и до их осуществления очень далеко...

Теперь о своем настоящем. Живу, нет, существую. Лечусь. Здоровье, как будто улучшилось. Играем в волейбол, в шахматы. Получаю взыскания часто, но у бойцов имею авторитет... Мечтаю нынче выйти из армии, но, пожалуй, это так и останется мечтой – придется служить 3 года. Вот и все.

Жду от тебя писем.

4.V.41 Твой Лева

5.V.41 P.S. Вчера письмо не успел отправить. Вечером вчера получил твое письмо. Ты спрашиваешь, когда выслать деньги. По-моему – не сейчас, так как ведь у тебя лишних денег нет. Так ведь? А у меня сейчас деньги есть все время, и я не нуждаюсь ни в чем. Ты говорил мне, что у тебя остались вещи в ин-те. Если хочешь, то я их получу, только пришли квитанцию. И напиши где их получить.

19.05.1941

Здравствуй, Костя!

Твое «внеочередное» письмо я получил вчера вечером. Очень рад и очень доволен твоим письмом. Наши мысли совершенно сходны. Но их осуществить, к сожалению, мы сможем не скоро. Во всяком случае, придется ждать год, т. к. нынче из армии уйти мне не удастся, несмотря на все мои старания. Мне очень хочется жить с тобой вместе, только, признаюсь откровенно, не очень-то хочется жить там, где ты сейчас находишься. Было бы очень хорошо, если б ты умудрился за год перебраться в лучшее место (в смысле природы, хотя бы). Но, в крайнем случае – «на безрыбье и рак рыба» – придется довольствоваться

этим. Совместная жизнь в Егорьевке лучше одиночной, ну хотя бы, в Жарах¹. Продолжаю письмо через несколько дней. За эти дни до меня дошел слух, что будет возможность уйти из армии нынче. Насколько это верно – не знаю. Поживем – увидим.

После демобилизации я думаю сделать так. Если удастся, взять литер до Рубцовска (так, кажется?) И заехать домой месяца на 2. Ведь литер действителен 3 месяца. Чутьочку отдохнув в родных местах, забрать предметы первой необходимости, приготовить остальное для отправки багажом и ехать к тебе. Костя, опиши подробнейшим образом ваши края. Каков климат, можно ли достать радиодетали (лампы, батареи и прочее) и какие, фотоматериалы, одежду, обувь, есть ли где поблизости электричество. Какие у вас ветры, часто ли бывают, постоянно ли и какой силы. Можно бы поставить ветрячок и динамо... (для радио). Нет ли квартиры, в огороде которой, или вблизи протекал бы ручей. Если ответ будет положителен, то я достану подходящее динамо. Пиши, что у вас трудно достать (могу припасти заранее здесь). Напиши, что вообще из моих вещей неплохо было бы привезти. В общем, чем подробнее и разностороннее будет описание, тем лучше. Напиши, сколько ты получаешь. На какой оклад и заработок я могу рассчитывать? Каковы у вас цены на различные товары? Сколько денег уходит на питание, на квартиру? Ну, пока все, кажется. Что я забыл?

Живу я по-прежнему. Погода все время стояла холодная (15-го был снег!) Сегодня – первый настоящий теплый весенний день. Пиши, Костя, про себя, про свою жизнь.

19.V.41 Твой Лева

Мой адрес: Лен. обл., п/о Горелово п/я № 10 – 21 Л.Н.Л.

№ 17

03.06.1941 г.

Здравствуй, Костичка!

Читаю и удивляюсь. Заблудшая овечка на третьем десятке лет своей жизни, наконец, попала на жизненный путь подобный простым смертным... Кончились непонятные искания и стремления. Неужели это и со мной будет?.. Ты, кажется, не поверил моей истории с девчатами. Это было действительно так, но, к сожалению, я не могу привести в доказательство никаких аргументов. Хотя зачем все это пишу, да ещё так резко.

---

¹ Жары – деревня в Тосненском городском поселении Тосненского района Ленинградской области.

Поздравляю тебя с успехами и желаю счастья... Мой адрес: Лен. обл., п/о Горелово, п/я № 10 подр. 21.

Мои дела таковы: С 28 мая сижу, никуда не выхожу (кроме столовой и уборной), зубрю всякие теории вероятности, теоремы Гаусса, задачи Пентана, теории и правила стрельб, тактику и прочее, нудное и скучное до невозможности. И так ты догадываешься – я сдаю на мл. лейтенанта запаса. Сдаю и сдал историю партии, теорию и правила стрельб ЗП, последнее – сухая математика с бесконечными формулами, косинусами, логарифмами, таблицами и графиками... Так что сдал еле на 4. Третья часть сдающих уже засыпалась. А сдавать ещё 5 предметов. Настанет ли мой черед проваливаться? А спрашивают, надо сказать строго – в объеме нормального училища, и все это надо выучить за 1–2 дня! Сдаем всё на «аллаха», подсчитав по теории вероятности и теории математического ожидания шансы на сдачу: 1:14.

Будет очень досадно, если не сдам. Очень хочется уйти из армии нынче. Ну, пока и всё. Не сердись, Костя, на меня. Начало этого письма написано просто так и никакая жена не помешает нашей дружбе. *Приписка: Какое совпадение: он и я – зенитчики!*

Твой Лева. 3.VI.41

Извини за бумагу и карандаш – спешу зубрить.

Тексты документов К. В. Минутина

1. Автобиография

Я, Минутин Константин Васильевич, родился в январе 1920 года в селе Крестцы, Ямская слобода, Крестецкого района, Новгородской области, в семье служащего.

В 1937 году окончил Крестецкую среднюю школу № 1. Начал работу корректором издательства крестецкой районной газеты «Серп и молот». В 1939 году поступил в учительский институт при Ленинградском пединституте им. Герцена. Из-за материальных трудностей пришлось учебу бросить. Поехал по набору на учительскую работу в Алтайский край. Два года преподавал русский язык и литературу в Егорьевской средней школе Егорьевского района.

С 1942 по 1945 год служил в Красной Армии. Участвовал в боях Великой Отечественной войны на Донском фронте в составе войск 65 Армии по окружению и ликвидации окруженной группировки войск Паулюса под Сталинградом в качестве рядового, а затем мл. сержанта-наводчика 82 мм

миномета. Затем в этой же должности на Юго-Западном фронте, в боях за Харьков. В 1943 году направлен командованием в Пензенское минометное, а затем в Горьковское училище зенитной артиллерии, которое окончил в 1945 году со званием мл. лейтенанта и сразу же демобилизовался.

С декабря 1945 года с небольшим перерывом работал до июня 1948 года литсотрудником, а затем секретарем крестецкой райгазеты «Серп и молот». С июля 1948 работаю в Новгороде – сперва корректором в областной типографии, а с 1951 года литработником, а затем собкором газеты «Новгородская правда».

Отец до революции работал в хозяйстве своего отца – крестьянина-середняка, затем был на военной службе. После революции – служащий по лесному делу. Мать – домохозяйка. В 1938 г. отец был репрессирован и осужден на 10 лет без права переписки. Связи с ним с 1938 года не имели. Недавно стало известно о том, что он в 1943 году умер в заключении. Были репрессированы органами МВД также два дяди (братья отца).

Судимостей не имею, избирательных прав не лишался. Женат с 1949 года, двое детей.

К сему К. Минутин
14/V-1958 г.

Продолжение – не ранее 1977 г.

Награжден в 1976 году почетным дипломом журнала «Журналист» – «за активное творческое участие во Всесоюзном конкурсе газет на лучшее освещение соревнования».

Награжден в 1977 году Почетной грамотой Союза журналистов СССР – «за многолетнюю плодотворную работу в печати и активное участие в деятельности областной журналистской организации».

Награждён тремя Почетными грамотами обкома КПСС и облисполкома – в 1962, 1967, 1970 гг., Почетной грамотой обкома КПСС, облисполкома, облсовпрофа в 1967 году, несколькими Почетными грамотами новгородского горкома КПСС, обкома профсоюза работников культуры, редакции «Новгородской правды». Не раз занимал первые места в соревновании по редакции, многократно премировался.

Из общественной работы могу сообщить следующее: избирался председателем участковой и окружной избирательной комиссий по выборам в Верховные Советы РСФСР и СССР. Дважды избирался секретарем парторганизации в редакции и типографии крестецкой районной газеты и в

областной типографии, где был также пропагандистом. Несколько раз избирался в состав партбюро редакции «Новгородской правды», был председателем месткома редакции и членом месткома. Длительное время преподавал в вечернем университете журналистики при горкоме КПСС. Преподавал для постоянно действующих партийных и советских работников области. Являюсь по заданию Обкома КПСС постоянным рецензентом крестецкой районной газеты. В 1951–1952 гг. руководил областным литературным объединением при «Новгородской правде».

Член научно-технического совета при Новгородском центре научно-технической информации и пропаганде. Член межотраслевого комитета качества и стандартизации Новгородского областного совета НТО. Являюсь заместителем председателя первичной организации Союза журналистов СССР редакции «Новгородской правды».

Член КПСС с марта 1945 года. В кандидаты партии был принят в 1943 году во время боев под Сталинградом.

Женат с 1949 года, имею троих детей. Судимостей не имею. Отец был осужден в 1938 г. на 10 лет без права переписки, умер в заключении, был реабилитирован как несправедливо осужденный, в 1958 г.

К. Минутин.

2. В крестецкую районную газету «Ленинское знамя»

Родной школе

Крестецкой средней школе № 1 – семьдесят лет. Для юбиляра, да и для всей общественности поселка и района событие немалое. Волнует оно и нас, выпускников школы разных лет. Когда-то это была ШКМ (школа колхозной молодежи), где учились дети не только из райцентра, но и из ряда сел района. Первый выпуск десятилетки состоялся в 1937 году. Одним из выпускников того года был и я.

Годы учения незабываемы, нам же первым шакаэмовцам, они кажутся особенно светлыми. Может быть потому, что наши детство и юность совпали с бурной юностью страны. А ещё потому, что повезло нам на учителей.

Полвека прошло, а память хранит многие подробности. Входя с друзьями школьных лет в свой класс, мы зримо представляем себе нашего строгого, дотошного математика Вячеслава Васильевича Смирнова с его неизменной указкой и словами: «Что и требовалось доказать...» Живо встает в памяти нервное бледное лицо с горящими глазами молодого Леонида Степановича Панченко, вдохновенно внушавшего нам любовь и уважение к русскому слову,

к Пушкину и Лермонтову, зачитывавшего перед классом лучшие наши сочинения. А содержательные уроки истории, которые давал директор школы В. Н. Малов, он же руководитель нашего класса. А добрейшая Роза Оскаровна Михайлова, преподававшая немецкий язык... Всех нет возможности даже перечислить.

Школа дала нам очень много. Она была вторым домом. И уроки доброты и справедливости запали в сердце навсегда. И тем, кто стал инженером или офицером, и тем, кто избрал профессию учителя, и кто посвятил себя партийной или комсомольской работе.

По-разному сложилась судьба каждого из нас. Далеко не всем выпало счастье встретиться со своей школой в день её юбилея. Особенно осиротел наш первый выпуск. Многие погибли на фронтах Великой Отечественной: пала смертью храбрых пулеметчица Соня Калина, в блокадном Ленинграде погибла отличница, студентка Ольга Сизова, не вернулись с войны Михаил Тимофеев, Василий Каштанов и другие, Почти каждый из нас прошел суровыми дорогами войны.

Защищали Родину и наши учителя. Так преподаватель военного дела Н. Г. Степанов отстаивал с оружием в руках ледяную «дорогу жизни» на Ладоге.

Вечной будет наша признательность учителям, наставникам, чей добрый пример помогал нам в жизни не раз. До войны мне довелось работать преподавателем русского языка и литературы в одной из средних школ Алтая и в трудные моменты невольно что-то перенимал из опыта любимых учителей крестецкой школы...

И она, наша школа, не забывает своих питомцев, устраивает встречи с ними, интересуется их судьбой, отдает дань уважения тем из них, кто погиб защищая Родину. Хочется видеть эти связи более крепкими, ещё более эффективными в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Мы рады, что школа растет, крепнет материально и духовно, обогащается опытом её педагогический коллектив. Можно сказать в её старые прочные стены проникает дух перемен, которые несет школьная реформа.

Сердечно поздравляя первую среднюю школу поселка с знаменательной датой, от души желаем её учителям и ученикам новых больших успехов. Будь всегда и для всех любимой, родная школа!

К. Минутин, ветеран войны и труда,
Заслуженный работник культуры РСФСР,
г. Новгород

12/IX–86 г.

МЫ – НОВГОРОДЦЫ. ВОСПОМИНАНИЯ¹

Семья

Мы – новгородцы. Мой дед новгородец – Бакочин Филипп Акимович был гармонный мастер – гармонная мастерская была на улице Л. Толстого (Чудинцева), на месте сквера с памятником Лёне Голикову был 2х-этажный дом, на первом этаже была мастерская, а на втором жилые комнаты. Моя бабушка – Бакочина (Карнетова) Мария Федоровна была родом из Д. Голино Шимского района. Семья была большая, дети в основном мальчишки, а из девочек – только моя мама Елена Филипповна (её в детстве звали Ленка-кошка за то, что «воевала» с братьями). Все дети и дед играли на гармониях и баянах (по воспоминаниям мамы и знакомых) и это был настоящий оркестр. Перед войной мы жили на улице Дворцовой, мама работала в живописной мастерской, которая помещалась в церкви Параскевы Пятницы, а бабушка жила в кордегардии на улице Ленинградской (С.-Петербургской). Я помню её небольшую комнату с иконами и горящей лампадкой перед ними в углу, но бывала я там очень редко, т. к. бабушка приходила к нам домой с утра, занималась хозяйством и мной.

Эвакуация

Когда началась война в 1941 году (мне было 4,5 года) нас в июле месяце эвакуировали из Новгорода в Кировскую область. Бабушка осталась в Новгороде. Сначала нас везли на барже до Волховстроя по Волхову, затем на поезде до станции Шахунья Кировской области, а дальше на подводах развозили по деревням. Мы вместе с семьей Трезоровых попали в глухую деревню Челпайки Шарангского района, в 90 км от станции, 10 или 12 домов. В ней не было ни света, ни радио, ни почты, не было школы и медпункта. Транспорт – только пешком. Большинство жителей этой деревни никогда не были на железной дороге и не видели поездов. А когда мама меня выпустила на улицу в одних трусиках, то за мной ходили все жители деревни и удивлялись этому.

Поселили нас 2 семьи в половину избы, и мы какое-то время были в центре внимания всех жителей деревни: на нас приходили смотреть (встанут у порога и смотрят, что мы делаем), одни уходят – приходят другие и т. д. Ни электричества,

---

¹ Публикацию подготовил Я. А. Васильев.

ни радио в Челпайках не было, скудные сведения обо всём доходили из Шаранги. Освещение – вечером маленькая коптилка.

В августе месяце к нам приехала бабушка, она уходила из Новгорода в ночь с 13 на 14 августа до деревни Плашкино пешком с другими людьми (почти 20 км), по её словам город уже горел, и зарево было видно издалека.

Работу нам предложили в колхозе, называли «kozyренными» и «дармоедами» и только когда бабушка доказала, что она знает и умеет делать все деревенские работы, презрение сменилось уважением. Взрослые не гнушались никакими работами (теребили лен, жали рожь, косили, копали картошку, а бабушка даже водила быков – пахали-то на быках).

Ближе к зиме мы переехали жить к тете Лене Елькиной, у неё своих детей было трое да мы все, но жили очень дружно. У тети Лены была швейная машинка, а мама умела шить, и это очень пригодилось, она шила всем деревенским и все были довольны.

А бабушка научила тетю Лену готовить супы (дело в том, что там было не принято заправлять супы жареным луком, морковкой и зеленью – в кастрюле было много мяса, картошка и вода, лук ели вприкуску, предварительно раздавливали рукой или ножкой табуретки). Вареную картошку тоже предварительно раздавливали рукой, а затем брали кусочки, чистили, макали в соль и ели с луком или запивали молоком.

Новый 1942 год мы встречали в единственном кирпичном двухэтажном доме, в котором нам дали большую и очень холодную комнату на втором этаже. Там мы жили на печке и полатях, спускаясь вниз топить печь и кушать. Елка у нас была (привезли из леса), а вот игрушек не было никаких, поэтому украшали её всем, чем придется, в том числе бумажными снежинками из любой бумаги, а чаще всего из старых газет. Ходили все в лаптях, зимой – в валенках, в том числе и в лес ездили за дровами в валенках, а снег был по пояс.

Летом мама ушла в рабочий поселок Шарангу, что в 10 км от нашей деревни, и поступила на работу в РОНО статистом. Мы оставались в деревне, и мама каждую субботу приходила к нам пешком, так как никакого другого транспорта не было. Осенью мы переехали в Шарангу, нас приютила тетя Паша, это было одна комната небольшая, где стояли кровать, стол, несколько стульев и какой-то шкаф. Семья была 4 человека (трое детей) и нас четверо. Хозяйка и её старшая дочь спали на кровати, а мы все шестеро на полу.

В Шаранге было электричество и радио, я стала ходить в детский сад, а моя сводная сестра – в школу. Примерно через 1,5–2 месяца в соседнем доме на 2-м этаже освободилась маленькая (около 10–11 квадратных метров) комната в

квартире, и мы переехали туда. Ещё через месяцев 6–7 освободилась рядом большая комната, мы туда перекочевали и до самого отъезда в Новгород жили там. Здесь было электричество и радио – черная тарелка на стене. Соседями у нас была семья из Харькова: женщина с девочкой Лорой помладше меня, а её мама читала ей каждый вечер сказки, перегородка между комнатами была достаточно тонкой, и я, приложив ухо к перегородке, слушала эти сказки.

Мама сделала на пробу для первого класса большую азбуку с картинками, показала учителям и с тех пор у неё от заказов отбоя не было (шла война и эти азбуки были очень нужны). А затем в клубе узнали, что Елена Филипповна – художник и уговорили её там работать по совместительству, так что для драмкружка она рисовала декорации и была примером, делала игрушки для ёлки, украшала клуб. Делала рамочки для фотографий и даже игральные карты, и все это пользовалось громадным успехом...

И ни одного человека я не видела и не слышала о таком, чтобы кто-то даже сомневался в нашей победе, даже в самое трудное время 1941–1942 года. Помню, как в Шаранге сдавали средства на Победу. Но вот 20 января 1944 года по радио сообщили об освобождении Новгорода, и бабушка сразу заговорила о возвращении домой: «Лена, пиши – пора домой», и как ни отговаривали маму ехать на развалины, она написала в Новгород и получила вызов. В апреле месяце 1944 года она уже была в родном городе.

Поскольку она была единственным художником-оформителем в городе, то сначала работала в парткабинете, а как только начал восстанавливаться новгородский музей, она сразу попала в музей и до 1963 года она была единственным художником музея. Все отделы и выставки были оформлены ее руками.

Мы с бабушкой приехали в Новгород в самом начале сентября месяца 1944 года. Добирались из Шаранги до станции Шалуныя пешком трое суток, вещи везли на телеге, и я в мои 7,5 лет тоже шла пешком 2 дня и только на третий день, когда я не могла идти, меня посадили на телегу. Путь проходил через несколько деревень со староверами, они не только переночевать, но даже воды попить не дадут – все колодцы на замке, только в русских деревнях удавалось ночевать.

Поезд прибыл в Новгород, мы вышли из вагона, бабушка огляделась, и её первые слова были: «А где же Новгород?» – т. к. кругом были развалины, заросшие иван-чаем, затем она увидела кремль, поняла, где мы находимся, и мы пошли искать музей и маму. Первые несколько дней мы жили в мастерской музея в Никитском корпусе, а затем нас поселили в большой комнате, вход в

неё был под аркой, где сейчас двери с кодовым замком, окна выходили во двор Софийского собора. Кроме нас там жила ещё одна семья, а в маленькой комнате размещалась часть типографии газеты «Новгородская правда» и ходили люди туда через нашу комнату.

Мы оказались одними из первых, кто узнал о подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии. Дело в том, что в маленькой комнате Татьяна Федоровна – телеграфистка (фамилию не помню) принимала сводки для газеты и глухой ночью в 2 или 3 часа она приняла сводку о нашей Победе. Я прекрасно помню, как она распахнула дверь к нам в комнату и громко крикнула: «Вставайте – Победа, акт подписан!» Конечно, все вскочили, быстро оделись и побежали будить всех в Музее, знакомых, и к утру город уже гудел от радости.

Теперь о том, что я помню.

1946 год. К первой годовщине Победы на площади был сооружен деревянный памятник, его строили пленные немцы.

Памятник 1000-летию России

Фигуры второго ряда лежали на площади перед театром (филармонией), была только снята узкоколейка, по которой немцы собирались эвакуировать памятник в Германию (мама в апреле видела эту узкоколейку). В эти фигуры мы, ребяташки, прятались, когда играли в прятки. Постановление о реставрации памятника было принято 24 апреля 1944 г.

Руководили работами Н. А. Чернышов – специалист по металлу, которого отозвали с Волховского фронта, художник Захарова и прораб Давыдкин. Все фигуры поставили на место, а мы ещё лазили между них (я была по колено Петру I), и позади этих фигур есть идол, которого в дальних от памятника кустах нашли мы, привели туда реставраторов и теперь эта фигура идола напоминает мне о тех днях.

Памятник отреставрировали к 7 ноября, открытие его было 2 ноября 1944 года, конечно, мы, ребяташки, такое событие пропустить не могли, и были на митинге в первых рядах.

Город лежал в руинах, особенно это стало видно осенью и зимой, когда не стало иван-чая. В башне Кокуй был огромный пролом, пустые полуразрушенные коробки здания присутственных мест и трёх домов, за ним (Судейский городок) здание театра (филармонии) и Софийский собор с поврежденными куполами и пустым каркасом центрального купола. Кремлевская стена и башни были повреждены.

В Кремле около Никитского корпуса стояли трофейные немецкие пушки и миномёты.

Моста через реку Волхов не было, из воды торчали фермы взорванного моста. Напротив бани (баня работала и был санпропускник) был перевоз, перевозчика не было, была лодка, куда садилось столько человек, сколько вмещала лодка, а за вёсла садились те, кто умел грести. Кажется, в октябре на этом месте появился понтонный мост, и сразу же началось строительство деревянного моста, он был намного ниже теперешнего моста имени Александра Невского и был южнее его (дорога вдоль здания завода «Планета» – это дорога с деревянного моста). Он был собран в 1943 году в Плашкино, пронумерован и разобран, а после освобождения Новгорода привезён и собран на новом месте. Пока собирали конструкции моста на опорах уже была сделана пешеходная дорожка и мы по ней ходили на Торговую сторону. Уже зимой можно было пройти по доскам моста с одного берега на другой. Мост охранялся.

Летний сад с его искалеченными деревьями служил местом для заготовки дров в первую зиму, а пни, которые оставались, взрывали и мы ходили туда за щепками.

В городе была одна школа на Торговой стороне, на улице Посольской, которая работала в 3 смены. Принимали только в первый класс, набрали 21 чел., школа открылась 5 апреля 1944 г., первое время других классов не было. Других школ тоже не было. Учительницу звали Анна Анисимовна. Мы – первоклассники ходили в школу к 7:30 утра, часов не было, жили по гудкам, 1-й гудок был в 4 часа ночи, а остальные через каждые 30 минут.

В школу мы ходим из Кремля всей компанией, заходя друг за другом, т. к. часов ни у кого не было. Первые часы появились через год, когда приехали врачи Богдановы, их сын обходил нас и собирал в школу. Когда на Волхове появился настоящий лёд, мы ходили в школу по льду и так до тех пор, пока на льду не появилась весенняя вода и можно было легко провалиться.

Никогда не забуду ту тарелочку горячей каши с ложечкой масла и сахарного песку, которую мы получали на большой перемене – это была такая поддержка в то голодное время!!!

В здании, где сейчас туалеты, в трёх комнатах жили пять или шесть семей.

В Новгород мы приехали в лаптях, мне мама сшила из мешковины достаточно тёплые чуни, на которые надевались лапти, зимой были валенки, у меня были шаровары из зелёного байкового одеяла, сумка из мешковины, чернильницу-непроливайку мы носили с собой. Учебники были на 3–5 человек, писали на любой бумаге, даже газете. Летом у меня был замечательный

сарафан из мешковины с маками, расписанный масляными красками моей мамой, а у неё тёмно-серый сарафан, тоже разрисованный красиво. Нам все завидовали.

Во 2-й класс я пошла в 3-ю школу, что на ул. Б. Московской, уже было два вторых класса 2 «а» и 2 «б» – около 50 чел. занимались там чуть больше месяца, а затем всех, кто жил на Софийской стороне, перевели в школу № 2. 23 ноября 1945 года начала работать 2-я школа и всех, кто жил на Софийской стороне, перевели учиться в неё. Школа ещё не совсем была готова, поэтому мы уже занимались, а пленные немцы в классах складывали печи. Так до 10 класса я и училась в школе № 2.

Среди развалин на улице Советской сохранился двухэтажный деревянный дом, который снесли, когда делали пристройку к гостинице «Волхов», а жаль, это было напоминание о тех трудных годах.

Первое торжественное собрание в 1944 году, посвящённое 7 ноября, было в Грановитой палате, и мы, ребяташки, присутствовали там.

Первый кинотеатр был на первом этаже бывшего театра (ТОРа), теперь филармония, там, где административные помещения. Затем появился кинотеатр в железнодорожном клубе и потом «Родина» – в костёле на Ленинградской улице.

Театр начал работать году в 1948-м, там регулярно проводились новогодние ёлки для детей, и пока я не окончила школу, дедом Морозом был артист театра Разгуляев – высокий, красивый, в красивом костюме, а вот кто была Снегурочка в то время – не помню.

Зато хорошо помню подарки с конфетами и мандаринами. Стадион был на улице Горького, на месте сквера, летом там играли в футбол, волейбол, баскетбол, была яма прыжков в длину, в высоту и снаряды для занятий спортивной гимнастикой. А зимой был каток с ёлкой в школьные каникулы, всегда играла музыка, и народу всегда было много и зимой, и летом, и детей, и взрослых.

Помню ларёк на Софийской стороне, где можно было купить хлеб без карточек, он появился году в 1947 или 1948 году на углу улиц Горького и Комсомольской, на месте дома, где находится магазин, и первый коммерческий магазин продуктов – одноэтажное деревянное здание на том же углу, но на месте дома, где кафе «Мороженое». Потом магазин продуктов переехал не помню куда, а там открыли книжный магазин. Ещё помню рынок, который был вместо парка от площади Труда почти до улицы Пролетарской. В районе двухэтажного домика находилась красная водонапорная башня, так вот от площади до башни были всевозможные ларьки, а от башни и дальше – продуктовый рынок.

Теперь как мы жили

В большой комнате, о которой я уже писала, была круглая печка, которую никогда не топили, и плита. Из мебели была кровать, 2 скамейки и стол. Мы спали на кровати, а бабушка на скамейках у плиты. Водопровод не работал, и за водой ходили на Волхов.

Нам принесли большую банку с огромной воронкой, и мы фильтровали воду через фильтр из ваты, угля и песка. Колонка около Златоустовской башни появилась году в 1947-м. В городе было много крыс, они ходили стаями, ночью бегали по комнате и грызли всё подряд, поэтому к нашей радости бабушка на рынке купила котёнка, который быстро вырос, стал грозой крыс, и мы были просто счастливы!

Дверь мы не запирали, т. к. работники редакции днем ходили через нашу комнату, а ночью мы запирали дверь на деревянную задвижку с гвоздями, которую можно было закрыть и открыть из коридора куском проволоки, согнутым под прямым углом через дырку в двери, если в этом была необходимость днём.

Года через 1,5 редакция переехала куда-то и нас переселили, конечно, вместе с котом, в церковь Сергея Радонежского, которая помещается около Ефимьевской часозвони, два окна находились над аркой, а третье из алтаря – над входом в музыкальную школу. Так вот, мы жили в алтаре, наша кровать стояла около большой иконы, стол у окна, а бабушка спала на скамейках в другом углу алтаря.

В самой церкви в то время жили сестры Зинаиды Гиппиус: Татьяна Николаевна – художник и Наталья Николаевна – скульптор. Они уже были очень пожилыми, но ещё работали по счетам для музея: Т. Н. писала несколько работ для исторического отдела, а Н. Н. вырезала из дерева несколько скульптур, к сожалению, музей ничего не сохранил.

Жили мы с ними очень дружно, они были исключительно милые, добрые люди, помню, как мы отмечали Рождество, все вместе сидели около маленькой ёлочки, освещенной свечками, и они пели. Между собой они часто разговаривали по-французски.

Ко мне Т. Н. и Н. Н. относились очень тепло, и я до сих пор храню открытку, нарисованную Т. Н. и собачку из дерева, вырезанную Н. Н. и ещё маленькие сувениры – подарки милых бабушек.

У нас была общая плита, около неё, близко к двери, стояли поленья, и на них любил сидеть наш кот. К нашему сожалению, кота у нас украли... Видимо, пленные испанцы, которые работали на восстановлении Новгорода. Кухня у

них была в Федоровской башне, но они постоянно были в поисках пищи, лазили по деревьям, собирали птичьи яйца и птенцов.

В августе 1947 года освободилась комната в Лихудовом корпусе и Митрополичьей башне, и мы переехали туда. Сейчас там, где были наши два окна деревянное крыльцо и вход в комнату, а с торца, где была наша дверь и деревянная лестница – окно. Комната была большая, почти посередине стояла плита и фанерной загородкой была отделена кухня. Но плита топилась «по-черному», мы открывали даже зимой настежь дверь, чтобы выходил дым, а когда летом 1956 года мама переезжала и решила сжечь лишние бумаги, закрыла дверь и окно, то проходящие мимо люди вызвали пожарных, думали – пожар. Были и смешные случаи. Однажды мы пришли летом с огорода, открыли дверь, а по комнате летали летучие мыши десятка полтора, если не больше. Мышей выгнали, а в углу нашли дырку на чердак, через которую мыши попали в комнату, конечно, заделали её.

Люди в первые послевоенные годы жили везде, где можно было как-то пристроиться. Много семей жило в разрушенном здании Присутственных мест, находили 3 стены, складывали четвертую, делали крышу, дверь, окно из подручного материала, ставили печку, выводили трубу и так жили. Семья жила в выходной арке на пляж, были заложены 2 стены, сделаны дверь и окно, жили в белой башне, приезжали, рыли землянки и жили в них.

Помню, что по Волхову сплавляли плоты дров, их вылавливали и складывали поленницами для просушки на берегу там, где сейчас у Кремля находятся пристани прогулочных теплоходов. Работники музея жили в Никитском корпусе у Федоровской башни (там сейчас библиотека музея, а одно время там помещалась городская детская библиотека). Однажды летом одна из работниц утром рано проснулась, а ей в окошко заглядывает лосиная морда, она испугалась, закричала, а бедный лось испугался не меньше её, взбежал по земляной насыпи (это сейчас там все откопано), перепрыгнул через стену и убежал. На его счастье в этом месте за стеной не было деревьев, а мы потом ходили смотреть на те глубокие ямы, которые он оставил.

А теперь о моей маме Елене Филипповне Ивановой. Она родилась в Новгороде в 1912 г. Окончила 7 классов и ИЗО-студию. Затем окончила курсы каменщиков, продавцов промтоваров (даже поработала в магазине тканей), поступила на фарфоровый завод в Пролетарке в цех росписи посуды и даже один день отработала, но поскольку она была левша, то народ собрался посмотреть, как это она работает левой рукой, и она застеснялась, и на следующий день уволилась. Затем мама работала библиотекарем в клубе

железнодорожников. Двухэтажный клуб находился на месте «Телекома», но занималась там, в основном, оформительской работой. 2 года перед войной мама работала в живописной мастерской (если не было там работы, то в цехе мягкой игрушки).

Старые новгородцы знали её как Лену Бакочину, художника-оформителя, и когда она приехала в Новгород в 1944 году и была лет 10 единственным художником в Новгороде, то с заказами что-то сделать, особенно перед 7 ноября и 1 мая написать лозунги и оформить колонны к праздничной демонстрации, шли в музей к Ивановой, а если не договаривались, то вечером приходили к Бакочинной и удивлялись, что это один и тот же человек. Мама с 1963 года в течение 13 лет работала художником-оформителем при парткабинете завода имени Ленинского комсомола.

С 1976 года она – художник-оформитель в школе рабочей молодежи. И работала она до 1996 года, до 83,5 лет.

Рисунок 1. Елена Филипповна Бакочина (Иванова). 1934 г.

Рисунок 2. Градислава Бакочина (слева) со сводной сестрой Эммой. Июнь 1941 г.

Рисунок 3. Летние каникулы (Г. И. Бакочина – справа в верхнем ряду). 1953 г.

Рисунок 4. Е. Ф. Иванова (в центре) с сотрудниками музея на субботнике 1954 г.

Рисунок 5. Иванова Елена Филипповна. 1959 г.

**СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКАХ
«ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВГОРОДА
И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И НАУЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ» (2010–2020)**

Х

Матвеев О. В. К 10-летию кафедры архивоведения Исторического факультета Гуманитарного института НовГУ

Трифонов С. Д. Проблемы и перспективы подготовки кадров для архивных учреждений Новгородской области.

Салонилов Н. В. Книги из библиотеки немецкого пастора Генриха Иоганна Гроциана в книжном собрании Феофана (Прокоповича).

Григорьева И. Л. Новгородские владыки 40-х – 60-х гг. XVIII в. и их книжные собрания.

Струкова Ю. Н. «В знак своей признательности и благодарения...».

Бурдо Е. С. Предпринимательство в Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Федорук Н. С. Мещанство в сословной структуре населения Новгородской губернии в XIX – начале XX вв.

Ермолова Е. А. Купеческие династии Новгорода (вторая половина XX – начало XX вв.).

Гаричева Е. А. Новое о старорусском окружении Достоевских.

Корешкова Т. А. Роль Кирилловского уездного земства Новгородской губернии в развитии пчеловодства в начале 1900-х гг.

Курочкина Т. Н. Кулотинская джутовая мануфактура (1882–1919).

Васильев Я. А., Середюк И. Л. Новгородские коммерческие банки (от начала XX в. к началу XXI в.).

Дубоносова А. Э. Хозяйственно-политическое положение Новгородской губернии: 1918 – начало 1919 гг.

Сусанина А. П. Понятие контрреволюционной агитации в советском праве 1920-х гг. (на примере Новгородской губернии)

Самойлова И. В. Социальный портрет агитатора-коммуниста в период НЭПа: идеал и реальность (по материалам Новгородской губернии).

Ковалев Б. Н. Нацистская пропаганда на Новгородчине в начальный период Великой Отечественной войны.

Савинова И. Д. Новгородский тыл в 1941–1944 гг. Вклад колхозного крестьянства.

Коршунов Э. Л., Рупасов А. И. Разминирование территории Новгородской области в 1944–2009 гг. (В административных границах на 2010 г.).

Курносков В. В. Инновационное развитие Новгородской области в 60–70-е годы XX века.

Игнатьев Г. А. Воспоминания лектора Общества «Знание».

Макейкина Р. П. У истоков новгородской школы «Гармония».

Быстров Е. С. Отношение молодежи, рожденной после распада СССР, к прошлому и современному положению страны.

Снытко О. В. О подготовке справочника «Государственный архив Новгородской области. Фонды дореволюционного периода: Путеводитель».

Коварская С. А. Новгородская земля в 1946–1956 гг. (по новым архивным документам).

Галактионова М. В. «Вестник новгородского земства» как источник по истории промышленности новгородской губернии (по материалам указателя В. И. Ромашовой).

Яицкая Н. В. Памятные книжки Новгородской губернии как источник по истории новгородского транспорта.

Орфинская Л. В. Царская тюрьма глазами иностранцев.

Якубовская И. В. Архивные материалы и изучение формирования этнических стереотипов: поляки и русские в последней трети XIX в.

Седунова С. Ю. Земские кассы мелкого кредита: понятие и деятельность.

Седунов А. В. Контрабандная торговля в приграничных районах Северо-Запада РСФСР в 1920-е годы.

Моховикова Г. В. Дневник посла Липского (опыт жизни и политико-дипломатические ценности).

Статьи и публикации в сборниках «Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования». (2000–2010).

XI

Безус Н. Б. Процессуальные особенности введения дел в период шведской оккупации в Новгороде в начале XVII в.

Белков Д. С. Практика записи в новгородское мещанство в конце XVIII в. (по материалам Новгородского городского магистрата).

Федорук Н. С. Немецкие колонии Новгородской губернии в XIX – начале XX в.

Матвеев О. В. Граф Алексей Андреевич Аракчеев в дореволюционной, советской и современной историографии.

Данько Т. А. Из истории новгородской купеческой фамилии Кузнецовых.

Кангаспуро Л. В. Пенитенциарная система России и тюрьмы Новгородской губернии (1861–1914 гг.).

Васильев Я. А. Экономическое состояние Новгородской губернии начала XX века в оценках чиновников Государственного банка (по материалам ревизий Новгородского и Череповецкого отделений).

Корешкова Т. А. Земские склады сетей и рыболовных принадлежностей в Новгородской губернии. 1902–1914 гг.

Лысенко М. А. Деятельность братьев Рубакиных на Новгородской земле.

Кучко Е. А. Культурно-просветительская деятельность подотдела национальных меньшинств Новгородского губернского отдела народного образования 1919–1927 гг.

Авсеенко Ю. Э. К вопросу о работе Новгородской спичечной промышленности (1926).

Дубоносова А. Э. Анализ преступности и состояния законности в Новгородской области, методы профилактики правонарушений и предупреждения рецидивной преступности (1978–1979 гг.).

Витушкин С. Ф. Участие новгородских связистов в обеспечении связи командного пункта Северо-Западного фронта в 1941 г.

Колотушкин В. Г. Документы штаба и соединений Северо-Западного фронта 1941 г. Обзор электронных копий из фондов ЦАМО РФ, представленных в БД «Подвиг народа».

Самойленко В. А., Николаева Н. И., Панина О. С. Орден Отечественной.

Рукавичникова В. В. О действительном количестве книг в библиотеке Новгородского практического института народного образования.

Салоников Н. В. Библиотека НГПИ в 1932–1933 гг., или ещё раз о необходимости внимательного отношения к архивным документам временного срока хранения.

Макейкина Р. П. Студенты НГПИ (1953–1993 гг.).

Игнатьев Г. А. Исторический факультет НовГУ на пороге 80-летия.

Вавилова Л. А. О работе над проектом «Остаться в светлой памяти людской» (История некрополя Антониева монастыря).

Трифонова А. Н. К вопросу о датировке рукописного сборника писем Петра I из фондов ГАНО.

Киселева И. В. Фонд личного происхождения М. Ф. Труниной.

Снытко О. В. Комплектование Государственного архива Новгородской области документами личного происхождения: итоги и перспективы.

Вовина В. г. Историки школы С. В. Бахрушина – исследователи русского летописания (Л. В. Черепнин, М. Н. Тихомиров, В.И. Буганов).

Якубовская И. В. Эпистолярные польских ссыльных как исторический источник (по материалам ГИАНО).

Седунова С. Ю. Дискуссии теоретиков кредитной кооперации о роли государства в ее организации во второй половине XX в.

Моховикова Г. В. «Этническая революция» в архивоведении США.

Несин М. А. Купечество вечевое Новгорода XII–XV вв. по данным письменных источников.

ХII

Десятков К. С. «Травелоги» петровской эпохи как исторический источник (на примере записок британских путешественников о Новгороде начала XVIII века).

Салоников Н. В. «Келейные письма» архиепископа Амвросия (Юшкевича) как источник по истории Новгородской духовной семинарии.

Белков Д. С. Новые источники по истории путешествия Екатерины II в Крым в 1787 г.

Кангаспура Л. В. Теоретические основы пенитенциарного знания в России в I половине XIX в.

Федорук Н. С. Инославные и иноверные некрополи Новгорода в XIX–XX веках.

Корешкова Т. А. Организация рыболовецких кредитных товариществ Новгородской губернии в начале 1900-х гг.

Киселева И. В. Тиховская женская община во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших», Боровичский уезд Новгородской губернии 1910 г. – (1922 г.?) по документам ГАНО.

Михайлова Е. Ф. Организация и становление деятельности новгородской химико-аналитической лаборатории в 1920-е гг.

Колотушкин В. Г. Председатель Новгородского облисполкома Григорий Александрович Рябков (1912–1975): к 100-летию со дня рождения.

Рукавичникова В. В. О сотрудниках библиотеки Новгородского государственного учительского института 1935–1941 гг.: Заметки к социальному портрету.

Макейкина Р. П. Выпускники Новгородского государственного педагогического института.

Витушкин С. Ф. Железные дороги на территории нынешней Новгородской области перед войной и в период ведения боевых действий.

Савинова И. Д. «Всё для фронта, всё для Победы!». Жизнь новгородского тыла в 1941–1944 гг.

Власов М. М. Информационная среда Книги Памяти: Из опыта работы электронного справочного места.

Матвеев О. В. М. М. Шумилов. Ученый, педагог. К 60-летию со дня рождения М. М. Шумилова.

Галинова А. М. Царская семья в фамильной хронике Храповицких.

Трифонов С. Д. К вопросу о мифотворчестве в истории административно-территориального деления России.

Иванова М. В. Анализ тематики исследований, проводимых в читальном зале ГАНО в 2005–2011 гг.

Уварова Ю. В. Документы личного происхождения ГОКУ ГАНИНО по фонду № 8114: «Б. С. Романов – писатель, капитан дальнего плавания».

Несин М. А. Новгородские тысяцкие в XII – начале XIV столетия по данным письменных источников.

Гаричева Е. А. К вопросу о времени возникновения Успенской Колмовской церкви.

Васильев Я. А., Середюк И. Л., Евстигнеев Ю. Ф. К вопросу использования опыта новгородских дореволюционных кредитных учреждений.

Евстигнеева Е. Ф. Школьники 60-х годов (Моё пионерское детство).

Моховикова Г. В. Бахметьевский архив Колумбийского университета.

ХIII

Салоников Н. В. Рукописные курсы по риторике, философии и богословию, прочитанные в Новгородской духовной семинарии в 40–50-е гг. XVIII в., в собрании Псковского музея-заповедника.

Федорук Н. С. Лютеранская церковь святого Николая в Великом Новгороде в XIX–XXI вв.

Матвеев О. В. Литературное произведение как предысточник исторического знания (постановка проблемы).

Корешкова Т. А. Законодательные нормы и земская практика: Обсуждение вопроса об открытии школ сельского хозяйства земскими собраниями Новгородской губернии в 1878–1888 гг.

Струкова Ю. Н. Д. А. Джованни – мелиоратор, агроном и луговод Новгородской губернии.

Савинова И. Д. Промышленность Новгородской губернии в период НЭПа.

Миронова Е. С. Из истории создания первых пионерских отрядов в Новгородской губернии (по документам ГОКУ ГАНИНО).

Рукавичникова В. В. Становление Новгородской Центральной городской библиотеки и особенности формирования ее фонда в 1924–1927 гг.

Витушкин С. Ф. Автобиографии номенклатурных работников партийных комитетов, как источник сведений по истории Новгородской области (из фондов ГОКУ ГАНИНО).

Трифонов С. Д. Причины репрессий против Армии Крайовой.

Пантелейчук М. Н. Создание справочно-поисковых средств к архивным документам государственных и муниципальных архивов Новгородской области.

Васильев Я. А. «Вестник Новгородского земства» как источник по истории кредитных учреждений Новгородской губернии.

Колотушкин В. Г. Организация народного ополчения на новгородской земле в 1941 г. Обзор источников из фондов ГОКУ ГАНИНО.

Абрамова А. В., Салоников Н. В. Архив историка-медиевиста Н. С. Масленникова.

Киселёва И. В. Обзор личного фонда Б. А. Удальцова (р. 1935), исследователя ландшафтных объектов Новгородской области, действительного члена Русского географического общества.

Алексеева А. Е. Упорядочение фотодокументов, полученных от партийных и комсомольских органов и организаций Новгородской области (из опыта работы ГОКУ ГАНИНО).

XIV

Матвеев О. В. Проблемы развития системы подготовки историков-архивистов и документоведов-архивистов в современных условиях.

Несин М. А. Развитие института новгородских тысяцких в XIV–XV вв. по данным новгородских письменных источников.

Ступкин Е. И. «Новгородец, купецкий человек Михайло Сердюков...».

Федорук Н. С. Динамика численности населения Новгорода в XIX – начале XX в.

Метревели Е. К. Деятельность Боровичского уездного училища в первой половине XIX в.

Корешкова Т. А. Первый управляющий сельскохозяйственной школой Новгородского губернского земства Петр Филиппович Сурин.

Васильев Я. А. Учетный комитет Новгородского городского общественного банка.

Струкова Ю. Н. Проект переустройства Новгородской узкоколейной железнодорожной линии в ширококолейную (1907–1916 гг.).

Витушкин С. Ф. Историография событий, происходивших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Новгородской земле. 1945–2014 гг.

Колотушкин В. Г. 1-я Новгородская и 7-я Маловишерская партизанские бригады: из истории соединений.

Вязинина Е. И. Вязинин Иван Николаевич – историк, исследователь прошлого Новгородской земли.

Киселёва И. В. Геннадий Тимофеевич Нарышкин (1934–1997), журналист, член Союза журналистов СССР, Заслуженный работник культуры РСФСР.

Харина О. В. Города-побратимы Великого Новгорода.

Салонилов Н. В., Снытко О. В. Обзор документов ГАНУ по истории Новгородского архиерейского дома в первой половине XVIII в.

Терешкина Д. Б. К истории издания «Четьих-Миней»: архивные документы Московской Синодальной типографии из собрания РГАДА.

Михайлова Е. Ф. История развития спорта и спортивного движения в Новгородской губернии и области: обзор фондов Государственного архива Новгородской области.

Карпова Т. В. Обзор документов личного происхождения из архива Отдела изучения проблем археологии Новгородской земли НовГУ.

XV

Гордиенко Э. А. Из архитектурной хроники новгородских летописей X–XII вв.

Несин М. А. Новгородские тысяцкие в XIV в. По материалам новгородских письменных источников.

Десятков К. С. Русский навигатор в Европе в 1716–1720 гг. По материалам «Записок» И. И. Неплюева.

Матвеев О. В. Новгородские военные поселения: причины создания, поиски формы.

Макаревич Н. А. О проектах постройки Николаевской железной дороги.

Метревели Е. К. Деятельность Боровичского уездного училища во второй половине XIX в.

Корешкова Т. А. Курсы по пчеловодству в Новгородской губернии в 1890-х гг. как пример взаимодействия личной инициативы, земледельческого ведомства и общественных организаций.

Струкова Ю. Н. Организация работы Новгородской сельскохозяйственной болотной опытной станции в 1914–1925 гг.

Егорова С. П. Тема повседневности в переломное время (по материалам фонда Новгородского губернского комитета ВКП(б) (1917–1927) ГАНИНО).

Ковалев Б. Н. Революция и авантюризм.

Рукавичникова В. В. Леонид Орестович Пипер: новгородские страницы биографии.

Думин П. Р. Две истории одного памятника. Памятник В. И. Ленину на площади Победы-Софийской в Великом Новгороде.

Шапиро С. М. Документы личного архива о Новгороде 1940 г.

Михайлова Е. Ф. Государственный архив Новгородской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Колотушкин В. Г. 3-я Ленинградская партизанская бригада на Новгородской земле (к 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза А. В. Германа).

Цыпочкина В. Д. Великая Отечественная война в истории моей семьи.

Витушкин С. Ф. Кадры решают всё. Первые секретари обкома КПСС и председатели облисполкома Новгородского областного Совета депутатов трудящихся (1944–1991).

Федорук Н. С. Исторический факультет Новгородского государственного педагогического института в 1950-е гг.: профессорско-преподавательский состав.

Коваленко Г. М. Археологический сезон 1956 г. в Новгороде глазами финского археолога.

Рукавичникова В. В. Сюжет о Вадиме Новгородском. Исторический факт и его интерпретация.

Романов Н. И. Документы фонда Канцелярии новгородского губернатора о борьбе с пьянством в губернии в годы Первой мировой войны. По материалам Ф № 138 ГАНО.

Белякова Ю. И. Обзор фонда № 8025 «Коллекция фотодокументов ГОКУ ГАНИНО».

Рашковская О. Е. Фотопортреты конца XIX – начала XX в. в фондах учебных заведений Новгородской губернии Государственного архива Новгородской области.

Васильев Я. А. «Вестник Новгородского губернского земства» как источник по истории кредитных учреждений Новгородской губернии (статистика сюжетов).

Киселёва И. В. Документы Государственного архива Новгородской области о жизни и творчестве Попова Александра Ивановича (1913–2001), художника, графика, ветерана Великой Отечественной войны.

Абрамова А. В., Михайлова Е. Ф. Воспоминания участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по документам ГАНО).

XVI

Селин А. А. Суглицкая волость в 1590-е гг.

Попова Е. М. «Да как, государь, меня те немецкие люди били...»: к вопросу об отношениях новгородцев и шведов времен Смуты.

Салоников Н. В., Суториус К. В. Документы по истории архиерейских школ в Новгороде XVIII в. и проблемы их комплексного изучения и издания.

Десятков К. С. Письма царевича Алексея митрополиту Иову 1713–1715 гг.

Игнатьев А. А. Имена Муравьевых в Боровичском уезде Новгородской губернии: Устье, Устрека.

Матвеев О. В. А. А. Аракчеев и М. М. Сперанский. История взаимоотношений.

Кошелев А. В. Об одной записи из дневника П. И. Новикова.

Корешкова Т. А. Пчеловодные курсы уездных земств Новгородской губернии в 1906–1913 гг. как проявление политики «соединенных усилий».

Ковалев Б. Н. Депутат Государственной Думы Российской империи Владимир Милютин.

Витушкин С. Ф. События февральской и октябрьской революций 1917 г. в Новгороде (по материалам Государственного архива новейшей истории Новгородской области): оценка положения в стране политическими силами.

Серебрякова А. С. Скаутское движение в Новгородской губернии 1917–1922 гг.

Рукавичникова В. В. Кабинет истории НГУИ в 1919–1941 и 1945–1953 гг.

Яковлева И. А. Организация деятельности Новгородского губернского Олимпийского комитета в 20-е гг. XX в.

Федорук Н. С. Традиции и новации: культурное развитие немецкого населения Новгородской губернии в 20-е гг. XX в.

Вязинина Е. И. Огонь на себя: легендарная разведчица Аня Морозова.

Думин П. Р. Избирательная система СССР 1945–1946 гг. и первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР на территории Новгородской области.

Базарова Т. А. Новгородские документы Петровской эпохи в собрании рукописных книг Императорской археографической комиссии: по материалам Научно-исторического архива СПбИИ РАН.

Макаревич Н. А. Материалы для изучения строительства Николаевской железной дороги.

Кангаспуро Л. В. Источники по истории пенитенциарных (тюремных) учреждений Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Васильев Я. А. Памятные книжки Новгородской губернии как источник по истории новгородских кредитных учреждений.

Николаева С. Л. Фото и изобразительные материалы по народному образованию в составе архивной коллекции «Народное образование в Новгородском крае. 1918–1990-е гг.» из собрания отдела письменных источников Новгородского музея-заповедника.

Рашковская О. Е. Из истории комплектования Государственного архива Новгородской области фотодокументами.

Цыпочкина В. Д. Документы фонда Р-1793 Государственного архива Новгородской области о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на Новгородской земле.

Сивова З. А. Сергей Николаевич Орлов – документальное наследие профессора НГПИ (по материалам отдела письменных источников Новгородского музея-заповедника).

Киселёва И. В. Обзор документов личного фонда Э. Н. Иванова, члена Союза художников России, Заслуженного работника культуры РФ.

Уткин Д. Е. Секретные журналы заседаний Ярославского наместнического правления как исторический источник.

XVII

Селин А. А. Антикатолическая риторика в диалоге Москвы и Стокгольма накануне Выборгского договора 1609 г.

Десятков К. С. «Брюсов календарь» из собрания НГОМЗ как исторический источник.

Салоников Н. В., Суториус К. В. Ведомости учеников Новгородской архиерейской школы и семинарии как источник по истории образования в первой половине XVIII в.

Мельников И. А. «Особы отличные древлеправославного христианства»: старообрядческие наставники XVIII в. среди учащихся Новгородской духовной семинарии.

Матвеев О. В. Проблемы комплектования русской армии и Новгородские военные поселения (по Полному собранию законов Российской империи. Собрание I).

Рукавичникова В. В. Преподаватели истории Новгородской духовной семинарии.

Горникель А. П. Два столетия в России.

Биллер Е. Я., Арсеньева (Плетцер) Е. Я. Гореловская немецкая колония в Новгородской губернии.

Кошелев А. В. Об одном официальном письме к новгородскому губернатору В. Я. Скарятину из собрания ГАНУ.

Корешкова Т. А. Новгородская губернская земская управа: начало деятельности.

Васильев Я. А. Операции Новгородского отделения Государственного банка Российской империи с ценными бумагами.

Витушкин С. Ф. Создание и деятельность партийной организации РСДРП в Новгороде в 1917 г.

Думин П. Р. «Очень жуткое и в то же время торжественно-приподнятое настроение». Революционные события 1917 г. в Петрограде глазами С. М. Телегина.

Егорова С. П. К вопросу о выделении Маловишерского уезда из Крестецкого уезда Новгородской губернии в 1917–1918 гг. (по документам ГАНИНО).

Егорова С. П. Влияние установления советской власти на немецкие колонии в Новгородской губернии.

Серебрякова А. С. РКП(б) и комсомол в Новгородской губернии в 1918–1923 гг.: проблемы взаимодействия.

Федорук Н. С. Адольф Конрад – первый заведующий немецкой секцией Новгородского губернского комитета РКП(б). 1921–1922 гг.

Богданова Н. Л. Эстонские общеобразовательные школы Молвотицкого района в 20–30-е гг. XX в.

Салоников Н. В. Переписка преподавателей исторического факультета с руководством Новгородского государственного педагогического/учительского института (1932–1938 гг.).

Колотушкин В. Г. Руководство партизанским движением на Новгородской земле в 1941–1942 гг. (к 75-летию Центрального штаба партизанского движения).

Вязинина Е. И. Женщины-авиаторы на Новгородской земле в годы Великой Отечественной войны.

Борисов С. А., Борисова М. В. 892 артполк: боевой путь и судьбы однополчан.

Гайдуков П. Г., Белоножка Э. Н., Данько Т. А., Кудрявцев А. А., Рябова М. А. О библиографическом указателе «Археология Новгорода» (Итоги и перспективы работы).

Несин М. А. К вопросу о сфере компетенции и структуре новгородского владычного суда в период новгородской независимости по данным новгородских письменных источников.

Рукавичникова В. В. Новгородский Антониев монастырь и его некрополь.

Яковлева И. А. Документы ГАНО о пребывании Валентина Бианки в Новгороде: новые находки.

Григорьева И. Л. Н. И. Костомаров об истории образования: к историко-сравнительной постановке вопроса.

Филимонов А. В. А. И. Васильев – историк Новгородского края.

Юсифова А. А. Материалы по истории учреждений мелкого кредита Новгородской губернии 20–30-х гг. XX в. в фондах ГАНО.

Андреева Л. Н. Обзор, анализ и обработка книг, поступивших в Научную библиотеку НовГУ из личных библиотек.

XVIII

Десятков К. С. Проект открытия цифирной школы в Новгороде в 1720-е гг.

Кошелев А. В. О чертеже «Проекта основания пьедестала памятника Тысячелетию Российского государства».

Митрофанов В. В. Отзыв С. Ф. Платонова на книгу А. И. Семеновского «Памятник 1000-летия России».

Кириллов А. Н. Из истории обучения рисованию в Новгородском реальном училище в конце XIX – начале XX в. (по материалам ГАНО).

Лочмеле В. Переселенческое движение латышских крестьян в Новгородскую губернию.

Соколов П. А. Численность и социально-демографические характеристики латышского населения Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в.

Васильев Я. А. Проблема ростовщичества на страницах «Вестника Новгородского земства».

Яковлева И. А. Исправительные учреждения для несовершеннолетних на территории Новгородской губернии в 1917–1927 гг.

Гусева Т. А. Деятельность финансового отдела Старорусского исполнительного комитета. 1917–1927 гг.

Ильина А. А. Система партийных товарищеских судов в Новгородской губернии (1918–1921).

Серебрякова А. С. Деятельность женотделов Новгородской губернии в 1919–1924 гг.

Егорова С. П. О политических настроениях населения Новгородской губернии в 1921 г. (по документам ГАНИНО).

Витушкин С. Ф. Первый редактор «Новгородской правды»
Б. М. Патрикеев.

Шапиро С. М. Глазами студентов: введение в СССР платы за образование в 1940 г. (по материалам архива К. В. Минутина).

Потапова Н. В. Девушка и поэт. Из писем Ольги Михайловны Сизовой 1940–1941 гг. К. В. Минутину.

Федорук Н. С. Деятельность кафедры истории Новгородского государственного педагогического института в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Думин П. Р. Новгород и иностранные туристы: проблемы взаимодействия (1958–1962 гг.).

Харина О. В. Из истории развития дружественных связей Новгорода и Финляндии в 1960–1980-е гг.

Колотушкин В. Г. Командиры корпусов и дивизий – участники освобождения Новгорода от немецко-фашистских захватчиков.

Григорьева И. Л. Воспоминания о войне ее участника Л. А. Григорьева (по материалам стенной печати завода «Краснодарсельмаш» к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне).

Колотушкин В. Г. Воспоминания ленинградских партизан как источник по истории повседневности Великой Отечественной войны.

Матвеев О. В. Государственные учреждения Новгородской губернии 50–70-х гг. XIX в. в работах М. М. Шумилова.

Григорьева И. Л. Н. М. Карамзин о роли Новгорода в русской истории.

Корешкова Т. А. «Кустарный вопрос» в Новгородском земстве в 1890-х–1905-х гг.

Мельников И. А. «Молоканский молитвенник» из собрания Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

Корабель А. И. Неизвестные страницы. Жизнь и творчество Е. Н. Кутейниковой или от мира к Богу.

Рукавичникова В. В. Некрополь собора Рождества Богородицы Новгородского Антониева монастыря.

Филимонов А. В. Деятельность Новгородского Истпарта по собиранию и популяризации историко-революционных материалов (1920-е гг.).

Юсифова А. А. Материалы по истории Старорусского курорта «Минеральные воды» в фондах ГАНО и ГАНИНО.

Богданова Н. Л. Великий волисполком (1917–1927) обзор архивных документов.

Несин М. А. К истории топонима «Десятина» и Десятинного монастыря во времена новгородской независимости по материалам новгородских письменных источников.

XIX

Ефимова Ю. Л. Муниципальный архив Великого Новгорода: вчера, сегодня, завтра.

Белан И. В. Архивные фонды и практика использования документального наследия Боровичского района Новгородской области.

Кукиштель Э. А. Электронный каталог государственных архивов Новгородской области (на примере ГОКУ «Государственный архив новейшей истории Новгородской области»).

Лосева Н. С. Архивный сектор Администрации Валдайского муниципального района: история создания, архивные фонды, практика использования документального наследия Валдайского района Новгородской области.

Матвеев О. В. Подготовка профессиональных кадров для архивов и архивной службы Новгородской области (из опыта работы кафедры архивоведения НовГУ).

Федорук Н. С. Выпускные квалификационные работы (ВКР) студентов, обучавшихся в НовГУ по специальности «Историко-архивоведение» и направлению подготовки «Документоведение и архивоведение» в 2010–2018 гг.

Десятсков К. С. Перенесение мощей Александра Невского в Санкт-Петербург в 1723 г.: символика, идеология, практика.

Лукин А. А. К истории храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Витка.

Мельников И. А. Старообрядцы-поповцы Демянского уезда Новгородской губернии в XIX – начале XX в.

Лочмеле В. Латышское население Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в.: общие сведения о латышских колониях.

Корешкова Т. А. Из истории реализации Столыпинской реформы в Новгородской губернии. Агроном Крестецкого уездного земства Вячеслав Николаевич Васильев

Рукавичникова В. В. Военские захоронения некрополя Новгородского Антониева монастыря.

Филимонов А. В. «Беспорядки» в Холмском уезде (апрель 1919 г.).

Дорофеева А. П. Активные формы протеста новгородского крестьянства в 1920-е гг. и реакция местной власти (на примере судебных дел из фондов ГАНО).

Щербакова И. А. Меры профилактики и предупреждения преступности несовершеннолетних в 1917–1927 гг. (на примере Новгородской губернии).

Ильина А. А. Проблемы развития партийной периодической печати в Новгородской губернии в 1917–1922 гг.

Колотушкин В. Г. Дети в партизанских отрядах и подполье Ленинградской области: к истории военной повседневности.

Ходяков А. А. Сведения о жизни и деятельности Героя Советского Союза Д. В. Кузова (1909–1979) в фондах государственных архивов Новгородской области.

Гавкалюк А. Б., Борисова М. В. Фронтные газеты – страницы летописи родного края в годы Великой Отечественной войны (на примере газеты «За Родину!» Северо-Западного фронта»).

Асташкин Д. Ю. Первые избирательные кампании в Новгородской области (1946–1950 гг.): идеологический аспект.

Григорьева И. Л. Личный листок по учету кадров красноармейца Л. А. Григорьева.

Белоножка Э. Н., Данько Т. А. Развитие традиций «Новгородики» В. П. Ласковского в новгородской краеведческой библиографии.

Несин М. А. Во имя чьего Рождества построил архимандрит Варлаам в 1419 г. каменный храм в Юрьевом монастыре? (По материалам новгородских письменных источников).

Ивлев Д. М. Поминать о здравии Михаила... Серебряные чаши Сердюкова.

Юзефович Г. И. Батюшковы (из «Фамильной хроники Храповицких»)

Васильев Я. А. Новгородский ростовщик М. Поляк.

Митрофанов В. В. Несостоявшееся участие С. Ф. Платонова в общеобразовательных учительских курсах в Новгороде.

Курочкина Т. Н. Штрихи к биографии В. С. Пономарева.

Соколов П. А. Обзор документов ГАНИНО по истории латышского населения Новгородской губернии в 20-е гг. XX в.

Чечельницкая Е. С. Вестник Новгородского земства как источник по истории образования в России (1899–1906).

Шапиро С. М. Документы личного происхождения 1940–1941 гг. (переписка К. В. Минутина, О. М. Сизовой и Л. Н. Леонтьева).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	Академия наук СССР
ВКП(б)	Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВНЗ	Вестник Новгородского земства
ВУЗ	Высшее учебное заведение
ГАНО	Государственный архив Новгородской области
ГОКУ	Государственное областное казённое учреждение
ГАНИНО	Государственный архив новейшей истории Новгородской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГК	Городской комитет, горком
ИГУМ	Гуманитарный институт
МГУ	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
НГОМЗ	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НГПИ	Новгородский государственный педагогический институт
НГУИ	Новгородский государственный учительский институт
НИС	Новгородский исторический сборник
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НовГУ	Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
НЭП	Новая экономическая политика
ПВО	Противовоздушная оборона
ПКНГ	Памятная книжка Новгородской губернии
ПСЗ	Полный свод законов Российской империи
РАН	Российская Академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	Российская государственная библиотека
РГИА	Российский государственный исторический архив
РККА	Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	Российская Коммунистическая партия (большевиков)
СПБИН РАН	Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ЦК	Центральный комитет

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абейдинов Максим Станиславович – студент 3 курса направления подготовки 46.03.01 «История» ИГУМ НовГУ.

Андреева Вера Николаевна – заведующая отделом по работе с гражданами, организациями-источниками комплектования ГАНИНО. *E-mail: ipd-ganino@yandex.ru.*

Бакочина Градислава Иосифовна – пенсионер (Великий Новгород).

Башмакова Ирина Константиновна – магистрант 1 курса направления подготовки 46.04.01 «История» ИГУМ НовГУ. *E-mail: bashmacok19@mail.ru.*

Васильев Ярослав Анатольевич – к. и. н., к. э. н., старший научный сотрудник Новгородской группы СПБНИ РАН, доцент кафедры истории России и археологии ИГУМ НовГУ. *E-mail: yaroslav.vasilev@novsu.ru.*

Витушкин Сергей Федорович – заведующий отделом публикации документов ГАНИНО, главный редактор Новгородской областной Книги Памяти. *E-mail: kp_vitush@mail.ru.*

Десятков Константин Станиславович – к. и. н, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ИГУМ НовГУ. *E-mail: des-con@yandex.ru.*

Егорова Светлана Петровна – старший научный сотрудник отдела по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение ГАНИНО. *E-mail: ipd-ganino@yandex.ru.*

Ивлев Денис Михайлович – председатель Вышневолоцкого краеведческого общества имени М. И. Сердюкова, член Союза писателей России. *E-mail: denivlev69@yandex.ru.*

Ильина Ангелина Александровна – старший научный сотрудник отдела по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение ГАНИНО. *E-mail: ipd-ganino@yandex.ru.*

Киселева Ирина Васильевна – главный архивист отдела научно-справочного аппарата ГАНО. *E-mail: gougano@yandex.ru.*

Колотушкин Валерий Геннадьевич – заведующий отделом по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение ГАНИНО. *E-mail: vgk85@mail.ru.*

Корешкова Татьяна Александровна – к. и. н., заведующая отделом научно-справочного аппарата и информационных технологий ГАНО. *E-mail: gougano@yandex.ru.*

Кошелев Анатолий Вячеславович – д. ф. н., доцент, старший научный сотрудник отдела использования документов ГАНО. *E-mail: anatoly.koshelev@yandex.ru.*

Матвеев Олег Владимирович – к. и. н., доцент кафедры истории России и археологии ИГУМ НовГУ. *E-mail: oleg.matveev@novsu.ru.*

Митрофанов Виктор Владимирович – д. и. н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Некоммерческой автономной организации высшего образования «Университет при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург). *E-mail: viktor-n1962@mail.ru.*

Несин Михаил Александрович – к. и. н., редактор журнала «Novogardia» (Санкт-Петербург). *E-mail: petergof-history@yandex.ru.*

Никитина Ангелина Владимировна – магистрант 1 курса направления подготовки 46.04.01 «История» ИГУМ НовГУ.

Рукавичникова Валентина Викторовна – к. ф. н., главный библиотекарь, заведующая фондом ценной и редкой книги Научной библиотеки НовГУ. *E-mail: Val.Ruc@novsu.ru.*

Соколов Павел Алексеевич – магистрант 1 курса направления подготовки 46.04.01 «История» ИГУМ НовГУ, научный сотрудник отдела использования документов ГАНО. *E-mail: sokolovpa1998@yandex.ru.*

Федорук Наталья Сергеевна – к. и. н., доцент кафедры истории России и археологии ИГУМ НовГУ. *E-mail: natalya.fedoruk@novsu.ru.*

Чечельницкая Елизавета Сергеевна – студентка 4 курса направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) профиль История и обществознание» ИГУМ НовГУ. *E-mail: lisok.9967@gmail.com.*

Шапиро Станислав Маркович – учитель истории МБОУ «Лицей-интернат» (Великий Новгород). *E-mail: staschapiro@mail.ru.*

Шилина Виктория Викторовна – учитель истории МАОУ СОШ № 1 им. А. М. Денисова п. Хвойная Новгородской области.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
----------------------	---

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Д. М. Ивлев

Матвей и Василий Гагарины, Адриан Гаутер и их роль в создании Вышневолоцкой системы судоходства в 1702–1708 гг.	6
---	---

А. В. Никитина

Присяга служителей Новгородского архиерейского дома в 1730–1731 гг.	17
--	----

О. В. Матвеев

Новгородские военные поселения при Николае I (1825–1831).....	24
---	----

А. В. Кошелев

Цикл стихотворений Ивана Можайского о новгородских обывателях (заметки к теме).....	29
--	----

И. К. Башмакова

Виды учреждений для беспризорных и безнадзорных детей в Новгородской губернии в 1917–1927 гг.	43
---	----

Я. А. Васильев

Пенсионная касса служащих бывших земских учреждений Новгородской губернии в 1918 г.	48
---	----

А. А. Ильина

Кружки рабочих и сельских корреспондентов в Новгородской губернии в 1920-х гг.	55
--	----

П. А. Соколов

Экономическое развитие латышских колоний Новгородской губернии и Новгородского округа Ленинградской области в 1920-е гг.	65
--	----

Н. С. Федорук

Отражение хозяйственно-бытовых аспектов деятельности Новгородского государственного педагогического института и Новгородского государственного учительского института в приказах директора за 1933–1936 гг.	71
---	----

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

С. Ф. Витушкин

Новгородцы – кавалеры ордена Александра Невского
(источники информации и судьбы героев)..... 85

С. П. Егорова, В. Г. Колотушкин

Производственная деятельность комбината «Красный керамик»
в годы Великой Отечественной войны (по документам
фонда ГАНИНО № 260 «Новгородский областной комитет
КП РСФСР»)..... 91

М. С. Абейдинов

Деятельность исполнительного комитета Ленинградского
областного совета депутатов трудящихся
по восстановлению Новгорода (февраль-июнь 1944 г.) 106

ОБЗОРЫ

И. В. Киселева

Обзор документов фонда № Р-4607 «Макейкина Рената Петровна (р. 1940),
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
доцент кафедры архивоведения
Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого» 113

В. Н. Андреева

Обзор архивного фонда ГАНИНО «Владимир Петрович Никуличев
(1922–2011), журналист, ветеран Великой Отечественной войны,
редактор областной газеты «Новгородская правда»,
заслуженный работник культуры РСФСР» 123

В. В. Рукавичникова

Фонд личных коллекций в библиотеке Новгородского государственного
университета имени Ярослава Мудрого 127

Е. С. Чечельницкая

Вестник Новгородского земства как источник по истории образования
в Новгородской губернии 139

ПУБЛИКАЦИИ

<i>М. А. Несин</i> Синодик XVII века новгородского Юрьева монастыря.....	145
<i>Т. А. Корешкова</i> И. Ф. Штукенберг и «Памятные книжки Новгородской губернии» о промысловых занятиях населения. 1858–1880 гг.....	147
<i>В. В. Митрофанов</i> «Бурга – родная сестра Петербурга»: из «Воспоминаний» А. Я. Садовского	155
<i>А. Я. Садовский</i> Служба в Бурге Новгородской губернии: из «Воспоминаний»	157
<i>В. В. Шилина</i> «Не мы одни, крещенных много за царя и за родину стоим»: письма из 1915 г.	188
<i>С. М. Шапиро</i> Переписка К. В. Минутина, О. М. Сизовой И Л. Н. Леонтьева.....	212
<i>Г. И. Бакочина</i> Мы – Новгородцы. Воспоминания.....	250
Статьи и публикации в сборниках «Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования» (2010–2020).....	261
Список сокращений	277
Сведения об авторах	278

Научное издание

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВГОРОДА И НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И НАУЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

*Материалы Двадцатой научной конференции
историков-архивистов
24 декабря 2020 г.*

Редакторы: *Я. А. Васильев, В. В. Рукавичникова*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 26.01.2024. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,4. Уч.-изд. л. 17,6. Тираж 500 экз. Заказ № 26012024.
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано: ИП Копыльцов П. И.,
394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru